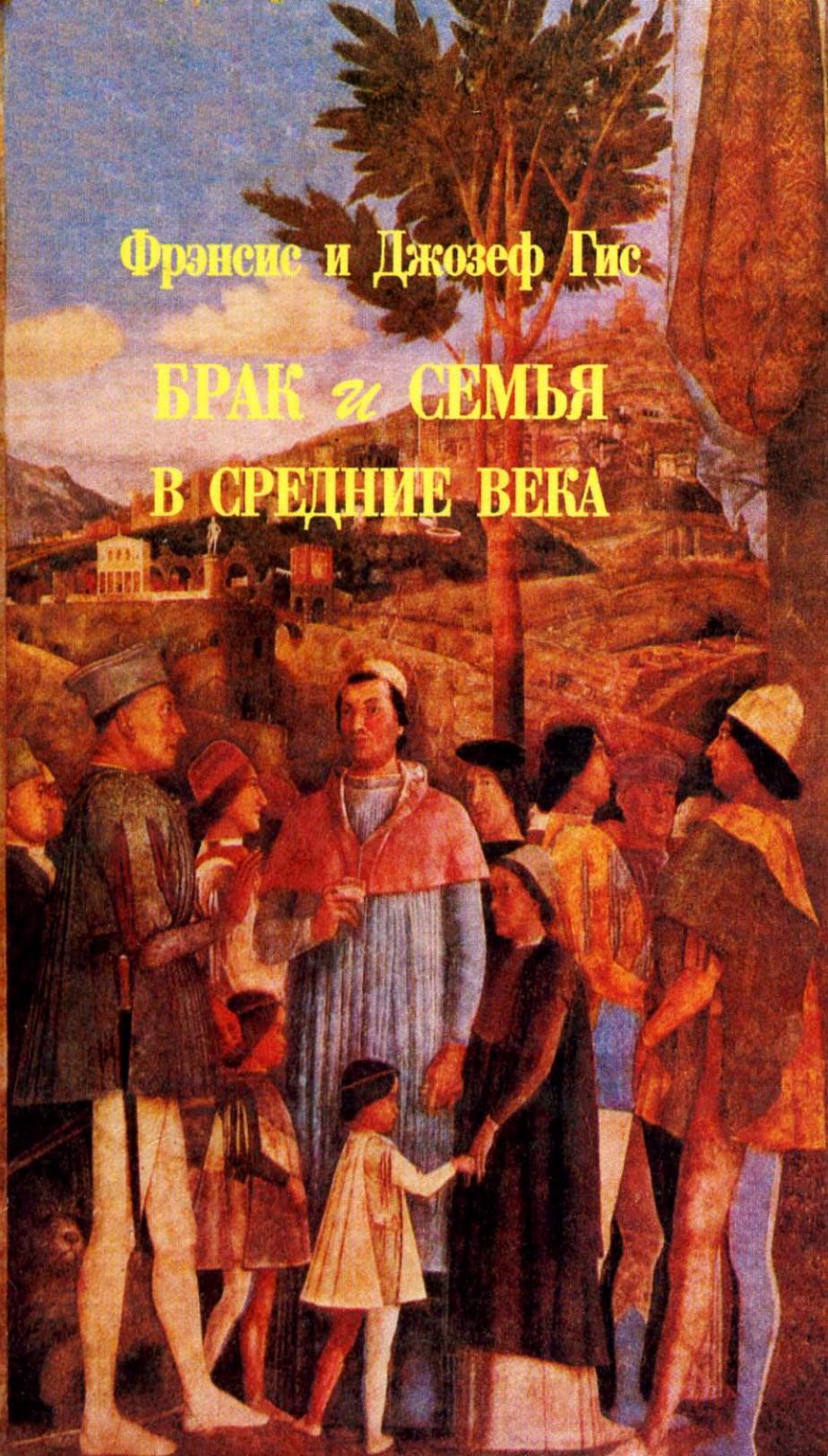

Франсис и Джозеф Гис

**БРАК и СЕМЬЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Памяти Тома

.

Frances and Joseph Gies

**Marriage and the Family
in the Middle Ages**

1817

HARPER & ROW, PUBLISHERS

Фрэнсис и Джозеф Гис

**БРАК и СЕМЬЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

ББК 63.3(0)4

Г 51

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия и Института «Открытое общество» — Будапешт

Публикуется по соглашению
с Harper Collins Publishers, Inc.

Перевод с англ. *Е.А.Мельниковой*

Гис Ф., Гис Дж.

Г 51 **Брак и семья в Средние века / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 384 с.**

На основе исследований разножанровых источников в книге сделана попытка выявить основные тенденции развития брака и семьи в среде знати, среднего класса, крестьян и ремесленников на протяжении тысячи лет Средневековья (500—1500). Начиная с двойного наследия римского и германского миров и влияния раннехристианской церкви, авторы прослеживают существование семьи в первые пять веков Средневековья вплоть до 1000 года, когда в ее форме и организации происходят важные изменения, и далее в развитое Средневековье до трагедии Черной Смерти и, наконец, до XV в. и начала Нового времени. В работе отмечаются изменения в восприятии семьи, в ее общественной роли и в ее отношениях с более крупными родственными группами, в составе домохозяйства, во влиянии церковных представлений о браке, в распределении власти внутри семьи, в распоряжении ее собственностью и в ее окружающей среде, а также рассматриваются семейные чувства и отношения к сексу.

© 1987 by Frances and Joseph Gies

© Перевод. «Российская политическая энциклопедия», 2002

ISBN 5-8243-0371-1

Эта книга написана в результате исследований в Библиотеке Харлана Хэтчера в Мичиганском университете.

Авторы еще раз приносят благодарность профессору Брауновского университета Дэвиду Херлихи за чтение рукописи и ценные предложения.

I.
ИСТОКИ

Глава 1

ИСТОРИКИ ОТКРЫВАЮТ СЕМЬЮ

В социальной истории нет более всепроникающей структуры, нежели семья — та общая среда, в которой человеческое существо учится есть, ходить и говорить, осознает свою идентичность и приобретает навыки поведения. Любая известная нам культура прошлого и настоящего включала институт семьи — необходимый для выживания человека и общий знаменатель общества.

Сегодняшняя семья, меняющаяся даже в то время, когда мы пишем эту книгу, является продуктом человеческой истории, ее эволюций и революций. Некоторые события, наложившие свой отпечаток на семью, были относительно скоротечны и драматичны, например, индустриальная революция, воздействие которой анализировалось не один раз. Другие — были медленны и неочевидны, как, например, разносторонние изменения, произошедшие за тысячелетие Средневековья. Они меньше привлекали к себе внимания, но преобразовали семью кардинально и на длительное время.

При изучении истории семьи с самого начала возникает проблема: неясность самого термина *семья*. В современном употреблении это слово имеет три значения: линияж, или последовательная цепь (ряд) потомков; живущие одновременно биологические родственники данного человека, включая родителей, братьев и сестер, дедов, тетей и дядей, кузенов, проживающих как совместно, так и раздельно; и, наконец, наиболее часто — родители (или один из родителей) и дети, живущие вместе, — нуклеарная, супружеская, или простая семья, составляющая единое хозяйство. Мы привычно отождествляем супружескую семью с хозяйственной единицей, поскольку в современном обществе они, как правило, совпадают, но это совпадение не обязательно. Для антропологов и историков разработка удовлетворительных определений, охватывающих

все многообразие этих явлений, представляет большую сложность¹. Включает ли «домохозяйство» всех не связанных родством лиц, живущих под одной крышей, или всех родственников, живущих в одном имении, но в различных помещениях?

Слово *семья*, понимаемое как связанная местом жительства и общим биологическим происхождением единица, относительно ново. До XVIII в. ни в одном европейском языке не было термина для обозначения группы, состоящей из отца, матери и детей. Значение латинского *familia* — группа людей, живущих в одном доме, включая слуг и рабов, — восходит к индоевропейскому корню, означающему «дом» и сохраняется с римского времени на протяжении всего Средневековья и вплоть до раннего Нового времени². Обычно *familia* была велика, и иногда большая часть ее членов не была связана биологическим родством, как, например, *familia* короля, крупного аристократа, епископа. Кровное родство играло важную роль в обществах прошлого, значительно более важную, чем оно играет ныне, но границы семьи были более размыты. Супружеская ячейка не существовала изолированно, как сегодня; поэтому она не нуждалась в особом наименовании.

Ни историки, ни антропологи не выдвинули и общего термина для обозначения других видов семьи помимо супружеской. «Расширенная семья» (*extended family*) — термин, нередко используемый некорректно, — строго говоря относится к определенному виду домохозяйства, то есть к родственникам, живущим под одной крышей, включая братьев, овдовевших родителей, племянников и племянниц или других родственников, а не только к супругам и их детям. Для более же широкой семейной группы, состоящей из различных родственников, живущих порознь, вообще не существует обозначения, хотя в антропологии имеются термины для ее некоторых специфических форм. Эта более крупная семейная группа, игравшая особенно большую роль в доиндустриальном обществе, может быть названа большой семьей, или супер-семьей (*supra-family*).

Исследования родственных отношений и семьи начались примерно сто лет назад тремя блестящими антропологами-любителями: Дж. Ф. МакКленнаном,

сэром Генри Мэйном в Англии и Льюисом Генри Морганом в Соединенных Штатах Америки. По их следам пошли социологи, один из первых — француз Фредерик Ле Плэ, инженер по профессии, также был любителем. В 1871 г. Ф. Ле Плэ опубликовал книгу о европейской семье недавнего прошлого, в которой восхвалялась «родовая семья», объединявшая три поколения: родителей, старшего сына с его семьей и младших неженатых братьев и незамужних сестер, живущих совместно. Ф. Ле Плэ идеализировал «традиционную» семью, считая ее стабильной, высоко моральной, авторитарной, ответственной, подчиняющей интересы индивида благополучию коллектива, и противопоставлял ее малой пост-индустриальной семье, состоящей только из родителей и детей. Последнюю он характеризовал как нестабильную и эгоистично-индивидуалистическую. Он обвинял ее в замене родственных чувств безличностными внешними отношениями и самопожертвования в интересах семьи (т.е. позднего брака или безбрачия) — сексуальным удовольствием³. Социальный реформатор и человек консервативных взглядов, Ф. Ле Плэ призывал вернуться к старым обычаям ради общественного блага, морали и семьи. В последующие годы многие исследования семьи вносили исправления в созданную Ф. Ле Плэ картину доиндустриальной семьи.

Спустя почти столетие после Ф. Ле Плэ другой любитель, француз Филипп Арьес, по его собственным словам, — «историк по воскресеньям» (*historien de dimanche*), пробудил широкий интерес как историков, так и читающей публики, публикацией книги «Столетия детства» с подзаголовком «Социальная история семейной жизни» (1960 г.). Опираясь на изобразительные и литературные источники, Ф. Арьес утверждал, что концепция детства как особого этапа жизни появилась не ранее XVI—XVII вв., когда ребенок стал центром новой, тесно сплоченной нуклеарной семьи. Его оценка современной семьи недалеко ушла от Ф. Ле Плэ: по его мнению, то, что семья выиграла от изолированности и внутрисемейной близости, перевешивается тем, что она потеряла в «социальности» и чувстве солидарности. Вместе с тем Ф. Арьес расходится с Ф. Ле Плэ, утверждая, что нуклеарная семья усилила подчинение индивида и тем самым скорее

обуздала развитие индивидуализма, нежели благоприятствовала его усилению. Более того, Ф.Арьес считает индивидуализм желательным⁴.

Книга Ф. Арьеса стимулировала академические исследования историков. За ней последовали три работы по истории семьи, оказавшие значительное влияние на дальнейшее изучение темы. Все они ограничивались ранним Новым временем (преиндустриальным периодом), причем две основывались на английском материале, третья — на западноевропейском, но все они до определенной степени повторяли основной тезис Ф. Арьеса. Это книги Питера Ласлетта «Мир, который мы потеряли: Англия в доиндустриальную эпоху» (1965), Эдуарда Шортера «Становление современной семьи» (1975) и Лоуренса Стоуна «Семья, секс и брак в Англии. 1500—1800 г.» (1977). В начале 1970-х годов кембриджская группа П. Ласлетта по изучению населения и социальных структур опубликовала книгу «Домохозяйство и семья в прошлом», а также серию статей, излагающих результаты сравнительного исследования семьи и хозяйства с XVI в. по настоящее время⁵. Продолжают появляться и другие работы, освещающие проблему на материале различных национальных культур⁶.

Таким образом, история семьи является совершенно новой дисциплиной. Львиная доля внимания историков вначале уделялась раннему Новому времени (с 1500 по 1750 г.). Однако после 1970 г. ряд способных медиевистов обратился к исследованиям семьи и связанных с нею проблем в отдельных регионах, у разных социальных классов и в различные хронологические периоды. В то же время все Средневековье охватывает лишь один общий обзор — труд американского ученого Дэвида Херлихи «Средневековое домохозяйство» (1985)⁷. Были также опубликованы доклады западноевропейских историков, прочитанные на конференции «Семья и родство на средневековом западе» (Париж, 1974) и посвященные в основном семьям знати⁸. Две книги о браке в Средние века написал Жорж Дюби⁹. Ценные данные содержат несколько работ, посвященных положению средневековых женщин¹⁰. Демографические исследования по материалам позднесредневековой Италии проведены в первую очередь Дэвидом Херлихи и Кристиан Клапиш-Зубер¹¹; Дэвид Николас

опубликовал исследование семьи в Генте XIV в.¹²; Барбара Ханавальт — книгу об английской крестьянской семье в позднее средневековье¹³. В многочисленных научных статьях рассматриваются различные аспекты или региональные преломления этой темы. Мы теперь знаем о средневековой семье несравненно больше, чем предшествующее поколение, но все же значительно меньше, чем хотелось бы знать.

Обращение к проблеме брака и семьи в Средние века поднимает ряд фундаментальных вопросов, которые можно кратко суммировать под десятью условными заголовками. Именно они и составят основные направления исследования в данной книге.

1. *Понятие.* Каково было восприятие семьи в Средние века? Как она рассматривалась и определялась? Внешние факторы, такие, как экономическое давление и уровень смертности могли определять реальный размер и форму семьи, но «идеальный» состав семьи, нашедший отражение в обычаях и наследственном праве, оказывал сильнейшее воздействие на отношения и родственные связи, так же как и на поступки: кто женился и в каком возрасте, кто оставался дома, кто занимал главенствующее положение в семье.

2. *Функция.* Социологи выделяют две функции семьи в современном обществе: «социализация» ребенка и направление в желательное для общества русло сексуальных и эмоциональных потребностей взрослых. Однако в прошлом семья выполняла и другие чрезвычайно важные функции. Она являлась организацией, дававшей индивиду защиту, политической единицей, школой, судебным органом, церковью и производственной ячейкой. С течением веков эти функции одна за другой отходили к иным институтам современного общества: государству, церкви, промышленности.

3. *Тип родственной системы,* к которой принадлежит семья. В современных западных обществах большие родственные группы — потомственный линияж и сеть живущих родственников — не имеют большого значения. В Средневековье, как и в большинстве обществ прошлого, они играли основополагающую роль. Словарь терминов родства, заимствованный историками у антропологов, еще не устоялся и далеко не удов-

летворителен, но большие группы потомков, считающих, что они восходят к одному предку, обычно называются кланами; более мелкие группы, в которых восхождение к одному предку может быть реально прослежено, — линияжами. Сеть родственников индивида называется родом. Клан существует независимо от его членов и может владеть землей и иметь политическую власть. Напротив, род не существует как самостоятельная структура, он реализуется только по отношению к конкретному индивиду. Род и клан (или линияж) могут сосуществовать, и в Средние века они, действительно, часто сосуществовали.

Кланы или линияжи патрилинейны, если преемственность прослеживается по мужской линии, и матрилинейны, если отсчет ведется по материнской линии. Отмечается, что родственная сеть является «эгоцентричной», поскольку ее состав отличается для каждого из индивидов, входящих в нее, за исключением братьев и сестер. Роды определенного сообщества образуют ряд перекрывающихся друг друга кругов. Род может быть в определенных целях назван билатеральным, или когнатическим, если он включает родственников как с отцовской, так и с материнской стороны, патрилинейным (по отцовской линии) или матрилинейным (по материнской линии).

В доиндустриальном обществе важную, зачастую определяющую роль в передаче имущества, выборе брачных партнеров, защите индивида и семьи, судебных процессах и многих других областях повседневной жизни играли оба типа родственных групп.

4. Размер и структура. Это предмет, которому историки уделили много внимания, пытаясь классифицировать основные типы семьи. В какой-то момент было признано, что с начала Средних веков и по настоящее время семья претерпевает «прогрессивную нуклеаризацию» — прямолинейную эволюцию от клана к расширенной семье и далее к нуклеарной семье. Однако последние исследования выявили совершенно иную картину.

Л. Стоун в 1977 г. выдвинул теорию о трех исторических типах семьи: большая «открытая линияжная семья», которая, по его мнению, преобладала на протяжении всего Средневековья; меньшая по размеру «ограниченная патриархальная нуклеарная семья»

(XVI—XVIII вв.); и современная «закрытая, привязанная к дому нуклеарная семья»¹⁴.

Кембриджская группа П. Ласлетта пошла иным путем, разделив домохозяйства раннего Нового времени на три категории: простое (нуклеарное или супружеское); расширенное (супружеская пара плюс овдовевший родитель, братья, сестры, племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры); составное (две или более супружеские пары, состоящие в родстве). Самой распространенной формой, по крайней мере с XVI столетия и позже, П. Ласлетт считал нуклеарную семью. Это была та форма, в которой проходила социализация большинства людей в детстве и которую они соответственно стремились воспроизвести, став взрослыми. Тем самым П. Ласлетт усматривал в длительном доминировании нуклеарного семейного домохозяйства результат поведенческого обучения его членов¹⁵.

Историк семьи Роберт Уитон отверг классификацию П. Ласлетта как слишком статичную и основанную на количественных показателях и предпочел столетней давности классификацию *систем* домохозяйств Ф. Ле Плэ: нуклеарная система, при которой дети, женившись, покидали дом; родовая система, при которой один из женившихся детей оставался дома; составная система, при которой в доме оставалось несколько женатых детей. В этой классификации учитывается цикл развития семьи — изменения в ее размере и структуре по мере старения родителей, взросления и вступления в брак детей¹⁶.

Американский социолог Мэрион Леви выдвинула любопытную гипотезу. Доминирование супружеской семьи (супружеская пара или родители и дети) «во всех известных в мировой истории обществах» может быть результатом не социальной психологии, т.е. поведенческого образования, а естественных факторов. Высокая смертность в доиндустриальном обществе делала невозможным существование каких-либо иных, более крупных видов семьи. В переходных обществах с несколько улучшенными санитарными условиями, медициной и общей технологией реальная структура семьи может приблизиться к идеальной, но одновременно она может порождать экономические и психологические стрессы, которые вызывают обратный эф-

фект. Наконец, общества, оснащенные современными технологиями, которые делают идеальную большую семью легко достижимой, парадоксальным образом отказались от нее в пользу нуклеарной семьи, которую и возвели в идеал¹⁷.

5. *Экономическая основа семьи.* В доиндустриальном мире семья была главной производственной ячейкой в сельском хозяйстве, ремесле и торговле. В периоды расцвета античного, средневекового и общества раннего Нового времени богатые аристократические семьи, владевшие землей, выполняли административные (менеджерские) функции, и их контроль за собственностью и ее эксплуатация были связаны со структурой семьи и обычаями наследования. Крестьянская семья распределяла свой труд в соответствии с возрастом и полом и, как и знать, контролировала и передавала по наследству свое имущество установленными способами. В городах семьи осуществляли различные операции в производстве кожи и тканей (прядение, ткачество, обработка тканей), дерево- и металлообработке, изготавливали разнообразные продукты ремесла, причем муж и жена обычно выступали в качестве партнеров.

6. *Брак.* Изменения процессов образования семьи легко различимы и относительно хорошо изучены. В современных развитых странах в процедуру заключения брака вовлечены только сами заинтересованные лица с обеих сторон: жених и невеста. Согласие родителей, хотя и желательное, не является обязательным. Церковь может участвовать, но может и не участвовать в заключении брака. Государство дает разрешение на брак и определяет условия владения имуществом и его наследования. Частные соглашения о распределении имущества — такие, как брачный контракт, являются исключениями даже среди богатых людей.

В прошлом ситуация сильно отличалась от современной. Вступающая в брак пара обычно была наименее активным участником процедуры заключения брака; основная роль отводилась родителям и другим родственникам, церкви, общине (через местные обычаи и традиции), часто соперничавшим друг с другом. Роль самой брачной церемонии со временем менялась, но обряд бракосочетания как таковой обычно уступал по значению имущественным соглашениям между двумя семьями.

В прошлом, как и в настоящем, брак был почти всегда экзогамен, т.е. заключался почти исключительно между людьми не состоящими в определенных, установленных степенях родства. Во многих обществах, изучаемых антропологами — африканских, тихоокеанских, индейских — экзогамия на деле предполагала выбор брачного партнера из определенной нисходящей группы или конкретной категории кузенов. В Европе же исторического времени и в Америке экзогамия была пассивной, устанавливающей только степени родства, при которых людям запрещалось вступать в брак.

Экзогамию обычно путают с табуированием инцеста, но это два разных, хотя и частично пересекающихся понятия. Экзогамия относится только к браку, инцест — к сексуальным отношениям как в рамках брака, так и вне его. Экзогамия запрещает брак индивида внутри его собственной родственной группы в противоположность эндогамии, которая требует брака внутри своей родственной группы. Инцест обозначает сексуальные отношения между родственниками определенных категорий — родителями и детьми, родными и двоюродными братьями и сестрами, ближайшими свойственниками или другими. Экзогамия и эндогамия часто имеют рациональные основания: необходимость союзов между семьями и упорядоченное распределение брачных партнеров внутри общины. Табуирование инцеста до сих пор не поддается вполне убедительному и общепринятому объяснению психологов, антропологов и социологов. (Даже если они и справедливы, современные объяснения, апеллирующие к нежелательным генетическим последствиям, не могли возникнуть в ранних обществах)¹⁸.

В разные времена степени родства, допускающие брак, определялись по-разному; неодинаковым было и понимание природы родства. Теоретически родство равнозначно кровнородственным отношениям, но многие его параметры детерминированы данной культурой. В некоторых обществах внебрачные дети не считаются членами семей родителей; в других они признаются таковыми. В некоторых культурах усыновление создает правовое, или искусственное родство. Другие виды не кровнородственных отношений, духовные или ритуальные, например ~~связь с крестным~~

отцом или матерью или братство по сообществу, могут рассматриваться как кровное родство и подвергаться тем же самым табу.

На протяжении всего исторического времени брак предполагал перемещение денег и имущества от одной семьи к другой или от одного индивида к другому. Эти перемещения распадаются, грубо говоря, на три категории:

1. «Цена невесты», или выкуп за невесту — деньги, выплачиваемые претендентом отцу невесты, чтобы компенсировать ему утрату власти над невестой.
2. Приданое деньгами и/или имуществом, даваемое жениху семьей невесты; оно нередко состояло из ее доли наследства.
3. Обеспечение невесты женихом или его семьей, включающее вклад, непосредственно доступный невесте, а также ее вдовью часть, т.е. особую долю имущества жениха, которая должна была дать ей средства к существованию в случае вдовства.

Сопровождающие эти перемещения имущества условия со временем менялись, выкуп за невесту иногда получала сама невеста, а не ее отец, а приданое и вдовья часть могли по-разному соотноситься. Изменения удельного веса тех или иных форм брачных соглашений остаются одним из далеко не полностью понятых элементов истории брака¹⁹.

Хотя на современный взгляд озабоченность вступающих в брак сторон экономическими вопросами кажется неоправданным меркантилизмом, для семей, жизнь которых полностью зависела от земли, подобное внимание было неизбежным и первоочередным. Современное индустриальное общество предоставляет молодым людям, собирающимся вступить в брак, множество возможностей, традиционное же, основанное на земельных отношениях общество таких возможностей не давало. Единственной материальной основой семьи было наследование земли и вклады родственников.

Со временем менялись и правила разводов. Развод мог состояться по инициативе только мужа, мужа или жены, совместно мужа и жены, по условиям, выдвину-

тым церковью или государством или брак мог считаться вообще нерасторжимым ни при каких условиях.

7. *Отношения внутри семьи*: власть, возрастные роли, чувства и привязанности, секс. Эгалитарная семья, в которой муж и жена делят власть и в которой демократические порядки распространяются в определенной степени и на детей, является современным изобретением. В прошлом неоспоримой властью, вплоть до права на жизнь и смерть домочадцев обладали отцы. Зажиточные семьи, как правило, были более авторитарны, бедные, в которых экономический вклад жены был необходим для поддержания жизни, — в меньшей степени. Разница в возрасте мужа и жены также играла свою роль: мужья, которые были на несколько лет старше жены, обычно имели больше власти.

Эмоциональные отношения внутри семьи в историческое время, как и ее структура и размер — предмет дискуссий среди историков и социологов. Делая свое вызывающее утверждение — «в средневековом обществе детства не существовало», Ф. Арьес тут же уточнял: «Это не значит, что детьми пренебрегали, их бросали на произвол судьбы или их презирали». Тем не менее на основании ограниченного материала XVII в. он полагает, что детская смертность была серьезным препятствием для сильных родительских чувств: «люди не могли себе позволить слишком сильно привязаться к чему-либо, что они, вполне вероятно, должны были потерять»²⁰.

Э. Шортер сделал предложенную Ф. Арьесом негативную картину средневекового детства еще более мрачной: он утверждает, что «материнское безразличие к младенцам было типичным для традиционного общества». По мнению Э. Шортера, «заботливое отношение матери к ребенку — изобретение века модернизации» и среди низших классов отцовское «безразличие» к ребенку захватило и XIX в.²¹ Представление о том, что в прошлом детьми систематически помыкали, доведено до трагизма психологом Ллойдом ДеМосом в предисловии к изданному им сборнику статей «История детства» (1976): «История детства — это кошмар, от которого мы только недавно начали просыпаться. Чем дальше мы опускаемся вглубь веков, тем ниже уровень заботы о ребенке и тем вероятнее, что ребе-

нок будет убит, брошен, избит, затравлен и изнасилован»²². Если Л. ДеМос прав, то удивительно, что человеческий род сохранился.

При обращении к валу появившихся в последние годы работ о детстве, большинство из которых детализирует мрачную картину Л. ДеМоса, историк Линда Поллок обнаружила любопытное обстоятельство: каждый из авторов отмечает, что к концу рассматриваемого им периода (обычно длительного) ситуация меняется к лучшему. Иногда улучшение происходит в XVII в., иногда в XVIII, XIX или даже в XX в. Л. Поллок сделала и другое, еще более красноречивое открытие: когда бы исследователь не обратился к относительно короткому периоду времени и не использовал бы сам первичные источники, он неизбежно приходит к выводу о совершенно ином отношении к детям, чем то, которое рисуется Л. ДеМосом: детей ценили и с ними хорошо обращались²³.

Предполагалось, что семейные чувства в прошлом отсутствовали не только в отношениях родителей и детей, но и между другими родственниками. Э. Шортер и Л. Стоун поставили под вопрос существование привязанности и любви между мужем и женой до начала индустриальной эпохи. Это предположение подверглось критике в научных работах, но умудрилось завоевать популярность части публики.

Исследование человеческих эмоций прошлого — бесспорно трудная задача. Американские специалисты в области социальной истории Питер и Кэрол Стерн в статье в *American Historical Review* (1985) предложили выделить новую субдисциплину — «эмоциологию», указывая, с одной стороны, на то, что мы не можем «принять без доказательств, что люди прошлого имели тот же эмоциональный опыт, что и мы», но, с другой стороны, что «любовь в прошлых обществах могла и не столь отличаться, как то подсказывает современному исследователю словарь, воспитание детей и куртуазное поведение. Кроме того, чувство любви могло быть более рассеянным, но оттого не менее реальным». Недавний спор историков о принципах восприятия и отражения прошлого современными исследователями приобретает новый смысл по мере того, как наблюдатели конца XX в. пытаются проникнуть в эмо-

циональную жизнь знати, крестьян и ремесленников далеких времен²⁴.

Секс, во все времена важный элемент семейной жизни, столь же тяжело поддается обнаружению и исследованию, как родительская любовь, несмотря на то, что данные распадаются по нескольким направлениям: брачный возраст, придворные обычаи, способы контрацепции, отношение к мастурбации, проституции, внебрачному сексу. Такие мыслители XIX в., как З. Фрейд и Ф. Энгельс полагали, что от Средних веков к современности нарастало все более эффективное подавление сексуальности. Э. Шортер, напротив, выдвинул концепцию сексуальной революции конца XVIII в.²⁵ Жан-Луи Фландрен проследил более сложную эволюцию: поздние браки в XVI в. вызывали у молодых людей напряженность, которая находила выход в условиях городской жизни — в проституции и насилии, а в деревне — в формализованной добрачной сексуальной игре; подавление этих выходов в XVII в., по мнению Ж.-Л. Фландрена, привело к «интернализации» сексуальных побуждений²⁶.

8. *Контроль над размером семьи.* В новейшее время контроль над размером семьи стал общепризнанным императивом. В прошлом он также был необходим для массы населения из-за ограниченности экономических ресурсов, а проблемы, связанные с наследованием, иногда обуславливали его желательность и для имущих. Поздние браки были способом сократить репродуктивный период. В прошлом широко практиковались аборты; детоубийство в некоторых обществах считалось законным, а в большинстве других реализовывалось на практике. Использовались различные способы контрацепции. Наконец, принималось или накладывалось в виде наказания половое воздержание.

9. *Отношение к престарелым и смерти.* На протяжении столетий отношение семьи к завершающему периоду жизненного цикла менялось. В некоторых культурах главенство имела молодость, в других — властью и достоинством наделялся возраст. Со старческими немощами обходились разными способами. Взгляды на смерть радикально изменились: от «прирученной смерти» традиционных обществ, которую описал Ф. Арьес в книжке «Западные отношения к смерти» — смерть открыто ожидают и к ней готовятся, до «запре-

тной смерти» современности, о которой не упоминают и которую нельзя упоминать²⁷.

10. Физическое окружение. В этом отношении семья претерпела исторические изменения: архитектура жилища влияла на уединенность, комфорт, пространство, занимаемое семьей в общине, и отношения с другими семьями. В домах начали разделяться жилые помещения: гостиные, спальни, столовые. В них обособляются помещения для родителей, детей, слуг и животных. Дома как богатых, так и бедных в городах и в сельской местности обычно включали рабочее пространство в жилое. Взаимодействие членов семьи во многом зависело от обстановки, обогрева и освещения: постели, обеденного стола и другой мебели, камина (замечательное средневековое изобретение), окон, свечей и масляных светильников.

Хронология подавляющего большинства исследований истории семьи охватывает раннее Новое и Новое время из-за обилия доступных источников: писем, дневников и мемуаров, биографий, художественной литературы, проповедей и моралистических трактатов, портретов, иллюстраций и карикатур; изделий и памятников архитектуры; правовых документов, судебных записей и данных переписей.

Источниковая база для изучения Средневековья, напротив, значительно менее обильна и еще менее ясна. Для раннего Средневековья она ограничена несколькими хрониками, фрагментами агиографических сочинений, разрозненными судебными и налоговыми записями, археологическими материалами, церковной скульптурой и надписями на могильных плитах. Средневековое искусство по преимуществу религиозно и символично, от стилизованных, хотя и экспрессивных романских скульптур до более репрезентативного готического искусства. После 1000 г. постепенно увеличивается количество письменных свидетельств, включая регистрационные записи. Для позднего Средневековья, особенно в Италии, уже существуют, хотя и в ограниченном числе, все типы источников, характерные для современности. Лишь один вид источника неизвестен почти до самого конца Средних веков — это портрет. Ф. Арьес придавал особое значение отсутствию средневековых портретов детей; на самом же деле во-

обще нет средневековых портретов кого бы то ни было, если не считать портретом условные изображения на могильных плитах. Первые портреты, королей и магнатов, начинают появляться в XV в.; семейный портрет отсутствует до XVII в.

На основе недавних исследований доступных источников, в этой книге будет сделана попытка показать основные линии развития брака и семьи в среде знати, среднего класса, крестьян и ремесленников на протяжении тысячи лет Средневековья (500—1500 гг.). Начав с двойного наследия римского и германского миров и влияния раннехристианской церкви, мы проследим существование семьи в первые пять веков Средневековья вплоть до 1000 г., когда в ее форме и организации происходят важные изменения, и далее в развитое Средневековье вплоть до трагедии Черной Смерти и, наконец, вплоть до XV в. и начала Нового времени. Мы отметим изменения в восприятии семьи, в ее общественной роли, в составе домохозяйства и в ее отношениях с более крупными родственными группами, в влиянии церковных представлений о браке, в распределении власти внутри семьи, в распоряжении собственностью и в ее окружающей среде. Одновременно мы рассмотрим семейные чувства и отношения к сексу.

Нижеследующее представляет собой квинтэссенцию и интерпретацию лучшей и наиболее полезной информации, собранной медиевистами и касающейся брака и семьи. Наше намерение — дать, насколько это возможно, людям Средневековья сказать о себе самим через документальные свидетельства.

Глава 2

КОРНИ: РИМСКИЕ, ГЕРМАНСКИЕ, ХРИСТИАНСКИЕ

Семья Нового времени является результатом исторического развития европейского Средневековья, но ее истоки коренятся в древности. В заключительный период Римской империи происходит постепенное слияние римской цивилизации и германского, или варварского общества, на которые одновременно накладывается третий элемент — христианство. Влияния других цивилизаций или религий осуществлялись почти полностью при посредстве этих трех основных компонентов. Их взаимодействие создало раннесредневековую семью и институт брака с определенными правовыми установлениями и обычаями, а также общепризнанным распределением ролей ее членов.

Ретроспективный взгляд на столкновения и переплетения трех названных элементов в века, предшествующие Средневековью, позволяет выявить главные черты этого важного периода в истории семьи. Возникнув в качестве аграрной республики (после падения древней монархии), Римское государство расширилось в результате завоеваний сначала на весь Апеннинский полуостров, а затем на все средиземноморское побережье. Ко времени жизни Христа оно выросло в полиэтничную военную империю, экономическую основу которой составлял рабский труд, с утонченной городской культурой, процветающей дальней торговлей и развитой технологией гражданского строительства. Захватывающие перипетии политической жизни сопровождались сосредоточением богатств в руках высшего класса, но лишь незначительными изменениями в повседневной жизни массы населения. Победоносные войны обеспечивали средства для знаменитых бесплатных раздач зерна, которые поддерживали и приумножали неработающий городской проле-

тариат Рима, но не оказывали воздействия на сельских жителей. Воспроизводящее сельское хозяйство с ручными орудиями труда, низко продуктивными сортами зерновых и небольшим количеством скота составляло основу труда и жизни. Фруктовые сады и виноградники дополняли производство зерновых, среди которых первое место занимала пшеница.

Классическим периодом в истории Рима, литература, искусство и обычаи которого обычно и называются собственно римскими, была эпоха Августов, с принципатом в качестве политического устройства, занимавшая место между Республикой и Империей. По прихоти судьбы именно в эту эпоху родился Христос, и потому в летосчислении она соединяет времена до Рождества и после Рождества Христова. В этот же период происходят важные изменения в римском праве и системе управления, включая судопроизводство, которые в длительной перспективе окажут значительное влияние на европейскую семью.

Спустя более двух столетий после Августа (правил в 27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) основанная им империя начала ощущать подземные толчки Великого переселения народов, которое вывело германские народы из долгих сумерек в Западную и Южную Европу. После нескольких столетий катаклизмов (вызванных не только варварами), большинство германских народов осело в Галлии, Италии и Испании, мирно соседствуя с местными жителями и постепенно сливаясь с ними в новые социальные, культурные и политические общности.

Наряду со скудными археологическими материалами наши основные источники информации о варварах — письменные памятники — датируются временем до и после Великого переселения народов. В ранний период два римлянина, Юлий Цезарь (ок. 100—44 гг. до н.э.) и Тацит (ок. 56 — ок. 120 гг. н.э.) на основе собственных наблюдений составили описания варварского мира; в поздний период — судебники франков, бургундов, лангобардов и других германских народов рисуют картину крестьянско-военного общества, сильно напоминающего общество раннего Рима.

Параллельно с Великим переселением происходило возвышение христианской церкви от бесправной, преследуемой, расколотой секты до государственной ре-

лигии Римской империи. Христианство имело чрезвычайный успех у варваров. Если римский плебс воспринимал христианство постепенно, римская знать — медленно и неохотно, то германские завоеватели различных религиозных убеждений обратились к христианству с радостным энтузиазмом, даже несмотря на то, что некоторые его доктрины сулили серьезные конфликты с варварскими обычаями, как входили эти доктрины в конфликт и с римским правом.

Римская семья

Как и греки, римляне обозначали не малую семью, состоящую из родителей и детей, а более крупные группы людей, составляющих домохозяйство (лат. *familia*, греч. *oikos*). Бедное домохозяйство могло включать родителей, детей и других родственников, таких как вдова брата или бабушка. Среднее домохозяйство имело обычно трех—четыре слуг, свободных или рабов. Богатое домохозяйство насчитывало несколько десятков человек, по преимуществу рабов; очень богатое — сотни. В республиканском Риме преобладали небольшие усадьбы, специально поддерживаемые системой наделения военных ветеранов землей, на которой солдат обычно оседал вместе с женой и детьми. Однако в период империи распространились и выросли в размере и числе крупные плантации, или латифундии.

Изначально римская *familia*, как и ее аналоги в других цивилизациях, была основной экономической, основной социальной, основной правовой, основной образовательной и основной религиозной единицей общества. Экономическая роль семьи первична, потому что ее функция как главной производственной ячейки составляла фундамент для всех прочих. Имущество являлось совместной собственностью семьи. Отдельные члены семьи, связанные и не связанные кровным родством, свободные и рабы, владели незначительным имуществом и имели мало прав как индивиды. Преступления карались внутри семьи или улаживались между заинтересованными семьями, публичное право вторгалось в семейную жизнь крайне редко — лишь в тех случаях, когда возникала угроза безопасности государства или общественного порядка¹.

Религиозные культы были настолько тесно связаны с домохозяйством и домашним очагом, что один из современных исследователей описал римскую религию как «вряд ли нечто большее, нежели спиритуализация семейной жизни»². «Высокие боги» пантеона Олимпа были скорее литературными образами нежели объектами поклонения. В римские храмы обращались по преимуществу за специальными милостями. Напротив, в каждом домохозяйстве имелся собственный частный алтарь, в котором благодаря неутомимой набожности женщин постоянно поддерживалось священное негасимое пламя. У алтаря собирались все домочадцы для поклонения ларам или пенатам, небольшому пантеону низших божеств, связываемых с предками, «человеческим душам, превращенным смертью в богов»³. В раннее время статуи лар отмечали границы земельных владений, позднее их алтари устанавливали на перекрестках дорог, таким же образом, как и придорожные распятия в Европе более позднего времени. Когда Август был обожествлен Сенатом, апофеозом его культа стало причисление его образа к ларам во всех римских домах.

При всем своем первостепенном значении *familia* не была единственным кровнородственным объединением. Предки, которые играли столь отчетливую роль в религиозных культах, принадлежали не только домохозяйству, но и роду (клану), *gens*, большой родственной группе, которая, как указывалось выше, состояла из людей, происходящих от единого первопредка, реального или мифического⁴. Римская система именования основывалась именно на этой, клановой системе. Гай Юлий Цезарь принадлежал к *gens* Юлиев, имя его отца было Цезарь, его же индивидуальное имя (*praenomen*) было Кай. Женщинам давали родовое имя в качестве индивидуального: сестра Цезаря была названа Юлией, а младшая сестра получила бы имя Юлия Младшая (*Julia Minor*)⁵.

Принадлежащие к *gens* семьи разделялись на две категории: патриции, или истинные члены *gens*, и клиенты, которые образовывали низший слой⁶. По своей структуре любая римская семья было авторитарной. Глава дома, отец, дед, дядя, рабовладелец по отношению к разным членам семьи, занимал положение мелкого абсолютного монарха и носил наименование

«отец семейства» (*paterfamilias*). Слово *pater* «отец», как и *mater* «мать», изначально не имело биологического значения, но просто описывало человека, имеющего власть, главу домохозяйства. Его власть, обозначаемая как *patria potestas* — «отеческая власть», распространялась даже на решение вопросов жизни и смерти. Новый член дома, новорожденный ребенок, невеста, новый слуга или раб, должны были быть формально приняты в дом «отцом семейства»⁷. Новорожденного клали перед ним; если он брал его на руки, ребенок принимался в семью и получал имя; если же нет, то ребенка «выставляли», то есть оставляли где-либо, и существовал шанс, что его спасут. В обществе, где не производилось почти никаких излишков, лишний рот мог представлять угрозу для выживания всей семьи. Сам Ромул, легендарный основатель Рима, вместе с братом—близнецом Ремом был брошен и спасся, вскормленный волчицей.

Paterfamilias выполнял также религиозные обряды, вершил суд и распределял работы в семье. После его смерти принадлежащая *familia* земля делилась равными долями между взрослыми мужчинами, что обеспечивало создание новых домохозяйств. Эта система делимого наследства стала возможна благодаря двум факторам: наличию свободных земель и высокой смертности, благодаря которой число наследников было невелико. Новые домохозяйства, возникшие на основе старых, продолжали оставаться членами того же *gens*⁸.

На протяжении всего раннереспубликанского периода власть *paterfamilias* никем не оспаривалась, но со временем неуклонно возрастающая мощь римского государства начала теснить ее. Важные изменения в семейных отношениях возникли в результате войн — яркой приметы римской национальной истории. Добыча солдата всегда рассматривалась как законное достояние его *familia*, контроль над которым осуществлял *paterfamilias* солдата, но по мере расширения завоеваний и увеличения добычи нарастало недовольство солдат сложившейся традицией, причем настолько, что государство вынуждено было вмешаться. Отныне ветеран сохранял свою добычу и мог использовать награбленное для обзаведения собственным хозяйством. Впервые признавалось право частной собственности,

противопоставленной семейной или клановой собственности⁹.

Войны также привели к фактической либерализации положения римских женщин, освободив их от опеки родственников отсутствующего супруга и наделив их некоторыми мужскими обязанностями, такими, в первую очередь, как управление поместьем. Уже во времена, непосредственно предшествующие Августу, греческие наблюдатели изумлялись свободой знатных римских женщин; дамы в Афинах оставались дома, в изоляции, когда их мужья вели светский образ жизни; римские же матроны сопровождали мужей на обеды и приемы — маленькая, но примечательная революция, первое в мире изысканное смешанное общество¹⁰.

Увеличение размера домов римской знати добавляло еще один элемент в социальную жизнь общества, дотоле по меньшей мере редкий, — возможность уединения. Наиболее богатые римляне строили для себя каменные виллы, часто и в городе, и за городом. Считалось, например, что у Цицерона (106—43 гг. до н.э.) было восемь вилл, а также маленькие домики вдоль основных дорог, чтобы было удобнее путешествовать. Конечно, эти изменения затронули простых людей в значительно меньшей степени. В сельской местности родители, дети, родственники, слуги и рабы ютились в небольших домах: от лачуг, в которых содержались и животные, до деревянных жилых домов с пристройками. В городе семья ремесленника или купца средней руки занимала дом, который служил также и производственным помещением: пекарней, рыбной лавкой, сыромятней; в таком производстве участие принимала вся семья¹¹.

С современной точки зрения, отличительной особенностью брака в римское время был его частный, семейный характер. В эпоху Августа почти все римляне вступали в брак без вмешательства жрецов, и никогда они не привлекали государственных чиновников. Тем не менее римский брак имел важный и религиозный, и правовой смысл. Главная составляющая римского брака — выкуп за невесту (*coemptio*) — к историческому времени свелась к подарку. Одновременно появилось приданое (*dos*) — прямо противоположная по смыслу выплата — взнос со стороны семьи не-

весты, что, похоже, предполагает переход на брачном рынке от спроса на невест к спросу на мужей. Приданое отличается от выкупа за невесту и в другом отношении. Если выкуп поступал в семью невесты или ее родственникам, то приданое отдавалось жениху и помогало материально обеспечить вступающих в брак¹².

Выплата выкупа за невесту означала передачу отцом или опекуном юридической власти над невестой ее мужу, сама же женщина не рассматривалась как юридическое лицо и потому была принуждена жить всю свою жизнь под властью («рукой» — *manus*) мужчины: отца, брата, опекуна или мужа. Несмотря на подчиненное положение невесты, римский брачный обычай был значительно более передовым, чем у многих современных ему народов: необходимым условием законности брака было согласие обоих лиц, вступающих в брак: это правило было выражено в законодательной формуле «брак совершается согласием, а не совокуплением» (*Nuptias consensus non concubitus facit*). А в III в. до н.э. была введена новая форма брака, которая вызвала решающие перемены в положении женщин. Известная как брак *sine manu* («без руки», то есть без передачи власти), новая форма брака позволяла невесте оставаться членом *familia* отца, невзирая на то, что она переезжала в дом мужа. Тем самым она, как дочь, сохраняла права на наследство после своего отца, что давало ей определенную независимость от мужа. В браке *sine manu* муж получал только приданое невесты, и то на определенных условиях. В эпоху Империи брак *sine manu* стал наиболее распространенным. Ко времени Адриана (правил в 117—138 гг. н.э.), по словам современного историка, отец «не мечтал ни о принудительной выдаче дочери замуж, ни о противодействии ее решительному выбору»¹³.

При браках богатых римлян считалось, что поддержание «бремени супружеской жизни» требует выделения имущества, приносящего достаточный доход для молодой четы. В период Республики и ранней Империи приданое невесты оставалось наиболее важным инструментом передачи богатств от одного поколения другому, но во времена зрелой Империи маятник качнулся в другую сторону. В обычай вошло, чтобы семья жениха делала невесте значительный свадебный дар

(*donatio*), и к III в. этот дар стал превышать по размерам приданое. К середине V в. размер *donatio*, который передавался и доставлялся до того, как могла состояться брачная церемония, увеличился настолько, что стал препятствием для брака многих молодых людей, которые из-за этого стремились отложить брачные планы, тогда как молодые женщины (и их семьи) старались заключить брак насколько можно раньше¹⁴.

Браки между представителями разных классов в большинстве случаев запрещались или затруднялись юридическими нормами и общественным осуждением. Даже будучи разрешенным, такой «незаконный брак» (*matrimonium non iustum*) долгое время был невыгоден, поскольку родившиеся в нем дети получали статус того супруга, который принадлежал к низшему сословию¹⁵. Тем не менее, судя по повторяемости в законодательстве соответствующих правовых норм, межклассовые браки продолжались. Закон не признавал брака между рабами, что не мешало рабам жениться и серьезно относиться к супружеству.

Если заключению межсословных браков чинились препятствия, то инцест и внутрисемейный брак категорически запрещались. В раннем Риме под запретом находились браки между троюродными братьями и сестрами, но с течением времени это правило было несколько смягчено, и даже браки между двоюродными братьями и сестрами были узаконены. Общественность была шокирована, когда император Клавдий (правил в 41—54 гг. н.э.) избрал в качестве четвертой жены свою племянницу Агриппину, но сенат услужливо пересмотрел законодательное определение инцеста, и, согласно Светонию, зарегистрировано по меньшей мере два других брака между дядьями и племянницами¹⁶. Это был исключительный случай, но он показывает гибкость правил экзогамии и предвосхищает многие средневековые коллизии.

Обручение и свадьба, хотя и частные с той точки зрения, что в них не участвовали официальные лица, были публичными и открытыми действиями. Для общества в целом было важно получить соответствующую информацию. Кроме обмена дарами (*dos* и *donatio*), церемония обручения включала обмен обещаниями между будущим женихом и отцом будущей невесты: «Обещаешь ли ты отдать мне свою дочь в законные

жены?» «Боги приносят удачу! Я обручаю ее». Пара целовалась, и молодой человек надевал на средний палец левой руки невесты железное кольцо¹⁷. Убежденные римлян в том, что этот палец соединяется веной прямо с сердцем, было передано Макробием (ок. 400 г. н.э.) Средневековью, а средневековые супружеские пары передали традицию ношения кольца на третьем пальце левой руки новому времени. Свадебная церемония происходила несколькими днями позже и также отмечалась рядом символов: белый наряд и вуаль невесты, оглашение правовой формулы распорядителем брачной церемонии (*auspex*), обсыпание гостями жениха и невесты, правда, не рисом, но орехами, свадебный пир и перенос невесты на руках через порог в свадебные покои¹⁸.

Достигнув положения *sine manu*, институт римского брака в дальнейшем мало менялся в противоположность институту развода, который при Августе претерпел существенные перемены, не все из которых согласовывались с намерениями государства.

Прекращение брака в Риме было возможно всегда, а для мужчины и легко достижимо. Это законодательное выражение низкого статуса женщины логично вытекало из старого брака *cum manu* («с рукой»). Мужчина, заключивший брак *cum manu* и желающий избавиться от жены, созывал совет своей семьи, к которой ныне принадлежала жена, и оглашал причины, среди которых наиболее весомыми традиционно считались измена, приготовление ядовитых снадобий, злоупотребление вином и подделывание ключей от хозяйственных помещений. Все же, хотя право мужа на развод со своей женой было составной частью его законной власти над ней, одобрение семьи, очевидно, было чем-то большим, нежели простая формальность, и развод при отсутствии убедительных причин резко осуждался обществом¹⁹.

Только с течением времени и при увеличении богатств, стекавшихся в Рим в результате завоевательных войн, знатным римлянам удалось постепенно приобрести право на развод по желанию. Эта прерогатива может рассматриваться как замена полигамии и конкубината, которые практиковались в среде знати того времени. Конкубинат в Риме был законен, но две правовые нормы обесценивали его потенциальное значе-

ние в глазах римлян: во-первых, мужчина не мог иметь одновременно и жену, и наложницу; во-вторых, дети наложницы не имели законного права на наследование имущества отца. Поэтому конкубинат не мог заменить легкий развод²⁰.

Однако римские мужчины не монополизировали новообретенную свободу. В тот самый момент, когда развод по желанию вошел в употребление, римлянки получили практически те же права с помощью брака *sine manu*. Поскольку жена в браке *sine manu* продолжала принадлежать к отцовской семье, ее опекуны-мужчины могли снова вступить во владение ею (*abducere uxorem*) или, даже без их вмешательства, женщина могла осуществить свое законное право (*sui juris*) и вернуть себе свободу²¹.

К концу республиканского периода женщина, даже состоящая в браке *cum manu*, могла получить развод, если муж бросил ее, если он был осужден за определенные виды преступлений или если он попал в плен на войне. Главным предметом внимания было имущество жены. Муж, разводящийся со своей женой, проносил формулу «Да отойдет тебе твое имущество» (*Tuas res tibi agito*). Формула жены, разводящейся с мужем, звучала иначе: «Да будет принадлежать тебе твое имущество» (*Tuas res tibi habeto*)²².

Таким образом, во времена Августа развод по взаимному согласию или одностороннему желанию любой из сторон был старым римским обычаем, по крайней мере, в среде знати. Как мужчины, так и женщины часто вступали в повторные браки. Пример подал Сулла (138—78 г. до н.э.), который взял в качестве пятой жены молодую разведенную женщину. Юлий Цезарь снабдил нас крылатым выражением, разведясь с Помпеей из-за того, что, хоть и невиновная, она не была «выше подозрений». Катон из Утики (95—46 г. до н.э.), знаменитый добродетелями, развелся с женой, но снова женился на ней, когда она унаследовала большое состояние после смерти своего второго мужа. Цицерон развелся с матерью своих детей Теренцией, чтобы жениться на своей богатой семнадцатилетней подопечной; Теренция же впоследствии дважды снова выходила замуж. Согласно Сенеке (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.), богатые женщины вспо-

минали даты по именам не консулов, а своих первых, вторых и так далее мужей²³.

Сам Август был разведен, но это не оказало влияния на вводимое им законодательство, оказавшее важное историческое влияние на домашнюю жизнь. Кроме аморальности легких разводов, Август усмотрел в них угрозу государству: перепись населения показала, что большинство мужчин, принадлежащих к классам сенаторов и всадников и образующих римскую аристократию, остаются холостяками. Август рекомендовал сенату ряд законов, которые предусматривали ограничение прав наследства для бездетных и неженатых, сокращали срок обручения до двух лет и требовали, чтобы отцы обеспечивали приданое дочерям. Соответственно поощрялось материнство, и мать троих детей освобождалась от обязательной мужской опеки.

Уже одна последняя норма означала радикальное покушение на святость доминирующего положения мужчины в семье. В целом законодательство Августа завершило переход от древнего представления о семье как целостном и независимом мини-государстве к восприятию семьи как подчиненной государству социальной ячейки, члены которой несут индивидуальную ответственность перед властями крепнущей державы — большого национального государства.

Поскольку было желательно ускорить заключение разведенными супругами новых браков, возникла нужда в большей формализации разводов. Теперь для подтверждения развода требовалось семь свидетелей²⁴. Для высших классов процедура развода требовала, чтобы инициировавший развод супруг послал вольноотпущенника к другому супругу с сообщением. Ювенал (ок. 55—127 гг. н.э.) изображает Бибулу, несчастную жену:

Стоит морщинкам пойти и коже сухой позавянуть,
Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки

да вон убирайся!

Нам надоело с тобой»²⁵.

Однако и жены были вправе разорвать брачный союз. Марциалу (ок. 40—103 н.э.) принадлежит едкая эпиграмма: «Замуж идти столько раз — не брак, а блуд по закону»^{26—27}.

Как и во все времена, общеизвестные брачные приключения знаменитостей могут оказаться кривым зеркалом поведения общества в целом. Большинство римских супружеских пар не разводились, и супружеская верность была в почете. Излюбленной героиней была Турия, знатная дама, которая спасла жизнь своего супруга во время гражданских войн между Марием и Суллой и которая после многих лет бездетного брака предложила уступить свое место молодой жене, чьим детям она обещала быть матерью. Муж Турии отказался от этого предложения с негодованием, произнеся слова, которые позднее были высечены в ее память: «Неужели рождение детей значит столь много?»²⁸. Сходные выражения чувств встречаются и во многих других надписях: «Она была мне дороже жизни», «Из любви к ней я поклялся никогда не жениться снова», «Никогда и ничем не огорчила она меня, кроме своей смерти». Сходные чувства выражают и вдовы²⁹.

Несмотря на мнение супруга Турии, дети почти повсеместно рассматривались как наиболее важный результат брака. В древности поклонение предкам сообщало деторождению мистический смысл, что, впрочем, не мешало производить аборт, осуждаемые обществом и тщетно запрещаемые имперским государством во II в. н.э. Ранее они считались незаконными только, если были сделаны без разрешения *paterfamilias*. Также широко, хотя и без большого успеха, применялась контрацепция. Вагинальные препараты, блокирующие или убивающие семя, равно как и циклический способ имеют длительную доримскую историю. Гиппократ, клятва которого содержит ярко выраженное осуждение абортов, но не контрацепции, ошибочно определил, что наиболее благоприятный период для зачатия — сразу после менструации. Изобилие явно шарлатанских снадобий и суеверных приемов указывает как на интерес к контрацепции, так и на отсутствие надежных средств³⁰.

Родовспоможением занимались повитухи, часть которых, как считалось, обладала большим искусством. В знатных семьях повитуху сменяла кормилица, выби-

рать которую трактат по гинекологии II в. н.э. рекомендует так: «Кормилицу следует выбирать хорошего сложения, крупной кости и цветущего вида. Ее груди должны быть среднего размера, рыхлые, мягкие и не морщинистые, соски не слишком большие и не слишком маленькие, не слишком жесткие и не слишком пористые... Она должна быть выдержанной, доброжелательной и небрюзгливой, гречанкой, и чистоплотной»³¹.

Заботливое отношение к детям, рожденным в богатстве, не делало детоубийство менее распространенным явлением, особенно частым среди бедняков, более редким в среде зажиточных людей. Римское законодательство разрешало также продажу лишних детей в рабство, что было древним обычаем; во II в. до н.э., правда, продажа была ограничена только очень маленькими детьми, которых родители не могли прокормить. Во II—III вв. н.э. императоры еще более сократили власть отцов, запретив продажу детей за исключением случаев крайней бедности³². В 318 г. н.э. император Константин, движимый, с одной стороны, гуманным влиянием христианской церкви, с другой — беспокойством по поводу сокращения населения, приравнял детоубийство к преступлениям, наказуемым смертной казнью.

Несмотря на детоубийства и продажу детей в рабство, латинская литература изобилует выражениями родительской любви к детям. «Дороги нам родители, дороги дети...», — писал Цицерон, — поскольку «природа вкладывает в мужчину сильную и нежную любовь к своим детям»³³. Лукреций (98—53 гг. до н.э.) оплакивал смерть, когда «не будет больше приветствовать тебя ни твой радостный дом, ни добрая жена, и милые дети не подбегут сорвать первые поцелуи и коснуться твоего сердца молчаливым трепетом радости»³⁴. Тибулл (ок. 54 — ок. 19 гг. до н.э.) рисует ребенка, хватающего отца за уши, чтобы поцеловать его, и старого деда, всегда готового выслушать лепет ребенка³⁵. В типичном римском домохозяйстве ребенка достойно кормили и прилично одевали (в тунику, плащ, тогу, столу — уменьшенные варианты костюма для взрослых). На хуторах дети поневоле должны были начинать работать, как только достаточно подрастали. В городских семьях высшего и среднего класса детям да-

вали систематическое образование для их дальнейшей (определяемой полом) деятельности в зрелом возрасте. Ко временам Августа римские дети из знатных семей получали образование вне дома, особенно мальчики, которые посещали школу на Форуме, готовясь к будущей службе государству.

Доминирование мужчин в римских обычаях и порядках всегда сказывалось на сексуальной активности. На протяжении всего языческого периода римской истории преступлением считалось только прелюбодеяние, совершенное женщинами. В период республики муж имел право убить изменившую ему жену, пойманную на месте преступления, вместе с ее любовником, если он был вольноотпущенником или рабом. Законодательство Августа ввело более гуманное и приземленно практичное наказание в виде штрафа, размер которого зависел от размера приданого жены. Новый закон коснулся и поведения мужа. Чуть позже оскорбленная жена приобрела ценное право получить назад свое приданое, однако прелюбодеяние стало равноценным преступлением как для мужа, так и для жены, только тремя столетиями позже, в эпоху Константина. На самом деле Августа больше всего интересовала удовлетворенность мужа, и потому основной упор в его законодательстве был сделан на определение и облегчение процедуры развода. Неслыханным наступлением на традиционную закрытость частной жизни стало наделение платных информаторов правом свидетельствовать против заблудших жен всепрощающих мужей³⁶.

Но ни обычай или закон, ни доносчики не могли помешать женам время от времени сходить с пути истинного и оказываться в чужих объятиях, о чем свидетельствуют повторные подтверждения законодательства Августа последующими императорами, а также богатая сатирическая литература. «Чисты, — писал Овидий, — только те женщины, которые отдают свою любовь добровольно; муж же, гневающийся на амурные дела своей жены, — неотесанный мужик»³⁷. Ювенал рисует различное отношение к морскому путешествию женщин, совершающих его со своим мужем или с любовником:

«Если прикажет супруг на корабль взойти, — тяжело ей:

Трюм противен, вонюч, в глазах все ужасно кружится.

Если с развратником едет, она здорова желудком,
Эту при муже рвет, а та, с моряками поевши,
Бродит себе по корме и охотно хватает канаты»³⁸.

Гомосексуализм, особенно мужской, был, очевидно, широко распространен, по меньшей мере среди римской знати. Мальчиков-рабов, как и девочек-рабынь заставляли удовлетворять прихоти хозяев (а временами и их хозяек, которые, по законам Константина, могли быть казнены за подобную связь)³⁹. Странно, но незаконность рождения упоминается в римской историографии и литературе редко, видимо, потому что в происхождении от внебрачной связи не усматривалось ничего позорного. Уничижительные обвинения со стороны политических и других врагов обычно касались статуса отца или других предков. Загадкой является редкость старых дев. Монастырей как альтернативы браку еще не существовало, однако незамужние женщины практически не появляются в литературе и в правовых нормах.

Смерть приходила к римлянину без фанфар. Медицина не предлагала никаких паллиативов смерти, а языческая религия не давала утешения. Римлянин умирал дома, обычно оставаясь в одиночестве, согласно сухому замечанию Сенеки: «Никто не сидит с умирающим другом. Никто не в состоянии заставить себя, как бы того ни хотел, наблюдать за смертью отца»⁴⁰.

Похороны проходили скромно; смерть оставалась одним из немногих событий повседневной жизни, в которые римское государство не вмешивалось, как оно делало во большинстве других случаев — брака, развода, сексуальных связей, — всегда в своих собственных интересах, но с отдаленными и длительными последствиями для семьи и общества.

Варварская семья

Вторым важнейшим источником становления средневековой семьи был варварский мир. Несмотря на преобладавшее ранее уничижительное значение слова «варварский», современные историки находят его удобным для обозначения германских народов, которые во всех отношениях отставали от римской цивилизации, но быстро усвоили многие достижения Рима и привнесли некоторые собственные особенности.

Великое переселение народов, начавшееся, условно говоря, в III в. н.э., совпало по времени с первыми признаками экономического упадка и социально-политического кризиса Западной Римской империи и оказало определенное влияние на их возникновение и усиление. Связи между римлянами и германцами, однако, установились значительно раньше, еще при нападении кимвров и тевтонов в конце II в. до н.э. Эти два воинственных племени проникли в Северную Италию и римскую Галлию (Прованс) и были изгнаны оттуда лишь после нескольких тяжелых сражений. С этого момента варвары остаются в поле зрения римлян. Цезарь включает в свои воспоминания описание германцев, с которыми он сталкивался во время двух коротких походов на Рейн (55 и 53 гг. до н.э.), а Тацит посвятил «Германии» целую книгу (98 г. н.э.). В дни Тацита варвары не представляли угрозы Риму; в глазах историка они являли собой пример простоты и чистоты нравов, которые, по его мнению, могли бы послужить образцом для римской знати: «пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них — идти в ногу с веком»⁴¹.

На протяжении следующего столетия германцы обитали на окраинах римского мира, грабя, торгуя, иногда угрожая вторжением. Затем, гонимые из своих домов катастрофами, все еще покрытыми мраком неизвестности, они начали постепенно перемещаться на запад и юг последовательными волнами, которые достигли пика в V—VI вв. С одной стороны, они ощущали давление внутренних и внешних факторов: голода, засух, нашествия гуннов; с другой — в Римскую империю их привлекали экономические и технические достижения, города и виллы, житницы и склады това-

ров, магазины, орудия труда, монеты и украшения — «золотая лихорадка», по выражению современного историка⁴². Потоки из тысяч или десятков тысяч готов, гепидов, алеманнов и других народов с севера и востока, мужчин, женщин, детей и животных, просачивались или переливались через римские пограничные укрепления, иногда мирным путем — с разрешения римских властей, иногда силой или используя отсутствие римских легионов, занятых свержением правящего императора в пользу своего генерала.

Сама римская армия варваризировалась благодаря рекрутированию германцев, многие из которых достигали высоких должностей. На более позднем этапе несколько крупных группировок германских племен: бургунды, остготы, визиготы, франки, переместились в Галлию и Италию в качестве федератов (*foederati*), то есть союзников, по соглашению с местными властями. Семьи варваров селились на пахотных землях, почти так же, как ранее расселялись римские ветераны. Очевидно, в ходе оседания германцев на землю между новопоселенцами и старым населением возникали определенные трения⁴³.

Наполовину солдаты удачи, наполовину мигранты-земледельцы и скотоводы, не обладавшие изысканностью римского общества и совершенством римской техники, варвары воспринимались историками XIX в. как неизбежное бедствие, время их распространения по Европе было названо «Темными веками», после которых Западная Европа медленно возрождалась к новой жизни. Современная наука с помощью археологии внесла в эти представления существенные коррективы. Хотя варвары и не имели письменности и потому не обладали записанной историей и литературой, хотя они не были способны на математические и организационные подвиги, выражавшиеся в строительстве мостов, акведуков, дорог, храмов, арок, арен и общественных бань, которыми римская техника оснастила средиземноморское побережье, германцы привнесли свои собственные традиции и инновации. Они сделали ценное дополнение к европейской одежде — брюки. Их железное оружие не уступало лучшим римским изделиям, а, возможно, и превосходило их. Хотя варвары предпочитали сражаться в пешем строю, они были прекрасными всадниками и внесли по меньшей мере

два крупнейших усовершенствования в снаряжение коня: седло и (позднее) стремя. Недавние археологические открытия свидетельствуют об экономических и культурных связях германцев еще до Великого переселения народов с местным кельтским населением севера и запада Европы⁴⁴.

Не так сильно, как предполагалось ранее, варварское общество отличалось от римского. Скорее, оно было схоже с римским, но только более раннего времени. У германцев, как ранее и у римлян, семья составляла основную ячейку общества, экономическую, социальную, правовую и религиозную. Семьи объединялись в родственные группы, которые обозначаются немецким словом *Sippe*⁴⁵, но их структура, характер и прямые функции — предмет бурных дискуссий среди современных историков. Когда-то полагали, что *Sippe* обозначает дружину, добровольную военную группировку, объединяемую верностью избранному предводителю, но ныне это предположение кажется сомнительным. *Sippe*, видимо, представлял собой группу потомков, вероятно происходящих от некоего выдающегося лица, которая существовала на протяжении нескольких поколений, а затем исчезала. Считается, что до Великого переселения народов каждый *Sippe* занимал свою собственную территорию с общепризнанными границами, и имел сеньориальные права на земли составляющих его семей, среди которых распределял участки, выносил судебные решения и выполнял другие над-семейные функции, например, организацию массовой охоты или переселение на новые территории. По мнению Д. Херлихи, германский *Sippe* редко насчитывал более пятидесяти семей⁴⁶.

Писавший в I в. до н.э., Цезарь указывал, что германцы обрабатывают землю сообща, хотя он также упоминает и о существовании отдельных усадеб. Спустя полтора столетия Тацит, непосредственно общавшийся с германцами в качестве должностного лица в провинциях, отмечает частную (семейную) собственность на пахотную землю и коллективную (видимо, принадлежащую *Sippe*) собственность на угодья, в том числе пастбища. Ко времени Великого переселения германская семья обычно выращивала пшеницу и ячмень, иногда также лен, горох и бобы, и имела несколько голов овец или крупного рогатого скота. На

новых поселениях в пределах Римской империи германцы быстро освоили более высокие римские технологии. В судебнике лангобардов, составленном в VI в., но отражающем по преимуществу более ранние условия, упоминаются вина, ограды, мельницы, выпасы, фруктовые и оливковые деревья, домашняя птица, пчеловодство, свиньи и свинопасы⁴⁷.

В дополнение к сельскому хозяйству, германцы занимались ремесленной деятельностью и торговлей. Железоделательное ремесло, включая производство оружия, было мужским занятием, гончарство, как на круге, так и вручную, — по преимуществу женским. Из германских земель в Римскую империю издавна поступали рабы, меха, шкуры и янтарь. В эпоху Великого переселения подвижные отряды германцев сочетали разбой и торговлю⁴⁸.

Германский аналог римской *patria potestas* отца, иногда называвшийся *mundium*, наделял главу семьи схожими властными функциями за одним очень существенным отличием: сыновья, достигшие совершеннолетия (у различных племен возраст колебался), приобретали юридическую независимость⁴⁹. Семейная солидарность считалась основой права и порядка, преступление рассматривалось как нарушение общественного порядка, и семья и клан несли ответственность за то, чтобы индивидуальная обида была компенсирована коллективными действиями. Потерпевший обращался за поддержкой к семье, а семья противоположной стороны предпринимала усилия, чтобы защитить своего родича или компенсировать нанесенный им ущерб. Для упрощения этой процедуры германцы изобрели остроумный юридический инструмент, «вергельд» (дословно «цена мужа»), размер которого зависел от пола, возраста и статуса жертвы. Штраф за преступление против личности исчислялся как часть вергельда пострадавшего или несколько его вергельдов. Тацит упоминает штрафы, выплачивавшиеся натурой — скотом, овцами или движимым имуществом, но по мере того, как варвары оседали на территории Римской империи, имевшей денежную экономику, их заменяли золотые солиды и серебряные денарии⁵⁰.

Брак у варваров был еще более подчинен семье и мужчине, чем у римлян (Тацит одобрял это положение: «ни одна сторона их нравов не заслуживает такой

похвалы, как эта»⁵¹). Обручение устраивали мужчины — члены семьи невесты, согласия которой на брак не требовалось. Вероятно, жених и невеста были немногим старше, чем в Риме. Обручение состояло в принесении обещаний, что брак будет заключен, и в обсуждении его условий. Затем следовало пиршество, в котором участвовали обе семьи и на котором семья жениха выплачивала выкуп за невесту. Согласно Тациту, в завершение процедуры заключения брака невеста дарила жениху оружие, но совершенно очевидно, что основное направление движения имущества шло от семьи жениха к семье невесты. Важным различием между варварской и римской традициями был объект выкупа: варвар платил за свою жену, римлянин — за дочь. Это подразумевает недостаток женщин в варварском обществе — предположение, которое подкрепляется широким распространением практики похищения женщин. Высказывались соображения, что недостаток женщин следует объяснять детоубийствами на сексуальной почве, полигамией и конкубинатом знати, но при отсутствии доказательств ни одно из объяснений не может быть признано достаточно убедительным⁵².

Расторжение брака у варваров, как и в раннем Риме, было совершенно невозможно для жены и легко достижимо для мужа, который должен был всего лишь компенсировать затраты семье, в которую возвращалась отвергнутая жена⁵³. Если верить Тациту, то прелюбодеяния среди германских женщин были очень редки и наказывались мужем на месте, который «обрезав изменнице волосы и раздев ее донага, в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне». Обещанная женщина уже не может вернуться обратно, «и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа»⁵⁴. Согласно германским судебникам, муж имел право убить изменившую ему жену, а также ее любовника или потребовать от него компенсации, которая, по Салической Правде, могла достигать 200 солидов. Лангобардская Правда разрешала обвиняемому в незаконной любовной связи требовать испытания в поединке, если только он не был рабом или не был застигнут на месте преступления⁵⁵.

В германских представлениях о семье двойной стандарт проявлялся с еще большей силой, нежели в римских. Тацит оправдывал полигамию у знатных германцев необходимостью заключения союзнических отношений с помощью брака, но ни в коей мере не оправдывал столь же широко распространенную практику конкубината. Вместе с тем, у германцев значительно меньше, чем в Риме, была развита проституция. Таким образом, распушенность у германцев была менее демократичной, чем у римлян.

Невзирая на подчиненное положение, германские женщины пользовались в обществе большим авторитетом, и не только благодаря сексу и продолжению рода. Они владели рядом особых искусств, передаваемых от матери к дочери: кроме занятия гончарством, они пряли и ткали с мастерством, которое можно оценить по одежаниям, обнаруженным археологами в торфяниках. Они также заготавливали пищу впрок и готовили еду, лечили больных и варили пиво, которое уже тогда было основным напитком германцев. Законодательные тексты обнаруживают и еще одну функцию женщин: происхождение часто велось по женской линии по вполне понятной причине — материнство устанавливается более надежно, чем отцовство⁵⁶.

Тацит рисует воспитание детей у германцев в тех же розовых тонах, что и брак. «В любом доме они растут голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рожденных ею детей, и их не отдают на попечение служанкам или кормилицам. Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания»⁵⁷.

Восхищенный римлянин утверждает даже, что «ограничивать число детей или умерщвлять кого-либо из родившихся после смерти отца считается среди них постыдным», и полагает, что высокая мораль германцев более эффективна, нежели римское законодательство⁵⁸. Тацит ошибался. Детоубийство практиковалось у германцев еще и в Средневековье и во многом было схоже с принятым у римлян. Младенца показывали

отцу немедленно после рождения; если он брал ребенка на руки, кропил его водой и давал ему имя, то ребенок принимался в семью и оставлялся в живых. Этот древний обычай не менялся вплоть до VII в., и он изживался позднее только в тех регионах германского мира, где был услышан мощный глас христианской церкви.

Однако в оценке Тацитом германцев была и доля истины: идеализация им германцев сильно напоминает изображение американских индейцев как «благородных дикарей» у европейских писателей XVIII в. Обычная жизнь варварской семьи была стабильной и связанной с сельским хозяйством. Они обрабатывали свой земельный надел, пасли скот, пряли и ткали ткани, из которых шили одежды, состоящие, кроме революционных брюк, из короткой шерстяной туники или плаща, а в холодное время года из шкур животных, обычно домашних, но иногда волчьих, оленьих и даже медвежьих⁵⁹. Дичь, птица и рыба дополняли стол семьи, основанный на зерновых⁶⁰.

Обычно семья жила в доме одного из двух типов. «Длинный дом», прямоугольный в плане, делился на три части. Центральная отделялась от двух боковых рядом вертикально поставленных бревен. В одном из боковых отсеков размещались стойла для коров или другого крупного скота, открывавшиеся внутрь помещения, где располагались кормушки. Другой боковой отсек, представлявший одну комнату, служил жилищем для членов семьи. Раскопанные археологами фундаменты длинных домов разнятся по размеру от 8 до почти 30 метров в длину. Древнейшие из них датируются Бронзовым веком (ок. 3000—1000 г. до н.э.), но длинные дома продолжали существовать долгое время и после Великого переселения народов⁶¹.

Вторым типом домов были полужемлянки (нем. *Grubenhaus*) — простые деревянные конструкции над небольшим углублением, с двускатными крышами, образованными наклонными шестью, привязанными к поддерживаемому двумя—шестью вертикальными столбами коньку, или рядом шестов или ветвей, опускающихся до края углубления. Стены иногда были дощатыми, иногда плетеными и обмазанными, причем рама из бревен поддерживала плетень из дубовых или ивовых ветвей, скрепленных глиной, смешанной с со-

ломой (обмазка). Плотницкие работы выполнялись качественно, с использованием разнообразных инструментов, в том числе токарного станка⁶².

Меблировка жилищ варваров включала столы, лавки, кровати и стулья, но поскольку все сохранившиеся предметы происходят из погребений знати (Тацит же ничего не сообщает по этому поводу), наши представления о внутреннем убранстве рядового дома предположительны. Бесспорно одно — убранство было более чем простым. Поскольку глина и металл сохраняются лучше, чем дерево, мы значительно больше знаем о металлических предметах домашнего обихода, которые включали ведра, плоские блюда, миски, сита, кастрюли и сковороды. Инструменты изготавливались из железа или имели железные наконечники, хотя железные нарральники, видимо, начали использоваться только после эпохи Великого переселения⁶³.

Таким образом, в двух существовавших параллельно мирах, римском и варварском, институты брака и семьи обнаруживают много общего, но между ними имеются и некоторые отличия. В обоих мирах семья являлась основной ячейкой общества. Большие родственные группы (супер-семьи), значительно ослабленные в Риме могуществом государства, сохраняли свое значение у варваров. В обоих мирах юридическим и социальным содержанием брака была передача имущества. В обоих мирах развод был легко достижим для мужей; но в Риме он был возможен и для жен, особенно богатых. Практиковалось детоубийство, в основном среди беднейших слоев населения, причем убивали, видимо, в первую очередь девочек. Применялись как аборты, так и контрацептивы, но последние были мало эффективны. Обучение детей основывалось прежде всего на половом различии ролей взрослых. Мужчина — глава домохозяйства — наделялся авторитарной властью, часть которой, впрочем, узурпировало римское государство. В обоих обществах существовало рабство, но в Риме оно составляло основу экономики. Рабы подвергались дискриминации и угнетению в области брака и секса, как и в других отношениях, тогда как знать, стоявшая на вершине социальной пирамиды, имела огромные привилегии; в среде варваров практиковались полигамия и конкубинат.

Воздействие христианства

В IV в., когда Великое переселение достигло своего пика и огромный военно-административный аппарат Римской империи трещал под напором варваров, на бурлящей европейской арене появилась новая сила. После трех столетий борьбы с преследованиями и безразличием христианство приобрело в обществе положение и власть, изгнало богов из пантеона и лар из домашних очагов. В городах оно распространялось быстрее, чем в сельской местности, где очаги язычества и остатки языческих ритуалов сохранялись веками — а некоторые и поныне, не мешая триумфу христианства по всей Европе. Сначала новое вероисповедание было официально допущено (в 313 г.), затем возвышено до статуса государственной религии (ок. 380 г.), при этом оно охватывало практически всю массу варваров—завоевателей, как только они пересекали границы империи. Первый великий варвар-интеллектуал Ульфила (ок. 311—383 гг.) создал письменный готский язык, чтобы перевести для готов Библию.

В то время, как римский и германские народы и институты сталкивались, смешивались и приспосабливались друг к другу, христианское сообщество консолидировалось и возводило на руинах империи первую в истории мощную церковную организацию. Она неизбежно столкнулась с классической проблемой всех успешных революций — появлением различных интерпретаций основополагающего учения. Чтобы справиться с многообразием ересей — гностицизмом, манихейством, арианством — интеллектуалы, принадлежавшие к «ортодоксальной» церкви, сформулировали корпус доктрин, одновременно как отвечавших на эзотерические теологические вопросы, волновавшие богословов, так и устанавливающих правила повседневного поведения рядовых христиан. В этой последней сфере св. Августин (354—430 гг.) и другие отцы церкви сразу же столкнулись с брачными и семейными обычаями римского и варварского миров. В нескольких важных вопросах отцы церкви предложили новые решения. В других — христианское учение оказалось близким по духу существовавшим обычаям или правовым нормам. В третьих — церковь присоединялась к одной из конфликтующих сторон. Но во всех

случаях христианская доктрина, как ее толковали отцы церкви и в первую очередь Августин, была ясной, четко выраженной и категоричной. Даже если ее придерживались и не все верующие, она оказывала глубокое влияние.

Ища руководства в Ветхом и Новом Завете, св. Августин обнаружил в библейских книгах ряд повторяющихся положений, но не цельную концепцию. В Ветхом Завете брак, в котором мужчина и женщина вступали в сексуальные отношения, рассматривался как благое и нормальное состояние⁶⁴. Напротив, Новый Завет, хотя и подтверждал полезность брака, приписывал высшую ценность целомудрию⁶⁵. Ветхий Завет провозглашал плодovitость человека благом, более того, необходимостью; Новый Завет подтверждал это положение, но чисто формально. Песнь Песней утверждала самоценность плотской любви, тогда как Псалмы отождествляли секс с грехом. Новый Завет красноречиво прославлял любовь, не уточняя, какую, но приводил в пример Христа. Ветхий Завет формально запрещал прелюбодеяние и инцест, но его персонажи имели по несколько жен и наложниц. Согласно Ветхому Завету, мужчины могли развестись, тогда как Новый Завет не просто одобрял моногамию, но объявлял брак нерасторжимым за одним исключением: «кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует» (Матф. 19.9). В противоположность Ветхому Новый Завет предполагает равенство полов: Иисус и св. Павел одинаково осуждают проступки любого из супругов (Марк 10.11—12; 1 Коринф. 7.11).

Кроме христианского Писания, на св. Августина и других отцов церкви влияние оказывали современные им языческие представления и иудейское учение. Они были знакомы со стоическим идеалом подчинения секса разуму и знали высказывания Плиния Младшего (ок. 61—113 гг. н.э.) и других о том, что половые сношения даже в браке приемлемы с точки зрения морали только в том случае, если имеют целью деторождение (что подразумевает неприятие контрацепции). Филон Александрийский, иудейский философ из диаспоры I в. н.э., осуждал плотскую страсть и мужей, нарушавших целомудрие хотя бы и с женами⁶⁶.

Изучая взгляды своих предшественников на социальную и правовую ситуацию и моральную атмосферу в Римской империи, где процветали прелюбодеяния, проституция и разврат, св. Августин твердо и последовательно выступал против подобных явлений, бичуя аморальность. Теологически такое обличение не представляло сложности. Значительно сложнее обстояло дело с сексуальными отношениями в браке. Книга Бытия откровенно советовала: «Плодитесь и размножайтесь» (Быт. 9.1). Но с эпохи создания книги Бытия, автор которой видел перед собой молодой, только что возникший мир, ждущий насельников, времена изменились. В V в. св. Августин видел старый, умирающий мир, ожидающий Судного дня. Поэтому он пришел к выводу: «Теперь нет той нужды в деторождении, какая была раньше»⁶⁷.

Тем не менее Августин отказался присоединиться к еретикам-манихеям, которые прямолинейно утверждали, что даже деторождение не может быть благой целью брака. Этим утверждением, полагал св. Августин, манихеи «превращают свадебное ложе в публичный дом»⁶⁸. Более привлекательным было отношение философов-стоиков, искавших во всем золотую середину; оно нашло отражение в посланиях св. Павла: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Коринф. 7.IV—5). Секс в браке нашел, таким образом, второе оправдание: отвлечение от греха. Если неженатые или вдовы «не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Коринф. 7.9).

Развивая тему умеренности, отцы церкви рекомендовали жить малыми, а не большими семьями, практиковать воздержание во время Великого Поста и церковных праздников и, насколько возможно, обоим полам сохранять целомудрие. Один из отцов церкви, св. Иероним, позаимствовал шкалу ценностей из притчи Иисуса о семени и оценил девственность в 100, вдовство в 60, семейную жизнь в 30⁶⁹.

Тем не менее, Библия без всяких сомнений одобряла брак, и св. Павел, по-видимому, пошел дальше

римлян, настаивавших на взаимном согласии супругов: он призывал к супружеской любви (Ефес. 5.24—33): «Как церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь» и «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа». Подобные чувства, в противоположность холодным представлениям римлян и варваров о браке как решении только сексуальных и имущественных вопросов, вводили в жизнь более возвышенные побуждения, идеалистические, даже мистические. Августин делал вывод, что для христианина брак должен рассматриваться как таинство (*sacramentum*), вечный союз. Он включал три очевидных элемента: веру (*fides*), потомство (*proles*) и священные узы (*sacramentum*), связывающие не только два лица, но два рода — этот принцип не был чужд языческим представлениям, ни римским, ни германским⁷⁰. Как и в традициях обоих народов, в христианской доктрине предусматривалась невозможность браков между родственниками обоих видов, по крови и по браку, для чего запрещался инцест и устанавливались правила экзогамии. В этом отношении церковь подтвердила законы Моисея (Левит 18.6—21, 20.11—12).

Раз брак начал рассматриваться как таинство, то совершенно логичным стало получение свадебного благословения от священнослужителя. Однако долгое время участие священника в брачной церемонии было не обязательным, а факультативным. Оно не считалось важным для признания брака действительным. У визготов, которые обосновались в Галлии и Испании в V—VI вв., роль священнослужителя подкреплялась угрозой штрафа в сто солидов или сто ударов бича, но во всех других странах церковь очень долго добивалась присутствия Христа на брачной церемонии⁷¹.

Включение брака в число таинств имело несколько последствий. Христианину запрещались полигамия и конкубинат. В соответствии с Евангелием от Матфея (19.6), развод порицался: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает». В этом пункте церковь пришла в прямое противоречие с римским правом, которое было кодифицировано в VI в. в Гражданском кодексе Юстиниана и долго продолжало действовать на большей части территории бывшей Римской империи.

Константин и его преемники, императоры-христиане пытались ограничить былую свободу развода, но они не делали попыток запретить его. Тем не менее, правовое сознание подверглось воздействию христианских представлений, особенно доктрины о равенстве полов, что для юриспруденции было «плодотворным новшеством»⁷².

Св. Августин отверг все разрешенные светским правом причины развода, такие, например, как долгое отсутствие или плен. Он был, по мнению специалиста по каноническому праву Адемара Эсмейна, «мастером, который навел последний глянец на теорию нерасторжимости брака»⁷³, хотя наиболее полно и четко разъяснил христианские взгляды на этот вопрос другой отец церкви — миланский архиепископ св. Амвросий (340—397): «Не ищите развода, потому что вам не будет позволено жениться во второй раз, пока жива ваша жена... Это грех прелюбодеяния... И не думайте, что искать вашему греху оправдания в законе — не серьезное прегрешение»⁷⁴. Однако церковь относила развод к простительным, а не смертным грехам. Коротко говоря, ни церковь, ни римское право не нашли убедительного решения проблемы повторного брака жертвы прелюбодеяния. Это сделало только варварское право, которое ни разу не упоминает о прелюбодеяниях мужчин, но приговаривает к смерти согрешившую жену⁷⁵.

Следующее радикальное противоречие с языческими обычаями и верованиями неизбежно проистекало из признания единственным оправданием сексуальных отношений в браке производство потомства. Церковь резко осудила и аборт, и детоубийство, а также, следуя той же логике, контрацепцию, включая циклический метод, рекомендованный Гиппократом и манихеями.

Церковь не только защищала утробные плоды и младенцев от аборт и оставления на произвол судьбы, но и ограждала детей от дурного обращения. Она осуждала практику продажи детей в рабство и обращала внимание верующих на библейские примеры добрых и любящих родителей юного Самуила, Даниила, святых младенцев и Христа-ребенка. В то время как Августин учил, что дети требуют строгой дисциплины, с которой он сам познакомился в римской школе, Лев

Великий (папа в 440—461 гг.) заявлял, что «Христос любил детство, учителя смирения, образец невинности, пример безмятежности»⁷⁶. Родительская, как и супружеская любовь была существенной частью церковного вероучения.

Итак, в римском мире на месте распавшегося политического единства возникло единство религиозное. На брак и семью римляне, варвары и христиане смотрели одинаково в нескольких важных аспектах: первостепенное значение семейной ячейки, запрещение инцеста, необходимость экзогамии. Римляне и варвары сходились в признании более высокого статуса мужчин и власти мужчины — главы домохозяйства; христианство слабо возражало против того и другого. Римское право настаивало на взаимном согласии супругов на брак; церковь соглашалась с этим. Римляне и варвары имели много общего в ритуалах обручения и брака, как и в общей тенденции перехода от покупки невесты к ее обеспечению. Церковь подтвердила оба важнейших момента брачной церемонии: ее публичный характер и обеспечение невесты, и добавила к ним духовную составляющую — обязательное освящение таинства.

Римляне и варвары давали мужу широкую возможность прервать брак, а римское законодательство пришло к тому, чтобы наделить этой свободой и женщин. Церковь резко оспорила и то, и другое и настояла на нерасторжимости брака. Римляне придавали большое значение потомству в интересах роста населения; варвары мало, если вообще интересовались этим вопросом; церковь также не волновало население в целом, но по своим собственным гуманным и теологическим причинам она противилась детоубийству, абортам и контрацепции. Варвары и римляне давали мужчинам сексуальную свободу; церковь запрещала ее, но все они в унисон отказывали в сексуальной свободе женщинам.

В учебниках XIX в. «падение Рима» безоговорочно датировалось 476 г. н.э., годом, когда последний римский император, правивший в Западной Римской империи, отрекся от своего не слишком значительного трона. Современные историки предпочитают считать началом Средневековья круглую дату 500 г. Ни одно конкретное происшествие не играет здесь решающей

роли, хотя при переходе от Древнего мира к Средним векам происходило множество событий. С точки зрения брака и семьи сущностью изменений был переход от жизни при римских, варварских или смешанных политических, экономических и социальных порядках к жизни в условиях новой системы, которая сохраняла некоторые из старых элементов, отвергала другие и изобретала новые. На протяжении последующей тысячи лет европейское общество развивалось в направлении новой эры, вовлекая индивида и семью в катаклизмы исторического развития, которое более ясно мы начинаем различать только сейчас.

II.
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 3

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ: 500—700 годы

Одно из наиболее значительных социально-экономических преобразований, пережитых западным обществом и имевших далеко идущие для истории семьи последствия произошло в самом начале Средневековья. Однако оно не привлекало внимания, протекало как бы за сценой и осталось практически недокументированным. В поздней Римской империи на обрабатываемой земле преобладали огромные плантации, обслуживавшиеся рабами (латифундии). К 700-м годам, когда, по словам Жоржа Дюби, сельский ландшафт предстает перед историками «внезапно залитый светом»¹, гигантские плантации исчезли и были повсеместно заменены одиночными хуторами или их скоплениями.

Это масштабное изменение отметило начало долгой эволюции, продолжавшейся на протяжении всего Средневековья, в ходе которой отдельный крестьянин и крестьянская семья прошли путь от рабства через серваж к свободе, а рабское общество преобразовалось в свободное общество. Эмансипированный класс крестьян образовал основной человеческий материал европейской цивилизации².

Как именно происходили эти преобразования, остается туманным. Неясно даже значение терминов, которыми обозначался статус крестьянина и которые могли бы объяснить происхождение крестьянства. Одним из главных рычагов перемен была, видимо, революция в организации труда. На смену прежним огромным полям латифундий, которые обрабатывались рабами, объединенными в группы, пришли небольшие земельные поля или наделы, на которых работали малые семьи, выплачивая владельцу земли ренты в форме барщины и части урожая. Главной причиной этой революции могло быть увеличение стоимости рабов в поздней Империи и просыпающееся осозна-

ние неэффективности рабского труда. Повышение производительности труда было результатом не только изменения мотивации людей, работающих для собственного блага, но и преимуществ внутренней организации крестьянской семьи перед группой рабов. Постепенно усердные крестьянские семьи приобретали моральное — в средневековых терминах «обычное» — право на использование земли, право, которое они передавали своим детям.

Второй причиной изменений была колонизация, заселение свободными или рабами невозделанных земель. Колонисты расчищали, улучшали и окультуривали землю в обмен на право семьи постоянно ее использовать. Они должны были платить ренту и нести повинности в пользу того, кто основал поселение, но и здесь существовало убеждение, что земля наследуется семьей колониста³.

Различное происхождение и статус крестьян, работающих в новых небольших хозяйствах, отразились в разнообразии латинских терминов, использовавшихся для их обозначения. *Liber* был свободным человеком. *Servus* или *manicipium* происходил из рабов. *Colonus*, нововведение римского права, был свободным, но пожизненно привязанным к поместью. *Lidus* занимал промежуточное положение; он мог вести род от воина-варвара, посаженного на землю римлянами. Статус несвободного крестьянина был новым в социальной структуре, неизвестным ранее ни римлянам, ни варварам. И хотя на протяжении нескольких столетий в документах продолжал использоваться римский термин *servus* «раб», лицо, к которому он относился, было уже не рабом, а сервом. Главным правом серва, которым никогда не обладал раб, было право обрабатывать землю для своих собственных потребностей, определять время обработки земли и организовывать как свой собственный, так и труд своей семьи⁴.

В нашем распоряжении нет источников, которые бы рассказали нам о размере и структуре семей, работавших в VI—VII вв. в небольших хозяйствах. Единственное, в чем можно быть уверенным, это то, что семья—домохозяйство становилась основной экономической ячейкой в сельском хозяйстве. Однако, существуют другие источники информации об этих формирующих эпоху Средневековья столетиях, и они пролива-

ют свет на многие стороны семейной жизни. Эти источники распадаются на пять категорий:

1. Постановления церковных соборов, которые свидетельствуют об изменениях в требованиях церкви к поведению в семье и косвенно отражают обычаи, с которыми церкви приходилось иметь дело.
2. Невероятное количество исповедальных руководств, известных как пенитенциалии, которые возникли в VI в., процветали в раннем Средневековье и вышли из употребления после 1000 г. Монахи составляли их для наставления священников-исповедников и перечисляли в них, за какие грехи надлежит устанавливать наказания и какие именно; пенитенциалии не имели канонического авторитета, но пользовались огромной популярностью и потому сохранились в большом числе. Нередко они включали в себя варварские законы и обычаи. Как и постановления церковных соборов, пенитенциалии и описательны, и предписательны; они указывают на те ситуации, которые, по мнению монахов, требовали исправления, и определяют желаемое поведение. Предписанные наказания категоричны: за такой-то грех — такое-то наказание, обычно пост или воздержание от половых сношений. Следуя германским законам, пенитенциалии часто устанавливали штрафы за нанесение повреждений⁵.
3. Германские судебники, большинство из которых впервые было записано в этот период.
4. Жития святых (агиография) — литература, которая процветала начиная с IV в. Наконец, хроники, наиболее важная из которых — «История франков» — написана Григорием, епископом Турским (538—594); она дает подчас пикантные, подчас трагические сведения о семейной жизни варварской аристократии⁶.

В Западной Европе VI в. германская и римская культуры сосуществовали и постепенно сливались благодаря их взаимопроникновению и перекрестным бракам. В «Истории» Григория галло-римские нобили, потомки старых римских сенаторских родов, занимают

независимое, но равное по значению место с победившей франкской знатью.

Основанное Хлодвигом (правил в 481—511 гг.) молодое франкское государство рано узурпировало некоторые функции германского *Sippe*, которое тем не менее сохранило значительную власть, особенно в области правосудия. *Sippe* жертвы могло карать за преступление — убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование — кровной мстью или вергельдом, т.е. денежной компенсацией. *Sippe* обвиненного в преступлении несло аналогичные обязательства защищать его, вступая в кровную вражду, или выплачивать компенсацию жертве. Первыми в ряду ответственных за выплату вергельда были отец и братья преступника, затем шли шесть его других ближайших родственников, по три с отцовской и материнской стороны. Родственники жертвы делили между собой полученный вергельд. Согласно Салической правде, вергельд за убитого делился на две равные части, одна шла его наследникам, вторая — его родственникам по отцовской и по материнской линиям.

В интересах общественного порядка франкские короли пытались объявить кровную мсть вне закона и заставить преступника лично выплачивать вергельд, но подавить старые обычаи было трудно⁷. Множество эпизодов кровной мести расцвечивают «Историю» Григория Турского. Нередко мсть вызывалась заботой о чести женщин, принадлежащих к семье. В Турнэ в конце VI в. один человек выразил неодобрение мужу своей сестры за пренебрежение ею и увлечение женщинами легкого поведения и, когда муж не исправился, напал и убил его «и нескольких из его родственников». Убийца был в свою очередь убит родичами мужа, «так что, — сообщает Григорий Турский, — с той и с другой стороны не осталось в живых никого, кроме одного, у которого уже не было противника». Тогда в распрю вступили более отдаленные родственники. Франкская королева Фредегонда приказала прекратить вражду, прежде чем она «приведет к еще большему несчастью», и, когда ее приказ не был незамедлительно выполнен, взяла дело в свои руки. Пригласив на пиршество трех главных представителей обеих семей, она угощала вином их и их слуг, пока мужчины не напились, а слуги не задремали, а затем дала сигнал трем

своим людям, вооруженным топорами, и те, «размахнувшись, разом их порешили»⁸⁻⁹.

Еще один пример из Григория Турского — о семейной солидарности в варварском понимании: в Париже сплетничали о любовной связи некоей замужней женщины. Родственники мужа потребовали от ее отца поклясться в невинности его дочери, «или пусть она умрет, дабы ее бесчестие не запятнало наш род». Отец поклялся в ее невинности на алтаре св. Дионисия, но ссора уже началась, мужчины выхватили мечи, и церковь была осквернена кровью. Епископ наложил на них наказание, а женщина, согласно Григорию, повесилась¹⁰.

В другом случае клирик из Ле-Мана, предававшийся чревоугодию, распутству и другим грехам, взял себе в любовницы «женщину свободную по рождению и дочь хороших родителей», коротко постриг ей волосы, одел в мужскую одежду и увез в другой город. Когда ее родственники узнали об этом, «они немедленно поспешили отомстить за позор своего рода». Они захватили клирика в плен, но позволили епископу Ле-Мана выкупить его, а «женщину сожгли»¹¹.

Григорий и сам рассчитывал на поддержку своей семьи. Рассказывая о попытке некоего клирика из его диоцеза подорвать его авторитет, Григорий так комментирует происходящее: «Несчастный не знал, что все епископы, принявшие епископство в Туре, кроме пяти, связаны с моим родом». Григорий добился заключения смутьяна в монастырь под усиленный надзор¹².

Хотя семья выступала единым фронтом против чужаков, преступления внутри нее не были редкостью. Неиссякаемым источников внутрисемейных конфликтов было соперничество между наследниками, количество которых умножалось из-за полигамии и конкубината. По рассказу Григория, Хлодвиг обеспечил себе власть в королевстве, убив братьев, племянников и двоюродных братьев и конфисковав их земли и богатства. Затем он созвал всеобщее собрание франков, на котором сетовал: «Горе мне, что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности». Его жалобу Григорий считает неискренней: «но это он говорил не из жалости к убитым, а из

хитрости: не сможет ли он случайно обнаружить еще кого-либо [из родни], чтобы и того убить»¹³.

В противоположность римской системе родства — патрилинейной, система, доминировавшая в средневековом обществе примерно до 1000 г., была когнативной (билатеральной): происхождение прослеживалось (хотя и не глубоко) как по отцовской, так и по материнской линиям. Социальный статус семьи в равной степени зависел от статуса обеих сторон, а родственные права и обязанности, такие как вергельд, несли родственники по обеим линиям. Система была эгоцентричной, т.е. в центре родственной сети находился конкретный человек со связями, предполагаемыми определенными обязанностями и регулировавшими взаимоотношения и привязанности¹⁴.

Как это обычно для билатерального родства и как показывают сообщения Григория Турского, франкские братья и сестры поддерживали тесные отношения и в зрелом возрасте. Король Хильдеберт I (правил в 511—558 гг.) отправился в Испанию, чтобы освободить свою сестру Хлотхильду от ее мужа Амалариха, христианина арианского толка, который плохо обращался с ней из-за ее приверженности католицизму: Хлотхильда, будучи избита мужем, послала брату «платок, пропитанный ее кровью»¹⁵. Епископ Бордо Бертрамн оказал покровительство своей сестре Бертегунде, оставившей мужа и укrywшейся в монастыре их матери; при этом он даже нарушил приказание короля Гунтрамна (ум. 593 г.), чтобы она вернулась к своему мужу и детям¹⁶.

Брачные союзы играли важную роль в политике франкского государства, особенно для объединения варварской знати и старой галло-римской аристократии. Женщины, видимо, активно участвовали в выработке брачной политики.

На страницах хроники Григория представлена смесь германских и римских имен. Со времен Цезаря римский именованослов пережил революцию, отражающую упадок древнего *gens* и увеличившееся генеалогическое значение женщин. Сам Григорий, римлянин, ведший свой род от сенатора II в., носил имена своего отца, деда по отцовской линии и прадеда по материнской линии — Григорий Флоренций Георгий. Но его двоюродного деда, также римлянина по происхожде-

нию, звали просто Гундульвом (*Gundulfus*) в соответствии с германским обычаем, который постепенно стал доминировать. Единственное имя, даваемое германцу, являлось частью законного имущества семьи и повторялось из поколения в поколение, иногда в несколько видоизмененной форме: Теодерик — Теодобальд; Сигиберт — Дагоберт — Хариберт¹⁷.

Женщины в VI в. наследовали деньги и движимое имущество наравне с мужчинами, но обычно не наследовали землю. Большинство германских судебныхников предусматривает разделение земли поровну между сыновьями (принцип делимого наследства), причем старший сын не имел никаких преимуществ. При отсутствии сыновей судебники либо передавали наследство дочерям, либо делали дочерей наследниками второй степени после близких родичей—мужчин. Однако, редко случалось так, чтобы наследники мужского пола отсутствовали, во всяком случае в семьях знати. Из-за полигамии, конкубината и легко достижимого развода проблема, напротив, состояла в их многочисленности. Неудовлетворенные полученной долей наследства и не сумевшие придти к соглашению, сыновья убивали друг друга¹⁸.

Делимым наследством были не только поместья, но и само королевство — и с теми же результатами. Королевство Хлодвига было разделено между его четырьмя сыновьями, которые строили козни, воевали и убивали друг друга, пока не осталась только одна линия. «История» Григория отмечает много таких кровавых распрей.

На протяжении всего Средневековья древнегерманские представления о браке соперничали с новыми учениями христианской церкви. Поначалу противостояние было подспудным, поскольку церковь медленно формулировала и детализировала свое отношение к браку, одновременно набирая силы, чтобы претворять это отношение в жизнь. Экзогамия и запрещение инцеста принадлежали к группе спорных вопросов, вокруг которых в этот период и началась борьба. Церковь открыла военные действия серией запретов на браки между свойственниками: собор за собором объявлял их «кровосмесительными». Пенитенциалии (например, «Каноны» св. Патрика) давали библейское

обоснование запрета: «Поскольку Господь сказал "и будут двое одной плотью [Матф. 19.5]": поэтому жена твоего брата — твоя сестра». Третий Парижский синод (около 557 г.) постановил: «запрещаются кровосмесительные браки, т.е. с вдовой брата, с тещей, с вдовой дяди, с сестрой собственной жены, с невесткой, с теткой»¹⁹. Папа Григорий I Великий (понтифик в 590—604 гг.), отвечая на вопросы, поставленные св. Августином Кентерберийским (ум. ок. 604 г.), назвал брак с мачехой или невесткой «смертным грехом», потому что брак делает двух людей одной плотью и «наготу отца твоего не открывай». Иоанн Креститель, заявлял он, претерпел мучения, защищая эту истину и обличая Ирода в кровосмесительности его брака с женой брата²⁰.

К несчастью, подобные браки часто бывали очень выгодны. Один из франкских королей, Хлотарь I, женился на вдове своего брата, а позднее на ее сестре. Другой, Мервей, женился на вдове своего дяди. Король визиготов Леовигильд (ум. в 586 г.) женился на вдове брата²¹. Некоторые люди или семьи, напротив, находили церковные запреты полезными для себя, как, например, в том случае, когда два брачных проекта приходили в противоречие и одна честолюбивая семья могла обвинить другую в намерении совершить или в совершении инцеста. На протяжении VI в. церковные установления постепенно закреплялись в практике и — статья за статьей — стали вводиться в светские законодательные акты. В 596 г. Хильдеберт II включил в свой судебник статью, предусматривающую смертную казнь для человека, женившегося на вдове своего отца, сестре своей жены, или для вдовы, вышедшей замуж за брата своего покойного мужа. В начале VII в. Хлотарь II, дед которого женился на сестре своей еще живой жены, назначил наказание в виде смертной казни для знатного человека, женившегося на своей мачехе²².

Римское право запрещало браки между родственниками до четвертого колена, т.е. между дядьями и тетками, племянниками и племянницами, но разрешало браки между двоюродными братьями и сестрами. Сначала церковь согласилась с этим, но собор в Агде (506 г.) запретил браки между двоюродными братьями и сестрами и даже их детьми, т.е. троюродными бра-

тьями и сестрами²³. Папа Григорий предложил евгенистическое объяснение этого запрета: «Опыт показывает, что потомство от таких браков недолговечно»²⁴. Пенитенциалий Теодора (конец VII в.) различает три категории: троюродные братья и сестры, которым разрешается заключать браки между собой; двоюродные братья и сестры, которым запрещается заключать браки, но ранее заключенные браки признаются законными; более близкие родственники, уже заключенные браки между которыми должны быть расторгнуты²⁵.

Успехи церкви в запрещении инцеста и насаждении экзогамии в это время туманны. Что же касается борьбы с полигамией и конкубинатом, то достаточно четко сформулировав свою позицию, церковь почти не продвинулась вперед. Короли и знать VI—VII вв. имели наложниц, содержали нескольких жен или разводились с одной женой, чтобы взять в жены другую, не прибегая ни к каким формальностям²⁶. Иметь наложницу до брака было обычным для молодого человека. Когда в возрасте 15 лет Хильдеберт II женился, у него уже имелась наложница и сын от нее. Хлодвиг II взял в наложницы рабыню-англичанку Балтхильд, когда ему еще не исполнилось 15 лет, и позднее женился на ней²⁷.

Хлотарь I имел по меньшей мере двух жен одновременно, а, возможно, и четырех. Его сын Хариберт, увлекшись двумя сестрами из свиты своей жены, развелся с ней и женился сначала на одной сестре, а потом на другой, взяв между этими браками в жены дочь пастуха. Парижский епископ св. Герман (ум. в 576 г.) отлучил любвеобильного и не поддававшегося нажиму короля от церкви; позднее Григорий Турский с удовлетворением упоминает о смерти его последней жены как о «суде Божьем»²⁸. Брат Хариберта Хильперик женился на визиготской принцессе Галсвинте, «хотя у него было уже много жен»²⁹. Дагоберт I развелся с одной женой и затем женился на трех женщинах одновременно, держа при этом столько наложниц, что хронист Фредегар заявил, что ему не хватит места, чтобы перечислить их всех по именам³⁰.

Однако к VIII в. принцип «одна жена зараз» завоевал широкое признание, хотя и теперь члены королев-

ского рода и знать отнюдь не являли собой пример брачного благочестия.

Вторым спорным вопросом было согласие на брак. Из двух возможных видов согласия, дебаты вызывал только вопрос о согласии на брак самих партнеров. Согласие родителей и родственников уже давно стало традицией. Единственным относящимся к этому вопросу высказыванием в Библии было предписание св. Павла: «Жена свободна выйти, за кого хочет, только в Господе» (1 Коринф. 7.39), но отцы церкви приняли римский закон о согласии невесты и жениха, и Исаак, комментатор Павла (IV в.), прагматично отметил: «Брак, заключенный между противящимися ему партнерами, обычно плохо кончается»³¹. Постепенно церковь внедряла свои доктрины, хотя, учитывая ранние браки и живой интерес родителей, остается сомнительным, чтобы согласие вступающих в брак могло быть поистине свободным. Молодые мужчины, достигшие совершеннолетия — от 12 до 15 лет, согласно разным судебникам, — теоретически были свободны в своем выборе брачного партнера, но на практике обычно нуждались в одобрении родителей по экономическим причинам; молодым же женщинам аналогичная свобода не давалась даже и при достижении ими совершеннолетия, наступавшего значительно позднее (между 20 и 25 годами). Лангобардская Правда, записанная в VII в., позволяла отцу или брату девушки выбрать для нее мужа без ее согласия³². Однако уже в середине V в. «Каноны» св. Патрика, хотя и признавали, что «девушка должна делать то, что хочет ее отец, поскольку мужчина — глава женщины», но все же настаивали, чтобы «отец спрашивал о желании девушки»³³. Более поздний Пенитенциалий Теодора пошел еще дальше: «Девушка 17 лет вправе распоряжаться своим собственным телом. По достижении ею этого возраста отец не может заставить свою дочь выйти замуж против ее воли»³⁴.

Но даже если право родителей принуждать к браку не признавалось, родительское согласие на брак считалось обязательным. Все без исключения варварские судебники налагают большой штраф на человека, который женился на женщине, не получив согласия ее отца; церковь поддерживала светские установления каноническими правилами. Второй Орлеанский синод

(541 г.) провозгласил: «Никто не должен жениться на девушке вопреки воле ее родителей под страхом отлучения от церкви»³⁵.

Одним из способов обойти согласие родителей было похищение невесты — обычное дело в раннее Средневековье, — которое могло совершаться как при ее соучастии, так и без него. В начале VI в. главной задачей судебныхников было исключить кровную месть с помощью компенсаций семье или пострадавшему — жениху или мужу. Для насильников и похитителей была составлена свадебная формула, превращавшая преступника в жениха, приносящего публичные извинения: «Дорогая и возлюбленная жена, общеизвестно, что я завладел тобой против твоей воли и воли твоих родителей и что преступлением похищения я связал тебя со своей участью, которая могла бы подвергнуть мою жизнь опасности, если бы только священнослужители и уважаемые люди не восстановили понимание и мир; было договорено, что я даю тебе положенное в виде [дара]. Поэтому в качестве компенсации я дарю тебе [следует перечень имущества]»³⁶.

Не все судебники допускают в таких случаях брак, даже если похищенная женщина согласна на него. Некоторые налагают твердо установленный штраф, другие — объявляют союз недействительным. Церковный синод 557 г. предписывал отлучать похитителя от церкви в случае похищения девушки против воли родителей. В 596 г. король Хильдеберт установил смертную казнь за похищение силой, а если женщина была согласна на брак, то — при отсутствии одобрения родителей — виновная пара приговаривалась к изгнанию или смерти³⁷.

Обычная процедура заключения брака у германцев состояла из трех элементов, как и во времена Тацита: обручения, соглашения об условиях брака и свадебного празднества. Григорий Турский описывает церемонию обручения: в ее конце молодой человек дарит кольцо, поцелуй и пару туфель. Семье невесты он дарит *arrha*, памятный дар — реликт древнего выкупа за невесту, название которого сохраняет латинское наименование любой выплаты, гарантирующей доставку товара. Помолвка может теперь быть разорвана только с согласия обеих сторон, причем штраф за разрыв по-

молвки был выше, если его инициатором являлась женщина³⁸.

Однако *arrha* не была единственным обязательством жениха. На протяжении VI—VII вв. экономическая основа германского брака существенно изменилась. Если раньше выкуп за невесту шел целиком ее семье, то теперь дар жениха выплачивался самой невесте и увеличивался за счет *Morgengabe* («утреннего дара»), преподносимого на следующий день после свадьбы в знак того, что невеста рассталась с невинностью, а жених утвердился в своих сексуальных правах. Как дар невесте, так и утренний дар обычно определялись в денежном выражении при обсуждении условий брака, но чем дальше, тем чаще представляли собой земельные дарения, становясь тем самым вкладом в обеспечение не только невесты, но и нового супружеского домохозяйства. Правда рипуарских франков устанавливает размер утреннего дара в 50 солидов, четверть вергельда свободного человека или стоимость 25 волов³⁹.

Таким образом, брак больше не считался ни результатом взаимного согласия, как у римлян, ни покупки невесты, как у древних германцев, но рассматривался как осуществление супружеских отношений и выплат невесте. «В раннее Средневековье, — пишет Диана Хьюз, — брак состоял в формальных супружеских отношениях, и утренний дар был свидетельством их осуществления». Церковь санкционировала новые отношения: папы и соборы заявляли, что законный брак требует, чтобы жених обеспечил дар невесте⁴⁰. В то же время старый *mundium*, или формальная власть над невестой, частично утратил свое значение. Лангобардские Эдикты Ротари (643 г.) признают брак, в котором муж не сумел обрести власть⁴¹.

Вклад невесты в брак состоял не в земле или деньгах, но в приданом, состоявшем у бедных слоев населения из постельного белья и предметов домашнего обихода, необходимых для основания нового хозяйства, у знати же — из драгоценных камней, одеяний и обстановки. Приданое франкской принцессы Ригунты, вышедшей замуж за сына визиготского короля Испании, везли на 50 возах. К несчастью, стражники принцессы растащили большую часть сокровищ, а граф Тулузы забрал остальное. Унижение заставило ее вер-

нуться домой, как сообщает Григорий Турский, и предаться разврату⁴².

О свадебных церемониях VI в. сохранилось мало сведений. Основной чертой была их публичность; Арльский собор, постановивший, что дар жениха является обязательным, указывал также: «и никто не может жениться, не объявив публично о свадьбе»⁴³. Благословение священника во многих регионах стало обычным, хотя и не строго обязательным элементом.

Хотя церковное учение о нерасторжимости брака прямо противоречило как римскому, так и германскому бракоразводному праву, церковные соборы первых двух столетий Средневековья почти не прилагали усилий, чтобы изжить разводы, а те действия, которые они предпринимали, не приносили результатов. Установленная законом бракоразводная формула откровенно начиналась словами: «Поскольку между таким-то и такой-то, его женой, нет Божьего согласия, но между ними царят раздоры, и они в результате не могут договориться ни о чем, оба хотят расстаться, что они и сделали. Они решили, что каждый из них волен посвятить себя служению Богу в монастыре или заключить новый брак»⁴⁴.

Согласно германскому законодательству, мужчина мог развестись с женой по разным причинам: бесплодие, измена (за это преступление он мог убить ее и ее любовника), болезнь, препятствующая выполнению его супружеских обязанностей. Если он был готов отказаться от контроля над ее собственностью и выплатить ей компенсацию, ему не требовалось вообще никаких обоснований. Напротив, жены не могли инициировать развод, даже если мужа изменяли им. Судебники интересовались не моральными проблемами, а защитой интересов семьи и распределением собственности.

В противоположность закону, церковь прежде всего интересовалась моральным аспектом, но продвигалась вперед с осторожностью. Собор в Агде (506 г.) постановил, что мужчина не может отвергнуть свою жену, не представив вопрос на рассмотрение епископа. Это постановление было в целом проигнорировано⁴⁵. Последующие соборы (в Компьене в 757 г., Вербери в 758 или 768 г.) называют несколько уважитель-

ных причин развода: проказа, заговор с целью убийства одного из супругов, вступление одного из супругов в монашеские ордена, отдача в рабство одного из супругов. Каноны, принятые в Вербери, делают специальное — и трогательное — исключение в случае рабства: если один из супругов продал себя в рабство, чтобы спасти семью от голодной смерти, то второй супруг не имеет права повторно жениться или выйти замуж⁴⁶.

Пенитенциалии осторожно рекомендуют враждующим супругам проявлять терпимость, но не запрещают развод безоговорочно. Пенитенциалий Финниана предупреждает, что мужчина не должен разводиться со своей бесплодной женой, поскольку Господь все же может обойтись с ними, как с Авраамом и Сарой, т.е. дать им ребенка после многих лет брака. Даже если жена изменила мужу, он «не должен брать другую жену, пока жива первая»; более того, если она покаялась и искупила свою вину, он обязан взять ее назад «как рабыню, со всей набожностью и покорностью». Брошенная жена также не должна снова выходить замуж, но ждать «в терпеливом воздержании», чтобы муж взял ее обратно. Любой из супругов, изменивший другому, подлежит наказанию в течение года: он (или она) должен жить на хлебе и воде и спать один⁴⁷.

Пенитенциалий Теодора прямо говорит, что женщина не может развестись с мужем, даже если он прелюбодействует; единственной причиной может быть только его уход в монастырь. Законный брак не может быть расторгнут без согласия обеих сторон. Тем не менее, при первом браке каждый из супругов может дать другому разрешение уйти в монастырь, а мужчина, отвергший свою жену и женившийся вторично, подлежал только длительной епитимье⁴⁸. Если женщина имела возможность доказать, что ее муж импотент, брак расторгался, и она имела право выйти замуж снова⁴⁹. Если жена оставляла мужа из «презрения к нему» и отказывалась вернуться, муж должен был проявлять терпение в течение пяти лет, а затем мог жениться «с согласия епископа»⁵⁰. Теодор надеялся, что даже прелюбодейку можно примирить с мужем, причем в этом случае «наказание ей определяет не священнослужитель, а муж»⁵¹.

Не одобряя повторный брак, церковь оказывалась более или менее солидарной с германским правом и

обычаем, которые стремились защитить собственность и детей от первого брака. Пенитенциалий Теодора предусматривал следующие наказания: посты по средам и пятницам и три 40-дневных поста в течение года за повторный брак; такой же пост, но в течение семи лет — за третий брак. Для овдовевших же супругов епитимья была значительно мягче: месяц для вдовца и год для вдовы⁵².

Более деликатной проблемой для церкви был брак священников. Следуя взглядам апостола Павла на преимушества целомудрия, священникам было запрещено жениться уже в III в. Это не мешало принимать посвящение многим уже женатым мужчинам, в том числе представителям знати, занимавшим высокие должности в светской администрации, губернаторам, сенаторам и др., когда они обращались в христианство и становились епископами. Поместный собор 306 г. в Эльвире, Испания, постановил, что священники и епископы, как женатые, так и неженатые, должны воздерживаться от секса, но на вселенском Никейском соборе 325 г. этот вопрос обсуждался вновь, и было решено не настаивать на целомудрии священнослужителей⁵³. Вплоть до VI в. проблема celibата не слишком беспокоила церковь, но в VI в. синоды впервые начали отказывать в священническом сане мужчинам, женатым более одного раза и женатым на вдовах, при том, что посвящение в сан женатых мужчин продолжалось. Возник вопрос, могут ли священники и прелаты спать со своими женами или они обязаны избегать сексуальных отношений? «Обязаны», — начали настаивать поместные соборы. «Епископ должен обращаться со своей женой как с сестрой», — провозгласил четвертый Орлеанский синод (541 г.). Признавая трудности проведения этого установления в жизнь, синод постановил, чтобы каждый женатый иерарх, диакон или субдиакон «постоянно имел при себе клирика, который повсюду следовал бы за ним и спал в одной с ним комнате. Семь субдиаконов или лекторов или светских людей должны чередоваться для надзора», потому что «люди будут не уважать, а порицать священнослужителя, который сожительствует со своей женой, ибо он будет доктором распущенности вместо того, чтобы быть доктором покаяния»⁵⁴.

Григорий Турский рассказывает несколько историй о женатых епископах. Когда знатный бретонец по имени Маклиав стал епископом Ванна, он отверг свою жену, но получив в наследство семейные владения, он отрекся от сана и вернул жену. Маклиав был отлучен от церкви⁵⁵. Епископ Клермон-Феррана Урбик, неопит из сенаторской семьи, устроил так, чтобы его жена жила отдельно от него в качестве монашки. Но женщину обуяла «ревность дьявола, распалив ее похоть, сделала ее новой Евой», так что она отправилась ночью к епископскому дворцу и, «обнаружив, что все двери в доме заперты, она начала стучаться в них, говоря так: "Доколе ты будешь спать, епископ? Зачем ты пренебрегаешь своей спутницей? Почему ты глух к наставлениям Павла? Ведь это он писал: "Не уклоняйтесь друг от друга, чтобы не искушал вас сатана" (I Коринф. 7.5). Видишь, я возвращаюсь к тебе и прибегаю не к чужому, а к собственному сосуду". Она, наконец... охладила благочестие епископа. Он велел впустить ее в опочивальню и, разделив с ней супружеское ложе, отпустил ее». Позднее, обуреваемый раскаянием, он отправился в монастырь в своем диоцезе, чтобы покаяться «стеною и плача», после чего возвратился в свой город. После этой встречи жена забеременела и родила ему дочь, которая стала монахиней. Епископ и его жена никогда больше не жили вместе, но и жена, и дочь были похоронены позднее рядом с ним⁵⁶.

Большинство епископов, как кажется, решали эту проблему одним из двух способов: либо они полностью расставались со своими женами, либо продолжали жить с ними под одной крышей, но официально воздерживались от сексуальных отношений. Постепенно целибат епископов стал нормой, но низшие (и молодые) священнослужители, если были женаты до посвящения в сан, продолжали жить обычной семейной жизнью. В конце VII в. эта практика была закреплена в решениях Трулльского собора в Константинополе, и на протяжении последующих трех столетий во всей католической Европе женатые священнослужители не вызывали нареканий.

В раннее Средневековье изменения не коснулись власти в семье мужа или отца. Римский брак *sine*

manu, при котором женщина сохраняла членство в семье своего отца, полностью исчез. Он никогда не признавался германским правом, в соответствии с которым жена была строго подчинена *mundium* своего мужа. Все же власть средневекового мужа была не столь абсолютной как власть над женой, малолетними сыновьями и незамужними дочерьми римского *paterfamilias*. Германские судебники по-разному, но ограничивают отцовскую власть; большинство предусматривает, что достигшие совершеннолетия сыновья становятся независимы от отцов, что с женами надлежит советоваться по важным делам, что мужья не могут продать собственность жены без ее согласия и что вдовы контролируют полученное ими наследство и опекают своих малолетних детей.

Каноническое право, пенитенциалии и германские судебники в равной степени молчат о злоупотреблениях отцовской или вообще родительской властью. Отцы по-прежнему имели право отрекаться от младенцев и продавать детей — франкские короли присоединились к церкви, чтобы пресечь эту практику.

О семейных чувствах источники говорят мало. Как представляется, многие браки франкских королей, о которых пишет Григорий Турский, обуславливались не только политическими соображениями, но и чувствами. Хлотарь I любил свою жену Ингунду «всем сердцем» и женился на ее сестре Арегунде, поскольку «воспылал страстью» к ней⁵⁷. Король Хариберт «очень любил» двух сестер, служанок его жены⁵⁸. Однако, использование слова «любовь» у Григория двусмысленно. Король Хильперик «очень любил» визиготскую принцессу Галсвинту — «ведь Галсвинта привезла с собой большое богатство». И он одновременно «любил» свою прежнюю жену Фредегонду. Он примирил обе свои привязанности, приказав удушить Галсвинту и присвоив ее приданое⁵⁹.

В то время не существовало ни дневников, ни мемуаров, ни трактатов по вопросам морали, которые могли бы осветить отношение к детям в VI—VII вв., но и здесь Григорий проливает некоторый свет, свидетельствуя о том, что и в эти грубые и жестокие столетия к детям не относились с безразличием. Григорий описывает эпидемию дизентерии, которая «прежде всего поражала детей и уносила их в могилу. Мы поте-

ряли милых и дорогих нам деток, которых мы согревали на груди, нянчили на руках и сами, приготовив пищу, кормили их ласково и заботливо. Но, утерев слезы, мы говорим вместе с блаженным Иовом: "Господь дал, Господь и взял"⁶⁰. Даже Хильперик, «Нерон и Ирод нашего времени», и его жестокая королева Фредегонда, потеряв двух юных сыновей во время эпидемии, охвачены глубоким горем. Фредегонда «била себя в грудь кулаками» и сказала, что она и Хильперик потеряли «прекраснейшее из своих [сокровищ]» в наказание за свою алчность и, чтобы искупить свои грехи (в этот момент дети находились при смерти, но были еще живы. — *Перев.*), приказала сжечь налоговые книги. Затем они похоронили мальчиков «с глубочайшей скорбью»⁶¹. Несколькими годами позже Хильперика и Фредегонду «постигло новое горе»: их третий сын в возрасте двух лет умер от дизентерии. Королева Фредегонда собрала «всю его одежду и остальные вещи из шелка или из другой материи, которые она могла найти, [и] предала огню», а его драгоценности велела переплавить, «чтобы ничего не осталось в прежнем состоянии, что могло бы вызвать у нее печальное воспоминание»⁶².

Отчаяние обычных родителей при подобных эпидемиях отражено в пенитенциалиях, где упоминаются матери, прибегающие к колдовству, чтобы спасти своих детей. Одним из таких крайних средств, подлежащих суровому наказанию, было помещение больного ребенка или на крышу дома, или в печь, «чтобы излечить его от лихорадки»⁶³.

Еще одним свидетельством проявления родительских чувств являются детские надгробия. Среди надписей VI в. в церкви св. Андре-ле-Ба (André-le-Bas) в Вене насчитывается более двух десятков эпитафий на надгробиях детей от двух до шестнадцати лет. В большинстве из них, как, например, на надгробиях семилетнего Дульциция и трехлетней Валерии, сочетаются обычное «Да покоится в мире» с выражением надежды на воскресение. Некоторые эпитафии, например Маруция, чей возраст указан со всем тщанием: три года, шесть месяцев и восемь дней, приводят имена родителей (Эльценциан и Палеста), которые «положили его здесь из любви».

Пенитенциалии определяют суровые наказания за детоубийство, но рассматривают его как признанную альтернативу абортам и контрацепции. Суровость наказания увеличивается для каждого из трех случаев: убийство эмбриона до того, как он обнаружит признаки жизни (прежде чем «душа войдет в тело»); после «одушевления»; и после рождения. Пенитенциалий Теодора предусматривает годовичную епитимью, если женщина сделала аборт до того, как плод обнаруживает жизнедеятельность, трехгодичную — если после зачатия прошло более 40 дней, и десятилетнюю — если она убила ребенка после рождения. Единственным оправданием могли служить экономические соображения: «Если бедная женщина убьет своего ребенка, она должна нести наказание в течение семи лет», — а не десяти⁶⁴. Пенитенциалий Колумбана (ок. 600 г.) наказывает «мирянина или женщину» годовичным постом на хлебе и воде с последующим двухгодичным исключением из пищи вина и мяса за «залежание» ребенка: его убийство из-за того, что один из родителей, повернувшись во сне, нечаянно придавит его; подобные несчастные случаи часто упоминаются в более поздних пенитенциалиях и судебных протоколах вплоть до Нового времени⁶⁵.

Дефективных детей — отклонения от нормы обычно приписывались родителями своей собственной греховности — часто продавали или убивали. Григорий Турский рассказывает о женщине, которая объясняла дефективность своего ребенка тем, что он был греховно зачат в воскресенье, и которая продала его, чтобы стереть память об этом. Точно так же отец св. Одилии, полагая, что ее слепота — наказание за его грехи, приказал убить ее. Только вмешательство матери спасло ей жизнь⁶⁶.

Сексуальность занимает важное место в пенитенциалиях, последовательно опирающихся на взгляды апостола Павла и блаженного Августина. «Мы советуем и призываем к воздержанию в браке, — сказано в Пенитенциалии Финниана, — поскольку брак без воздержания незаконен, но является грехом, и [брак] разрешен властью Господа не для удовлетворения похоти, а для [рождения] детей»⁶⁷. Папа Григорий I приписывал распространенное обращение к кормилицам

стремлению женщин к сексуальной жизни, обычно прекращавшейся, пока ребенок не будет отнят от груди. «Распространился вредный обычай: матери не вскармливают детей сами, а отдают их выкармливать другим женщинам»⁶⁸.

Идеалом был исключительно духовный союз. Григорий Турский рассказывает поучительную историю Иньюриоза, богатого юноши из сенаторской семьи Клермон-Феррана, который женился на девушке из того же социального слоя. Когда после свадебной церемонии молодых отвели в спальню, невеста горько разрыдалась, потому что «решила сохранить для Христа свое тело непорочным И подвенечное платье стало для меня бременем, а не честью. Пренебрегаю твоими обширными землями, ибо я стремлюсь к радостям райской жизни». Молодой человек был тронут ее слезами, но возразил ей, что их родители — самые знатные люди в Клермоне и что они — их единственные дети, поэтому «они пожелали соединить нас для продолжения рода, чтобы, когда они покинут этот мир, не был наследником чужой». Но под конец он поддался на уговоры: «если ты хочешь воздержаться от вожделения плоти, я разделю твое желание». Григорий заключает: «и, обнявшись, они заснули. После этого они прожили вместе, почивая на одном ложе, много лет и сохраняли невинность, достойную похвалы». После их смерти, они были похоронены в различных могилах, но, согласно Григорию, на следующее утро их могилы оказались рядом — «чудо, явившее их непорочность»⁶⁹.

Одновременно с похвалами воздержанию церковь придавала большое значение другому тезису апостола Павла — супружеской обязанности, долгу партнеров удовлетворять сексуальные потребности друг друга в качестве средства против похоти. Муж и жена могли договориться и принять обет воздержания, но это решение должно было быть совместным — так учили церковные соборы VI в.

Большинство пенитенциалиев предписывали воздержание во время Великого Поста. Пенитенциалий Финниана рекомендовал три 40-дневных периода, а также воздержание по субботам или воскресеньям. Сексуальные отношения возбранялись также в весь период беременности жены или по меньшей мере в

последние три месяца, а также на протяжении 40 дней после родов⁷⁰. Пенитенциалий Теодора заходит так далеко, что запрещает мужу видеть свою жену обнаженной⁷¹. Как правило запрещались «неестественные» соития, что означало любые отклонения от положения женщины лежащей навзничь и мужчины сверху, что считалось наиболее благоприятным для зачатия. Если мужчина брал жену сзади, то наказание было относительно легким, особенно в первый раз, но за анальный секс «следовало наложить такую же епитимью как и на того, кто занимается скотоложеством». Оральный секс был «наихудшим из зол»⁷². Эти приемы считались не просто противоестественными — они исключали зачатие. Но, как ни странно, контрацепция не упоминается в ранних пенитенциалиях.

Внебрачные отношения карались целым набором наказаний, более жестких для клириков, чем для мирян, и учитывающих разнообразные сопутствующие обстоятельства: была ли женщина девственницей, была ли она женой соседа и др. В Пенитенциалии Колумбана устанавливается, что мирянин, приживший ребенка с чужой женой, должен совершать епитимью в течение трех лет, «воздерживаясь от сочной пищи и своей собственной жены» и выплачивая штраф оскорбленному супругу. Отношения с вдовой влекли за собой годичную епитимью, с девушкой — двухгодичную с выплатой «цены за ее унижение» ее родителям, но если мужчина предпочитал жениться на ней, на обоих налагалось годичное покаяние⁷³.

Наиболее суровому наказанию подлежали мастурбация, гомосексуализм и скотоложество, причем для клириков оно было более суровым, чем для мирян, и для мирян-мужчин более суровым, чем для мальчиков. Для священнослужителей существовала сложная градация наказаний за грехи, простиравшиеся от «сладо-страстного воображения» или «дурных мыслей» через ночные поллюции, «знакомство» с женщиной, «приказание или целование ее», попытки соблазнить женщину, половые отношения с женщиной, мастурбация, секс с мужчинами или мальчиками и вплоть до «половых отношений с животными». Намерение согрешить наказывалось, но не столь сильно, как само прегрешение: Пенитенциалий Финниана налагает суровое наказание на священника или монаха, который «предался

связи [с женщинами] и их сладострастным объятиям», но требует значительно меньшего для клирика, который «постоянно испытывает вожделение, но не может исполнить свое желание» и который поэтому «совершает грех с ней в своей душе», и еще меньшего для человека, который «возжелает девственницу или другую женщину в своей душе, но не выскажет [свое желание] губами»⁷⁴. Наиболее тяжким считался грех мужчины, использующего свой возраст или положение, особенно, если он клирик: исповедника с исповедующейся женщиной или прелата с мальчиком. Наказания для женатого мужчины, совершившего грех мастурбации или скотоложества, были суровее, чем для холостяка.

Большинство правил, регулирующих сексуальные отношения в пенитенциалиях, касались мужчин, но Пенитенциалий Теодора также включает наказание за лесбиянство: «Если женщина совершит грех с женщиной, она должна исполнять епитимью в течение трех лет». Если же она имеет мужа, то наказание будет еще суровее⁷⁵.

Проституция, как и контрацепция, ни разу не упоминается в ранних пенитенциалиях, и видимо она была мало распространена в по преимуществу сельском обществе раннего Средневековья.

Интересно отношение пенитенциалиев к инцесту. Предусматривались наказания за отношения между матерью и сыном, которые антрополог Робин Фокс считает «редкими или несуществующими» в современном обществе, и между братом и сестрой, которые он характеризует как редко встречающиеся⁷⁶. «Тот, кто осквернит свою мать, должен исполнять покаяние в течение трех лет непрерывного паломничества», — устанавливает Пенитенциалий Колумбана⁷⁷, а Пенитенциалий Теодора требует 15 или 7 лет «непрерывного паломничества». То же наказание Теодор предусматривает и за связь брата и сестры. И «если мать имитирует половой акт со своим малолетним сыном, она должна воздерживаться от мяса в течение трех лет и поститься один день в неделю, то есть до вечерни»⁷⁸. Связь между отцом и дочерью, определенная Робинем Фоксом как «вероятно, наиболее распространенный тип», не упоминается ни разу. Хотя «История» Григория Турского — истинный каталог преступлений, в ос-

новном кровавых, лишь в одном случае речь, видимо, идет об инцесте: некий мелкий франкский правитель «так погряз в разврате, что не мог держать руки прочь от женщин из своей же собственной семьи⁷⁹. Советчиком у него был отвратительный, под стать ему, Фаррон». Григорий не уточняет, были ли эти женщины его дочерьми или невестками⁸⁰.

Сохранилось крайне мало сведений о физическом окружении семьи в VI—VII вв. В послеримской Европе каменные здания были редки, и поэтому от них осталось мало следов. Даже дома богатых людей обычно строились из дерева. Григорий рассказывает, как один зажиточный человек из Ле Веле застал своего врага в его доме пьяным, запер дверь, «сделанную из деревянных досок», набросал снопы пшеницы вокруг дома и на крышу, так что он «вовсе не был виден» и затем поджег его⁸¹. Когда горожане Шатодена отвечали на нападение на них горожан Орлеана и Блуа, они «не оставили у них ничего ни в доме, ни вокруг дома, ни самих домов»⁸². Приближенный короля Хильперика, подступивший к Туру, остановился в епископском доме, а затем «разрушил сам дом, сбитый гвоздями», которые были разобраны его воинами в качестве ценной добычи⁸³. Большинство зданий имело стены, конструкция которых была похожа на плетни, как часовня, стоявшая за одними из парижских ворот и описанная Григорием, «История» которого полна горящими городами⁸⁴.

Григорий позволяет увидеть нам и интерьер. Дом, в котором Фредегонда принимала враждующие семьи, был обставлен скамьями и обеденным столом, который убирался, «по обычаю франков» и по повсеместному средневековому обычаю; слуги гостей ели в той же комнате, что и их хозяева⁸⁵. Мажордом Ригунты, дочери Фредегонды, убил своего управляющего (и сам был убит сыном управляющего), потому что тот не выполнил приказания «подмести в доме и постелить на скамьи покрывала»⁸⁶. В богатых домах еду гостям подавали на золоте и серебре, но некоторые из блюд были сделаны из дерева. На пиру в Орлеане, где присутствовал Григорий, король Гунтрамн хвастался, что у него есть блюдо весом в 170 фунтов⁸⁷ серебра⁸⁸. Королева Брунгильда послала сделанный из золота и се-

ребра и драгоценных камней «щит удивительной величины» испанскому королю вместе с «двумя деревянными чашами, отделанными также золотом и драгоценными камнями»⁸⁹.

Археологические материалы показывают, что в первые два столетия Средневековья зарождается европейская деревня. Место изолированных античных усадеб занимают небольшие скопления домохозяйств, пока еще не имеющие ярких признаков позднейшей средневековой деревни: церкви или замка, вокруг которых обычно и формировалось поселение⁹⁰. Крестьянское домохозяйство обычно состояло из нескольких построек: от «больших домов», в которых под одной крышей размещались как люди, так и животные, до небольших собственно жилых домов. Полуземлянки использовались для содержания скота и для хранения припасов⁹¹.

Таким образом, в первые два столетия Средневековья, когда произошла тихая и незасвидетельствованная источниками сельская революция, семья и *Sippe* продолжали доминировать в обществе, хотя церковь и государство начали посягать на их древние права. Земля подлежала делимому наследованию среди наследников-мужчин, а женщины оставались под опекой своих отцов и мужей. Тем не менее отношения по женской линии играли важную роль, и между братьями и сестрами сохранялись крепкие связи.

Учение церкви об экзогамии все еще находилось в процессе становления. К VII в. церковь наложила запрет на браки между свойственниками и сделала некоторые успехи в борьбе с полигамией, но до принятия европейской знатью ее основополагающей доктрины — о нерасторжимой моногамии — было еще очень далеко.

Глава 4

ЭПОХА КАРОЛИНГОВ

В VIII—IX вв. сельскохозяйственная революция вместе с рядом других факторов сформировала европейское общество в его средневековом виде. В какой-то момент казалось, что огромная франко-германско-итальянская империя Карла Великого, основанная в 800 г., вот-вот оживит Римскую империю в новых географических границах, но Европа снова быстро распалась и стала добычей набегов викингов и сарацин. Последовавший за этим длительный период мелких, но разрушительных вторжений, образовал из класса землевладельцев обособленную военную элиту, обитающую в замках и имевшую право носить оружие; ее поддерживали крестьянские семьи, ища у нее защиты.

Первые свидетельства произошедших социальных перемен датируются концом VIII — началом IX в. Первой и важнейшей группой источников являются описи поместий (полиптики), в которых перечисляются арендаторы с причитающимися с них рентами и повинностями, за основу исчисления которых принимается одно домохозяйство — манс (*mansus*). Этот термин и его локальные варианты постепенно вообрал в себя и другие связанные с ним значения, но важнейшим его содержанием было держание: дом, сад, поля — держание, сколь бы ни обремененное сеньориальными повинностями, но полностью наследственное для крестьянской семьи, которая обрабатывала его¹.

Сведений о жизни знати так же мало, как и о жизни крестьян. Мимолетный взгляд — но не больше — на отношения и семейное сознание высшей аристократии Каролингского времени дает нам уникальный, хотя и загадочный документ, называемый «Книга Дуоды», или «Наставление Дуоды» («*Liber Manualis*»)².

Напротив, третий основной общественный институт, церковь, оставил обширную документацию, освещающую церковные взгляды на брак и семью и церковную политику в этой сфере.

Крестьяне и полиптики

Сведения в полиптиках содержатся в разных формах, каждая из которых, по мнению современных ученых, имеет свои преимущества и недостатки. Все они неполны и ни в одном случае нельзя быть уверенным, что в них учтено все население. В противоположность протоколам манориальных судов более позднего времени, они мало рассказывают нам о личной жизни поименованных в них людей. Из обрывочных упоминаний в литературе и из археологических находок мы знаем, что крестьяне одевались в грубые льняные рубахи, поверх которых носились свободные плащи с капюшоном, гамаша и тяжелые башмаки, и что они использовали грубые орудия труда, по преимуществу деревянные. Крестьяне жили в построенных из дерева и глины домах, состоящих из одной комнаты, обстановку которой составляли стол, одна-две скамьи, соломенные тюфяки на земляном полу, где спали члены семьи.

Полиптики сообщают важную информацию о размере и структуре семьи и позволяют сделать предположительные выводы об образе жизни крестьян. Опись владений богатого аббатства Санта Мария ди Фарфа³ у подножья Апеннин к востоку от Рима, составленная около 820 г., перечисляет зависимых арендаторов по единообразной форме, идеальной для демографического анализа: для каждого домохозяйства называются глава домохозяйства, его жена и неженатые дети; его женатые сыновья, если таковые имеются, а также их жены и дети; и, наконец, «дома и держания» (*casae et substantiae*) и домашние животные, чаще всего ослы, но иногда коровы, телята, волы или лошади. Домашняя птица не включена в список, хотя очевидно, что крестьяне держали ее, поскольку в ренту одной из групп входил, помимо других натуральных выплат, один цыпленок (к сожалению, это единственный случай, когда указана форма ренты)⁴.

Первое приводимое в описании домохозяйства имя — это всегда имя того, кто взял на себя бремя ответственности за усадьбу. В описи не отмечается возраст арендаторов или размеры их держаний, но по числу животных и месту в перечне домохозяйств данной деревни (более зажиточные крестьяне всегда называются раньше более бедных) легко установить экономический статус каждого домохозяйства.

Стремясь определить доминировавшую в Фарфе структуру семьи, историк Ричард Ринг⁵ сначала проанализировал полиптик, используя деление домохозяйств на пять групп, предложенное П. Ласлеттом:

1. одинокие;
2. холостые братья и сестры, живущие вместе;
3. простая (супружеская) семья;
4. расширенная семья;
5. составная семья.

Он обнаружил, что из 244 домохозяйств, которые можно классифицировать на основании сведений в полиптике и которые насчитывают 1147 человек, только 11 состоят из одного человека и три из холостых братьев и сестер. Подавляющее большинство (194 семьи, или 72%) образуют простые семьи: супружеская пара с детьми или без них или вдовы или вдовцы с детьми. Всего 18 семей (6%) были расширенными, то есть состояли из простой супружеской семьи плюс один или более человек — родственники взрослого мужчины, главы семьи. 46 домохозяйств (17%) были составными, они включали две или более супружеские пары⁶.

Из 194 простых семейных домохозяйств 27 представляли собой супружеские пары без детей: «Аутари со своей женой», «Сабиниан со своей женой Марией»⁷. 154 пары имели детей: «Петр со своей женой Розой, его дети Фузул, Адо, Симпула, Адилеупа»⁸. Главами десяти семей были вдовы, трех — вдовцы⁹.

Большинство из 18 расширенных домохозяйств распространялись вверх по линии родства — за счет проживания в семье овдовевшего отца или матери мужа. Четыре семьи расширялись по горизонтальной линии: три включали женатых братьев главы семейства, а одна — незамужнюю сестру. Две семьи имели нисходящее дополнение в лице племянников и пле-

мянниц: «Палумб с его женой Теудой и его племянницами Синдулой, Раттулой»¹⁰.

Из 46 составных домохозяйств Фарфы половина состояла из супружеской пары и одного женатого сына. Среди многих других вариантов семь домохозяйств включали супружескую пару и двух женатых сыновей, а иногда и их неженатых детей, и три пары женатых братьев, возможно, живших в «братстве» (*frèreche* или *fraternitas*); этот институт предполагал, что братья совместно владели имуществом¹¹.

Из этого анализа вытекает несколько фактов. Во-первых, во всех рассмотренных домохозяйствах главой семейства обычно являлся отец вплоть до своей смерти. Когда овдовевший отец жил с семьей своего сына, главой семьи был он: «Антоний, Теудимунд его сын со своей женой Гуттой», «Фредо, Синдольф его сын со своей женой Роделди, один ребенок мужского пола»¹². Только в двух из 46 составных домохозяйств живого отца в качестве главы семьи заменял его сын, и в обоих случаях отец, очевидно, был очень стар¹³. В то же время сыновья, наследовавшие после смерти отца, были либо женатыми мужчинами, либо вдовыми. Только одно домохозяйство возглавлялось мужчиной, семейное положение которого не было определено¹⁴.

Во-вторых, бросается в глаза, что составные домохозяйства включали одного или более женатых сыновей, но не замужних дочерей или сестер. Выходя замуж, дочь покидала домохозяйство и возвращалась крайне редко — в качестве вдовы. Напротив, женись, сын или основывал собственное домохозяйство, или приводил жену в дом своего отца. Только в одном случае, возможно, в семью входило более двух женатых сыновей¹⁵.

В-третьих, при том, что в некоторых домохозяйствах жили пасынки или приемные дети, только в одном наличествовали члены, не связанные с семьей родственными узами — это бездетная семья Сакса, у которого были две рабыни¹⁶. Единственный другой случай включения рабов в полиптик — группа из почти ста рабов в монастырском поместье в Форконе. Три четверти из них были женщины, которые «работали хорошо» (*bene*) или «довольно хорошо» (*mediocriter*), возможно в гинеее (*gynaeseum*) или в мастерской, где шили женское платье. Остальные рабы (мужчины) в

Форконе включали конюха, кузнеца, повара, мельников и садовников¹⁷.

Небольшое число пасынков в полиптике (всего пять), видимо, указывает на то, что вдовы с детьми редко могли снова выйти замуж. Большинство из 10 вдов в простых домохозяйствах, вероятно, были бедны. Только две владели домашним скотом: Айделинда и ее четыре сына имели теленка и осла; Аудерада и ее три сына и две дочери — осла¹⁸.

В-четвертых, средний размер домохозяйства, судя по полиптику, составлял 4,7 человека — цифра, скрывающая важный факт: хотя половина домохозяйств (122) насчитывала четырех или менее членов, более половины населения из 1147 человек жили в домохозяйствах, где было шесть и более членов¹⁹.

В-пятых, в анализе Р. Р. Ринга отчетливо проявляются экономические или психологические факторы, обычно приводившие к расщеплению составных домохозяйств. Неженатые сыновья и дочери могли оставаться в семье и после того, как один из братьев женился, но когда у него появлялись дети, они обычно уходили. Когда женились двое из братьев, холостые часто выходили из домохозяйства, особенно, если родители к тому времени уже умерли. Когда старший из двух женатых братьев обзаводился детьми, младший, как правило, уходил²⁰.

Р. Р. Ринг настаивает, что абсолютное преобладание в полиптике супружеских семейных домохозяйств обманчиво, не отражает истинного желания людей; на самом же деле идеальной семьей в глазах крестьян было нечто иное: составная семья, в которой в доме оставалось более одного женатого сына. Небольшой размер семейного владения, высокая детская смертность и низкая продолжительность жизни не давали большинству семей достичь этого идеала.

Почти каждая семья проходила через этап, когда она была супружеской. Домохозяйство начиналось с супружеской пары, которая немного позже обзаводилась детьми. Когда дети достигали совершеннолетия, они уходили, чтобы образовать новые супружеские пары, или же сыновья приводили своих жен, чтобы жить под отеческой крышей, создавая составную семью. После смерти отца такая составная семья обычно распадалась, в результате чего образовывались

два или более супружеских домохозяйств, которые могли в дальнейшем пережить аналогичный цикл. Однако, домохозяйство могло и не достичь уровня составного, если в нем не было доживших до совершеннолетия сыновей, если отец умирал до того, как сыновья достигали брачного возраста или если семейный надел был слишком мал, чтобы прокормить дополнительные рты.

Теоретически составные семьи возникали в тех крестьянских обществах, где, как в раннее Средневековье, обычай предписывал делить землю в равных долях между всеми наследниками мужского пола. Вместо того, чтобы дробить и без того небольшой земельный участок, наследники могли предпочесть обрабатывать его совместно. Сравнение ситуации в Фарфе и статистической модели общества с системой составных семей привело Р. Р. Ринга к следующему выводу: «Можно полагать, что значительное меньшинство населения [Фарфы] в то или иное время жило в составных домохозяйствах и что, вероятно, большинство провело часть своей жизни в домохозяйствах, состоявших из супружеской пары, их неженатых детей и одного женатого сына»²¹.

Трудно определить, насколько сопоставима крестьянская семья в Фарфе начала IX в. с семьями в других частях Европы. По крайней мере, два других политика, как кажется, подтверждают предположение о том, что большие семейные группы были предпочтительны. Наиболее известный и пространный из политиков — монастыря Сен-Жермен-де-Пре около Парижа (801—820 гг.)²² — страдает несколькими недостатками. Вероятно, он не указывает всех держателей (загадочно велико число одиночек), некоторых — называет по два и более раз в различных контекстах, не отмечает родственные отношения между супружескими парами, живущими на одном мансе. Поэтому возможные интерпретации этого материала настолько различны, что Э. Коулмен, предположив, что супружеские пары не были связаны между собой родством, заключает, что нуклеарная семья не только преобладала, но и была единственным типом семьи, существовавшим на землях монастыря²³, тогда как Д. Херлихи, полагая, что они находятся в родстве, считает, что процент составных семей был не только очень

высок — 43%, но существовали и семьи, охватывавшие три поколения. Он также приходит к выводу, что дети, особенно девочки, из низшего слоя крестьянства часто жили в более богатых домохозяйствах в качестве служанок и возвращались к родителям, когда им было пора выходить замуж, — эта модель позднее стала очень распространенной²⁴.

Фрагментарная опись 13 деревень, принадлежащих аббатству Сен-Виктор около Марселя в 813—814 гг.²⁵ — времени, когда сарацины вторглись в Прованс, показывает большую долю — 35% — заселенных усадеб с составными домохозяйствами, состоящими обычно из двух, но иногда из трех, четырех и даже пяти супружеских пар. Еще более удивительной особенностью данных этого полиптика является то, что только в четырех из 13 деревень все земельные наделы были заняты; в двух — все они были свободны, а в семи незанятыми оставалось до 30% наделов. Более того, хотя отмечено необычно большое количество взрослых холостых детей (127 мужчин и 120 женщин определяются как «холостой сын» или «холостая дочь»), 60 мужчин и женщин имеют супругов-чужаков (*maritus extraneus, uxor extranea*), т.е. происходящих из деревень, не принадлежащих аббатству; супруг-чужак переезжал в семью, жившую на территории аббатства. Анализируя этот полиптик, С. Вайнбергер предположил, что крестьяне аббатства Сен-Виктор, которым постоянно угрожали сарацины, образовали сообщество, где высшими ценностями были «максимальные безопасность и стабильность». Семьи держались за своих членов, вводили в семью посторонних и скапливались на перегруженных земельных наделах²⁶.

И действительно, похоже, что полиптик аббатства Сен-Виктор рисует картину концентрации семей с целью самообороны. Позднее в том же столетии, как рассказывают хронисты, население полностью бросило эти земли и бежало в горы. Последующие документы показывают, что когда в следующем (десятом) столетии крестьяне вернулись, то модель расселения, социальный статус, организация семьи, равно как и ранее застойная экономика — все они претерпели радикальные изменения: все усадьбы были заселены, рабство исчезло и было заменено исполщиной, структура семьи стала более свободной и гибкой, а

экономика начала расти. Другими словами, большое количество составных и расширенных домохозяйств в аббатстве Сен-Виктор было защитной реакцией на представляющую опасность обстановку, тогда как нуклеарная супружеская семья была продуктом стабильности и свободы²⁷.

Баварский полиптик того же времени, редкая опись светской синьории — Лаутербаха, — привел К. Хаммера к интересным выводам о том, как управляющие поместьями распределяли рабочую силу и устраивали браки сервов для эффективного ведения сельского хозяйства. Хотя, как кажется, крестьяне обычно выбирали брачных партнеров в своей собственной общине, но при отсутствии подходящих кандидатов они женились на сервах из других поместий и перемещение раба (или рабыни) из одного поместья в другое компенсировалось обменом рабами. Точно так же, подавляющее доминирование простых домохозяйств и единообразие их размера может отражать активность административного управления. Бездетным арендаторам или состарившимся парам, дети которых покинули дом, могли давать дополнительную рабочую силу, направляя рабов жить вместе с ними: тем самым обеспечивалось полноценное использование держания, и при этом регулировалось количество едоков, которые должны были прокормиться с этого участка; одновременно такой способ давал детям работу и помогал престарелым. Таким образом, жизненный цикл совершала не индивидуальная семья, а вся синьория в целом, которая, по словам К. Хаммера, представляла собой «в буквальном смысле слова одну большую семью»²⁸.

Исходя из соотношения полов в полиптиках Сен-Жермен-де-Пре и Фарфы, некоторые ученые предположили, что в этих поместьях практиковалось детоубийство. В Сен-Жермен-де-Пре отмечено 143 мальчика и 100 девочек, в Фарфе — 136 мальчиков и 100 девочек; эти цифры используются как аргумент в пользу гипотезы, что младенцев женского пола нередко убивали²⁹. Хотя детоубийство и могло практиковаться, но данных всего двух полиптиков, по мнению большинства ученых, совершенно недостаточно для надежных выводов (в Фарфе соотношение взрослых мужчин и женщин 103 и 100)³⁰; подобные цифры можно объяс-

нить и другими причинами, включая предпочтения авторов описей. Более того, в третьем полиптике, Сен-Викторском, количество девочек (100) больше, чем мальчиков (93)³¹.

Полиптики — основной источник, который документирует появление семейных крестьянских хозяйств, а вместе с ними и крестьянской семьи, размеры и формы которой определялись случайностями рождений, смертей и экономики и лишь в редчайших случаях — и то, только вероятно, — ее состав мог формироваться преднамеренно в соответствии с имеющимися предпочтениями. То, что мы обладаем подобной информацией и даже узнаем имена этих неизвестных нам людей: Фредо, Адо, Аутари, Адилеупа, Гутта, Саксула, по прошествии более тысячи лет, — само по себе маленькое чудо, которое приоткрывает туманные начала европейской семьи.

Знатная семья IX в.

«Руководство» Дуоды, книга советов, было написано в 841—843 гг. знатной франкской дамой для ее 15-летнего сына Гийома. Хотя многие из мужчин — членов семьи Дуоды известные исторические лица, о ее существовании свидетельствует только написанное ею «Руководство»; она не упоминается ни в одном из документов и не появляется на страницах современных хроник³².

Свекор Дуоды, Гийом из Геллона, герой испанских войн Карла Великого с сарацинами, был позднее прославлен в героическом эпосе под именем Гийома Оранжевого. Двоюродный брат Карла, который назначил его графом Тулузы, Гийом основал монастырь в Геллоне, куда и удалился перед смертью, последовавшей в 812 г.; он был канонизирован под именем св. Гийома Пустынника. Муж Дуоды, Бернар Септиманский (Септимания — область на побережье Средиземного моря, граничащая с Испанией), занимал официальную должность при дворе сына Карла Великого Людовика Благочестивого. Людовик был крестным отцом Бернара, Бернар же стал воспитателем младшего сына Людовика.

В предисловии к своей книге Дуода рассказывает сыну, что свадьба ее и Бернара состоялась в импера-

торском дворце в Аахене 29 июня 824 г., через десять лет после смерти Карла Великого. По историческим сочинениям и археологическим данным мы можем представить себе дворец, построенный Карлом в 794 г. Внутри стен с четырьмя воротами имелось четыре группы построек, образующих квадрат: большой зал с примыкающей к нему башней, в которой находились архив и сокровищница; резиденция короля с его палатой на втором этаже; здание казарм и суда, соединенное с большим залом галереей; комплекс церковных построек в форме креста, в центре которого находилась восьмиугольная часовня, где венчалась Дуода³³. Часовня, как писал хронист Эйнхард, была «украшена золотом и серебром с лампами и с решетками и дверями из чистой бронзы»; мраморные колонны были привезены из Рима и Равенны³⁴. Биограф Карла Великого Ноткер сообщает, что император, «будучи пронзительным человеком», велел поставить дома своей знати вокруг дворца и таким образом, чтобы «через окна его личных покоев он мог видеть все, что они делают, и все их приходы и уходы так, чтобы они не знали об этом»³⁵. На территории дворца находились также кладбище, охотничий парк и зверинец.

Хроники, миниатюры в рукописях и своды законов дают возможность составить представление о том, как одевались придворные. Карл Великий и его преемники носили «национальное платье франков» (Эйнхард): льняную рубашу и льняные подштанники, надевавшиеся прямо на тело, поверх них — длинные штаны и туника, обшитая по краю шелком, туфли на ногах и полосы ткани, обернутые вокруг ног, зимой — меховой жилет и поверх него большой плащ³⁶. Женщины носили тунику с широкими рукавами, подпоясанную на талии поясом, украшенным драгоценными камнями, накидку поверх туники и вуаль, закрепленную на золотом наголовном обруче³⁷.

Вскоре после свадьбы Бернару была поручена охрана испанской границы от сарацин. 29 ноября 826 г. Дуода родила (она не упоминает, где) сына Гийома, названного так в честь его деда. «Ты родился от меня в этот мир, мой столь долгожданный первородный сын», — пишет она³⁸. На следующий год после победы в Испании Бернар был назначен канцлером Людовика при дворе в Аахене, «вторым человеком в империи»,

как сообщает хронист Нитхард³⁹, и заместителем императора в войнах против его мятежных сыновей.

Видимо, Дуода сопровождала Бернара при всех переменах его политической и военной карьеры. В последней главе своей книги она рассказывает Гийому, что она широко прибегала к займам, чтобы помочь мужу в его начинаниях «и для того, чтобы он не расставался с тобой и мной, что делают, как мы видим, многие»⁴⁰. Она не упоминает, что в 830 г. Бернар был обвинен врагами в любовной связи со второй женой Людовика Благочестивого Юдифью, которая «доказала свою невиновность с помощью клятвы, принесенной ею вместе с родичами, перед людьми» (Нитхард)⁴¹. Не говорит она и о многочисленных несчастьях, перенесенных семьей в 830-е годы во время войны между императором и его сыновьями: о гибели сестры Бернара Герберги, которая была заключена в бочонок и брошена в Саон, «как ведьма» (Нитхард), об обезглавливании его брата Гаусельма⁴² и об ослеплении его другого брата Хериберта — все это по приказам старшего сына Людовика Благочестивого Лотаря I⁴³.

Не успела закончиться одна кровопролитная внутрисемейная война, как началась новая, причем на этот раз Бернар был на стороне внука Людовика Пипина II Аквитанского. В разгар этих событий (в марте 841 г.) после бесплодных 15 лет Дуода родила в Узэ поблизости от Нима второго сына. В это время ей было около 40 лет. Прежде чем ребенка крестили и пока он был «еще очень маленьким», по ее собственным словам, Бернар прислал из Аквитании просьбу, чтобы епископ Узэ привез ребенка (позднее названного Бернаром) к нему⁴⁴, вероятно, чтобы защитить его от своих врагов. Гийом, очевидно, был с отцом; Дуода говорит, что она долгое время находилась вдали от них, оставаясь в Узэ «по приказанию моего господина [Бернара], радуясь его успехам», но была одна, поскольку младенец был увезен от нее, а другой сын отсутствовал⁴⁵.

Когда война за братское наследство закончилась поражением стороны, на которой сражался Бернар, он послал Гийома ко двору Карла Лысого, одного из победителей, чтобы принести омаж в обмен на подтверждение прав Гийома на земли и титул. Именно в

этот момент Дуода и предприняла составление своего руководства. В ее намерения не входило, как можно было бы ожидать, наставление молодого человека в придворном этикете или политических интригах; напротив, она стремится укрепить его моральное и духовное состояние. «Ты найдешь в моей книге зеркало, — говорит она ему, — в котором ты сможешь созерцать спасение твоей души»⁴⁷. Написанной на латинском языке и, как и большинство средневековых сочинений, насыщенной отсылками к Библии и библейскими цитатами, книге тем не менее удастся передать настоящее чувство. В автобиографическом введении Дуода объясняет причину, побудившую ее «велеть записать (бесспорно клирику. — *Авт.*) этот томик для ее сына»⁴⁸.

Первый раздел посвящен религиозному наставлению молодого человека: любовь к Богу, поиски Бога, величие Бога, тайна Троицы, добродетели, особенно милосердие, молитвы. Следующий раздел посвящен социальным обязанностям Гийома: по отношению к отцу, по отношению к своему господину (Карлу Лысому) и по отношению к епископам и священнослужителям. Затем обсуждаются пороки: Дуода советует юноше претворить гордость в мужество, надменность в доброту; Святой Дух поможет ему противостоять другим порокам, особенно пороку распутства, и практиковать воздержание, которое побеждает похоть — «И как велики сила и благородство постоянной чистоты, которая делает смертного сообитателем и равным ангелам!» Человеку грозят несчастья: отчаяние, ложные ценности, преследование, искушение, бедность, страдания, опасность, болезнь, но ни одно из них не должно препятствовать ему славить Господа.

Затем Дуода описывает пути достижения человеческого совершенства, касается двойственной природы рождения (чувственной и духовной) и смерти (временной и вечной) и советует Гийому, какие молитвы он должен приносить священнослужителям, королям, своему господину, своему отцу, старшим родственникам и особенно своему дяде и крестному отцу Тьерри, графу Отенскому. Вслед за этим идет любопытная глава, посвященная популярному в Средневековье предмету — нумерологии, то есть символическому значению букв в имени Адама, религиозному содержанию

числа семь (семь даров Святого Духа), числа шесть (шесть веков мира), числа восемь (восемь душ, спасенных в Ноевом ковчеге во время Всемирного Потопа), числа девять (девять чинов ангелов). Наконец, она перечисляет умерших членов семьи, за чьи души Гийом должен молиться, и приводит текст эпитафии, которую, она хочет, чтобы высекли на ее гробнице; это надпись из восьми строк, просящая Бога простить ее грехи и призывающая «тебя, проходящего мимо, любого возраста и пола», молиться за нее.

«Руководство» было начато в ноябре 841 г. и закончено на следующий год к шестнадцатилетию Гийома, небольшие дополнения были сделаны следующей зимой. Больше мы ничего не знаем об авторе. Один из историографов сообщил о замужестве сестры Гийома, что заставило одного ученого предположить, что Бернар посетил Узэ летом 843 г., после чего в 844 г. Дуода родила дочь. В этом году Карл Лысый обвинил Бернара в предательстве, и Бернар был казнен в Тулузе. 19-летний Гийом присоединился к двоюродному брату и сопернику Карла Лысого Пипину II, который сделал его графом Бордо в 845 г., но четыре года спустя Гийом также был казнен. Бернар младший, кажется, дожил до 872 г. и, возможно, является Бернаром Плантевелю, чей сын, герцог Аквитанский Гийом Благочестивый, основал знаменитое аббатство Ключи⁴⁹.

«Руководство» Дуоды не только уникально как раннесредневековая книга советов, написанная не просто мирянином, но женщиной. Его непреходящая ценность заключается в том, что оно проливает свет на три аспекта семейной жизни: чувства внутри семейного кружка, власть в семье и фамильное сознание европейской аристократии IX в.

Дуода описывает свое горе в отсутствие мужа и сына: «Несмотря на многие заботы, которые занимают меня, величайшая из них — увидеть тебя собственными глазами когда-нибудь снова... Мое сердце изнывает от этого желания...»⁵⁰. Она возлагает на Гийома обязанность проследить, чтобы позднее ее книга была прочитана его младшему брату, и напоминает ему о сердечной привязанности, которая должна объединять обоих мальчиков: «Когда твой маленький брат, имени которого я все еще не знаю, был крещен во Христе, не забывай наставлять его, обучать его, любить его, ... по-

тому что он "твоя плоть и твой брат" (из рассказа об Иосифе в Ветхом Завете. — *Авт.*)»⁵¹.

Но самое главное — власть отца Гийома, которого она неизменно называет «мой господин». «Ты обязан страхом, любовью и верностью прежде всего своему господину и родителю Бернару, в его присутствие и в его отсутствие. Повинуйся ему во всех важных делах, слушай его советов»⁵². Возможно, памятью о непокорных сыновьях Людовика Благочестивого, Дуода напоминает Гийому, что, когда он достигнет зрелого возраста, он сам, может быть, породит детей и захочет, чтобы они были не «мятежными, возгордившимися и алчными», но «скромными, миролюбивыми и послушными»; мужчина, имеющий таких сыновей, «возрадуется, что и он был послушным своему долгу сыном». Гийом может оказывать уважение королям и императорам, но его верность на протяжении всей его жизни должна принадлежать прежде всего «человеку, сыном которого ты являешься» и который заслуживает «особого уважения, верности и надежности». Гийом никогда не должен забывать, что именно отцу он обязан своим положением в мире⁵³.

Список покойных родственников, за которых Гийом должен молиться, включает восемь имен без титулов и объяснения родственных связей: Гийом, Кунегунда, Герберга, Гвиборг, Теодорик, Гаусельм, Гварнарий и Родлинда. Наиболее вероятно, что все они являются членами семьи Бернара. Шесть из восьми предположительно идентифицированы: Гийом и Кунегунда — родители Бернара, Герберга — его сестра, Гвиборг — его мачеха, Теодорик и Гаусельм — его братья. «Некоторые члены этого рода, — пишет Дуода, — еще живы с Божьей помощью», и она советует Гийому, если кто-нибудь из других умрет, а он будет жив, добавить их имена к приведенному списку и молиться за них⁵⁴. Никаких других членов семьи Бернара или Дуоды не упомянуто, нет и никаких следов знакомства с предками далее деда и бабки.

Хотя Дуода сама сочинила эпитафию для себя, она не говорит, где она будет похоронена, не упоминает она и место рождения Гийома; ее и Бернара свадьба состоялась не в поместье ее семьи или Бернара, а в императорском дворце. Знатная семья в IX в. владела землей, даже многими поместьями, но не имела глав-

ной резиденции, «семейного гнезда», где члены семьи рождались, женились и погребались, ядра земельных владений, идентифицирующего семью и линияж. Титулы и должности, которые они имели, не были наследственными. Дед Гийома был «графом Тулузы», но этот титул не перешел к отцу Гийома, потомки которого должны были сами завоевывать себе титулы и должности, а также сопровождающие их бенефиции. Значительно важнее для знатной семьи IX в. была «близость к королю», как это называют немецкие ученые (*Königsnähe*), ее отношения с правителем, который раздавал титулы и бенефиции. Вместо того, чтобы группироваться вокруг главного земельного владения, семьи спланивались вокруг родственников, занимавших высокие посты. По словам одного историка, «знатные роды в Каролингском и пост-Каролингском мире были текучи и предстают перед историком в странно горизонтальной, а не вертикальной проекции... Центр тяжести и даже чувство идентичности этих больших семей могло меняться, иногда на протяжении совсем немногих поколений»⁵⁵. Были важны родственники как по материнской, так и по отцовской линиям, но (как в списке Дуоды), основной упор делался на родственников отца. Современные поминальные (*Liber memoriales*), монастырские перечни живых и мертвых членов семьи, используемые на похоронах знатного человека, дают сходную картину: два или три поколения родственников рассматриваются как бы находящимися на одном уровне: воспринимался не линияж, а синхронная сеть родственников⁵⁶.

«Руководство» Дуоды воплощает существовавший среди аристократии того времени идеал семьи: родители и дети, деды и бабки, дяди и тетки с обеих сторон, поддерживающие тесные отношения. Реальность была далека от идеала. «Большинство женщин имеет радость жить в этом мире вместе со своими детьми», — пишет она, — а я, Дуода, о мой сын Гийом, разлучена и далека от тебя»⁵⁷. Отнятые у нее дети, отсутствующий и находящийся в опасности муж, рассеянные или умершие члены большой семьи — такова реальность Дуоды, семья которой разбросана и подвержена ударам внешних сил этого жестокого века.

Брак и церковь в эпоху Каролингов

В эпоху, предшествовавшую Каролингской, церковь оказывала на германские брачные обычаи весьма скромное влияние. Церковь оставалась равнодушной к институту брака. Она официально признавала необходимость сексуальных отношений для продолжения рода и даже, хотя и неохотно, соглашалась с мнением апостола Павла, что секс — это потребность, которая время от времени требует удовлетворения, но предпочтение она отдавала суровым взглядам св. Иеронима. Секс только ради удовольствия, даже в браке, относился к числу смертных грехов.

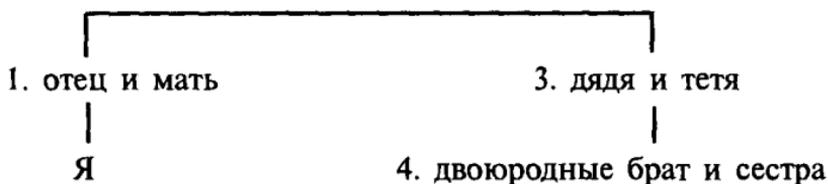
К концу VII в. церковь достигла значительных успехов в борьбе с полигамией. Ей также удалось пресечь браки между двоюродными братьями и сестрами и между свойственниками. Но ничто в документах более раннего времени, как кажется, не указывает на расширение запретов на браки между родственниками, которое началось в эпоху Каролингов. Новое установление было двойным. Во-первых, было распространено само определение родства, которое включило не только кровных родственников и свойственников, но и «духовных родственников», то есть крестных родителей и крестников. Во-вторых, радикально возросла запрещенная для брака степень родства.

Что заставило церковь увеличить препятствия к браку, остается загадкой, на которую ученые не дали удовлетворительного ответа. Английский антрополог Дж. Гуди в 1983 г. выдвинул смелое предположение: насаждение церковью экзогамии и ее противостояние полигамии, конкубинату, разводу и повторному браку составляло целенаправленную стратегию ограничения возможностей аристократии производить наследников с тем, чтобы ее земельные владения легче попадали в руки церкви в качестве посмертного дара⁵⁸. Однако подобная макиавеллевская политика предполагает абсолютно недоказуемую способность средневековой церкви к тайному, согласованному действию. Гипотеза Дж. Гуди игнорирует действительные пути формирования церковной политики, открытой и обычно следующей принципу два шага вперед, один шаг назад: дебаты на вселенском соборе, декларация синода, решение папы.

Д. Херлихи, ведущий современный историк средневековой семьи, предложил другую причину изменения отношения церкви к браку: желание помешать богатым и могущественным мужчинам собирать или удерживать большее число женщин, чем приходилось на долю всех остальных мужчин⁵⁹. Хотя это объяснение кажется более правдоподобным, чем тезис Дж. Гуди, оно также не имеет документальных подтверждений. В действительности, настояния церкви, возможно, требуют некоей психолого-детективной работы, которую историки пока осуществлять не могут.

Автором расширения степеней родства был английский миссионер св. Бонифаций (ок. 672—754 гг.), папский легат при франкской церкви. Еще в первой половине VIII в. каноническое право использовало римский способ определения степени родства, от одного из супругов счет шел назад до их общего предка, а затем вниз к другому супругу. Родственным считался брак в пределах четырех степеней (отец или мать, дед или бабка, дядя или тетя, двоюродный брат или сестра).

2. дед и бабка

Вселенские соборы, состоявшиеся в Риме в 721 и 743 гг. постановляли, что человек не может жениться на своей племяннице или двоюродной сестре — родственные отношения третьей и четвертой степеней по римской системе. В 747 г. св. Бонифаций предпринял реформу брачных обычаев, благодаря которым крупные франкские нобили создали сеть союзов между породнившимися семьями. Король Пипин (правил в 751—768 гг.) считал, что эти союзы угрожают королевской власти, и поддержал Бонифация. Посоветовавшись с папой, последний рекомендовал запретить родство до седьмого колена. Новое предписание вошло во франкское право. Таким образом, расширение запретов на родственные браки было — по своим истокам —

не изобретением церкви, а результатом объединения религиозной идеологии и интересов королевской власти.

Бонифаций распространил запрет на инцест и в другом направлении. Если мужчина имел близкие отношения с некоей женщиной, ему запрещалось вступать в брак с ее родственницами; если он нарушал этот запрет, его брак считался недействительным, он больше не мог жениться и должен был выполнять епитимью до конца своей жизни. Это новое табу неожиданно получило распространение и действовало во всем европейском сообществе на протяжении нескольких столетий⁶⁰.

Одновременно вспахивая почву, не тронутую римским законодательством, церковь в середине VIII в. начала переносить запреты кровного родства на христианское духовное родство, создаваемое как обрядом крещения, так и обрядом конфирмации. Ребенок и его семья отныне считались родственниками крестных родителей и их семей. Новая концепция имела некоторую социальную основу, поскольку крестные родители выбирались таким образом, чтобы создать семейные союзы. Однако и сам Бонифаций имел на этот счет определенные сомнения. В письме архиепископу Кентерберийскому он рассказывает о том, что он сам утвердил брак между человеком, который был крестным отцом ребенка, и матерью этого ребенка после смерти его отца; он пишет: «Люди в Риме говорят, что это грех, даже смертный грех, и предписывают, в таких случаях развод⁶¹... [но] я не могу понять, каким образом духовное родство может быть в браке столь великим грехом, ведь через крещение все христиане становятся сыновьями и дочерьми Христа, братьями и сестрами в лоне церкви»⁶².

Вскоре последовало и еще более странное нововведение. Раннесредневековая компиляция, известная как Декреталии Псевдо-Исидора (начало IX в.) и часто цитируемая в каноническом праве, отмечает дальнейшее расширение запретов Бонифация, которое было произведено практически одной только ловкостью рук — благодаря подмене одного метода подсчетов родства другим. Римский метод, до этого неизменно использовавшийся церковью, основывался на отсчете поколений назад от данного человека до общего пред-

ка, а затем вперед до предполагаемого супруга. Напротив, германский метод основывался только на подсчете поколений до общего предка. Таким образом, при римской системе двоюродные братья и сестры были родственниками в четвертой степени, тогда как по германской — второй степени. Подмена римского метода германским, засвидетельствованная Декреталиями Псевдо-Исидора, определяла как инцест брак между потомками общего прапрапрапрадеда⁶³.

Абсурдность этого запрета, видимо, не имеет объяснений. С одной стороны, если его строго придерживаться, то в узком кругу аристократии вряд ли кто-либо вообще мог жениться, с другой стороны, никто — даже при богатом воображении — не мог назвать своих столь далеких предков (возможно, только очень немногие аристократы могли перечислить восемь поколений своих предков). Историк канонического права А. Эсмейн отмечает, что восточная церковь никогда не принимала правила седьмой степени родства, и западная церковь не сделала бы этого, если бы функционировала только на тех территориях, где когда-то было введено римское право⁶⁴. Однако, это вряд ли объясняет смешение систем.

Правда, на практике все эти установления действовали, в основном, чтобы пресечь наиболее очевидные эндогамные браки. Они редко влияли на браки, которые заключались между более далекими родственниками, за исключением — непредвиденный результат — тех случаев, когда короли и знатные люди хотели освободиться от неудобного или нежелательного для них брака. Эта легальная уловка — неожиданное обнаружение запрещенной степени родства — была впервые применена в IX в. и немедленно вызвала озабоченность предусмотрительных клириков. Выдающийся ученый, аббат Фульды, Рабан Мавр (ум. в 856 г.) заявил, что инцест определен слишком широко и что аннулирование брака по причине ранее неизвестных родственных связей ослабляет позицию церкви по более важному вопросу — о разводе⁶⁵.

Главной же проблемой в отношении брака в Каролингскую эпоху была отнюдь не экзогамия, но требование церкви, чтобы брак был моногамен, а его узы нерасторжимы: человек должен быть привязан к одному лицу на протяжении всей своей жизни. В то время,

как короли и аристократы эпохи Меровингов были откровенно полигамны, Каролинги имели по одной жене в каждый данный момент времени и были согласны приправлять моногамию конкубинатом. Знатная молодежь до брака обычно развлекалась с одной-двумя наложницами, прежде чем вступить в брак, и далеко не все отказывались после брака от этой привычки. Однако главным вопросом, который тревожил церковь, был не конкубинат, а развод. Во второй половине VIII в. церковные соборы несколько отступили от своих позиций предшествующего периода, признав, что существуют уважительные причины для развода и повторного брака: измена, рабство, проказа, отсутствие согласия, импотенция, уход одного из супругов в монастырь. Тем не менее, церковь упорно сопротивлялась разводу по взаимному согласию, который, как свидетельствуют правовые формулы того времени, практиковался довольно широко.

В юности Карл Великий отказался от наложницы, чтобы заключить политически выгодный брак с ломбардской принцессой; годом позже он развелся с принцессой, видимо, по причине ее бесплодия. Но в 780—790-е годы под давлением своих епископов он издал ряд жестких законов, запрещающих развод по какой бы то ни было причине. Он сам подавал пример, трижды женившись, но сохраняя верность каждой из жен, пока она не умирала (правда, его старость ублажали четыре наложницы). Его сын Людовик Благочестивый не только поддерживал меры, направленные против развода, но и отказался развестись со своей второй женой Юдифью, когда она была обвинена в любовной связи с мужем Дуоды, Бернармом Септиманским. В его правление церковные соборы ввели новый принцип: измена больше не рассматривалась как достаточное основание для развода⁶⁶.

Во второй половине IX в. дело о разводе короля вызвало первое в Средневековье острое столкновение короля и церкви, которое имело важные последствия как для института христианского брака, так и для политической истории Европы⁶⁷.

В 858 г. Лотарь II, король Лотарингии, хотел развестись со своей бесплодной женой Теутбергой для того, чтобы жениться на бывшей наложнице Вальдраде: от нее у него были дети, которых он предполагал

легитимизировать. В качестве причины развода он выдвинул не только невоздержанность Теутберги, но и якобы совершенный ею инцест. До брака она, по его заявлениям, имела сексуальные отношения со своим братом Хубертом, прелатом сомнительной морали. Обвинениям Лотаря трудно поверить по двум причинам. Во-первых, он прождал два года, прежде чем выступил с обвинениями; во-вторых, он официально подтвердил девственность своей невесты, преподнеся ей традиционный «утренний дар». Он предложил невероятное объяснение: Хуберт, по его словам, имел сношения с сестрой анальным способом и потому она осталась девственницей. Он зашел в своих сенсационных обвинениях еще дальше: невзирая на не угрожающий зачатием характер ее сношений с Хубертом, она все же забеременела благодаря оккультным силам и затем избавилась от зародыша. Остается загадкой, зачем королю понадобилось это нагромождение взаимно исключающих клеветнических утверждений.

Защищая свою невиновность, Теутберга потребовала Божьего суда и получила на него разрешение: ее защитник героически окунулся в кипящую воду и вынырнул необожженным. Не приняв поражения, Лотарь заключил жену в темницу и держал ее там, пока она не согласилась на раздельное проживание. Очевидно, под принуждением Теутберга тогда же сделала тайное признание королевскому духовнику Гунтеру, архиепископу Кёльна. Исповедь была записана и представлена в январе 860 г. синоду лотарингских епископов в Аахене. Теутберга отказалась повторить признание публично, но епископы санкционировали ее уход в монастырь как подготовительный шаг к отмене ее брака. Лотарь немедленно начал открыто жить с Вальдрадой. В феврале 860 г. был созван второй синод, на котором королева, видимо под угрозой пытки, бросилась к ногам епископов и призналась: «Мой брат Хуберт, клирик, совратил меня, когда я была девочкой; несколько раз он имел со мной сношения противоестественным образом»⁶⁸. Она была приговорена к публичному покаянию, но теперь колебались лотарингские епископы. Отказавшись дать Лотарю разрешение на повторный брак, они обратились к выдающемуся авторитету в области каноничес-

кого права архиепископу Реймсскому Хинкмару (ок. 806—882 гг.).

Все хорошо понимали, что в основе этого первого скандального королевского развода лежит политическая причина: нужен наследник трона. На самом же деле на карту было поставлено само существование Лотарингского королевства. Дядя Лотаря, Карл Лысый и Людовик Немецкий, правители двух других областей, на которые распалась империя Карла Великого, с нетерпением ждали возможности разделить между собой Лотарингию. Обещав уступить ему земли, Лотарь получил поддержку Людовика Немецкого в деле о разводе. Тогда Теутберга бежала ко двору Карла Лысого, чьим протеже был Хинкмар.

Хинкмар написал трактат «О разводе короля Лотаря и королевы Теутберги» (*De Devortio Lotharii Regis et Tetbergae Reginae*) в форме ответов на вопросы, задаваемые лотарингскими прелатами.

Он начал с указания на то, что дело само по себе обычное, но Лотарь — король, человек, избранный Богом, с намного большим количеством обязанностей, чем другие люди, одной из которых является подавать пример другим⁶⁹. Решение синода в Аахене, продолжал он, произвольно. Какое давление было оказано на королеву, чтобы заставить ее признаться в подобных вещах? Она успешно защитила себя на Божьем суде. Лотарингские епископы предложили объяснить результаты Божьего суда тем, что «эта женщина думала о другом имени, нежели имя ее брата, когда посылала своего предстателя (*vicarius*) на испытание, именно поэтому он не сварился»⁷⁰. Хинкмар отклоняет этот аргумент и заявляет, что Божий суд является доказательной процедурой, что подтверждает Библия; это способ, которым Бог сообщает свое решение. Защитник вышел из испытания невредимым, следовательно Теутберга невиновна⁷¹.

На вопрос епископов, подтверждают ли Священное Писание и отцы церкви возможность того, что «женщина зачала и осталась девственницей после аборта» и может ли быть действительным брак, заключенный после такого преступления, Хинкмар отвечает развернутым описанием того, как обычно происходит зачатие, завершая пассаж утонченной иронией: «Никто в этом мире не слышал и никто под этим

небом не читал в Писании Истины, чтобы вульва женщины получила семя без соития и чтобы женщина зачала или чтобы она произвела на свет живого или преждевременно извлеченного ребенка с закрытой маткой и не открывшейся вульвой, за одним исключением — неповторимо счастливой и благословенной девы Марии, зачатие которой произведено не природой, а милостью Божьей»⁷². И он вопрошает: «Если наш господин король получил эту женщину девственницей, почему он теперь говорит, что она растленна? Но если она пришла к нему не девственной, почему он держал ее так долго?»⁷³. Если действительно было совершено преступление, оно может быть искуплено только одним из двух способов: возмездием или покаянием. Чтобы обнаружить истину, свидетелем должен быть вызван сам Хуберт, и если может быть доказано, что Теутберга не давала на это согласия, то Хуберт должен нести бремя ответственности и быть наказан⁷⁴ (здесь Хинкмар разошелся со своим патроном Карлом Лысым, чьим союзником был Хуберт).

Осуждая королеву, продолжал Хинкмар, епископы совершили четыре ошибки:

Во-первых, тайна исповеди должна оставаться тайной, даже если исповедниками были несколько епископов⁷⁵;

Во-вторых, епископы не наделены властью разрешать раздельное проживание без публичного суда и приговора, основанного на показаниях компетентных свидетелей, главным из которых должен быть сам Хуберт. Единственная причина разрешения супругам жить раздельно — это измена (которая, тем не менее, не является достаточной причиной для развода). Любое другое обвинение влечет за собой епитимью и последующее отпущение грехов⁷⁶;

В-третьих, епископы не имели права судить Теутбергу. Здесь Хинкмар затрагивает потенциально опасную проблему. Церковные суды медленно, но уверенно завоевывали популярность и влияние в решении вопросов брака и семьи и в тот момент были по-настоящему равными соперниками светских судов. Хинкмар решительно взялся за этот вопрос. Брак, говорит он, подпадает под действие двух видов правосудия: мирского — в его социальных аспектах, и церковного — в его моральных и священных аспектах. Мир

заинтересован в избежании конфликтов между двумя семьями и их союзниками; церковь заинтересована только в нерасторжимости брака. Хинкмар цитирует пример сотрудничества между обоими видами правосудия. В 822 г. в правление Людовика Благочестивого дама по имени Нортхильда пожаловалась перед синодом, что ее муж Агемберт принуждает ее к соитию «постыдным способом». Синод отказался разрешить раздельное проживание и передал дело в гражданский суд «мирян и женатых людей», которые лучше могут судить в таких вопросах. Если бы гражданский суд признал мужа виновным, церковь наложила бы на него епитимью. Такое сотрудничество не только возможно, но и существенно важно, пишет Хинкмар: церковное правосудие не должно противостоять правосудию мирскому.

В ситуации Теутберги требуемая процедура ясна: Лотарь должен привести ее в светский суд. Если суд найдет ее виновной, он сможет тогда апеллировать к церкви, которая заменит светский приговор — смерть — десятью годами покаяния и воздержанием до конца жизни. Если же светский суд найдет ее невиновной — в чем, очевидно, убежден сам Хинкмар, — Лотарь должен взять ее обратно⁷⁷.

В-четвертых и последних, епископы были непомерно суровы с Теутбергой и неоправданно терпимы к Лотарю. Не ожидая будущего приговора, Лотарь открыто возобновил свои отношения с наложницей. Инцест, возможно, и хуже внебрачной связи, но это не делает ее приемлемой. Брак Теутберги и Лотаря был законным и потому он нерасторжим. Король не имеет права жениться на Вальдраде⁷⁸.

Прошло два года, в течение которых Лотарь и не сдавался, и не решался жениться на своей наложнице. Наконец, он «весьма мрачно» обратился к другому синоду в Аахене и «в раздраженном тоне» пожаловался на свои сексуальные потребности; он настаивал на том, что «если бы [Теутберга] была достойна супружеского ложа, не была бы замешана в смертном грехе инцеста и публично осуждена устным признанием, он бы охотно держал ее»⁷⁹. Синод аннулировал брак по причине инцеста, и Лотарь женился и короновал Вальдраду. Он все же, очевидно, ощущал некоторые сомнения в законности своего положения, потому еще

один синод, в Метце в 863 г., обнаружил совершенно новые доказательства его правоты. Синод постановил, что отношения Лотаря с Вальдрадой — это абсолютно законный брак на протяжении всего времени, и что Лотарь был принужден Хубертом жениться на Теутберге, «хотя он и не желал этого»⁸⁰.

Теперь уже Теутберга возбудила встречное дело. Она обратилась к папе Николаю I с протестом, что ее признание было «вынуждено насилием» и что до сих пор она подвергается давлению. Папа послал в Лотарингию группу дознавателей, чтобы изучить историю отношений Лотаря и Вальдрады и выяснить, взял ли он ее «с предварительно обговоренным приданым перед свидетелями, в соответствии с законом и обрядом» и была ли она «признана публичными проявлениями его женой». Если да, то они должны выяснить, почему она была отвергнута и Лотарь женился на Теутберге; если нет, он должен примириться с Теутбергой, «если она невиновна»⁸¹.

Папские дознаватели нашли решающие свидетельства в пользу Теутберги. Николай созвал свой собственный синод, отменил решения Метцкого синода, низложил прелатов, которые приняли его, и приказал Лотарю принять Теутбергу обратно. Карл Лысый и Людовик Немецкий поддержали это решение, и в 865 г. Теутберга была формально восстановлена в правах королевы, а 12 главных нобилей Лотаря принесли клятву, что Лотарь будет обращаться с ней хорошо. Метцкий епископ Адвентий доложил папе, что Лотарь и Теутберга посетили мессу и ужинали вместе за королевским столом, а затем «как говорят слухи, [Лотарь] радостно приступил к выполнению своих супружеских обязанностей». Адвентий заверил Николая, что Лотарь не прикасался к Вальдраде с тех самых пор, как папа приказал ему вернуть Теутбергу. Но несколько месяцев спустя он пишет своему собрату-епископу, умоляя его заставить Лотаря перестать спать с Вальдрадой, прежде чем папа узнает об этом и отлучит их от церкви⁸².

В действительности же Лотарь не оставил своих намерений. В 866 г. он вынудил Теутбергу саму просить папу Николая разрешить развод по причине ее бесплодия, дать согласие на брак Лотаря и Вальдрады, который, как утверждают, предшествовал его браку с нею, и позволить ей уйти в монастырь. Николай сухо

ответил ей, что бесплодие не является поводом для развода и что оно вызвано не неплодовитостью ее тела, но «беззаконием ее мужа». Даже если она уйдет в монастырь, заявлял папа, Лотарь жениться повторно не сможет⁸³.

В начале 867 г. Николай предупредил Карла Лысого, что он слышал, что Лотарь замышляет убить Теутбергу или осудить ее по Божьему суду на поединке и затем казнить. Одновременно Николай написал Лотарю, угрожая ему всем весом Божьей кары, если он причинит Теутберге вред. Более того, поскольку он вступил во внебрачную связь с Вальдрадой, он никогда не получит разрешения на брак с нею, даже если Теутберга умрет⁸⁴.

Но Теутберга изнемогала от борьбы. В 868 г. она отправилась в Рим для встречи с преемником Николая Адрианом II, но не для того, чтобы примириться с Лотарем. Присутствовавший на соборе епископ, который слышал ее обращение, сообщает: «Она поклялась, что скорее бежит к язычникам, чем увидит снова лицо славного короля Лотаря»⁸⁵.

Тяжба длилась восемь лет. Лотарь последовательно представлял различные обоснования для развода: инцест, предыдущий брак, отсутствие согласия на брак с его стороны, бесплодие его жены, ее желание уйти в монастырь. Каждое из них бесповоротно отвергалось церковью. Выход из тупика возник лишь тогда, когда и Вальдрада, и Теутберга ушли в монастыри⁸⁶. В 869 г. Лотарь приехал в Рим для покаяния, получил отпущение грехов от Адриана II и умер по дороге назад, так и не оставив законных наследников — по мнению его врагов, Божья кара⁸⁷. На следующий год его королевство было разделено между его двумя дядьями.

Два других бракоразводных процесса, в которых Хинкмар также играл большую роль, проходили одновременно с процессом Лотаря и укрепили положение церкви. В одном участвовал североитальянский граф по имени Босо, чья жена Ингильтруда сбежала в 856 г. с одним из вассалов своего мужа. Следуя обычной политике церкви настаивать на примирении супругов, папы Бенедикт III и Николай I приказали ей вернуться к мужу, который обвинил ее в прелюбодеянии, но заявил, что готов принять ее назад. Однако Ингиль-

труда боялась, что муж убьет ее и укрылась при дворе Лотаря. Тогда папа отлучил ее от церкви. Архиепископ Кёльна, тот самый Гунтер, который выслушал исповедь Теутберги, советовался с Хинкмаром: должен ли он потребовать публичного покаяния от Ингильтруды, и позволить ей остаться в Кёльне отдельно от супруга или он должен настаивать, чтобы она вернулась?

Хинкмар отвечал, что Гунтеру не пристало разрешать раздельное проживание супругов или налагать епитимью, но что он должен сосредоточить свое внимание на том, чтобы «обеспечить хорошее обращение с ней ее мужа». Тогда Ингильтруда должна быть возвращена мужу, который, если будет плохо обращаться с ней, предстанет перед церковным судом епископа своего диоцеза. Супругов следует примирить, и надо гарантировать безопасность женщины, но примирение важнее безопасности.

В 865 г., через девять лет после своего бегства Ингильтруда согласилась поехать в Рим в сопровождении папского легата, но по пути изменила свое решение и бежала. Папа Николай отказал Босо в разрешении повторно жениться, ссылаясь на то, что внебрачная связь не является достаточной причиной для развода⁸⁸.

Третьим было дело графа Стефана Овернского, который в 860 г. объяснил синоду, что он не осуществил свои супружеские обязанности при браке с дочерью графа Раймонда Тулузского. До обручения Стефан имел связь с молодой женщиной, родственницей своей невесты, и, вступив в брак, он нарушил тем самым запрещение инцеста в трактовке св. Бонифация. Замученный запоздалыми угрызениями совести, Стефан попытался расторгнуть помолвку, но граф Раймонд настаивал на заключении брака. Стефан позволил протащить себя через финансовые соглашения и церемонию заключения брака, но остановился перед супружеским ложем. Теперь он заявлял, что готов сделать все, что рекомендует церковь «для моего спасения перед Богом и для моего примирения с Раймондом и его умиротворения и для безопасности и чести дамы».

Это дело рассматривалось в двух инстанциях, как это рекомендовал Хинкмар по делу Лотаря и Теутберги, при сотрудничестве церковного и светского правосудия. Были одновременно созваны синод местных епископов и королевский суд. Первый должен был

рассматривать моральный аспект проблемы: может ли быть расторгнут этот брак; второй должен был предотвратить возможность политически опасного столкновения между семьями и союзниками Раймонда и Стефана и решить, какие гражданские штрафы должен выплатить Стефан. Хинкмар подчеркивает, что было важно установить, подтвердит ли невеста «то, что заявил Стефан; потому что мы часто слышим между мужчиной и женщиной, что то, что говорит один, другой отрицает». Следует изучить все условия, необходимые для законности брака: само таинство, свободу обоих вступающих в брак, сексуальный союз. Хинкмар объявил свои собственные выводы: брак Стефана не является нерасторжимым; он хорошо сделал, что не подтвердил брак выполнением супружеских обязанностей, и потому брак должен быть расторгнут. Синод согласился. Невеста вернулась под опеку отца и могла снова выйти замуж или уйти в монастырь. Хинкмар рекомендовал Стефану «принять обычную епитимью от своего епископа... и после отпущения грехов, если он не может воздержаться, ... он должен искать союза с законной женой, чтобы не впасть снова в грех прелюбодеяния». Женился ли Стефан снова, мы не знаем⁸⁹.

Взгляды Хинкмара, выраженные в его трактате, подкрепляют и разъясняют церковные доктрины относительно брака, в первую очередь его нерасторжимости. В браке «Господь сочетает мужчину и женщину, делая их одной плотью; человек не должен разделять их; только Бог может их разделить»⁹⁰. Христианин должен принимать этот факт со всеми вытекающими последствиями. Хинкмар советует мужчинам проявлять осторожность при выборе себе жен, поскольку, взяв себе жену, мужчина должен переносить все ее недостатки, которые живо описал св. Иероним (ок. 331—420 гг.): «Если она с жадностью ест, если она раздражительна, неряшлива, похотлива, прожорлива, легкомысленна, вздорна, груба — должен ли мужчина держать такую жену? Хочет он этого или нет — должен»⁹¹.

Хинкмар повествует о мужчинах его дней, которые использовали все хитрости и уловки, чтобы освободиться от своих жен. Они «обвиняли их во внебрачных связях и убивали их, без доказательств, без суда, без

причины, но только из ненависти и жестокости или влечения к другой жене или наложнице». Драматизируя ситуацию, он утверждает, что некоторые мужчины «отводили своих жен на рынок, чтобы их разрубили и бросили свиньям», другие же убивали своих жен собственными руками. Они хватаются за любой повод, чтобы приостановить супружеские отношения всего после нескольких лет супружеской жизни, заводят любовниц, наговаривают на своих жен священникам, заставляют их терпеть наложниц, свидетельствовать, что их мужья — импотенты, или притворяться, что они сами мечтают уйти в монастырь⁹².

Если бы людям было дано право расходиться по желанию и либо заключать новые браки, либо осквернять себя незаконным развратом, бесчисленные толпы бывших супругов вскоре стали бы нарушать законы Божии, которые стоят неизмеримо выше законов человеческих. В этой жалкой массе изображаются как мужчины, так и женщины, но Хинкмар делает упор на мужчин, чья эгоистичная жестокость и распутство угрожают основам института брака.

Поддерживая взгляд св. Павла на преимущество полного воздержания, Хинкмар тем не менее утверждает, что брак создает порядок и стабильность, позволяя человеку сосредоточиться на спасении его души. Внебрачные связи и разврат нарушают душевное равновесие⁹³.

Законный брак, по мнению Хинкмара, определяется четырьмя важнейшими условиями: вступающие в брак должны быть равны, свободны и согласны на брак; женщину должен выдавать замуж ее отец, и она должна иметь соответствующее приданое; свадьба должна быть отпразднована публично; брак должен быть подтвержден выполнением супружеского долга⁹⁴. Церемония обручения и свадебное благословение важны, но они принадлежат к второстепенным социальным и правовым аспектам брака⁹⁵. То, что делает брак нерасторжимым не относится ни к правовой, ни к социальной сферам, но состоит из трех элементов, вплетающихся в упомянутые четыре условия: таинство, мистический акт, аналогичный союзу Христа и церкви; взаимное согласие; сексуальное единение. В браке Стефана были соблюдены социальные и правовые требования, но в нем не было взаимного согласия и не было сексуального единения. Поэтому таинство

не состоялось, и брак можно расторгнуть. Лотарь же дал согласие и осуществил свой супружеский долг, поэтому его брак законен⁹⁶.

Хинкмар цитирует соответствующее место из творений св. Павла о том, что каждый из супругов «не властен над своим телом» (1 Коринф. 7.4) и поясняет: «Отсюда, согласно авторитетам, предназначено использование гениталий: супруги не должны употреблять их для других, но лишь в браке между собой»⁹⁷. В глазах Христа есть только «один закон для мужчины и женщины»⁹⁸.

Равенство полов, однако, было несущественно по сравнению с главным вопросом — моногамией. Хинкмар отвергает все возможные причины для развода, признававшиеся ранее как светским, так и каноническим правом: болезнь жены, ее бесплодие, практикуемое ею колдовство, плен любого из супругов, вступление любого из них в религиозную общину, прелюбодейание. В то время, как многие из его современников полагали, что мужчина, который сам не совершал прелюбодейаний (как Босо), имеет право развестись с женой-прелюбодейкой и жениться вновь, Хинкмар говорит — нет: прелюбодейание не нарушило таинства. В качестве аналогии он указывает на таинство крещения: оно не отменяется грехом, который может совершить крещеный; соответствующее наказание восстанавливает благодать крещения. Точно так же супруг-прелюбодей может покаяться и примириться⁹⁹.

Таким образом единственной причиной расторжения брака была его незаконность, другими словами, доказательство того, что брак в действительности не имел места.

Кроме огромного влияния, оказанного на отношение церкви к разводу, Хинкмар внес большой вклад в постепенное преобразование представлений о браке от договорного — семейный союз, обмен имуществом — к личному и сексуальному — взаимное согласие жениха и невесты и их физический союз. В то же время общественное внимание переместилось с семей и родственников невесты и жениха на саму новообразованную супружескую пару. При этом политические и экономические аспекты брака отнюдь не потеряли своего значения, особенно для имущего класса, но и человеческие чувства в глазах церкви уступали все большую часть своего значения деньгам, земле и власти.

Глава 5

АНГЛО-САКСОНСКАЯ АНГЛИЯ

На протяжении первых пяти столетий Средневековья на европейском континенте варварская и римская культуры взаимодействовали друг с другом и с христианской церковью. На Британских островах в силу меньшего влияния римской цивилизации, замедленной миграции варваров, определенной географической изоляции картина жизни этого времени несколько отличалась от континентальной, и германское общество предстает здесь менее искаженным. Англо-Саксонская хроника, рассказывающая о прибытии в Англию англов и саксов в конце V и начале VI в. и написанная четыре века спустя после самого события, характеризует его исключительно как военное вторжение. Однако археологические и документальные свидетельства указывают на то, что, как и при миграциях на континенте, прибывавшие целыми племенами германцы заселяли сельскую местность¹. К этому времени римляне уже покинули Англию (410 г.), облегчив ее завоевание новым пришельцам, которые менее охотно смешивались с местным населением, чем их родичи на континенте. Если в Галлии межэтнические браки заключались регулярно, то в Британии они практически неизвестны. Захватчики сохранили почти нетронутым свой язык, а их обращение в христианство протекало медленно. Христианизация Англии происходила по преимуществу в VII в. и сопровождалась реставрациями язычества: историк и клирик Беда Достопочтенный (ок. 673—735 гг.) сообщает о случаях, когда некоторые королевства временно возвращались к язычеству.

Информация об англо-саксонской Англии содержится в хрониках (к несчастью, ни одна из них не столь богата сведениями, как «История франков» Григория Турского), литературных произведениях, материалах археологии и в двух других важнейших группах источников: в судебных книгах королей различных англий-

ских королевств, от Этельберта Кентского (ок. 560—616 гг.) до Альфреда Уэссекского (правил в 871—899 гг.) и в завещаниях и грамотах, датируемых в основном IX—X вв. Таким образом, источников по истории англо-саксонской Англии значительно меньше, чем по истории континентальной Европы, они менее информативны и касаются по преимуществу высших классов.

Как и другие германские народы, англы и саксы принесли с собой такую форму общественного устройства, при которой доминирующим элементом были большие родственные группы. Они являлись кланом не территориальным (сообщество на территориальной основе, возводящее свое происхождение к общему предку), а кровнородственным (эгоцентрическая группа, состоящая из близких родственников каждого индивида)². Эта сеть пересекающихся групп родителей, дедов, детей, дядей, тетей и кузенов выполняла важные социальные, экономические и юридические функции. Она определяла статус ее членов, заключала браки и решала споры о наследстве. Она до определенной степени контролировала поведение индивида, давала защиту своим членами, осуществляла кровную месть и выплачивала или принимала компенсации. Как и *Sippe* на континенте, англо-саксонская судебная власть родственников разъедалась соперничающей с ней властью лордов и королей, которая расцвела на плодородных землях Англии³. Однако кровнородственные связи сохраняли социальное значение, определяя положение мужчины или женщины в обществе и даже их социальную идентификацию. Так, Беовульф представляется датскому королю Хродгару как «кровный родич Хигелака и приближенный дружинник», а затем уже перечисляет свои собственные героические деяния⁴, он многократно определяется в поэме как «сын Эггтеова». В героической элегии VIII в. «Скиталец» выражаются чувства изгнанника, потерявшего родичей и господина, «человека, не имеющего друзей»:

я, разлученный с отчизной,
удрученный, сирий,
помыслы я цепями
опутал ныне,
когда государь мой
златоподатель

в земную лег темницу,
а сам я в изгнанье
за потоками застылыми,
угнетенный зимами,
взыскал, тоскуя по крову,
такого кольцедробителя
далекого или близкого,
лишь бы меня приветил,
он, добрый, в доме,
и в медовых застольях
захотел бы осиротевшего
утешить лаской,
одарил бы радостью⁵.

Как и *Sippe*, англо-саксонская система родства была билатеральной, с приоритетом в семье отцовской стороны. Круг родственников, включавший тех, кто, например, должен был участвовать в выплате вергельда, вероятно, зависел от близости родства и доступности, но каждый индивид мог рассчитывать на основную группу близких родичей: вывод об этом ученые сделали на основе анализа древнеанглийской терминологии, всегда включавшей супружескую семью и нескольких родственников по боковой линии. Как в современном английском языке добавляется основа *grand-* или *great-grand-* к обозначениям *father* «отец», *mother* «мать», *son* «сын», *daughter* «дочь», так в древнеанглийском добавлялись слова «старый», «третий», «четвертый»: *faeder* «отец», *ealda faeder* «старый отец, или дед»; *thridde faeder* «третий отец, или прадед». Аналогичным образом — *sunu* «сын», *sunasunu* «сын сына, или внук». Наиболее часто употреблявшиеся термины для обозначения дядей, тетей, племянников и племянниц указывали на линию родства: «сестра отца» — *fathu*, «сестра матери» — *moddrige*, «брат отца» — *faedera*, «брат матери» — *eam*. Сыновья и дочери братьев и сестер различались аналогичным образом. Однако специальных терминов для обозначения различных линий кузенов не было, что указывает на несущественность их различия⁶.

Несмотря на приоритет патрилинейности в кровнородственной системе, брак не менял статуса женщины. Она сохраняла размер вергельда по рождению, а не принимала вергельд мужа. Хотя ее дети получали

статус отца, она сохраняла свой добрачный статус — по своему отцу⁷.

Центральное место в англо-саксонской литературе занимает женщина, разрывающаяся между вошедшими в конфликт долгом верности своей семье и долгом верности мужу, «миротворица», брак которой заключался ради того, чтобы примирить противоборствующие семьи. В поэме «Беовульф» на пиру дружинный певец рассказывает о датской принцессе Хильдебург, брак которой с фризским королем Финном должен был установить мир между враждующими династиями. Во время датского набега на Фризию были убиты брат Хильдебург Хнаф и ее сын, сражавшиеся на противоположных сторонах. «Скорбящая королева» велела положить сына на погребальный костер своего брата. После заключения мира Хенгест, преемник Хнафа, возвращается с подкреплениями, убивает короля Финна и, забрав Хильдебург на корабли, нагруженные сокровищами из разграбленного дворца и окрестностей, везет ее назад «к ее народу»⁸.

Сходную, действительно имевшую место историю, рассказывает Беда: Острид, сестра Эггфрида из Нортумбрии, была выдана замуж за Этельреда Мерсийского; в 670 г. нортумбрийцы и мерсийцы сразились на Тренте, и в битве был убит ее восемнадцатилетний брат Эльфвин, «любимый обоими [и мерсийцами, и нортумбрийцами]»; два десятилетия спустя «королева Острид была убита своими собственными людьми — мерсийскими нобиями»⁹.

Судебники англо-саксонских королей сообщают некоторые сведения о порядке наследования: женщины участвовали в получении наследства вместе с детьми и близкими родственниками, часть земли могла быть свободно отчуждена по завещанию, тогда как другие земельные владения, полученные от родича, должны были оставаться во владении семьи¹⁰. Законы Этельберта (конец VI — начало VII в.) устанавливают, что женщина, родившая мужу ребенка, наследует половину его имущества¹¹. Судебник короля Альфреда (IX в.) ограничивал круг наследников земельного владения, доставшегося умершему от родственников, его родичами любой степени¹². Согласно законам короля Кнута (XI в.), если человек умирал, не оставив завещания, его имущество следовало разделить «очень

справедливо между женой, детьми и близкими родственниками, каждому — причитающуюся ему долю», причем ни «близкие родственники», ни «доля» не оговорены¹³.

В завещаниях англо-саксонского времени не заметно какого-либо предпочтения в наследовании земельных владений, отдаваемого сыновьям перед дочерьми или старшим сыновьям перед младшими. Земля оставалась жене, иногда с условием, что после ее смерти владение должно вернуться в собственность семьи мужа или быть передано церкви, иногда — без всяких условий. Земля могла быть завещана широкому кругу родичей, в том числе часто женщинам: матерям, отцам, сыновьям, дочерям и зятьям, братьям и невесткам, внукам и внучкам, как по мужской, так и по женской линиям, племянникам и племянницам с обеих сторон, даже пасынкам и падчерицам, крестникам и крестницам, а также воспитанникам¹⁴. В завещании короля Альфреда объясняется, что его дед оставил свои земельные владения родственникам по мужской линии, а не по женской — «по линии копья, а не пряслица», — подразумевается, что дед был свободен в своем выборе, но что, возможно, сделанный им выбор был обычным. Сам же Альфред предпочитает оставить свои земли всем детям, мужского и женского пола, с единственным условием: наследники могут выкупить землю у наследниц¹⁵. Один военачальник, современник Альфреда, оставил больше земли своей дочери, чем сыну (возможно, незаконнорожденному) и завещал часть своего имущества родственникам по отцовской, а часть — родственникам по материнской линии¹⁶.

Однако наследование трона могло осуществляться только по мужской линии, и генеалогия королей велась агнатически (по мужской линии). Королевские династии насчитывали многие поколения, обычно через исторического деда и прадеда до мифологических предков. В раннее время первоначально считался германский верховный бог Водан, который после обращения англо-саксов в христианство был заменен Ноем, Адамом или Христом. Англо-Саксонская хроника пересказывает генеалогию короля Этельвульфа, отца Альфреда, возводя ее к «Скефу сыну Ноя» и поясняя: «он родился на Ноевом ковчеге», а затем через

череду библейских имен к Адаму: «Ной — Ламех — Мафусаил — Енох — Иаред — Малелеил — Каинан — Енос — Сет — Адам, первый человек» (Бытие 5), и вниз вплоть до «отца нашего, который есть Христос»¹⁷.

До конца X в. в наследовании трона англо-саксонскими королями действовал уникальный принцип. Королевство не разделялось между братьями и не переходило от отца к старшему сыну, но передавалось целиком от брата к брату. Королю Альфреду предшествовали на троне его старшие братья Этельбалд, Этельберт и Этельред. Не удивительно, что эта система создавала проблемы. Когда в 899 г. Альфред умер, сыновья его старшего брата короля Этельреда безуспешно оспаривали трон у сына Альфреда Эдварда. Сыновья Эдварда, Этельстан, Эдмунд и Эдред, правили затем один за другим, но к концу X в. возобладал принцип наследования трона от отца к старшему сыну¹⁸.

Церковные обличения инцеста — не более, чем осуждающие замечания — позволяют судить о том, что в англо-саксонском обществе практиковались такие родственные браки, которые церковь запрещала. Общее отношение к инцесту отражено в одной из древнеанглийских загадок, сочиненной в VIII или IX в. и записанной в рукописном сборнике X в., известном под названием «Эксетерская книга» (the Exeter Book). Загадка основана на стихах Быт. 19:30—38, в которых рассказывается о том, как две дочери Лота, укрывшись со своим отцом в пещере в горах после разрушения Содома и Гоморры, опьяняют и соблазняют его, так что он становится отцом их сыновей. Древнеанглийская редакция этого библейского эпизода в поэме «Бытие» так передает его:

Каждая из сестер взяла своего опьяневшего отца
в постель,

И мудрый старец, чье сердце и голова
Были окованы вином, увидел жен, а не дочерей.
Его ум был заперт — и они забеременели
гордыми сыновьями от своего собственного дорогого отца.
Сыном старшей был Моав, сыном младшей — Бен-Амми.
Как говорят Писания, два принца стали отцами
народов¹⁹.

Загадка же «Эксетерской книге» гласит:

Муж сел пировать с двумя женами,
Пил вино с двумя дочерьми, ужинал с двумя сыновьями,
Дочери были сестрами своим двум сыновьям,
Каждый из сыновей — избранный первородный принц,
Отец каждого из принцев сидел со своим сыном,
А также дядя и племянник каждого.
В одной палате собралась семья из пяти человек²⁰.

Сочинитель загадки, как кажется, не слишком строго относится к этой ситуации, как, впрочем, и автор соответствующего стиха в поэме «Бытие» (да и в самой ветхозаветной книге тоже).

Папа Григорий I, отвечая Св. Августину Кентерберийскому и осуждая браки между кузенами и кузинами, отчимами и мачехами, шуринами и золовками, придерживался значительно более строгих взглядов и утверждал, что многие англы находятся «в незаконном браке» и должны страшиться «тяжести суда Божия»²¹. Невзирая на предостережения папы, англосаксонские короли продолжали придерживаться кровосмесительных традиций. В VII в. король Нортумбрии Осви женился на своей двоюродной сестре Энфлэд; не сохранилось никаких свидетельств противодействия церкви этому браку²². Предвидя, что его праву наследования будет угрожать двоюродный брат Этельвольд, сын Альфреда Эдвард женился на племяннице Этельвольда — в глазах церкви это был безусловно кровосмесительный брак, однако, и он, кажется, не был оспорен.

Пятьюдесятью годами позднее, однако, когда внук Эдварда Эдвиг женился на Эльгиву, другой женщине из той же ветви, архиепископ Кентерберийский, подстрекаемый Эдгаром, братом и соперником Эдвигу, объявил брак недействительным по причине того, что супруги имели общего прапрадеда²³.

Англо-саксонские короли и представители знати, как и Меровинги во Франции, женились и на более близких родственницах. В VII в. Эдбальд Кентский женился на собственной мачехе, вдове своего отца, вызвав тем самым потрясенное замечание Беды²⁴. В 858 г. Этельбальд Кентский женился на своей мачехе, французской принцессе Юдифи. Биограф короля Альфреда Ассер описывает брак как «противный запретам Божиим и христианскому достоинству, навлекший много бесчестия от всех, кто слышал о нем». Тем не менее, брак не был аннулирован²⁵.

Церковь осуждала англо-саксонских королев, как и их франкских современников, за полигамию и наложниц, но с двумя отличиями. Проступки англо-саксов были более скромными, а церковные осуждения — более сдержанными. Король Мерсии Этельбальд никогда не вступал в законный брак, ограничиваясь наложницами, что беспокоило св. Бонифация, который написал протест против королевского «греха похоти и прелюбодеяния». Убийство Этельбальда, не оставившего наследников, его собственным телохранителем в 757 г. рассматривалось как доказательство правоты Бонифация²⁶. Эдвард Старший имел детей от своей наложницы Эггвины и заключил законный брак только после смерти своего отца короля Альфреда. В дальнейшем он женился еще дважды, возможно, разведясь с одной женой; его внук Эдгар развелся с одной, а возможно, и со второй женой, заключив три последовательных брака²⁷.

Брачные соглашения включали те же условия, что и у других германских народов на континенте. По Законам Этельберта, жених выплачивал выкуп за невесту, который в конце англо-саксонского периода, кажется, шел невесте²⁸; жених дарил невесте также *morgengifu* «утренний дар», англо-саксонский вариант *Morgengabe*, в Англии выражавшийся обычно в форме земельного дарения²⁹. Согласно документу, датирующемуся, вероятно, концом X в., во время обручения

жених должен был дать обещание родственникам невесты «обращаться с ней по законам Божиим так, как мужчина должен обращаться со своей женой; а его друзья должны служить поручителями». Кроме того он был обязан предоставить свидетельства того, что способен содержать ее, а «затем объявить, что он дарует ей за согласие принять его сватовство и что он дарует ей, если она проживет дольше, чем он», т.е. определить вдовью часть. Когда соглашение было достигнуто по всем пунктам, «родичи должны приступить к обручению своей родственницы в качестве жены и передаче ее в законный брак тому, кто просил ее».

В документе определено, что, «согласно порядку», должен присутствовать священник (хотя, видимо, это не было обязательным условием), чтобы «соединить их вместе благословением Божиим», и что следует позаботиться, чтобы «они не состояли в слишком близком родстве». Приготовления к свадьбе должны «угодить» не только родичам невесты, но и самой невесте³⁰. Судебники Кнута свидетельствуют, что самое позднее в начале XI в. и государство, и церковь считали необходимым согласие вступающих в брак на его заключение. «И ни вдова, ни девушка не может быть насильственно отдана замуж за человека, которого она не любит, или выдана за деньги, если только он [жених] не захочет дать что-либо по своей собственной воле»³¹. Сомнительно, правда, что семьи будущих женихов и невест всегда подчинялись духу закона.

Завещания трех женщин X в. содержат списки передающегося наследникам или церкви постельного и столового белья, накидок на сидения и тканей для стен, что предполагает наличие приданого, дополненного их собственным рукоделием. Женщина из Сомерсета по имени Вулфвару оставила в наследство монастырю св. Петра в Бате «облачение для мессы со всем, что к нему принадлежит, и наилучший алтарный покров из всех, какие у меня есть, и набор постельных принадлежностей с гобеленом и пологом и со всем, что к нему относится», оставив гобелены, постельные принадлежности и столовое белье двум своим сыновьям³². Другая дама, Винфлэд, оставила своему внуку два сундука, содержащих «набор постельного белья — все, что необходимо для убранства одной постели», а внучке — два других сундука с ее «лучшим пологом

для постели и льняным покрывалом и всем постельным бельем, которое входит сюда». Третья, Этельгиву, завещала распределить оставленные ею домашние принадлежности, включая гобелены и накидки для сидений среди ее родственников и женщин-служанок³³.

Единственные сохранившиеся брачные контракты — два англо-саксонских документа начала XI в. — показывают, каких даров могла ожидать невеста из высшего слоя, а также свидетельствуют, что эти дары получала скорее она сама, чем ее родители. В одном документе знатный человек по имени Вульфрик, составляя брачный контракт с сестрой архиепископа, «обещал ей поместья в Орлетоне и в Риббесфорде в пожизненное владение... и дал ей поместье в Альтоне, которое она может подарить и передать тому, кому она захочет как при жизни, так и после смерти, как она найдет это нужным; и обещает ей 50 манкусов³⁴ золота и 30 человек и 30 коней». Другой документ определен как «соглашение, которое Годвине заключил с Брихтриком, когда сватался к его дочери. В первую очередь он дарит ей фунт золота, чтобы склонить ее принять его предложение, и поместье в Стрите со всем, что принадлежит к нему, и 150 акров в Бурмарше и сверх того 30 быков и 20 коров и 10 коней и 10 рабов»³⁵.

Как и римляне и Меровинги, англо-саксы ранней поры спокойно относились к разводам, инициированным мужчиной, но в отличие от них они почти так же спокойно относились и к разводам, инициированным женщиной. Законы Этельберта, составленные в VII в., содержат статью, которая устанавливает беспрецедентную вседозволенность: «Если [жена] хочет уйти, забрав с собой детей, то она должна получить половину всего имущества». Закон идет еще дальше: «Если муж хочет удержать [при себе детей], [она должна иметь ту же долю,] что и ребенок». В этом раннем судебнике прелюбодеяние рассматривается столь же практично. Обманутый муж должен получить компенсацию от любовника жены в виде выплаты вергельда, он же должен найти мужу другую жену «на свои собственные деньги и привести ее в дом» пострадавшего³⁶. В следующем столетии король Нортумбрии Эггфрид развелся с Этельдрид, потому что она отказывалась спать с

ним. Епископ Вилфрид рассказал Беде, что Эггфрид «обещал, что отдаст ему (Вилфриду) много земель и много денег, если он уговорит королеву согласиться на возвращение свадебного дара». Королева была отдана в монастырь³⁷. Другие англо-саксонские короли успешно разводились со своими женами по неизвестным нам причинам, видимо, без вмешательства церкви. Во всяком случае, английские епископы не создали ни одного *casus célèbre*³⁸, аналогичного преследованию Лотаря II Хинкмаром.

Роль жены в англо-саксонской семейной жизни освещают и судебники, и литературные памятники. Как хозяйке дома, ей официально вручались ключи к «ее кладовым, ее сундуку и ее денежному ящику»³⁹. Особой обязанностью женщины, будь то рабыня, разносящая чаши, или дама и хозяйка дома было угощение напитками. Одно из гномических стихотворений в «Эксетерской книге» предписывает:

Женщина должна благоденствовать,
любимая своим народом, должна быть веселой,
должна хранить секреты, должна быть щедрой
на коней и сокровища. На пиру
она должна всегда быть повсюду перед соратниками,
прежде всего приветствовать защитника знатных,
быстро вкладывать первую чашу
в руку своего господина, и давать добрый совет
для обоих вместе в их семье⁴⁰.

Беда рассказывает, как жена одного тэна, излеченная епископом Иоанном Беверлийским от «острого недуга», встала с одра; «обнаружив, что ее прежняя сила восстановилась, она поднесла чашу епископу и нам и, выполнив эту обязанность, продолжала обносить нас напитками до конца еды»⁴¹. На одном из пиров, описанных в «Беовульфе», датская королева Вэлхтеов предлагает чашу с медом своему мужу, его дружинникам и Беовульфу, который «отпил из чаши, поданной Вэлхтеов, этот воин, ярый, как смерть». На другом пиру «чашники» — мальчики подают напитки большинству гостей, сама же королева подает чаши королю и Беовульфу⁴².

Другое гномическое стихотворение в «Эксетерской книге» отмечает еще одну роль женщины:

Женщине подобает место за рукодельем;
шатающаяся без дела женщина вызывает пересуды,
ее часто обвиняют в грехах;
мужчины говорят о ней с презрением;
красота ее нередко увядает⁴³.

От судебныхников VII в. королей Уитреда Кентского и Ине Уэссекского до свода законов XI в. короля Кнута англо-саксонское законодательство постоянно настаивало на том, что жену и семью человека, совершившего преступление, нельзя автоматически рассматривать как его сообщников. Подразумевается, что в прошлом все общество, а во времена составления судебныхников — многие люди считали их таковыми. Законы Ине устанавливают различные наказания за преступления, совершенные с ведома и без ведома семьи: «Если кто-нибудь украдет таким образом, что его жена и дети ничего не знают об этом, он должен заплатить 60 шиллингов в качестве штрафа; но если он украдет с ведома всей своей семьи, все они должны быть обращены в рабство».

Если муж был осужден за кражу крупного скота, он должен был отдать две трети семейного имущества. Жена могла очистить себя от обвинения, поклявшись, что она никоим образом не участвовала в преступлении и не ела мяса: «Если она заявит под присягой, что она не ела украденную пищу, она сохраняет свою треть» (семейного имущества; возможно, свою вдовью часть)⁴⁴. Законодательство Кнута признавало, что жена не может запретить мужу внести в дом все, что он хочет, поэтому она не несет ответственности, если только краденое имущество не спрятано «под ее замок и ключ», т.е. в одно из трех мест, к которым она имеет ключи. Так же не несли ответственности, видимо, и дети, поскольку Кнут добавляет: «До сего времени случалось, что дитя, лежащее в колыбели, хотя оно еще никогда и не пробовало пищи, считалось алчными людьми виновным, как будто оно могло свободно действовать. Но отныне я настоятельно запрещаю это»⁴⁵.

Англо-саксонские судебники позволяли вдовам воспитывать своих детей, но под опекой родственников мужа. Законы Ине, короля Уэссекса, постановляют, что вдова должна «содержать своего ребенка и воспитывать его» на деньги, выделяемые для этой

цели, и на «корову летом, быка зимой» и что «родственники должны заботиться об отцовском доме, пока ребенок не вырастет»⁴⁶. Законы кентских королей Хлотхере и Эдрика имеют аналогичные статьи, где определено, что один из родичей ребенка по отцу должен быть назначен опекуном, «чтобы присматривать за имуществом, пока ему (ребенку) не исполнится десять лет»⁴⁷. Более поздние судебники, защищая права вдов, указывают, что они находятся под покровительством, но не уточняют подробности⁴⁸.

Несмотря на то, что заключение брака всегда учитывало материальные вопросы, в хрониках проглядывают свидетельства нежных отношений между мужьями и женами. Беда сообщает нам, что матери Хильды, прославленной аббатисы в Уитби, жившей в VII в., приснился кошмарный сон, в котором она «упорно искала» своего изгнанного супруга «и нигде не могла найти»⁴⁹. Другой человек VII в., описанный Бедой, Хильдемер, друг св. Кутберта, ухаживал за своей душевнобольной женой и рыдал, когда счел, что она умирает⁵⁰. Беда описывает также радость короля Нортумбрии Эдвина, когда его молодая жена родила ребенка «благополучно и без боли». Эдвин, замечает Беда, «возблагодарил своих [языческих] богов», но ребенок был крещен как христианин и стал первым крещеным нортумбрийцем⁵¹.

Среди литературных описаний семейной жизни — пассаж из того же гномического стихотворения, в котором описывалась жена, подносящая чаши:

- Дорог привет человека
его жене-фрисландке, когда его корабль становится
на якорь;
его судно прибыло, и ее муж вернулся домой,
ее собственный супруг; и она приглашает его войти,
омывает его просоленные морем одежды и дает ему
чистые одеяния,
и дарует ему землю, которой требует его любовь⁵².

Определяя отношения между мужем и женой, литературные тексты часто используют англо-саксонский термин *freondscype*. Он означает нечто большее нежели современное *friendship* «дружба», хотя и меньшее, чем

«страсть»; вероятно, его можно перевести как *affection* «привязанность, любовь».

* * *

Литературные произведения проливают свет и на родительские чувства к детям. В «Беовульфе» мы находим скорбящую о своем сыне Хильдебург и дядю Беовульфа короля Хределя, «потрясенного горем», когда один из его сыновей убил другого. Отец не может отомстить убийце и «горько сетует», как сетует «некий старец, увидевший кровного чада тело на древе смерти в удавке пляшущее». «Отринув людские радости», Хредель уходит из жизни⁵³.

В поэме «Судьбы людей» из «Эксетерской книги» описывается воспитание ребенка:

Очень часто Божьим произволением
муж и жена приносят, благодаря рождению,
ребенка в этот мир, и дают ему радости,
веселят и холят его, пока не придет время,
наступит по истечении лет, и юные конечности,
живые члены, не повзрослеют.
Так отец и мать носят его и ходят с ним,
дают и питают; один Бог знает,
какую участь готовят года подрастающему мальчику.

Среди частей, которые года могут принести ребенку, несчастья:

Серый вор вересковой пустоши,
волк, жадно растерзает его, и его мать
оплачет его смерть, неподвластную человеку.

Или, когда он еще подросток,

Пламя нападет в страшном пожарище,
жестокий огонь, красные яростные сполохи
женщина возопит
увидев как языки пламени окутывают ее сына⁵⁴.

Жизнеописание св. Кутберта у Беды проливает свет на жизнь ребенка в VII в. Хотя родители Кутберта, видимо, были крестьянами (он начал свою жизнь пастухом), в младенчестве его нянчила женщина, которую он, выросши, часто посещал и которую «он привык называть своей матерью». Вплоть до 8 лет — воз-

раста, когда «детство сменяется отрочеством», — он «наслаждался весельем и криками; и, как и положено в его возрасте, находил удовольствие в компании других мальчиков и в играх с ними; и, поскольку он был по природе подвижным и находчивым, часто в мальчишеских состязаниях он одерживал над ними верх, и нередко, когда все уставали, он один держался до конца и победно оглядывался, не осталось ли кого-нибудь оспорить его победу. Потому что в прыжках, беге, борьбе или любом другом телесном упражнении, он хвастал, что превосходит любого мальчика своего возраста и даже некоторых более старших». Однако однажды, когда группа мальчиков, в которой был и Кутберт «продолжала на поле обычные игрища», к нему подбежал плачущий мальчик, младше него, и увещал его отказаться от этих детских занятий. Кутберт успокоил его, «забросил свои суетные игры» и «посвятил себя молитвам, размышлениям и учебе»⁵⁵.

Проблемы сексуальных отношений широко представлены в англо-саксонских судебныхниках в связи с сексуальными преступлениями, в основном изнасилованием и соращением; размеры штрафов устанавливаются в соответствии с социальным статусом женщины. Законы Этельберта обязывают человека, который спал со служанкой знатного человека («чашницей»), выплатить штраф в 20 шиллингов, со служанкой керла (*ceorl* — «свободный крестьянин») — шесть шиллингов; за сношения с рабыней предусматривались меньшие штрафы⁵⁶. Законы Альфреда содержат целую шкалу различных вергельдов для мужчин, соблазняющих чужих жен. Если человек напал на женщину, имеющую статус керла, он выплачивает штраф самой женщине, и размер штрафа зависит от тяжести преступления: 5 шиллингов, если он схватил ее за грудь, 10 — если он повалил ее, но не изнасиловал, 60 шиллингов, если изнасиловал ее. Изнасилование рабыни керла влекло штраф в размере 60 шиллингов королю и выплату в 5 шиллингов керлу (и ничего самой женщине). Но если насильник был рабом, его кастрировали. Сексуальные домогательства монахини — хватание ее за одежды и за грудь «без ее разрешения» — карались двойным вергельдом. Человек, заставший свою жену, сестру, дочь или мать с другим мужчиной «за закрытой

дверью или под одним одеялом», мог наказать его по своему усмотрению. Обрученная девушка выплачивала за внебрачную связь штраф, равный ее вергельду. Если эта девушка принадлежала к классу керлов, то штраф выплачивался скорее крупным рогатым скотом, нежели деньгами, причем штраф шел «поручителю», родственнику жениха и друзьям, которые свидетельствовали брачное соглашение⁵⁷.

Однако, к XI в. нормы были ужесточены. По законам Кнута, совершившая прелюбодеяние женщина становилась «общим позором, и ее законный супруг должен получить все, чем она владеет, а она должна потерять нос и уши»⁵⁸.

Ряд двусмысленных загадок в «Эксетерской книге» обнаруживают мужской сексуальный юмор, обычно обыгрывающий фаллические символы. Меч, «дивно содеянный, в бранях остренный», приносит смерть мужчине и горе женщине. В противоположность своему хозяину, он пребывает в безбрачии и «должен наносить удары в игре без невесты / без надежды на сокровище — ребенка»⁵⁹. Ключ, кузнечные мехи, буравчик, рубашка, даже репчатый лук («Я чудесное создание, приносящее радость женщинам»)⁶⁰ занимают свое место в этой сексуальной игре словами. В одной из загадок сражаются молодой человек и женщина:

Они качались и тряслись.

Юноша спешил, временами с пользой,
исправно служил, но всегда уставал
раньше, чем она, утомленный работой.

Под ее поясом зарождалась
награда герою за лежание на тесте⁶¹.

Ответ — маслобойка (англо-саксонское слово *суген* — существительное женского рода).

В другой:

Я слышал, что нечто поднимается в углу,
покачиваясь и вставая, поднимая крышку.
Горделивая невеста схватила это бескостное
чудо руками, дочь вождя
накрыла качающийся предмет завитком ткани⁶².

Ответ — тесто.

Подобные земные радости предполагают грубую простоту быта в IX в. Как и их современники на континенте, англо-саксонские крестьяне жили в домах с плетеными стенами, обмазанными известкой или торфом, и с крышами из соломы. Те же три типа построек, которые преобладали на континенте, возводились и в Британии, хотя использовались они немного иначе. В длинных коровниках размещались как животные, так и семья. Меньшего размера наземные постройки были только жилыми помещениями. Полуземлянки иногда служили кладовыми или укрытиями для животных, иногда ремесленными, прядильными или другими мастерскими — в нескольких были найдены ткацкие грузики, — а иногда использовались беднейшими семьями для жилья⁶³. Главной опасностью для всех них был огонь, и как пожар, начавшийся в одном конце деревни, где жила няня св. Кутберта, он мог угрожать всей общине⁶⁴.

Ранние поселения были небольшими и далеко отстояли друг от друга. На протяжении VIII—IX вв., в эпоху набегов викингов, многие из них были, видимо, заброшены; население перемещалось в новые более крупные деревни, группировавшиеся вокруг приходских церквей и окруженные общественными полями.

Раскопками не обнаружено жилищ знати и королей. Палаты короля Хродгара в «Беовульфе» описаны как большое длинное здание, которое «вздыхало ввысь, благородное и широкое, увенчанное рогами»⁶⁵, с деревянными стенами, завешанными гобеленами, которые сверкали золотом, с мощеным полом, скамьями вдоль стен, на которых спали воины, и такими широкими дверьми, что через них могли проходить кони. Отдельные помещения выделялись для супружеских пар и для незамужних женщин⁶⁶. Однако создатель «Беовульфа», живший в VIII в., скорее передавал свои представления о датском дворце более раннего времени, нежели описывал современные ему англо-саксонские жилища. Ассер рассказывает, что король Альфред строил дворцы и палаты как из дерева, так и из камня⁶⁷. Замки или укрепленные жилища, которые начали усеивать континентальный ландшафт в IX в., едва ли появились в Англии до 1066 г., хотя города, окруженные стенами — *burh*, — служили укрытиями для населения во время набегов викингов.

Завешания, миниатюры в рукописях и гобелен из Байо дают более надежную информацию об обстановке в доме. В богатых домах, судя по этим источникам, имелись сундуки, постели с пологами, столы, сидения, которые застилались покрывалами и, возможно, накрывались подушками. Стены обычно завешивались тканями, без сомнения расшитыми, как гобелен из Байо, а не затканными, как средневековые гобелены. Одним словом, богатые семьи имели более удобно и роскошно убранные жилища, чем крестьяне, но мало удобств и уединения.

Брак и семья в 1000 году

В год тысячелетия христианства, вопреки ожиданиям, конец мира не настал. Напротив, мир подготовился к вступлению в новую эпоху. Второй период вторжений скандинавов с севера и сарацинов с юга вызвал строительство замков и городских стен и тем самым способствовал постепенному улучшению общественного порядка. Старая военная знать, которая долгое время правила крестьянским населением Европы, начала, хотя и неохотно, отказываться от своих жестоких привычек и даже предложила церкви периодическое соблюдение Божьего мира, во время которого запрещалось разорять церкви и монастыри и грабить бедных.

К этому времени церковь достигла некоторых успехов в своей долгой борьбе против традиционной сексуальной свободы мужчин. Архиепископ Хинкмар и другие энергичные прелаты и папы заставили королей и высшую знать проглотить принцип нерасторжимой моногамии, навязали им сильно расширенную экзогамию и запрет на инцесты. Постоянное осуждение прелюбодеяний и внебрачных связей не увенчалось прекращением этой традиционной практики и даже не привело к сколько-нибудь осязаемым результатам. Тем не менее, на протяжении X в. церкви удалось привить свои представления о морали и браке светскому законодательству. В 500 г. церковь могла только протестовать и увещевать; в 1000 г. она могла угрожать и распорядиться.

Существенные изменения претерпели условия, на которых заключались браки всех уровней, в первую очередь, утренний дар жениха невесте. Его целью стала финансовая поддержка новой супружеской четы в противоположность старой цели брака — заключить соглашение и установить союз между семьями. Тем не менее, родители сохраняли контроль. Браки, в среде как крестьян, так и высших слоев общества, по-преж-

нему планировались, исходя из практических соображений.

Более крупные кровнородственные группы — кланы, роды, *Sippe* — продолжали играть определенную социальную роль, но значение индивидуальной семьи возросло. Практическая все семьи, бедные ли, богатые ли, жили на земле, передача которой из поколения в поколение подчинялась древним законам делимого наследования. В большей части Европы поместье делилось между мужскими наследниками; в англосаксонской Англии выделялась доля и женщинам. Именно в этой сфере в недалеком будущем должны были произойти существенные изменения как в Англии, так и на континенте.

III.
ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 6

РЕВОЛЮЦИЯ В СЕМЬЕ XI ВЕКА

«Гарен Лотарингский» — одна из многочисленных эпических поэм, написанных в XII—XIII вв., но повествующая, однако, о значительно более раннем времени — VIII в., героической эпохе Карла Мартела и Пипина¹. В прологе описывается семейный кризис, который действительно произошел, но только не за четырьмя, а за двести лет до создания поэмы. Французская аристократия, включая молодого Жерве, герцога Метцского, который позднее становится отцом героя поэмы, изображается обнищавшей, неспособной приобрести оружие, необходимое, чтобы помочь Карлу Мартелу изгнать вандалов из страны. Причиной является то, что глава семьи, находясь на смертном одре,

в великом страхе смерти
пренебрегает своим братом и своим сыном,
другими своими родичами и своими
двоюродными братьями;
черным монахам святого Бенедикта
он отдает свои земли и ренты и мельницы:
его дочь и сын не имеют ничего.
Когда он покидает мир, миряне нищают,
а священники обогащаются².

Жажда личного спасения восторжествовала над «чувством семьи»; право частного распоряжения наследством ослабило узы родства.

Автор «Гарена» винит в новом пагубном обычае алчность клириков. Он заставляет Карла Мартела представить эту проблему на разрешение папе, который проводит вселенский собор в Лионе; папа окружен тремя тысячами прелатов — все они носят богато украшенные одеяния и прибыли на собор на превосходных конях в противоположность двадцати тысячам рыцарей, которые сопровождают Карла пешком и не имеют ни доспехов, ни оружия, кроме обнаженных

мечей. Карл рассказывает папе, что его страна опустошена, его поля сожжены, его замки сровнены с землей. Враг ставит лошадей в церквах и убивает священников, епископов и архиепископов, а у рыцарей Карла нет средств, чтобы сопротивляться. Папа обращается к собравшимся прелатам. Один из них, архиепископ Реймский, протестует: если церковь отдаст хотя бы часть своих богатств рыцарям, прецедент станет обычаем. Жерве, герцог Метцский, отвечает, что 20 000 рыцарей короля потеряли доходы от своих пекарен и мельниц из-за того, что их отцы все отдали церкви³.

Аббат Клюни бросается на его поддержку: «Если мы, хвала Богу, богаты, то потому, что их предки завещали нам свои земли. Пусть каждый из нас внесет хоть небольшой вклад; отказывая в малом, мы потеряем все». Наконец, несмотря на возражения архиепископа Реймского, который заявляет, что скорее он согласится быть привязанным к хвостам их коней, чем отдаст рыцарям хоть два анжуйских пенни, папа обещает Карлу Мартелу *vair* и *gris* (богатые меха) и «все золото и серебро, которым владеет церковь, ее верховных коней, вьючных лошадей и мулов», чтобы разгромить врага и спасти страну. На протяжении семи лет рыцари могут собирать десятину, но когда с врагом будет покончено, они должны вернуть полученное. В соответствии с этим, рыцари забирают *vair* и *gris*, серебряные и золотые монеты, чаши из чистого золота и оружие, вооружаются, освобождают Париж, Сан, Суассон и Труа и изгоняют врагов из Франции⁴.

Большинство историков согласно в том, что «семейная революция», вызванная кризисом, обрисованным в прологе к «Гарену Лотарингскому», произошла в Европе где-то около 1000-го года⁵. Если земельные дарения церкви и сыграли некоторую роль в подготовке этого кризиса, следует, тем не менее, отметить, что сделки с землей между церковью и мирянами ни в коем случае не были односторонними: нередко церковь теряла земли, поскольку крупные нобили, которые контролировали свои местные монастыри, дарили и отбирали земли, как им было выгодно. Посмертные дарения церкви стали, очевидно, лишь одной из причин упадка старой системы. Другими причинами были дробление патримоний из-за делимости наследства, ослабление центральной власти и распыление ее сил.

В своем исследовании области Маконнэ в Бургундии, Ж. Дюби описывает углубляющийся кризис аристократии X в. и объясняет его усиливающимся индивидуализмом, наносившим ущерб семье, включая и посмертные дарения церкви со стороны глав семей. В начале X в. в области Маконнэ господствовали шесть крупных семей. Все они были владельцами бенефициев, полученных от короля или церкви. Подавляющее большинство их обширных земельных владений состояло из аллодов, т.е. эти поместья находились в прямой собственности, а не передавались на обычных условиях феодального держания и, соответственно, могли отчуждаться по желанию владельца. Мелкие аристократы владели небольшими аллодами: одна-две сельских церкви, дюжина мансов, кусочки леса и пастбищ⁶.

Результатом аллодиальной собственности при системе делимого наследства было быстрое дробление поместий. К 1000-му году собственность шести крупнейших семей была разделена между 24 семьями. Этот процесс усиливался узко индивидуалистическим пониманием собственности, из-за которого «каждое семейное событие, брак, рождение, смерть, отмечалось выделением части аллода»⁷.

Неаллодиальные земли почти не подвергались фрагментации. Внизу иерархической лестницы крестьянин держал большую часть своей земли от ее собственника, и требовалось согласие последнего, чтобы разделить или продать землю. Точно так же и наверху некоторая часть больших патримоний являлась держанием. В обоих случаях, деление земли было не в интересах сеньора⁸.

На разделенных аллодиальных землях было возможно совместное владение наделом, что иногда и имело место. Обычно это право использовали братья, создававшие временные *frèreche*, или совместные держания, но в X в. таких образований было очень немного. Основная масса земли превращалась во все сокращающиеся по размерам владения все возрастающего числа супружеских семей. Но и в этой основной ячейке общества дух независимости вел к дальнейшей фрагментации. Сыновья, уже в раннем возрасте освобождаясь от власти отца, могли по желанию распорядиться унаследованным имуществом. Мужья и жены контролировали свои собственные поместья и

могли продать их, не советуясь друг с другом; вдовья часть патримонии мужа поступала в полное владение жены, и она свободно распоряжалась ею. Родственники, не входившие в супружескую семью, не могли никоим образом помешать продаже земли или ее дарению церкви: владелец имел право «держатъ, продавать и дарить» ее⁹.

В этих условиях, как считает Ж. Дюби, происходили «огромные перемещения земельной собственности» от владельца к владельцу, причем значительная доля переходила к церкви — и не только в качестве посмертного дара, но и в качестве вклада монаха или монахини при поступлении в монастырь. «Церковь подталкивала к подобным дарениям и сама устраивала их, чтобы получить земли, которые бы наилучшим образом дополняли ее домены». Потомки крупных семей, живя на разобщенных остатках древних патримоний, спускались по социальной лестнице и превращались в мелкую знать¹⁰.

Лишь немногие из ведущих семей занимали публичные посты, а вместе с ними получали бенефиции, которые они не могли продавать, разделять или дарить. Одним из них была должность графа Маконнэ. Другие должностные лица были кастелянами, управляющими королевскими замками, построенными в IX—X вв. Некоторые семьи заключали выгодные брачные союзы и сумели выжить и даже улучшить свое положение¹¹.

Что же касается низшего слоя аристократии середины X в., то их потомки так скатились по социальной лестнице, что к 1000-му году стали неотличимы от крестьян. Несколько семей исчезло совсем. Четыре сына Робера де Куртиля поровну разделили патримонию. Двое из них вскоре умерли, оставив большую часть своих земель аббатству Кюни. Тогда два других передали свои доли аббатству в обмен на пожизненное обеспечение «пищей и одеждой». Двоюродные братья Робера обратились в суд, но аббатству удалось поглотить все его поместье¹².

Около 1000-го года происходит глубокое изменение в динамике семьи, механизм которого еще не полностью выяснен. В области Маконнэ, где на протяжении X в. шесть знатных семей разделились на 24, в XI в. это число стабилизировалось: появились четыре новые

ветви, зато четыре старые исчезли. За периодом быстрого дробления знатных семей наступила фаза, при которой существующая знать укрепила свои позиции, одновременно усилились и семейные связи¹³.

Г Важнейшим из очевидных изменений был переход от делимого наследства к неделимому. Среди низшей знати Маконнэ объединение братьев для совместного держания земли (*frèreche*), ранее встретившееся лишь у нескольких семей, теперь стало правилом. Один из сыновей, не обязательно старший, назначался преемником отца, чтобы управлять семейными владениями и выступать от имени семьи в окружающем мире. В брак мог вступить только этот сын и не более, чем еще один. Домохозяйства были большими. Типичное домохозяйство мелкой знати того времени, по описанию Ж. Дюби, состояло примерно из 12 членов семьи: родителей, одного из братьев с женой и детьми, оставшихся неженатыми братьев и сестер, причем некоторых из неженатых братьев готовили в клирики — по стопам дяди, церковного деятеля. Молодые люди жили под надзором своих родителей или, если родители умерли, своего брата — главы семьи. Доля каждого в хозяйстве была невелика, но все вместе они были в состоянии экипировать и содержать одного-двух братьев-рыцарей¹⁴.

На вершине иерархической лестницы, но постепенно смещаясь на протяжении XI в. вниз, появилась и иная форма неделимого наследства: наследование всего имущества одним сыном, обычно старшим — примогенитура (право первородства). За возникновением этого института стояло резкое ослабление центральной публичной власти — монархии — с последующим усилением местных властей, таких как графы, которые в Каролингскую эпоху назначались королями и были их представителями.

Франкская монархия в конце IX — начале X в. постепенно катилась к упадку. По мере того, как король постепенно терял власть над графами — некогда своими представителями, — они становились автономными наследственными правителями областей. В 890 г. в Маконнэ должность графа занимали совместно два человека, Лето и Раку, возможно, братья, которые передали графство мужу сестры Раку, Обри Нарбоннскому. Около 945 г. преемником Обри стал его сын Лето, а

затем около 970 г. в должность вступил сын последнего, Обри. Таким образом должность графа сначала стала наследственной, а затем наследственной по праву примогенитуры¹⁵.

Аналогичный процесс чуть позднее происходил и на нижеследующей ступеньке иерархической лестницы. Представителями графской власти на местах были кастеляны, управляющие замками, построенными в беспокойный период нашествий викингов и сарацинов, чтобы поддерживать общественный порядок. В X в. замок стоял на природном или искусственном возвышении (*motte*), которое было обнесено рвом и частоколом и на вершине которого находился деревянный дом. Вокруг группы построек, образовавшей двор (*baily*), возводился второй частокол и ров. К концу X в. некоторые замки были перестроены в камне и к ним добавлено несколько прямоугольных в плане башен¹⁶. Как ни примитивны, по более поздним меркам, эти ранние замки, они давали огромную власть их комендантам, которые управляли местным населением, обладали не подвергавшейся сомнению властью и вскоре сделали должность кастеляна наследственной.

В Маконне некий Гару был поставлен управляющим замком в Брасьоне в начале 900-х годов. После его смерти должность перешла к его сыну Лебо, затем к сыну Лебо, Гару, а затем к зятю Гару-младшего Гвиннебо. Когда на замок, в котором жила и правила семья кастеляна на протяжении нескольких поколений и который был окружен ее аллодиальными владениями, семья заявила права как на свою собственность, эти права были ей даны, и крепость стала частной собственностью кастеляна. Около 1000-го года кастеляны пошли немного дальше, отказав в повиновении графам и став автономными правителями в своих округах¹⁷. В конце XI в. низшая знать, рыцари, также начала передавать семейное поместье одному наследнику и отказалась от *frèreche*¹⁸.

Г Об изменении облика семьи свидетельствует явление, впервые в истории появившееся в документах того времени — фамилия или патроним, передаваемый по отцовской линии. Это явление было абсолютно новым, почти не имеющим сходства ни со сложной римской системой именованья лица, ни с системой

именования в раннее Средневековье, в соответствии с которой индивид обозначался только личным именем, избранным из короткого списка родовых имен¹⁹. На основе этой системы ранние короли-Капетинги звались либо Гуго, либо Роберами на протяжении шести поколений; графы Анжуйские носили имена Жофре или Фульк; все графы Тоннерра — Мило или Ги; графы Невера — Ландрик или Бодо. Графы Пуату использовали имена Раннульф или Эбло, но, придя к власти в Аквитании, они отказались от них ради имени Гийом, которое носили предки герцогов Аквитанских²⁰.

Документы Маконнэ до 1000-го года не приводят фамилий. На протяжении следующих 35 лет появляется несколько фамильных имен, число которых увеличивается на протяжении XI в. Фамилии черпались из трех основных источников: описательных прозвищ или эпитетов, первоначально данных индивиду, а затем закрепившихся как обозначение его семьи (например, семья *Gros*, владевшая замком Укселль, получила фамилию от слова *gros* «большой»); наименования самих замков (Монмерль, Сеннесе); наименования основного поместья семьи (Мерцэ). В конце концов именно последний источник стал универсальным, и фамилии и титулы знати образовывались от наименования главного поместья семьи. Не все знатные семьи имели замки, но все владели поместьями²¹.

В то же время сократилось количество личных имен, используемых знатью. В Маконнэ появляются многочисленные Гуго, Бернары, Жоссераны, Жоффре и Хумберты; эти имена заимствованы у знатных семей, живших по соседству, и предполагают родственные с ними связи. Было воспринято несколько имен эпических героев (Жиральд, Роланд, Оливье) и несколько имен новозаветных персонажей (Петр, Стефан)²². Историк К. Ф. Вернер отмечает, что в Германии варианты известного библейского имени Иоанн (Иоганн, Ганс, Иван, Жан), почти не встречающегося к северу от Альп до X в., стали настолько распространены в позднее Средневековье, что его носили сотни исторических лиц. Точно так же, имена Генрих и Конрад, использовавшиеся в IX—X вв. только в двух королевских династиях Германии, стали настолько популярны, что их уменьшительные формы *Hinz* и *Kunz*

вошли в поговорку как выражение обыденности, неиндивидуализированности лица (ср. английское «Tom, Dick, and Harry» или русское «Иванов, Петров, Сидоров»)²³.

Сходный процесс, хотя и немного позже, происходил, как выяснила К. Бушар, в Оксерре, к юго-востоку от Парижа на границе с Бургундией. В X—XI вв. владельцы Сейнелэ определяли себя только личными христианскими именами, варьируя два антропонима, Асвало и Даймберт, от отца к сыну. Даже когда их начали называть Асвало де Сейнелэ или Даймберт де Сейнелэ, вторая часть денотата не была ни единственной возможной, ни семейной. Рядовые рыцари из гарнизона замка также обозначали себя с помощью наименования замка, что отражено в документах, упоминающих Сало де Сейнелэ, который, унаследовав собственное имение, стал Сало де Буильи. Братья кастеляна, как и гарнизонные рыцари, могли использовать обозначение «де Сейнелэ», пока они жили в замке, но, изменив место жительства, они принимали имя нового господина; так, Стефан де Сейнелэ женился на наследнице Пьер-Пертуи и с тех пор был известен как Стефан де Пьер-Пертуи. Настоящей фамилией обозначение «де Сейнелэ» стало не ранее XII в.²⁴

В большинстве областей прослеживается сходный принцип распространения фамилий — сверху вниз: сначала фамилии получают крупные магнаты, затем кастеляны и, наконец, низшая знать. В Баварии, как установил В. Штёрмер, первыми приняли фамилии кастеляны, а затем низшая знать; крупных же магнатов знали достаточно хорошо и дополнительное средство для их идентификации не требовалось²⁵.

Изменения в динамике семьи имели результатом не только появление новых правил наследования и фамилий, но и существенное перераспределение власти внутри семьи. *Morgengabe*, древнегерманский «утренний дар» мужа невесте, вышел из употребления, вдовья часть — ранее прямая передача имущества от мужа жене — теперь ограничилась пожизненным пользованием, получаемым только после смерти мужа, и при отсутствии детей возвращалась в семью мужа. Жена не могла больше передать детям от второго брака земли, полученные в качестве вдовьей части после смерти первого мужа. Напротив, полученное от

родителей приданое возродилось вновь после периода забвения, как часть семейного владения, наследуемого мужем и детьми. Жена сохраняла некоторые права на земли, которые она унаследовала до брака, но она не могла продать их без согласия мужа. Одним словом, земельные владения мужа и жены становились общей собственностью, но находящейся под управлением мужа и служащей его выгоде и выгоде сына-наследника.

Перемена в имущественном статусе жены согласовывалась с новой идеологией целостности поместья, которое теперь передавалось от одного поколения к другому по мужской линии. Семейное земельное владение и власть мужчины над ним объединились и по функции, и по имени; другие члены семьи занимали вспомогательное или подчиненное положение. Тем самым сыновья, не являвшиеся наследниками, стали жертвами второй радикальной перемены: вместо того, чтобы получить свободу в молодости благодаря выделению их части патримонии, они получали постоянный доход только, если оставляли мирскую жизнь. Если же они уходили из дома по другим причинам, то уходили с пустыми руками. Сын, женившийся при жизни родителей, не мог основать новое домохозяйство и был вынужден приводить жену в родительский дом. Выделенная ей вдовья часть оставалась общим владением, к которому добавлялось приданое²⁶.

Наконец, третьим изменением было заметное сокращение посмертных даров церкви. Даже если дарение было сделано, земля могла оставаться частью семейной патримонии: церковь, как овдовевшая невестка, получала лишь свою часть дохода²⁷.

Ослабление власти короля и графа вернуло семье ту функцию, которая была утрачена несколько веков назад: функцию защиты своих членов. Следствием этого стало возвращение прежнего значения узам кровного родства за пределами супружеской семьи. В документах X в. из Маконнэ в качестве свидетелей называется мало членов семьи; в актах же первой половине XI в. фигурирует все больше братьев, дядей, племянников, двоюродных братьев; после 1050 г. они присутствуют всегда и к ним присоединяются более отдаленные родственники²⁸. Ж. Дюби рисует семейные советы, собиравшиеся время от времени, чтобы

обсудить различные вопросы, причем члены семьи, жившие далеко, присылали своих представителей и даже монахов, которые отреклись от мира. Родственники пострадавшего человека приходили ему на помощь, предлагая себя в качестве мстителей, заложников на время суда или гарантов соглашения²⁹. По словам К. Бушар, кровные родственники по мужской линии, *consanguinei*, «вместе сражались, вместе делали дары благочестия, помогали друг другу в светской и в церковной жизни, вместе они и погребались»³⁰.

Степень успеха семейной революции была различной в регионах с разными политическими и экономическими условиями. Исследователи этого процесса в отдельных местностях расходятся в определении времени, когда он происходил: от конца IX до XI в. Но существует почти полное согласие, что на протяжении этого периода в структуре и самовосприятии семей знати произошли радикальные изменения. Ранее доминировало подвижное горизонтальное родство: родственники группировались вокруг члена семьи, занимавшего королевскую должность. Наследование было делимым, и равный вес придавался предкам по материнской и по отцовской линиям. Денотатом индивида было его личное имя. Теперь же семья приобрела вертикальное измерение, прочно укорененное в поместье, патримонии, которая переходила от отца к одному из сыновей и которая давала семье новую, отличную от всех прочих фамилию.

Становление патрилинейности шло параллельно со становлением феодализма, социальной, экономической и политической системы, при которой господин давал землю вассалу в обмен на воинскую и другие службы, что торжественно оформлялось обменом клятвами защиты и верности. Личностные связи при феодализме подменили старую цепочку приказных: от короля к графу, затем к кастеляну и далее к рыцарю. Крупные аристократические семьи приобрели характер правящих династий, и на всех уровнях знати семья стала чем-то вроде мелкой династии с единственным наследником, к которому переходил домен. По словам Ж. Дюби, «положение семьи стало положением ее наследника»³¹.

Два поразительных символа передавали новое мироощущение знатной семьи. Первым был герб, и воз-

ника туманная система геральдики. Вторым — генеалогия. Англо-саксонские короли прослеживали своих предков по мужской линии до Водана и Адама, но такие генеалогии не были распространены даже среди королей. В X—XI вв. начали составляться генеалогии крупных местных сеньоров: графов Фландрских, Вандомских, Бульонских, Анжуйских. С течением времени были написаны генеалогии менее знатных семей и, наконец, рыцарей. Первоначально генеалогии составлялись в аббатствах на принадлежащих данному лицу землях, но затем происходит их постепенное обмирщение и, хотя их подготовка по-прежнему находилась в руках клириков, их писали скорее при дворах, чем в монастырях³².

Древнейшая сохранившаяся генеалогия знатного лица составлена для графа Арнульфа Фландрского в 950-е годы Витгером, монахом аббатства Сен-Бертен в Сент-Омере. Арнульф был потомком королей-Каролингов, чье происхождение старательно возводится в документе к меровингскому королю Хлотарю, прежде чем довести род до самого графа Арнульфа. Все поколения представлены мужчинами, за исключением двух ключевых моментов: Каролинги связаны родством с Меровингами через дочь короля Хлотаря, и Каролинги с графами Фландрскими через мать Арнульфа, правнучку Карла Великого, вышедшую замуж за графа Балдуина I. Таким образом, хотя агнатический (по мужской линии) счет родства был формальным правилом, там, где женская линия могла придать семье более высокий статус, агнатическая линия отбрасывалась без всяких церемоний. После восхваления Арнульфа за его благочестие, мудрость, великодушие и усердие в качестве «утешителя вдов и сирот», документ сообщает о его браке с Аделе, дочерью графа Вермандуа и племянницей двух французских королей; о рождении их сына Балдуина II; о браке Балдуина младшего с Матильдой, дочерью «благороднейшего принца Херимана». Завершается документ молитвами за Арнульфа и его сына: «Аминь. Аминь. Аминь. Аминь. Аминь. Аминь. Аминь»³³.

Ряд генеалогий, составленных в монастыре Св. Обена (Анжер), очевидно, с целью укрепить статус новой линии графов Анжуйских, также следует мужской линии, за исключением ключевых связей с ди-

настией Капетингов и графами Маконнэ и Безансона³⁴. В хронике, написанной несколькими годами позже, граф Фульк Рехин приводит свою краткую генеалогию, опираясь на собственные воспоминания и сведения, полученные от дяди, его предшественника. Он предваряет генеалогию объяснением: «Я, Фульк, граф Анжу, пожелал записать, как мои предки приобрели свою честь [поместье] и сохраняли ее вплоть до моего времени, и как я сам держал ее, Божьей милостью». Он — «сын Жоффре Шато-Ландона и Эрменгарды, дочери Фулька [Нерра], графа Анжуйского, и племянник Жоффре Мартела, который был братом моей матери и графом Анжуйским на протяжении 28 лет»³⁵.

Таким образом, патрилинейность возобладала как система, но более высокий социальный или имущественный статус женщины заставлял без колебаний переходить к женской линии. Патрилинейность сохранила нетронутыми семейные владения как патримонию, ограничив возможные притязания на нее. Старое билатеральное родство не исчезло, но, по словам Д. Херлихи, «наложилось на линияж, и не исчезло оно не только, чтобы обеспечить сохранение семьи, добавив лишних потенциальных наследников, но и из-за его эмоциональной ценности»³⁶.

После пролога к «Гарену Лотарингскому», рисующего картину страны, обедневшей из-за стремления к индивидуальному спасению и невниманию к общим нуждам семьи, поэма приступает к своей главной теме — распре между двумя знатными родами, Лотарингцами и Бордосцами, бушевавшей по всей Франции. Почти все персонажи — мужчины: Гарен и его младший брат Бего, их сыновья, племянники и двоюродные братья. Только одной из семи сестер Гарена, старшей, дано имя; что же касается остальных, рассказывается лишь об их брачных союзах с различными графами, герцогами и другими аристократами³⁷. Однако, их сыновья, племянники Гарена, играют важную роль и считаются членами семьи Гарена, равно как и членами семей своих отцов. Главный элемент повествования — линияж, по отношению к которому каждый, отец, сын, дядя, племянник, двоюродный брат, чувствует ответственность; она обеспечивает взаимную защиту и мщение, гостеприимство и убежище для спа-

сающегося бегством родича, готовность стать гарантом и заложником. Почва, в которой коренится линьяж, — семейное земельное владение, оно должно быть защищено от любых посягательств, оно — символ и фокус семейной солидарности.

Таково новое восприятие семьи европейской элитой после преобразований X—XI вв. Поместья больше не делились между сыновьями. Напротив, наследником земель отца, а вместе с ними и его замка и его имени становился один сын, создавая семейную династию, твердо укоренившуюся в фамильном гнезде и имеющую почти королевскую власть в своей округе. С воцарением примогенитуры понизился статус женщин, кастеляны же и рыцари, а также крупные независимые графы и бароны развлекались со своими новенькими гербами и генеалогиями.

Глава 7

ХІІ ВЕК: НОВЫЕ МОДЕЛИ СЕМЬИ

Благодаря изменениям, произошедшим в X—XI вв., возникли новые модели семьи и новые формы семейной жизни. Наряду с воздействием феодализма и пригогенитуры, семьи всех уровней ощутили влияние бурного возрождения торговли, роста мануфактуры и становления денежной экономики в эпоху развитого Средневековья. Первым, набирающим значение фактором было медленное, но уверенное развитие сельского хозяйства. Вторым, более очевидным, — быстрое распространение дальней торговли, объем которой увеличивался по мере вытеснения флотилиями итальянских городов господствовавших в Средиземном море мусульман. Транспортные караваны с шерстяными тканями из фландрских городов пересекали Альпийские перевалы с севера на юг, а в противоположном направлении — с итальянскими предметами роскоши. Венеция, Пиза и Генуя отправляли тяжело груженные корабли, которые доставляли европейские изделия в Левант и привозили обратно шелка и пряности.

В Италии имевшая корни в сельской местности аристократия с выгодой для себя приспособилась к жизни в городах и к занятиям торговлей. Во всех других областях Европы новый класс купцов формировался по преимуществу из представителей низших сословий, пробивавших себе путь наверх самостоятельно и начинавших уличными разносчиками и ремесленниками, — они, кстати, тоже превратились в крупное городское сословие. Наиболее многочисленную группу составляли ремесленники, связанные с производством тканей и сосредоточенные во Фландрии и Италии; к ним относились ткачи, сукновалы, красильщики и аппретурщики. Работая у себя дома, в семье, они закладывали основы примитивной формы массового

производства и во многих отношениях представляли собой зачаток европейского пролетариата.

Сельская местность, как и города, испытывала экономический подъем. От Северного до Средиземного моря расчищались леса, осушались болота, основывались деревни, что превращало многие семьи в жителей приграничной полосы. Особенно примечателен в этом отношении Иберийский полуостров, где с началом Реконкисты от мавров возникла постоянно передвигавшаяся пограничная зона.

Улучшение способов обработки земли вместе с техническими инновациями, такими как упряжная лошадь, колесный плуг, трехполье, способствовали большей стабильности экономических основ знати: земледелие заменило грабеж, который становился невозможным в более упорядоченном мире. В то же время новая политика знати в вопросах наследования породила странную побочную проблему — младших сыновей. Раньше знатный юноша практически не выделялся среди своих братьев и сестер; теперь же, лишенный наследства, он превращался в не имеющего корней искателя приключений, источник беспокойства для высшего класса. Его сестры создавали вторую проблему: молодые женщины брачного возраста оказывались в безвыходном положении в мире, где только часть молодых мужчин обладала средствами для жизни. Возрождение приданого вместе с отказом от части вдовьих прав и от утренних даров были уступками дочерей и их родителей новой ситуации. Знатные женщины снова попали в зависимость от своих родственников, особенно отцов, которые должны были найти, а точнее говоря купить им мужей или, если мужей не находилось, обеспечить им достойное место в монастыре.

Одновременно церковь ощутила обострение проблем брачного права и брачных обычаев. К 1100-ому году революция завершилась, в результате чего церковные суды и каноническое право, предпочитавшиеся населением, заслонили светскую юрисдикцию по всем вопросам, касающимся брака. Правовой сдвиг произошел как раз в тот момент, когда вопросы брака стали многочисленнее и острее.

Один из них был особенно неудобен, поскольку касался самих церковных рядов. Хотя брак был давно

уже запрещен для высшего духовенства и считался крайне нежелательным для низшего, многие священники женились, другие содержали наложниц, обычно с одобрения своих прихожан. В 1049 г. папа Лев IX осудил брак священников, а в 1123 и 1139 гг. Латеранские вселенские соборы вынесли решение о том, что священнический сан является непреодолимым (аннулирующим) препятствием для брака и наоборот.

Более общим вопросом была необходимость согласия обеих сторон на брак; этот принцип все еще крайне неохотно принимался родителями из высшего класса. Еще одной проблемой являлись родственные отношения, поскольку крайность церковного запрета на браки родственников до седьмого колена, вызвала непредвиденные неприятности. Наконец, оставался вопрос о нерасторжимости брака — церковное слово приходило в неразрешимое противоречие с фундаментальным требованием к королевскому и аристократическому браку — рождению наследников. Битва, которую вел в IX в. Хинкмар Реймский, была далеко еще не выиграна и в XII в. Короли и аристократы были настроены решительно; они хотели иметь возможность манипулировать браком в своих интересах, материальных, семейных и сексуальных, как они это делали раньше.

Кризис брака: Грациан и Петр Ломбардец

На двадцатом году своего брака с королевой Бертой Фрисландской Филипп I Французский (правил в 1060—1108 гг.) влюбился в жену графа Анжуйского, отверг Берту, заточил ее в замок и то ли с согласия графа Анжуйского, то ли без него сочетался с графиней, дамой по имени Бертрада, вторым браком. Ему удалось собрать на свадьбу, чтобы благословить брак, большую часть церковных иерархов своего королевства за одним примечательным исключением. Епископ Иво Шартрский ответил на приглашение короля резким, даже вызывающим отказом: «Ты не увидишь меня в Париже, как и твоя жена, о которой я не знаю, может ли она быть твоей женой. Я не приеду, пока не узнаю, установил ли общий совет, что ты и твоя супруга разведены на законных основаниях и что ты и та женщина, на которой ты хочешь жениться, можете на

законных основаниях сочетаться браком». Иво завершает послание короткой проповедью о похоти, напоминая королю, что Адам, Самсон и Соломон потерпели несчастья из-за женщин¹.

Запугать Филиппа не удалось, но Иво получил поддержку от папы Урбана II, который отлучил Филиппа от церкви. Филипп по-прежнему не сдавался. Когда Берта, первая жена, умерла, вопрос о браке с Бертрадой мог быть решен, но ни Иво, ни Урбан не хотели разрешать его. Отлучение продолжалось, и в конце концов Филипп пошел на действия, символизирующие его покаяние. Босоногий и в облачении кающегося грешника, как Генрих IV в Каноссе, он поклялся прекратить свою «плотскую и незаконную связь». Бертрада поклялась в том же, однако они продолжали жить вместе вплоть до смерти Филиппа два года спустя².

Таким образом, XII в. начался сенсационным скандалом, который обратил внимание Европы на крайнее противоречие во взглядах правящих мирян, с одной стороны, и христианской церкви, с другой, на самые фундаментальные проблемы брака и развода. Короли, знать и все жители в целом считали, что муж может, если захочет, развестись со своей женой. Церковь категорически не соглашалась с этим.

Одновременно церковь имела дело и с другими брачными проблемами. Дочь Журдена I, нормандского принца Капуи, упорно возражала против планировавшегося в интересах политики ее отца брака с герцогом Газты. Урбан II хорошо относился к Журдену по своим собственным причинам, но в данном случае он мужественно поддержал девушку и аннулировал брак. Но вопрос в целом остался открытым: насколько далеко в своих настояниях может заходить родитель, чтобы заставить дочь (или сына) согласиться с его доводами?³

Раздражение вызывал и еще один вопрос. Полигамия исчезла, но конкубинат сохранялся, причем в форме, менее вызывающей с точки зрения морали, но более неприемлемой с точки зрения закона. Никто больше не содержал множество наложниц, и никто открыто не имел и жену, и наложницу. Но короли, знать и все общество в целом полагали, что для неженатого человека вполне допустимо иметь любовницу. Св. Ие-

роним назвал наложницу «проституткой одного мужчины», но закон и обычай всегда делали различие между той и другой. Гражданский Кодекс Юстиниана, который с большим запозданием попал на запад в XI в., следовал римской традиции, рассматривая конкубинат как брак второго сорта. И действительно, для большинства это казалось разумным: если сексуальные отношения ограничены одним партнером и длительны, почему же не называть их браком? Но в таком случае, могут ли они быть прекращены просто по решению одной из сторон (разумеется, мужчины)?

За этим следовал еще один вопрос: секс сексом, но что составляет брачный союз? Когда женщина, как, впрочем, и мужчина, может считать, что брак в действительности состоялся? Неформальная или тайная свадьба, часто без свидетелей, была среди крестьян старым обычаем, который все больше и больше беспокоил церковные суды⁴.

В верхах общества церковь обнаружила еще одну проблему, унаследованную от предшествующего времени и созданную стремлением ограничить степени родства, при которых родственники не могли вступить в брак. Определение инцеста было расширено сначала св. Бонифацием в VIII в., а затем еще раз в IX в. Ныне же Иво Шартрский нечаянно привлек внимание к возможности развода по причине родственных связей, упомянув о них в деле Филиппа — Берты — Бертрады, чтобы усилить аргументы против повторного брака Филиппа. И действительно — как это ни странно — родственные связи между Филиппом и первым мужем Бертрады, графом Фульком Анжуйским были обнаружены⁵. То, что церковь поставила столь иллюзорную препону (напоминающую, однако, о деле Стефана Овернского в IX в.) при судебной процедуре, развязывало руки искателям разводов и их адвокатам. Мужьям, желающим освободиться от своих жен, было достаточно всего-навсего отыскать некое подобие отдаленной, почти неуловимой связи — короткой интрижки, крестного родителя, предка, затерявшегося в тумане древности, — или нанять ловкого человека, чтобы состряпать таковую.

Два величайших интеллектуальных светоча Средневековья набросились на эти — *inter alia*⁶ — проблемы в двух классических произведениях церковной литерату-

ры. Первый, Грациан, завершил в Болонье свой объемный труд «*Concordia discordantium canonum*» («Согласование противоречащих канонов»), который получил название «Декретов» («*Decretum*») Грациана. Они появились в 1140 г. и состояли из собрания почти 4000 извлечений из решений вселенских соборов, папских постановлений и других источников, объединенных комментарием, который был призван соединить их в целостное изложение христианских правовых принципов.

Для Грациана главная из проблем, связанных с браком, — что именно составляет брак — представляется загадкой. Он отвечает: взаимное согласие обеих сторон. Согласие было требованием, установленным и римским законодательством, и отцами церкви, но Грациан сделал гигантский шаг вперед, переступив порог от пассивного согласия к активному. Ни римское право, ни отцы церкви, ни общественное мнение не считали согласие вступающих в брак препятствием родительскому решению. Детей учили повиноваться, и каждая молодая пара рассчитывала на помощь своих родителей, чтобы обеспечить экономическую основу своего союза. Учитывая, что почти все женщины, выдаваемые замуж, были очень молоды, брак, полностью свободный от влияния семьи, был невозможен.

Тем не менее, комментируя дело Журдена, Грациан придает учению о согласии новый яркий оттенок, говоря, что даже «отцовская клятва не может принудить девушку выйти замуж за того, за кого она не согласна выйти»⁷. В глазах Грациана, согласие было не только обязательно для признания брака действительным — это была единственная и неотъемлемая сущность брака⁸. Чтобы пояснить свою мысль, Грациан приводит крайний гипотетический случай: пара обменялась клятвами в полной тайне. Действителен ли их брак? Да, отвечает Грациан, они сами сообщили браку таинство. Он добавляет две оговорки. Акт физического соединения (*copula carnalis*) «придает совершенство», т.е. венчает брак. И согласившаяся на брак пара должна разделять «супружескую привязанность», поскольку, поясняет Грациан, «там, где должно быть единение тел, должно быть и единение духа»⁹.

Св. Августин, рассматривая вопрос о вступлении в брак только ради секса, решил, что такой брак, «веро-

ятно», действителен. Грациан вычеркивает «вероятно», но настаивает, что должна присутствовать «супружеская привязанность». Молодая чета, наслаждающаяся сексом и ощущающая духовную привязанность друг к другу, должна быть названа «не развратниками, а супругами»¹⁰.

Таким образом, согласно Грациану, молодые люди, испытывающие друг к другу половое влечение и чувствующие духовную привязанность, могут жениться в полной тайне без содействия или разрешения кого бы то ни было: семьи, друзей, феодального сеньора или святой церкви. Это учение отличалось радикальностью, сколь бы оно ни было логичным для Грациана. Является ли конкубинат формой брака? Грациан принимает вызов и поддерживает решение, содержащееся в Кодексе Юстиниана. Если «супружеская привязанность» имеет место, то отношения с наложницей являются неформальным и несовершеннолетним, но все же действительным браком. Пока мужчина ограничивается одной наложницей, заявляет Грациан, его не следует лишать причастия¹¹.

«Декреты» Грациана оказали немедленное и огромное влияние, особенно на изменение отношения клириков и массы населения к свободному согласию на брак как основе законного брака. Но, разрешая одни проблемы для церковного суда, Грациан создавал другие. Далеко не всегда было легко различить «неформальный» брак и случайные сексуальные отношения, и эти различия было трудно сформулировать в качестве абстрактного принципа, которым могли бы руководствоваться суды при вынесении своих решений.

Примерно через десять лет после «Декретов» Грациана появился другой компендиум, оказавшийся соперником первого. Его автором был Петр Ломбардец (около 1095—1160), как и Грациан, питомец Болонского университета, а ко времени написания этого труда — парижский епископ и доктор теологии в школе при Соборе Парижской Богоматери. «Четыре книги изречений» («*Sententiarum Libri IV*») Петра стали стандартным учебником теологии в средневековых университетах. В вопросе брака Петр исходил из учения Грациана, но отступил от него в двух важных пунктах. По его мнению, физическое подтверждение брака не может быть важным для признания его дей-

ствительным, иначе была бы брошена тень на брак Иосифа и Марии (Грациан критиковал этот взгляд с теологических позиций). На практическом же уровне, если человек заключил брак с одной женщиной, но оставил его неподтвержденным, а затем заключил другой брак и подтвердил его, то, в соответствии с Грацианом, действительным должен считаться второй брак — в глазах большей части клира и мирян это решение было крайне неудовлетворительным. Предположим, например, пару детей из знатных семей, родители которых провели их через свадебную церемонию, чтобы осуществить взаимно желательную передачу имущества; и предположим, что мальчик-жених умирает и оставляет девочку-невесту девочкой-вдовой. Должна ли она получить свою вдовью часть — треть имущества ее мужа?¹²

Для окончательного решения вопроса только учения Грациана о согласии казалось недостаточным. Что требовалось, так это более весомое доказательство законности брака. Чтобы удовлетворить эту потребность, Петр Ломбардец выдвинул теорию о «согласии в настоящем». Согласие, занесенное в брачный контракт, показалось ему предварительным: оно было только «словами о будущем» (*verba de futuro*). Для действительного брака, неоспоримого юридически, супруги должны произнести «слова о настоящем» (*verba de praesenti*), слова, из которых бы ясно следовало, что они и в настоящее время имеют отношения, делающие их мужем и женой.

Этого было достаточно. По мнению Петра Ломбардца не требовалось никаких церковных формальностей, никаких ритуальных действий: только недвусмысленное заявление. Благословение — это хорошо, приданое и дары имеют ценность, но непреложны только «слова о настоящем»¹³.

На протяжении нескольких десятилетий как Грациан, так и Петр Ломбардец имели своих сторонников (Грациан по преимуществу в Италии, Петр — во Франции), которые не могли прийти к окончательному решению. Наконец папа Александр III (понтификат в 1159—1181 гг.) сформулировал нечто вроде компромисса замедленного действия. Во-первых, подтвердив нерасторжимость брака, он признал «слова о настоящем» Петра Ломбардца сущностью брака при ми-

нимальном возрасте жениха — 14 лет, невесты — 12 лет. Но немного позднее он по существу принял большинство положений Грациана, заявив, что «слова о будущем», данные уже в возрасте 7 лет, также создают действительные брачные узы, если за ними последовало физическое подтверждение. Тем самым церковь официально приняла два различных способа заключения брака¹⁴.

Однако, более важным, чем эта путаница, было общее согласие. М. М. Шиэн пишет о брачных доктринах, принятых Грацианом, Петром Ломбардцем и папством: «Кажется мало вероятным, что и [в XX в.] осознаны все последствия этих решений XII в.»¹⁵.

Тем временем другие французские король и королева вновь подняли вопрос о родственных связях, начав новое дело о королевском разводе. Людовик VII (правил в 1137—1180 гг.) и Элеанора Аквитанская, прожив 15 лет в браке, который был благословлен только дочерьми, и надоев друг другу, обнаружили, что они состоят в родстве четвертой и пятой степени, которое ранее было упущено из виду. В ужасе отшатнувшись друг от друга, они твердо отказались от примирения, предложенного папой Евгением III, и с помощью их собственного и дружески настроенного архиепископа Сана собрали церковный собор, чтобы санкционировать развод. Элеанора немедленно вышла замуж за Генриха II Английского, забрав с собой Аквитанию как свою унаследованную собственность и создав тем самым знаменитую «Анжуйскую империю» по обе стороны Ла-Манша. Так, столь неустанно насаждаемая церковью и столь безрассудно расширяемая до неразумных пределов экзогамия породила политическое событие, которое было окончательно исчерпано только двумя столетиями войны¹⁶.

Примеру Людовика и Элеаноры немедленно последовали другие. Установление или создание генеалогий — причем свидетелей и документы можно было легко купить — обеспечило работой целую армию законников и писцов. Дело, которое явилось последней соломинкой, касалось еще одного французского короля, великого Филиппа Августа (правил в 1180—1223 гг.). Отказ от второй жены, Ингеборг Датской, по капризу, на следующее утро после свадьбы, вызвал

конфликт сначала с папой Целестином III, а затем с грозным Иннокентием III.

Последовал 20-летний спор, который закончился только после случайной смерти третьей жены Филиппа и рождения внука-наследника¹⁷. Но всем уже было довольно седьмой степени родства, которая вызывала неприятности не только в высших кругах, но и в низших слоях населения. Созванный Иннокентием в 1215 г. для решения массы вопросов, IV Латеранский собор суммарно снизил степень родства, не допускающую брак, с семи обратно до четырех, положив тем самым конец одной из самых странных страниц в долгой истории табуирования инцеста. Собор также призвал к одариванию невест и публичным, в церкви, свадьбам с объявлением согласия обеих сторон и оглашением. Последнее было обычаем, имевшим распространение в Северной Франции и в Англии. Священник зачитывал объявление о предстоящей свадьбе в церкви в воскресенье или праздники, и предполагалось, что прихожане сообщат ему, если есть какие-то препятствия к браку, например, предшествующее данному соглашению одной из сторон. Подобная публичность делала тайный брак невозможным, но собор и так почти запретил тайные браки. По вопросу же о моногамном конкубинате собор не произнес ни слова и оставил моральную и юридическую головоломку, которая раздражала специалистов по каноническому праву и церковные суды еще триста лет¹⁸.

Младшие сыновья: бродяги-аристократы

Задача составителей генеалогий, которые нередко сами были членами тех семей, чью родовое древо они исследовали, часто была преисполнена трудностей и даже неудобств. Если какой-либо принц или аристократ хотел, чтобы генеалог нашел родственные связи, чтобы обосновать развод, то сделанные открытия часто заставляли его в ужасе отступать. Генеалог Сибото IV, графа Фалькенштейна (Южная Бавария), проследил предков родителей графа на два поколения по мужской линии, но скромно опустил тот факт, что они происходили от общего прадеда¹⁹.

Тем не менее, если об одних предках аристократов XII столетия требовалось умолчать в составляемых до-

кументах, то другие создавали серьезную проблему своим отсутствием. Генеалог большой графской или княжеской семьи мог проследить род по мужской линии вплоть до IX в., нанятый же кастеляном не мог опуститься ниже, чем в X в., а в случае простого рыцаря — редко ниже рубежа XI—XII вв., но вне зависимости от того, насколько глубоко можно было восстановить линию родства на законных основаниях, в какой-то момент исследователь наткнулся на глухую стену²⁰. Современные ученые заполнили некоторые из этих лакун, зачастую с любопытными результатами: аристократ XII в. имел более знатных предков, чем он сам подозревал, обычно из-за брака между удачливым искателем приключений и принцессой или наследницей большой семьи с избытком дочерей²¹. Но сколь ни подходящей была собранная генеалогом XII в. информация, она не могла разрешить его трудности. Ему был необходим предок-мужчина, открывавший его генеалогическую конструкцию²².

Он нашел решение, которое повторяется из генеалогии в генеалогии, — вымысел. Графы Фландрские, создатели одной из первых генеалогий в X в., перестроили свое родовое древо в XII в., чтобы восполнить недостаток ранних предков по мужской линии. Был создан — из ничего — непрерывный ряд новых предков. К услугам столь же изобретательных писцов прибегали и другие представители знати, фабриковавшие в первую очередь прародителя, отца-основателя знатного рода. Повторяемая вновь и вновь, эта фигура оставалась всегда одной и той же: успешный искатель приключений, идеализированный и стилизованный под популярного литературного героя XII в. — героического странствующего рыцаря²³.

Этот образ, разработанный и отточенный в поэзии трубадуров, в поэмах Артуровского цикла, в героико-эпических «песнях о деяниях», основывался на реальных прототипах, которых поэты видели в жизни. Правда, обычно эти прототипы требовали некоторой чистки, прежде чем их можно было представить в балладах и эпосе, но по праву рождения они обладали тремя важнейшими качествами: они были отважны, готовы к приключениям и обучены владеть оружием. Они были младшими сыновьями знати, лишенными прав примогенитурой. В Англии их даже не причисля-

ли к знати; на континенте их формальная принадлежность к знати вызывала насмешки из-за отсутствия у них земельных владений, доходов и, соответственно, их обреченности на холостую жизнь. Один моралист XII в. сочувственно отнесся к их судьбе:

«Кто сделал братьев неравными в противоположность братским отношениям по природе?»

Наши сыновья должны уступать свое место счастливой судьбе одного из них, единственного богатого. Первый из них перегружен всем отцовским наследием: второй оплакивает истощение богатой патримонии и оплакивает свое безденежное приданое. Но разве природа не наделила сыновей поровну? Природа дает поровну всем...

[Вы не должны] делать неравными в наследстве тех, кого вы сделали равными в именовании братьями, тех, кого вы и впрямь сделали схожими по случайности рождения. Вы не должны скупиться на их совместное владение тем, чему они являются совместными наследниками»²⁴.

Для этих лишенных наследства младших сыновей единственным выходом, к которому они и стремились, было жениться на наследнице и таким путем стать тем, в чем им было отказано: главой семьи, не юношей (*juvenis*), а действительно взрослым (*senior*) и иметь право занимать вместе с женой большую покой, где в XII в. обычно стояла единственная настоящая кровать в замке, предназначенная для тех, кто произведет на свет наследников семьи²⁵.

Замок, описываемый Ламбертом Ардрским в его «Истории графов Гвинских», не принадлежал к числу современных каменных строений, а был старым деревянным укреплением X в. с рвом и двором. На втором этаже зал и подсобные помещения (кладовые для хранения мясных продуктов, другой провизии, напитков) располагались над кладовыми, находящимися на первом этаже, с ящиками, бочонками и прочими предметами домашнего обихода. К залу примыкал «большой покой, в котором спали господин и госпожа», и «дортуар для фрейлин и детей», другими словами, детская. Чердачный этаж, предназначенный по преимуществу для молодежи, был разделен на две части, и снабжен, видимо, соломенными тюфяками. В одной половине жили сыновья владельца замка, «когда они того хоте-

ли», а также стражники и слуги; во второй — дочери, «потому что им это вменялось в обязанность: здесь за ними могли следить, пока они не будут достойно выданы замуж²⁶. В замке имелся только один «большой покой» — он предназначалась лишь для одной супружеской пары. Наследник не мог жениться, пока не умер его отец, если только он не находил наследницу и не получал дом и собственную спальню. Именно так поступил старший сын графа Балдуина Гвинского, Арнуль Ардрский, который в 1194 г., когда его отец еще был жив, женился на наследнице замка Бурбург, чей брат умер²⁷.

Для старших сыновей, таким образом, брак на наследнице был большим удобством, но для младших сыновей — острой необходимостью, иначе они должны были всю жизнь оставаться холостяками. Их было много повсюду. Ламберт де Ваттрело, мемуары которого содержат много сведений о современной ему низшей знати, упоминает о нескольких семьях из числа его родственников, в которых было от 5 до 11 детей²⁸. За исключением тех, кто пошел по церковной линии, все молодые люди знатного происхождения, как наследники, так и их младшие братья, проходили период бродяжничества, часто с наставником, выбираемым для того, чтобы вовлечь их в игру в странствующих рыцарей: с войной, турнирами, приключениями. Путешествуя вместе с другими компаниями молодых людей, юные рыцари вели жизнь, в которой удовольствие смешивалось с насилием, смерть была обычным делом, и над всем царило буйство²⁹. Обычно старшие сыновья среди этих странствующих рыцарей со временем наследовали поместья, хотя иногда и через долгое время. Арнулю Ардрскому было уже за тридцать, когда он женился на наследнице Бурбурга³⁰. Для младших сыновей «юность» почти всегда растягивалась, заканчиваясь иногда только со смертью.

Написанная в то же время «История маршала Гийома» рисует живую картину жизни такого младшего сына. Четвертый сын должностного лица при английском дворе, Гийом был послан в Нормандию для обучения: он должен был стать оруженосцем своего богатого и могущественного двоюродного брата. Посвященный в рыцари в преддверии своего первого сражения, Гийом сражался хорошо, но допустил гру-

бый промах, не забрав никакой добычи; его товарищи с юмором посоветовали ему, как вести себя впредь. С тех пор Гийом не забывал забирать коней, оружие и пленников, за которых можно было получить выкуп, как на войне, так и на турнирах. К тому времени, когда ему исполнилось 26 лет, он был уже ветераном странствующих рыцарей, и Генрих II избрал его в качестве наставника для своего старшего сына; они странствовали по Франции и Фландрии, принимали участие в турнирах и сражениях, включая восстание против отца юного Генриха. Гийом объединился с еще одним рыцарем, и они вместе объезжали турниры: за 10 месяцев они взяли в плен 102 рыцаря. Своими подвигами Гийом заслужил большой почет, но он остался «юношей», то есть человеком безземельным и неженатым. Ему уже было за сорок, когда служба королю принесла ему и фьеф, и богатую невесту. Пережив трех своих старших братьев, он унаследовал также должность маршала и поместье³¹.

Редко кто из товарищей Гийома по армии младших сыновей был столь удачлив. Большинство растрачивали свои зрелые годы «в турнирах и войнах», в крестовых походах, охоте, кутежах и разврате и умирали молодыми. Ламберт де Ваттрело упоминает несколько таких случаев, в том числе своего собственного брата, который погиб в битве, и десять братьев своего деда по материнской линии, память о которых была увековечена в стихах: все они погибли в один день и в одном сражении³². Как бы ни сложилась их судьба, они были мучениками новой системы примогенитуры. В то же время, по иронии поэзии, они олицетворяли в жизни идеалы, воплощенные в фиктивных предках знатных семей.

Многие из их сестер также были мученицами, хотя их судьба и не была столь драматична. Поскольку семьи стремились выдать замуж всех своих дочерей, но женить только одного сына, брачный возраст невест упал, а женихов возрос, приданое обесценилось, число старых дев умножилось. Женские монастыри не могли удовлетворить растущую потребность, и во Фландрии появилось новое социальное явление — бегинаж (название происходит от имени Ламберта Беге, основателя ордена). Бегинка была монахиней без монастыря. Живя в целомудрии безрадостной и одино-

кой жизнью, она представляла собой женский вариант младшего сына, ставшего странствующим рыцарем³³.

Генуя: городские аристократы и ремесленники

Середина Средневековья была эпохой градостроительства. Пришедшие было в запустение римские города Франции и Англии разрастались и перестраивались, на торговых путях и в местах ярмарок появлялись новые города. Монашеское движение создало большие, упорядоченные центры, вокруг которых скапливались ремесленники, купцы, крестьяне. Даже викинги, которые разорили так много городов IX в., основывали новые, например, Дублин, чтобы иметь место для хранения добычи и торговли награбленным. Они вынуждали свои многочисленные жертвы окружать города стенами, значительно повышавшими безопасность, что привлекало переселенцев-дельцов. По всей Северо-Западной Европе к монастырям и замкам лепились скопления жилых домов, мастерских, садов, хлевов и свинарен, или же они сгущались сразу за городскими укреплениями. Просвещенные правители давали вольные грамоты поселениям, которые утверждали свое происхождение в названиях типа «Новый город»: *Villeneuve, Neustadt, Villa Nova*.

На Апеннинском полуострове возникли или возродились Венеция, Амальфи, Генуя, Пиза и другие города, не существовавшие или незначительные в римское время; они находились на побережье и были защищены со стороны суши болотами, лагунами, утесами или горами. Когда пираты-мусульмане напали на Лигурийское побережье, генуэзские аристократы, которые жили в горах над городом, спустились вниз, чтобы быть на переднем крае обороны; когда же сопротивление превратилось в контрнаступление, возглавляемая маркизом Обертеньи знать приняла на себя командование. Поскольку военное дело было профессией аристократии, это казалось естественным. Что было предугадать труднее, так это то, что генуэзские аристократы, раз спустившись в город для военных действий, так и останутся в нем и займутся коммерческой деятельностью, плавно перейдя от морской войны к морской торговле, на которую они предъявили права как на свою законную монополию. Средневековая посло-

вица гласит: «Генуэзец, значит торговец» («Genuensis, ergo mercator»). Однако в Генуе не было класса урожденных купцов и банкиров, аналогичного тому, который имелся в городах Северо-Западной Европы. Вместо этого в ней имелась городская аристократия, взгляды, привычки и семейная жизнь которой были до определенной степени схожи с зажиточными классами других итальянских городов, но заметно отличались от жизни сельской аристократии³⁴.

Физической приметой Генуи, отмечаемой всеми приезжавшими в нее, были заметные издали очертания высоких башен. Возвышаясь над предельным уровнем в 80 футов, который пытались установить городские консулы, шероховатые квадратные башни доминировали над окружающими их укрепленными кварталами, занятыми держащимися вместе разветвленными аристократическими линиями. Ядро каждого такого анклава образовывали несколько богатых семей, считавших себя родственными; вокруг них селились менее значительные семьи, часть из них — бедные родственники, часть — зависимые клиенты. Дома выходили на площадь, где находились рынок, магазины, лоджии, печи, сады, бани и церковь³⁵.

Сторожевые башни строились из грубо обработанного камня, но почти все жилые дома были деревянными, с узким фасадом; они уходили вглубь от улицы обычно на 48 футов. Главная комната (*caminata*), кухня и арсенал находились на первом этаже, спальни членов семьи и помещения для слуг — выше. Из каждого этажа имелся выход в башню, где в случае необходимости могли укрыться все домочадцы. Тесный, воинственный дом контрастировал с просторным, окаймленным лоджиями кварталом, частью которого были жилые дома, так же как семья, населявшая дом, была частью линия, занимавшего квартал. «Похоже, что знатный генуэзец жил наиболее полной жизнью не в стенах своего дома, а под кровлей семейного анклава, — пишет Д. Хьюз. — Баня становилась центром семейных сплетен, а лоджии были наиболее пригодным местом для семейных собраний и праздников. Церковь, как и лоджия, которая часто украшалась семейными эмблемами, обеспечивала самоидентификацию семьи с помощью плит с надписями в память об умерших предках, с помощью становящихся все более

великолепными гробниц и памятников, с помощью постоянного гудения месс, отмечающих годовщины смерти предков». Скопления знати в Генуе не были исключением. Подобные охраняемые башнями анклавы господствовали в аристократических кварталах других итальянских городов, но в Генуе эта тенденция проявилась раньше всего и была наиболее полно выражена³⁶.

Семейная ячейка внутри каждого дома была большой и патриархальной. Сыновья жили дома до смерти отца, но и после нее в доме иногда оставалось больше одного сына. Очевидно, количество живущих в доме членов семьи ограничивалось не столько обычаем, сколько физической вместимостью дома. Женатый сын с детьми мог оказаться вынужденным переехать; в этом случае он находил себе дом поблизости. Таким образом, генуэзская семья (в отличие от линьяжа) представляла собой не домохозяйство под одной крышей, но скорее патриархальную родственную группу, включавшую невесток и детей, живших под крышами соседних домов.

Оставался в силе принцип делимости наследства, восходящий к римскому, лангобардскому и франкскому праву, но только в отношении наследников мужского пола. Имущество всегда переходило к сыновьям, а при их отсутствии к братьям, внукам или племянникам. «Имущество аристократов редко выходило за пределы линьяжа»³⁷.

Линьяж был торговым, социальным, политическим и военным объединением и, чтобы удовлетворять все эти требования, он расширялся и при необходимости образовывал союзы, охватывая то большее, то меньшее количество бедных родственников и клиентов. Когда в 1188 г. тысяча генуэзцев подписались под мирной клятвой, которой Генуя обменялась с мятежной Пизой, треть имен была сгруппирована в блоки по резиденциям линьяжей: за именами глав больших семейств следовали имена лиц, связанных с линьяжем не родственными отношениями, а клиентурой³⁸. Войны между линьяжами, которые временами сотрясали город, восходили, как и сами линьяжи, к X в., когда поссорились два отца-основателя города, Оберт Вискомес (Висконти) и Оберт де Манесьяно; два столетия спустя их потомки, потомки родственных ветвей и

связанных с ними линияжей все еще продолжали сражаться на улицах и осаждали кварталы друг друга. Обращаясь к папе за разрешением построить собственную церковь, глава семьи Камилла обосновывал это тем, что его семье опасно посещать соседнюю церковь Санта Мария делле Винье³⁹.

Брачные союзы преследовали как политические и военные, так и торговые цели. Они крайне редко заключались между враждующими линияжами, чаще же всего — с желательными союзниками. Однажды заключенный союз постоянно поддерживался как для военных, так и торговых целей и сохранялся на протяжении нескольких поколений, а иногда и столетий. Как и везде, обмен приданым и дарами образовывал краеугольный камень брака, и, как и во многих других странах, в XII в. в соотношении того и другого произошли существенные изменения. В Генуе невеста из патрицианской семьи получала два дара: «предбрачный» (*antefactum*) в деньгах или ценностях и «треть» (*tertia*) — законные права на одну треть всего имущества мужа. В 1143 г. «треть» была упразднена, а «предбрачный» дар сокращен до половины размера приданого или ста генуэзских фунтов — что из них окажется меньше. Таким образом, и здесь свадебные весы склонялись в пользу жениха, который, нередко еще не достиг 20 лет и потому находился под опекой своего отца или старших братьев. Совершеннолетие наступало в 25 лет. В своих первых путешествиях юноши сопровождали отцов, дядей или старших братьев. Все попытки магистрата дать молодым людям больше имущественных прав вместе с личной ответственностью за совершенные преступления, успешно отражались; патрицианская Генуя оставалась обществом, где доминировали отцы⁴⁰.

Семейная жизнь другого крупнейшего социального слоя Генуи — ремесленников, мелких торговцев, купцов и рабочих — существенно отличалась от жизни аристократов. Среди мастеровых линияжи не существовали, незначительно было и количество расширенных семей, столь важных для знати. Для башмачника, бондаря или торговца рыбой семью составляли жена и дети, жившие под его неширокой крышей. Жена являлась деловым партнером, работая с ним бок о бок;

дети тоже помогали ему или отправлялись в качестве подмастерьев в мастерскую с такой же или иной специализацией. Если семья была расширенной, то это происходило за счет того, что взрослый сын оставался в семье, чтобы вести дело, когда престарелые родители уже не могли его продолжать, или в семью вводился зять — с теми же целями⁴¹.

Однако ремесленник принадлежал и к еще одной и большей по размерам группе, нежели его собственное домохозяйство. Эта бóльшая группа состояла не из родственников, но товарищей по профессии. А его церковь, от которой зависело спасение его души и другие блага, как и у аристократов, — была приходской церковью, лишенной для него каких бы то ни было семейных связей. Привязанности ремесленника ярко проявились в завещаниях. Один башмачник, умиравший в 1190 г., имел двух живых братьев, однако завещал свой дом и большую часть своего имущества своему партнеру-башмачнику, а остальное — приходской церкви, «чего никогда не сделал бы ни один аристократ», — говорит Д. Хьюз, которая, исследовав завещания ремесленников, обнаружила, что при отсутствии прямых наследников 14% завещателей оставили свое имущество не родственникам. Меры, предпринимаемые аристократами для обеспечения своей старости, были связаны с родственниками, ремесленники же и их вдовы обычно заключали соглашения со своими товарищами по профессии или соседями, завещая им дом и имущество после своей смерти за постель и место за столом и у очага. 23% сохранившихся завещаний ремесленников делают главными наследниками жен, иногда даже при наличии детей: «награда, о которой аристократы даже никогда не задумывались»⁴².

Узы, связывавшие мужа-ремесленника и его жену, также отличались от уз, объединявших аристократическую чету. Жена ремесленника вкладывала свой труд в дело мужа, и оба они вносили равный или почти равный вклад при заключении брака в виде приданого и «предбрачного» дара. Средний размер «предбрачного» дара ремесленника (14 фунтов) равнялся 70% приданого (20 фунтов). Более 70% известных «предбрачных» даров ремесленников составляли половину или более размера получаемого приданого. При браках в среде аристократов подобное соотношение составляло

только 44%. Другими словами, генуэзские ремесленники отвергали закон, ограничивающий вклад мужа. В аристократических кругах размер приданого дочери придавал престиж семье — это соображение мало занимало отцов из рабочих слоев, занятых объединением всех возможных ресурсов с обеих сторон, чтобы обеспечить материальную основу новой семьи⁴³.

Различным был подход обоих классов и к уходу за ребенком. Матери из ремесленного сословия сами выхаживали своих младенцев; матери-аристократки отдавали их нянькам или брали кормилицу в свой дом. Многие вспоминают в завещаниях своих собственных нянек и нянек своих детей⁴⁴. Вскармливание младенца, бесспорно, создавало более тесные узы между матерью и детьми, однако несколькими годами позже те же дети выталкивались из родного гнезда в нередко жесткие условия ученичества, из которого сын ремесленника выходил к независимости — браку и основанию собственной семьи⁴⁵. Дочь ремесленника часто должна была ждать смерти одного из родителей, чтобы получить приданое, необходимое для замужества. Выйдя замуж, она, вероятно, получала почти такую же долю власти, что и муж — в отличие от жены аристократа, — благодаря приданому, участию в труде мужа, а иногда и ее положению дочери мастера, за которой ухаживал честолюбивый подмастерье.

Положение вдов и вдовцов также разнилось в обоих классах. У вдовы из рабочего класса были сильные стимулы вновь выйти замуж и, если она не была слишком старой, она, как правило, так и делала, либо забирая своих детей в новый дом, либо приводя нового мужа в старый. Часто вдова выбирала себе в новые мужья ремесленника из цеха ее бывшего мужа (и ее собственного), а иногда и честолюбивого подмастерья. Вдова аристократа, напротив, редко выходила замуж снова, потому что в этом случае она должна была отдать своих детей опекунам, назначенным линьяжем ее мужа. В качестве компенсации, вдовство приносило знатной жене и матери такую степень свободы, которой она не имела никогда раньше⁴⁶. Большинство получало формальную гарантию, обеспечивающую власть над домом и имуществом. Документы начала XIII в. сообщают о Друа Стреджапорко, которая вложила свыше 1000 фунтов в морские предприятия в Испа-

нию, Африку и на Восток; о Джардиниини Болето, вложившей 615 фунтов в аналогичные морские предприятия; о Мавилии Лекавелла, которая продавала вино французскому королю, распоряжалась землей и торговым имуществом, вложила 325 фунтов в четыре контракта в Африке и на Востоке, и обучала своих детей делу отца⁴⁷. Жены аристократов редко появляются в генуэзских документах, вдовы аристократов находятся на виду. Разумным выглядит предположение, что жены аристократов значительно лучше разбирались в делах мужей, чем это отразилось в источниках.

Что же касается осиротевших детей, то сироты из рабочего класса после смерти отца либо переживали шок при переезде в новый дом своего отчима, либо боролись за выживание в семье, лишенной своего главы и плохо обеспеченной. Для детей знати трагедия смягчалась тем, что они продолжали жить в том же доме, окруженные со всех сторон заботливыми дядьями, тетками и другими родственниками⁴⁸.

Таким образом, в Генуе XII в., по преимуществу торговом городе, одновременно существовали две различные модели семьи. Аристократическая модель, вероятно, может рассматриваться как городская модификация аристократической семьи, распространенной повсеместно, с ее осознанным линияжем и военизированнойностью; она подверглась многочисленным мелким изменениям в материальном и социальном окружении, но глубокое влияние на нее оказал только один фактор — обращение к торговле как профессии. Точно так же, как мы увидим, модель семьи ремесленника напоминает универсальную модель крестьянской семьи с ее акцентом на супружеский дом и партнерство мужа и жены и с ее предпочтением соседней и товарищей по труду дальним родственникам.

Реконкиста в Испании: Семьи в пограничной зоне

Условия пограничья в виде новых поселений в глуши были широко распространены в Европе XII в., где шла интенсивная расчистка лесов, сопоставимая по многим показателям с тем, что происходило в Северной Америке семь столетий спустя. На Пиренейском полуострове Реконкиста, то есть освобождение

земель от мавританского господства, создало действительно пограничную зону. После изгнания мавров из того или иного района, около замка образовывалось городское ядро, вокруг которого возводились укрепления, их окружали обрабатываемые земли, пастбища, зависимые деревни. Такие новые общины стремились заменить неистовый водоворот войны порядком и стабильностью и заместить присутствие множества военных нормальным составом гражданского общества. Прибывавших сюда различными способами поощряли «создавать дым», то есть приводить жен, чтобы основывать новые домохозяйства.

В поселениях на пограничье горожанки (*muger villana*) и селянки (*muger aldeana*) вели примерно тот же образ жизни, что и женщины из более мирных областей: они пряли, ткали, шили, выкармливали младенцев, присматривали за детьми, ходили с ведрами к источнику или фонтану, стояли в очередях к общественной хлебной печи, посещали баню в женский день. Однако, были и различия. Наиболее значительные из них, как в их правовом статусе, так и в экономическом положении, отмечены в книге Х. Диллард «Дочери Реконкисты»⁴⁹.

В старом испанском судебнике завоевателей более раннего времени, визиготов, говорится, что права женщины должны «учитываться» во всех делах, связанных с наследованием. На практике это вылилось в право делимого наследования независимо от пола, при котором все наследники и наследницы одной степени родства получали равные доли. Пограничные общины строго придерживались этой традиции. Если сын или дочь умирали, оставив детей, дети разделяли имение своих дедов; если замужняя женщина умирала раньше своих родителей, ее доля скорее возвращалась к ее братьям и сестрам, чем переходила к мужу. Наконец, каждый ребенок наследовал раздельно после отца и матери, так что имущество переходило независимыми параллельными потоками⁵⁰. Наследуемое имущество на заре Реконкисты включало военную добычу — домашний скот, рабов, пленных, удерживаемых ради выкупа, — долю всего этого получала и жена, которая помогала оплатить вооружение мужа. Конь и оружие, дававшие мужчине статус «городского рыцаря» (*caballero villano*), то есть незнатного рыцаря городского

ополчения, изымались из делимого наследства как строго мужская часть, но они могли доставаться женщине в составе военной добычи и передаваться ее сыновьям или второму мужу, которому, соответственно, передавался и статус *caballero*⁵¹.

В результате такого имущественного права значение женщины возрастало в двух отношениях: прежде всего в качестве наследницы, а во-вторых, в качестве посредницы в передаче имущества. Если по всей Европе на волне мужского господства женщины утрачивали многие из своих старых владельческих и наследственных прав, теряли свадебные дары, их вдовья часть сокращалась, то в Испании к этому времени не произошло ничего подобного. Не нашла отклика здесь и новая философия примогенитур и мужского линьяжа, которая лишала женщин как власти, так и положения в обществе. В пограничной зоне жена пользовалась авторитетом и властью, поскольку муж часто отсутствовал из-за участия в военных походах, из которых не всегда возвращался.

Благодаря системе наследования участие семьи невесты в подготовке брака также получило здесь дальнейшее развитие. Поскольку каждая дочь наследовала значительную долю — четверть, треть, половину — всего, чем владел человек, родители были вынуждены проявлять серьезное отношение к выбору для нее мужа. Испанский обычай заходил настолько далеко, что замужество девушки, не получившее одобрения родителей, давало основание для лишения ее наследства⁵².

Визиготское право, предвосхищая церковное на несколько столетий, требовало достаточного обеспечения невесты свадебным даром жениха, который в Испании назывался *arras*, от латинского *arrha* «задаток». Дарственные грамоты (*cartas de arras*) называют землю, дома, деревни, домашний скот, рабов, седла, мулов, коней, одежду, шкуры и десятину⁵³. Кастилец обычно добавлял еще один дар: шатер из тонкой кожи, достаточно большой, чтобы в него мог войти вооруженный *caballero*. Х. Диллард полагает, что этот необычный дар подразумевает любовь к домашнему очагу человека, вынужденного постоянно находиться в разъездах по разбросанным поместьям или по делам королевской службы⁵⁴.

Свадебный дар мог выплачиваться не сразу или вообще оставаться на словах, целью чего было помешать богатым женихам получить несправедливое преимущество в период ухаживания. Однако семья жениха должна была оплатить расходы на свадебную церемонию, в первую очередь, на свадебный пир. Приданое невесты, которые изымалось из ее части будущего наследства, включало кухонные принадлежности, стеганные одеяла, постельное белье и другие принадлежности домашнего обихода. Богатая невеста могла принести виноградник, сад или загон для скота⁵⁵.

Традиционным днем бракосочетаний было воскресенье, и в Испании, как и в некоторых областях Северной Европы, священник теперь играл существенную роль. Невеста приезжала верхом к церкви, где священник благословлял светские и литургические символы, дар и кольца, служил мессу и наставлял чету соблюдать «ночь Товии», воздерживаясь от секса до следующего дня, — рекомендация, заимствованная у Грациана. Затем следовало пиршество, танцы, рыцарские поединки и игры, и веселье свадебных гостей нередко кончалось штрафами⁵⁶.

В грубых и жестоких условиях пограничной зоны свадьба далеко не всегда соответствовала предписаниям закона, обычая и церкви. Безавшие по взаимному согласию пары блаженствовали в городах, а расстояние лишало родителей сочувствия сограждан. Даже к похищению, хотя теоретически оно и считалось преступлением, в юридической практике относились с терпимостью. Что было важным, так это происхождение потерпевшей женщины: местная она или чужая. Если она была горожанкой, наказание для ее похитителя могло колебаться от большого штрафа (в пользу короля или сеньора) до телесного наказания, продажи в рабство и смерти. Если же она была пришлой, похититель мог вообще избежать наказания. Его даже могли поощрить. Некоторые города откровенно давали колонистам-мужчинам привилегию приводить похищенных женщин. Это действие истолковывалось как полезное для общества, поскольку тем самым создавалось новое домохозяйство, а мужчина переставал претендовать на местных женщин. И, наконец, похититель мог рассматриваться как тот самый бесстрашный парень, который и нужен в пограничных условиях⁵⁷.

Учитывая большое количество вооруженных, жестоких и ничем не связанных мужчин, отцы пристально следили за своими дочерьми. Об изнасиловании местный закон имел два противоположных мнения. В некоторых местах насильник должен был жениться на своей жертве, в других ему запрещалось делать это — условие, направленное против искателей приключений и охотников за приданым, которые надеялись силой заставить богатого человека выдать за него свою дочь⁵⁸.

Внебрачный секс сдерживался твердыми, но либеральными ограничениями. Содержание молодым холостяком любовницы (*barragana*) до того времени, когда он будет готов жениться, не только допускалось, но и ожидалось. Эта привилегия распространялась вообще на любого одинокого мужчину, в том числе и на священников. Домашний уклад испанских священнослужителей мало отличался от уклада клириков других стран. Через несколько десятилетий после двух Латеранских соборов, которые предписали celibat, «каждый, принимающий сан, давал обет целомудрия, но почти никто его не соблюдал», по словам А. Эсмейна⁵⁹.

Привилегия содержать любовницу, однако не распространялась на женатых мужчин, поскольку, если женатый мужчина имел любовницу, он не только совершал прелюбодеяние, но и лишал другого мужчину возможной партнерши. В этом случае обычным было телесное наказание. Прелюбодеяние жены наказывалось еще более строго: после порки ее изгоняли из города⁶⁰.

Близкие отношения между обрученными случались и даже ожидалось. Испанский обычай не шел так далеко, как папа Александр III, который считал, что, если обручение сопровождалось сексуальными отношениями, то брак можно считать заключенным, но разрыв помолвки мужчиной после вступления в сексуальные отношения с невестой рассматривался как серьезный проступок, который наказывался крупным штрафом. Преданная таким образом женщина иногда предпочитала скрыть нанесенное ей оскорбление. Некая донна Эльвира из Вилла Арменто была обручена с *caballero*, который разорвал соглашение и попросил вернуть его дары. Донна Эльвира отказалась. Судья постановил, что она должна оставить подарки

себе, если бывший жених «целовал и обнимал» ее; в противном случае она должна вернуть их. Она вернула дары. Решение судьи, возможно основывалось на законе о невесте, чей жених умер до свадьбы: если у них были сексуальные отношения, она оставляла себе его дары; если же нет, она должна была вернуть их его семье; если же они только целовались, она должна была вернуть половину даров. Если до свадьбы умирала невеста, то жених возвращал все дары, если только у них не было сексуальных отношений, в этом случае он все оставлял себе. По крайней мере в этом случае объятия считались равноценными свадебной церемонии⁶¹.

Сексуальные домогательства также считались наказуемым проступком, и штрафы, наложенные за приставание к женщинам в двух городах, Алькала де Хенарес и Сепульведа, проливают свет на отношения в приграничной зоне. Шкала ценностей, разработанная св. Иеронимом оказалась перевернутой. Ласкавший замужнюю женщину правонарушитель платил четыре мариваля, вдову — только три мариваля в Алькала и два в Сепульведа, девственницу — два и один мариваль соответственно⁶². Муж, заподозривший жену в том, что она поощряла ухаживания, наказывал ее сам, причем битье жены было санкционировано как обычаем, так и каноническим правом.

Замеченные в сексуальных нарушениях не всегда могли быть пойманы и наказаны. Бегство было легким и частым, на что указывает обложение крупными штрафами семей беглецов виновных в серьезных преступлениях. Даже невыплата долгов сбежавшим мужем вела к перенесению ответственности на его семью, хотя долги мужа за азартные игры и его займы у евреев не могли изыматься из наследства жены⁶³. Бежавший муж без затруднений находил город, готовый принять его, власти настаивали только на том, чтобы он заранее урегулировал свои отношения с врагами, которых он мог иметь в этом городе. Неприятности, которые он имел прежде, с легкостью забывались⁶⁴.

В перемещающейся пограничной зоне Реконкисты повседневная жизнь отличалась от жизни в тех областях, где уже налаживался мир. Испанские мужчины были более необузданны, более склонны к жестокости, постоянно вооружены и чаще заняты войной,

одним словом, они больше походили на французов, англичан и немцев предшествующих эпох. Женщины находились под более ревнивым надзором, чаще подвергались плохому обращению, и одновременно пользовались большим уважением, несли больше обязанностей и принимали большее участие в семейных делах. Единственные в Западной Европе, они обладали значительными имущественными и наследственными правами много позже того времени, когда во всех других странах стали господствовать неделимое наследование и примогенитура.

Глава 8

КРЕСТЬЯНЕ НАКАНУНЕ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ: 1200—1347 годы

В XIII в. экспансия и процветание Высокого Средневековья достигли вершины: активная торговля, рост населения, улучшения в ведении сельского хозяйства принесли благотворные перемены для всех классов, высших и низших, городских и сельских, включая огромный низший класс, всеобщее большинство — крестьянство. Благодаря удачному совпадению, XIII в. дает первые развернутые документы, освещающие жизнь крестьянских семей — в Англии в основном в виде записей двух типов: манориальных описей и протоколов манориальных судов. Описи, как и полиптики Каролингской эпохи, перечисляют держателей в маноре и выплачиваемые ими ренты и другие повинности, которые они должны нести. Судебные протоколы фиксируют не только правонарушения и прения в суде между крестьянами или между крестьянином и господином, но и факты передачи земли, и решения, которые приняла сельская община, чтобы регулировать сельскохозяйственное производство. Взятые вместе, эти документы впервые дают нам всестороннюю картину крестьянской жизни, значительно более полную, чем каролингские полиптики, включая сведения по экономике, социальному статусу, сельскохозяйственной технике, брачным и наследственным обычаям, преступлениям и социальным отношениям.

В Северо-Западной Европе и Англии два различных способа ведения сельского хозяйства сформировали два различных типа семейной жизни¹. «Полевая» зона², занимающая большую часть низменности на севере Германии и Франции и полосу в Англии, идущую на северо-восток от Ла-Манша через Мидленд к Северному морю, образована равнинной местностью с большими участками земли, пригодной для обработки.

«Лесная» зона (*Woodland country*), включая Бретань и Нормандию и запад, северо-запад и юго-восток Англии, состояла из перемежающихся участков обрабатываемой земли и пастбищ, пригодных для разведения скота.

В «полевой» зоне преобладающим типом обработки земли была система открытых полей, которая обычно отождествлялась со всем сельским хозяйством Средневековья в целом. Следуя этой системе, два, три или более больших неогороженных поля разделялись на наделы; каждый крестьянин обрабатывал несколько наделов, расположенных в разных местах. Луга, пустоши, пар и жнивье использовались как общественный выгон. Крестьяне сами решали, какое и когда засеять зерно и какие земли должны находиться под паром. Семьи жили в больших «нуклеарных» («кустовых») деревнях, под обычно пристальным маноориальным контролем. Наследование было неделимым и патрилинейным, так что земля переходила от отца к одному, обычно старшему, сыну.

В «лесной» полосе, напротив, каждая семья имела индивидуальное хозяйство, компактные поля были обнесены заборами и канавами. Характерными для ландшафта были небольшие деревушки и разбросанные хутора. Маноориальный контроль здесь был слабым, и наследство делилось между сыновьями, а в некоторых местах — и между дочерьми.

Граница между обоими типами хозяйствования и поселения часто бывала неопределенной. Обнаружены отдельные хутора и небольшие деревни в «полевой» зоне и большие деревни и открытые поля (хотя и не регулируемые общиной) в «лесной» зоне.

Крестьянские семьи в зоне открытых полей

Некоторые ученые считают, что система открытых полей восходит к германским племенам эпохи Великого переселения народов. Другие полагают, что она возникла и достигла расцвета незадолго до ее появления в документах XIII в. в результате дробления земельных владений из-за принципа делимого наследования; однако эта гипотеза не согласуется с неделимостью здесь наследства, общинным контролем за обработкой земли и общинным пользованием угодьями.

Происхождение этой системы так и остается неясным³.

Первые исследования деревень в «полевой» полосе касались в основном их экономики: изучались крестьяне как держатели на господском маноре, выплачиваемые ими ренты, их повинности, и особенно их статус свободных или несвободных. Однако, среди самих крестьян различие между свободными и несвободными было в сущности бессмысленным. Говоря словами великого викторианского правоведа, Фр. Мэйтленда, серв был свободным человеком «по отношению ко всем людям, кроме своего господина»⁴. Но сервильный статус по отношению к господину был настолько важен для крестьянина, что он делал энергичные попытки освободиться от него. Споры о статусе крестьянской семьи иногда вели к яростному противостоянию между господином и держателем.

Несвободного крестьянина («серва» на континенте, «виллана» в Англии) отличали три существенных качества. Во-первых, он должен был выплачивать множество податей по самым разным случаям: когда он получал в наследство отцовское держание, когда выходила замуж его дочь, когда он умирал — и по многим другим. Во-вторых, он находился под юрисдикцией манориального суда своего господина в большей степени, нежели королевского суда. Для того, чтобы оставить манор, ему требовалось разрешение своего господина. В-третьих, и самое главное, он был обязан своему господину тяжелой барщиной, которая в XIII в. начала преобразовываться в денежные выплаты, но оставалась обременительной.

В Англии все земли — от графства до крестьянского держания — находились в феодальном условном держании, которое было принесено с нормандским завоеванием. Здесь не было «владений», не было аллодиальных земель в прямом владении. Однако, крестьянские держания нормально передавались от одного поколения к следующему, как если бы они находились во владении. Общинный (феодальный) закон не признавал этого права за вилланами, но практика противоречила закону и поддерживалась манориальными судами⁵. Следующее осложнение: сама земля определялась как «свободная» или «вилланская» в зависимости от характера повинностей: первая предполагала только

ренту в денежной форме, вторая — также и трудовые повинности. Статус земли исконно соответствовал статусу держателей, но к XIII в. причуды наследования привели к смешению того и другого, так что свободный человек мог держать вилланскую землю или виллан — свободную землю. Земля в держании у арендатора-виллана называлась «обычной землей», т.е. условия ее держания соответствовали обычаям данного манора.

Манор (французская сеньория — *seigneurie*) — господское поместье, состоящее из «домена», или «заповедника», эксплуатируемого непосредственно собственником, и ряда крестьянских держаний, над которыми он обладал правами и с которых он получал ренту, — был привнесен в сельскую Англию нормандским завоеванием и не обязательно совпадал с деревней. Недавние исследования, посвященные крестьянам на землях с открытой системой полей, обращались к социальным, а не экономическим аспектам, то есть предметом изучения были крестьяне не как держатели в маноре, а как члены деревенской общины. В результате этих исследований выявилась картина деревенской иерархии, лишь отчасти связанная со статусом держания. Обычно наверху и внизу находилось несколько свободных семей, середина же была представлена разнообразием несвободных семей, как процветающих, так и бедных.

В 1279 г. в деревне Каксхэм, около Оксфорда, было по преимуществу три группы держателей. Наверху находились два свободных крестьянина, Роберт Сервиенс (*Serviens*, дословно: Служащий) и Роберт ате Грене (*ate Grene*, дословно: У Огорода). Когда Роберт Сервиенс умер не оставив наследников, часть его земли вновь стала вилланской и была передана другим, а остальная, включая его дом и хозяйство, отдана Роберту ате Грене. На протяжении последующих десятилетий семья ате Грене приобрела несколько разбросанных по разным местам небольших держаний в приходах поблизости от Каксхэма. В 1316 г. сын Роберта, Джон ате Грене, который женился на наследнице из близлежащей деревни Уотлингтон, поднялся на самую высокую ступеньку в своей деревне.

Однако выплачиваемые им подати были лишь на треть выше, чем подати с Хейкрофтов, Бенитов и

Оулдманов, наиболее богатых из 13 вилланских семей, которые держали усадьбы с наделом около 12 акров. Ниже этих 13 семей стояли крестьяне, державшие участок земли, недостаточный для поддержания их собственной жизни, и, чтобы обеспечить себя, они должны были наниматься батраками⁶. В Каксхэме все батраки были вилланами, но в других местах среди них встречались и свободные. По оценке Р. Х. Хилтона, исследовавшего южный Уорикшир XIII в., две трети батраков были свободными⁷.

В «полевом» поясе общественное мнение было резко настроено против отчуждения — продажи или дарения — земли, принадлежавшей давно установившимся держаниям. Подобные передачи земли противоречили интересам как наследника, так и господина, манориальный суд которого должен был регистрировать сделку. Рост населения и перемены в судьбах семей, разумеется, создавали рынок земли, и происходила продажа и субаренда земли — как вилланской, так и свободной. В документах отмечается, что в Каксхэме не один Роберт ате Грене покупал землю. В 1315 г. Роберт Оулдман, Элис Бенит и Вильям ате Хейкрофт были оштрафованы судом за покупку земли без разрешения; их также предупредили, что они не должны продавать эти участки под угрозой конфискации их основного держания. Такие мелкие покупки одного-трех акров земли, видимо, делались с целью обеспечить приданое дочери или свадебный дар младшего сына⁸. Но Роберт Оулдман делал также и более значительные покупки: шесть акров свободной земли в 1315 г., еще шесть акров вилланской земли в 1323 г. Один из богатейших жителей деревни, он перед смертью владел по меньшей мере четырьмя лошадьми, 56 овцами, 11 ягнятами, двумя коровами и тремя телятами и использовал на своей земле не меньше двух батраков в дополнение к своим двум сыновьям⁹.

Семья была главной производственной единицей, в которой мужчина и женщина выполняли каждый свою долю работы. Мужчины трудились за пределами дома: пахали землю, сеяли, снимали урожай, косили траву, веяли и молотили зерно, как они это делали всегда. Женщины выполняли свою традиционную домашнюю работу, которая не всегда требовала их пребывания в самом доме: готовили, доили коров, сбивали масло и

сыр, пряли и ткали, кормили домашнюю птицу, обрабатывали огород, собирали в лесах и на полях ягоды, орехи и зелень. Дети помогали им в этих занятиях, а также подбирали колосья после жатвы, пасли овец, ухаживали за домашней птицей и присматривали за младшими братьями и сестрами. В страду женщины и старшие дети присоединялись к мужчинам на полях¹⁰.

В деревнях имелись люди, занимавшиеся специализированными ремеслами, число и разнообразие профессий которых зависело от размера деревни и характера ее экономики. Обязательными были две специализации: мельника и кузнеца. Обычно мельница, на которой жители деревни мололи пшеницу, была монополией лендлорда, который сдавал ее в аренду мельнику за годовую ренту. Кузнец подковывал лошадей и изготавливал и чинил железные части плуга и другие инструменты. Могли в деревнях быть плотники, портные, мясники, кожевники, возчики и другие ремесленники. В каждой деревне требовалось и еще одно ремесло — пивоварение, которым мог заниматься любой, но обычно это делали богатые крестьяне — только они могли позволить себе иметь большой железный котел и другое оборудование. В некоторых общинах варка пива была женским занятием, в других — в ней участвовали и мужчины¹¹.

Деревня в зоне открытых полей с ее общинными традициями часто изображалась чем-то вроде Эдема с взаимной помощью, кооперацией и солидарностью, поскольку крестьяне бок о бок обрабатывали свои наделы в полях, совместно пользовались пастбищами и жили в тесном общении. Деревенские постановления рисуют менее идиллическую картину: в реальной жизни большую роль играло соперничество. Принимаемые деревенскими жителями на сходках, собираемых через определенные промежутки времени, обычно вместе с манориальным судом, деревенские постановления касались множества разнообразных проблем, создаваемых общинной системой: вытоптаный посев другого арендатора; выкашивание луга до того, как жеребьевкой определили участок каждого; нанесение ущерба посевам коровами, свиньями или гусями соседа; «кража борозды», то есть запашка части земли соседа. Местные постановления требовали, чтобы трудоспособным, «крепким» людям не разрешали делать от-

носителем легкую работу, например, подбирать колося, которая оставалась «для юных, старых, калек и неспособных к труду», но использовали их по их возможностям при сборе урожая. Горох и фасоль, особенно ценные из-за недостатка в пище протеинов, разрешалось собирать только в установленное время, когда присутствовали все жители деревни и они могли следить друг за другом. Принимались все меры предосторожности, чтобы не допустить кражи снопов. Правила разрешали въезд и выезд из деревни только в дневное время и только через специальные проходы в поля. Деревенские постановления рисуют общину, сознающую необходимость как кооперирования, так и внимательного контроля за общественным трудом¹².

Исполнение деревенских постановлений возлагалось на старосту, который избирался из числа жителей деревни. Как и другие деревенские посты, должность старосты обычно поручалась крестьянам со значительными держаниями. Исследование деревень в манориальном владении Рамсейского аббатства обнаружило нечто вроде крестьянской аристократии, управляющей деревенскими делами. В Браутоне деревенские посты регулярно занимала треть семей¹³. В Холивел-кум-Нидингворт, в административную деятельность было вовлечено чуть более половины семей. Из этих «должностных семей» только половина действительно интенсивно занималась административной деятельностью¹⁴. Э. Бриттон обнаружил в Браутоне свидетельства практики «смены», в соответствии с которой отцы из королевских и аристократических семей передавали должность сыну еще до своей смерти, чтобы лучше подготовить его к выполнению обязанностей и чтобы должность осталась в семье. В 15 из 42 «главных» семей в Браутоне сыновья занимали официальные посты в то время, когда их отцы еще активно действовали в администрации¹⁵.

Ключевой должностью был присяжник, которого не следует путать с современным присяжным. Сегодня присяжный избирается частично за то, что он знаком с делом и соответственно не имеет предубеждений, присяжники (*juratus* «человек, приносящий присягу») манориальных судов избирались, напротив, за их знакомство с фактами, с истцом и ответчиком, так же как и с законом, то есть «обычаем манора» — зако-

ном прецедентов. Они не только принимали решения, но и свидетельствовали и принимали участие в расследовании. Их можно было оштрафовать за фальсификацию или сокрытие сведений, и они должны были выполнять свои обязанности и между судебными сессиями¹⁶. В Холивелле за период в 150 лет присяжниками побывали представители примерно половины деревенских семей с разной частотой: например, из одной семьи 32 раза¹⁷. В Браутоне, где Э. Бриттон определил как «важные» примерно треть из изученных им семей, он обнаружил, что 80% таких семей занимали посты на протяжении двух поколений¹⁸.

По преимуществу монополизированы ведущими семьями были также и другие деревенские должности. Одной из них была должность управляющего (*reeve*), ее всегда занимал виллан (но богатый); он управлял господским доменом и отвечал за выполнение трудовых повинностей, которые должны были нести несвободные жители деревни. Должность дегустатора эля, проверявшего качество изготовленного в деревне пива, была единственной, которую иногда занимали женщины¹⁹.

Из жизни английского общества XIII в. исчезли такие старые германские семейные инструменты защиты и права, широко распространенные в англо-саксонское время, как кровная месть и вергельд²⁰, их функции перешли к другим институтам. Ступенчатость судов, от манориального до королевского, давала возможность устранить конфликт любого уровня и представить каждое дело в суд соответствующей ступени. Полицейская система, известная как открытое поручительство, возможно, возникла до нормандского завоевания; в соответствии с ней все представители мужского пола старше 12 лет образовывали группы, называвшиеся десятком, насчитывавшие от 10 до 12 человек и возглавлявшиеся главным поручителем. Десятка несла коллективную ответственность за поведение своих членов. Она же представляла местные мелкие правонарушения в суд²¹.

Другой характерной практикой в английской деревне в развитое Средневековье был институт личного соприсяжничества, в соответствии с которым один человек выступал поручителем другого. Если тот, за кого поручались, нарушал обещание, поручитель платил

штраф. Обычно поручительство касалось явки в суд, выполнения задолженной трудовой повинности или починки построек; в одном случае поручитель гарантировал, что человек, за которого он поручался, прекратит дурно обращаться со своей женой. Человек, нуждавшийся в поручителе, сам должен был найти его. За исключением женщин, обвиняемых в нарушении требований к варке пива, которые обычно выбирали поручителями своих мужей, человек крайне редко делал поручителем члена своей семьи, чаще же — члена наиболее видных в деревне семей, человека, который почитался в деревне ответственным и надежным²².

К концу XIII в. крестьянские семьи уже можно опознавать по более или менее стабильным фамилиям. Дж. А. Рафтис в своем исследовании Варбойза, деревни, принадлежавшей аббатству Рамсей, установил, что в переписи конца XII в., насчитывавшей 116 держателей, нет их фамилий, и только 8 человек определяются христианскими именами их отцов («Вальтер, сын Джона»). 60 лет спустя, в 1251 г., аналогичная перепись приводит фамилии многих жителей деревни, а остальных идентифицирует по именам их отцов. К 1290 г. фамилии окончательно укореняются. Большинство фамилий произведены от вида занятий, места жительства и христианских имен²³. К первой категории принадлежат фамилии Fisher («рыбак»), Smyth («кузнец»), Shepperd («пастух»), Coke («повар»), Wright («писец»), Carter («возчик»), Carpenter («плотник»), Miller («мельник»), Baker («пекарь»), Skinner («кожевник»), Taylor («портной»). В манориальных документах фамилии сначала записывались в виде их латинских эквивалентов, но позднее были переведены на английский язык: Bercar, Faber и Molendinarius стали Shepperd, Smyth и Miller. Не имело значения, продолжали ли семьи заниматься названной профессией или нет. Деревенские должностные лица также дали свои названия для образования фамилий: Reeve («управляющий поместьем»), Woodward («лесничий»), Hayward («стражник сена»), Beadle («судебный глашатай»). Некоторые имена указывали на место жительства в деревне: Bovecheriche («над церковью»), Est («восточный конец»), ate Grene («у деревенского огорода»), ate Dam («у плотины»), ate Gate («у ворот»), ate Bridge («у

моста»), ate Wood («у леса»), ate Well («у колодца»), ate Water («у воды»). Некоторые семьи носили имена по названиям деревень, из которых они произошли, как семьи de Wendale и de Wistow из Браутона. В фамилиях, образованных от христианского имени отца, пояснение *son* «сын» постепенно стало опускаться и они приобрели просто вид William Aleyn или William Roger²⁴. Дж. А. Рафтис отмечает, что в Варбойзе во второй половине XIV в. *son* снова появилось в качестве суффикса: Robyn стал Robynsson, Reeve — Revison, Thomas — Thomisson²⁵. В двух случаях в Каксхэме сыновья носили фамилии, образованные от христианских имен их матерей²⁶.

Однако некоторая нестабильность фамилий сохранялась долго. В Каксхэме, когда Ричард Оулдман стал мельником, его начали называть либо Ричард le Muleward («содержатель мельницы»), либо Ричард Le Mouner («мельник»). Когда мужчина женился на вдове и брал держание ее первого мужа, он должен был принять и его фамилию; так Гилберт Бурдун женился на Саре ле Вите, и с тех пор его называли Гилберт ле Вите. Роберт Волдраг женился на Агнес Оулдман и стал Роберт Оулдман. Вдова и ее второй муж могли также сохранить каждый свою фамилию, как сделали Элис Омоне и Джон ле Тотер²⁷.

В конце XIII в. появилась новая тенденция: не держатели получали фамилии по названиям своих держаний, а напротив, держаниям стали давать названия по фамилиям держателей. В одном случае мужчина по имени Джон ate Hethe взял мельницу в Каксхэме, которая прежде называлась Cutt Mill, а со времени ее приобретения Джоном — Hethemill; он же был затем известен как Джон ate Hethemill²⁸.

Христианские имена выбирались из очень ограниченного списка, наиболее популярными мужскими именами были Джон, Роберт, Ричард, Вильям, Годфри, Хью и Томас, женскими — Джоан, Маргарет, Матильда, Элис и Агнес. В документах появляются также Адамы, Роджеры, Генри, Саймоны, Стивены и Вальтеры, а также Катерины, Кристины, Беатрис, Сары, Эммы, Юлианы и Мариот. Имя Мария, как ни удивительно, практически не использовалось (даже в семье с фамилией Christemesse, как указал Э. Де Виндт в

своём исследовании Холивелла). Личные имена повторялись в семье из поколения в поколение²⁹.

В Браутоне личные имена некоторых членов ведущих семей образовывались от фамилий других, указывая на то, что ребенок был назван девичьим именем матери: Pelage John, Aspelon Aleyн³⁰. Перекрестные браки были столь же часты в зажиточных крестьянских семьях, как и в аристократических. Как и у знати, брак сопровождался передачей земельного держания; в крестьянской среде это означало, что сыновья женились после смерти отца или когда он уже не мог работать. Соответственно мужчины старались жениться на третьем десятке или немного за 30 и не столько сами искали невесту, сколько предоставляли выбор невесте.

Отцы невест не только давали приданое, но и обычно выплачивали *merchet*, плату за свадьбу дочери виллана. Недавнее исследование Э. Сёрл прояснило характер *merchet* (этимология слова оказалась непреодолимой загадкой), вытекающего скорее из манориальных владельческих и наследственных правил, нежели являющегося просто налогом на разрешение вступить в брак. Он выплачивался только несвободными крестьянами или свободными держателями несвободных земель и по сути своей представлял залог, препятствующий отчуждению манориальной собственности в качестве приданого. Очевидно, его платило меньшинство вилланов, поскольку для большинства дочерей приданое либо не существовало, либо было незначительным. «Глупая или бедная девушка может выйти замуж, как она хочет» — но без имущества. Если же она брала часть семейного наследства, оно облагалось налогом³¹. Если она выходила замуж за человека, живущего за пределами манора, *merchet* бывал несколько выше, хотя и не всегда. В 1283 г. в деревне Ньютон Лонгвилл две невесты должны были выплатить *merchet*, каждый из которых был оценен в «12 петухов»; одна из них выходила замуж «внутри манора», вторая — за человека, не принадлежавшего к нему. В 1320 г. засвидетельствован *merchet* в деревне Грейт Хорвуд, размер которого составлял четверть (8 бушелей) овса, за разрешение выйти замуж за человека, очевидно, не жившего в маноре³².

Одна беркширская вдова в 1339 г. выдала замуж дочь за свободного человека, не подлежащего юрис-

дикции ее лендлорда; все ее добро и движимое имущество было приказано конфисковать, но вдова обратилась к лендлорду и, выдав свою дочь без движимого имущества, обошлась штрафом в два шиллинга. Как отцы невест торговались с семьями женихов о размере приданого, так они торговались и с управляющими своих господ о размере *merchet*. Если земля составляла часть приданого, *merchet* мог достигать 4 фунтов, если же речь о земле не шла, то обычно он составлял от 6 пенсов до 2 шиллингов³³.

Приданое обычно включало как деньги, так и движимое имущество, последнее состояло из домашнего скота, сельскохозяйственных орудий, утвари, зерна, масла, драгоценностей, столового серебра или таких предметов обихода, как мебель и одеяла, простыни, скатерти. Вильям Алейн из Браутона возбудил дело против своего тестя в 1294 г. из-за приданого, которое состояло (или должно было состоять) из платья, кастрюли в два галлона, сосуда в полгаллона, двух ковров, 5 шиллингов, «чтобы починить телегу железом», и 6 шиллингов для передачи церкви. В том же году в Эбботс Риптоне против Агнес Хуберт было возбуждено дело из-за приданого, состоявшего из лошади, свиньи, четырех бушелей пшеницы и трех коз³⁴. Эти приданные имели значительную ценность, но были меньше, чем вдовья часть, которую обычно жених обещал невесте: от трети до половины своей земли по-смертно.

Общинное право определяло вдовью часть от одной трети до половины имения, но часто крестьянская вдова получала и больше. Протоколы манориальных судов свидетельствуют, что вдова нередко становилась владелицей всего держания и не выплачивала какого-либо налога на наследство: вероятно, вдовы рассматривались скорее как со-арендаторы, чем как наследницы³⁵. Элис Бенит приняла держание в Каксхэме после смерти своего мужа в 1311 г. и 30 лет спустя, по ее смерти, оно перешло к ее незамужней дочери Эмме³⁶. В Браутоне Кристина Нил и Агнес Кателин управляли держаниями после смерти своих мужей. Такие вдовы должны были нанимать батраков для обработки земли, а также для выполнения барщинных повинностей³⁷. Поэтому они часто находили удобным

для себя повторный брак, хотя закон и не толкал их к нему.

Среди крестьян, как и среди знати, исключение младших сыновей из числа наследников семейной патримонии в результате примогенитуры создавало сложности. В своем выдающемся труде «Английские крестьяне в XIII в.» (1941) Дж. Хоуманс установил, что эти юноши имели очень небольшой выбор: труд поденщиков, вступление в клир, запись в солдаты³⁸. Изучение деревни Браутон Э. Бриттоном (1976) показало, что многие младшие сыновья, особенно из семей более зажиточных крестьян, не были столь жестко ограничены в своей деятельности. В 21 «главной» семье — почти половина деревенской элиты — в одно и то же время женились и обособлялись по два или больше сыновей. Сын Саймона Крейна Роберт принял отцовскую должность присяжника, так же как и его землю, а другой сын, Вальтер, благополучно женился и обзавелся хозяйством. Оба сына Джона де Браутона стали главными поручителями и присяжниками, что говорит о том, что они оба имели собственные хозяйства. Не получавшим наследства детям выделялась часть родительских денег и движимого имущества, которых, вероятно, было достаточно, чтобы купить землю.

В другой половине ведущих семей в Браутоне, младшие сыновья, видимо, не имели земли, и в 11 семьях только один сын, предположительно старший, оставался в деревне. Среди менее зажиточных семей, количество тех, кто мог обеспечить младших сыновей землей, было еще меньше³⁹.

Для крестьянских дочерей в еще большей степени, чем для дочерей знати, главной целью являлось замужество. Открытый для знатных женщин женский монастырь был закрыт для крестьянок; единственными реальными альтернативами для них было продолжить жить в семейном держании и работать на унаследовавшего держание брата, поступить служанкой в другую деревенскую семью или в поместье владельца манора, или наняться в батрачки.

Исходя из правил наследования в «полевой» зоне, Дж. Хоуманс предположил, что существовала «стержневая» семья того типа, который выявил Ф. Ле Плэ — с мужем, женой, детьми, престарелыми родителями,

неженатыми братьями, сестрами и слугами⁴⁰. На самом же деле, из-за поздних браков, высокой детской смертности, низкой продолжительности жизни и невозможности прокормить большое количество людей во многих держаниях доминировала, вероятно, нуклеарная семья, наряду с которой могла существовать и расширенная, и более сложная — на держаниях большего размера. В Браутоне «главные» семьи, примерно треть домохозяйств, включали больше половины населения деревни⁴¹.

Они также определяли и характер правонарушений. Молодые люди Браутона, особенно из «главных» семей, нередко появляются в судебных протоколах за нарушение порядка и буйное поведение. В 1297 г. три юноши, все сыновья главных поручителей и присяжников, напали на дом соседа; позднее один из них с соучастником нанесли урон домам двух других жителей деревни. Нападение было обычным обвинением, иногда выносящим в суд личные семейные проблемы. В 1311 г. Сара Генри была приговорена к штрафу за нападение на дочь; в 1314 г. Томас де Браутон заплатил штраф за нападение на сестру⁴². Жалобы, в которых фигурируют молодые женщины, как правило, связаны с сексуальными преступлениями: внебрачной связью или наличием детей вне брака. В Браутоне только в двух из 34 случаев наряду с женщинами названы и их партнеры-мужчины, оба женатые люди. В 26 случаях молодая женщина родила незаконного ребенка, в 8 других — детей не было: это соотношение показывает, что значительно легче было установить преступление по его результатам, нежели по факту его совершения⁴³. Иллюстрацией неустойчивости штрафов за внебрачную связь могут служить документы Вейкфилда начала XIV в. Суд в этой деревне крайне редко накладывал штраф за подобное правонарушение, и вдруг внезапно в январе 1316 г. в суд была вызвана и оштрафована целая толпа молодых женщин. Одна из записей гласит: «Юлиана, дочь Джона Сиббесона, виллана, была лишена девственности до того, как вышла замуж, и до сих пор не уплатила ни *lechewytt* (дословно «вина за ложе», штраф за изнасилование несвободной незамужней женщины. — *Авт.*), ни *merchet*» (указание на то, что в данный момент Юлиана была замужем). Причиной наложения и сбора штра-

фов явилось то, что эрл Джон, владелец манора, нуждался в деньгах. Он увяз в бракоразводном процессе со своей женой, племянницей короля, и хотел получить развод, чтобы жениться на своей любовнице, матери своих детей⁴⁴.

В случае прелюбодеяния мужчины карались так же, как и женщины. Хотя это преступление находилось в ведении церковных судов, лендлорд тоже брал штраф с держателя, которого суд признал виновным. Между 1294 и 1323 гг. судебные протоколы Браутона насчитывают 24 случая прелюбодеяний. В 10 из них названы имена обоих виновных, только мужчины поименованы в 8, только женщины — в 6. Некоторые из имен повторяются — с разными партнерами, и почти две трети обвиняемых принадлежат к ведущим семьям⁴⁵.

Развлечения вдов рассматривались как случаи прелюбодеяния в церковных судах и облагались штрафом в манориальных судах, иногда даже с временной конфискацией земли. В Гиртоне в 1291 г. Матильда, вдова Роберта Уорика, вступила во внебрачную связь с Робертом Корбесом «и из-за этого потеряла часть движимого имущества лендлорда». Ее возлюбленный, видимо, был вором. Земля Матильды была «взята под руку лендлорда», а она выплатила 3 шиллинга. Возможно, аналогичные отягчающие обстоятельства присутствовали и в деле Агнес Фабер, вдовы из Варбойза, обвиненной во внебрачной связи с Ричардом Инграмом. Ее земля была конфискована, и чтобы вернуть ее назад, Агнес пришлось выплатить 20 шиллингов⁴⁶.

Случай в современном духе засвидетельствован в 1288 г. в Браутоне: Эмма, дочь Роберта ле Клерка, подала иск о том, что, когда она боронила землю на полях Агнес Гильберт, сын Агнес Вильям Гильберт «бросил ее на землю и силой и жестокостью изнасиловал ее так, что пролилась кровь». Вильям отрицал силу, жестокость и пролитие крови, заявляя, что «он не насиловал помянутую Эмму, но что на протяжении последних трех лет он сочелся с помянутой Эммой по ее собственной воле, когда бы он ни захотел». Вильям и Эмма передали дело главным поручителям и присяжникам, «которые пришли и сказали, что помянутый Вильям не насиловал помянутую Эмму в указанный день и не сочелся он с нею против ее собственной воли, в чем она обвиняет его, но таким обра-

зом, каким он привык сочетаться с нею, а также он не проливал ее кровь». Вильяма оправдали, а Эмма была оштрафована. Судебный протокол добавляет «Она бедна» (подразумевая, что штраф будет невелик или отменен)⁴⁷.

На старости лет предусмотрительный крестьянин мог воспользоваться «договором о содержании», средневековой форме социального страхования. Первоначально неформальное соглашение между представителями разных поколений предусматривало, что старики передают свою землю молодым за их труд, теперь же договоры записывались в протоколах манориальных судов. В эпоху, предшествовавшую Черной Смерти, они обычно заключались между членами одной семьи: сын брал надел своих родителей и должен был пожизненно содержать их. Сын приобретал землю, родители приобретали его труд и различные удобства, такие как комната в доме, оговоренное количество еды, топлива и одежды, регулярную стирку белья, постельные принадлежности и право греться у очага. Детали подобных соглашений тщательно оговаривались⁴⁸. В Кранфилде, одном из маноров Рамсейского аббатства, Джон де Бретендон в 1294 г. согласился обеспечивать своих отца и мать «подходящей пищей и питьем, пока они живы», а также жильем в своем доме. Если из-за этого соглашения в доме возникнут «неприятности и раздоры», Джон должен был обеспечить им место, где они могли бы «достойно жить»; оговорены были и определенные количества зерна и бобов. За выполнением таких договоров манориальные суды следили строго и требовали их соблюдения. Так, в Варбойзе в 1334 г. суд постановил: «И поскольку Стивен Кузнец не содержит мать в соответствии с их договором, он должен [заплатить] 6 пенсов»⁴⁹. В некоторых манорах были написаны общие правила обеспечения овдовевших родителей, включая определение количества пищи и питья⁵⁰.

Большинство стариков предпочитало оставаться в своих собственных домах, но некоторые переселялись в отдельный домик. Они могли купить в монастыре нечто вроде пенсии, называемого алиментами (*corrody*), первоначально — пожертвования нищим, прокаженным и другим несчастным. В типичном договоре о

пенсии для мужа и жены указывались число буханок хлеба, галлонов эля, количество сала, соли и толокна в год, а также мяса и рыбы, поставляемых ежедневно из кухни монастыря; оговаривалось и жилье: или комната с очагом, или дом, куда должны были поставлять дрова и солому. Пенсии были очень разнообразны. В 1317 г. одна женщина купила богатый пенсион за 140 марок, а служба Вустерского кафедрального монастыря заключил договор на 10 марок. Первый договор гарантировал три буханки хлеба (одна белого) и два галлона эля ежедневно и каждый год 6 свиней, 2 быка, 12 голов сыра, 100 штук вяленой рыбы, 1000 сельдей и одежды на 24 шиллинга. 10-марочный пенсион давал 4 «буханки для слуг» и 6 галлонов эля в неделю плюс ежедневное «блюдо» с монастырской кухни⁵¹.

Еще одной формой пенсии, используемой приходскими священниками в старости, был наем «хранителя», который, в обмен за свои услуги, получал наследство священника по его завещанию.

Престарелые крестьяне также заключали сделки и с религиозными организациями с целью обеспечить свое благополучие в мире ином; некоторые, как те самые знатные люди, которые подвергались критике в «Гарене Лотарингском», покушались на будущее своей собственной семьи чрезмерными вкладами на заупокойные молитвы. Завещания включали условия, которые приносили прибыль приходской церкви, а иногда — с удивительной практичностью — служили и на благо общине, например, выделение больших сумм денег на починку дорог и мостов. Вдова, которая оставила по 6 пенсов каждой деревенской девушке, является примером зарождающейся формы филантропии — вклада в приданое бедных девушек⁵².

Доминиканский проповедник конца XIII в. рассказал историю о столкновении алчного приходского священника и «очень богатого крестьянина» у смертного одра последнего. Скардность крестьянина как по отношению к беднякам, так и церкви позволила ему наполнить деньгами и «другими сокровищами» сундук, который он, умирая, приказал поставить перед ним. К тому времени, когда пригласили священника, больной уже не мог говорить. Священник предложил такую форму диалога: он будет задавать вопросы, а «Ха!»,

вымолвленное больным, будет означать его согласие. Он обратился к умирающему:

— Хочешь ли ты предать свою душу Господу и свое тело матери церкви для погребения? Человеку удалось произнести: «Ха!»

— Хочешь ли ты оставить 20 шиллингов на устроение церкви, в которой ты хочешь быть погребенным? Молчание. Священник яростно дергает больного за ухо, и человек вскрикивает: «Ха!»

— Запишите 20 шиллингов на церковное устроение, — сказал священник, — потому что вы видите, что он даровал их своим «Ха!»

Затем священник сказал умирающему: «У меня есть несколько книг, но нет сундука для их хранения. Сундук, который стоит там, будет более полезен для меня. Хочешь ли ты, поэтому, чтобы в этот сундук были положены мои книги?». Никакого ответа. Священник ущипнул ухо больного так сильно, что показалась кровь. Слабеющий старик внезапно обрел голос: «Ты, жадный священник! Клянусь смертью Христа, никогда не получишь ты от меня даже фартинга из тех денег, которые лежат в том сундуке!». Сказав это, он прочел молитву и умер. Соответственно, жена и родственники умершего разделили его деньги между собой⁵³.

В последние годы появились исследования, основанные как на археологических, так и на документальных источниках и посвященные физическому окружению английского крестьянина XIII в.: форме и топографии деревни, в которой он жил, планировке его дома. Деревня окружала общинный выгон или церковь. Если деревня и манор совпадали, господский дом стоял поблизости; если нет, то лендлорд мог жить в соседней деревне. Дорожки, уже утопанные и углубленные, соединяли дома и вели в поля. Другой топографический принцип определял планировку «уличных деревень», протянувшихся вдоль дороги, ведущей в другую деревню или в город, где проходили ярмарки⁵⁴.

Каждая семья занимала отдельную усадьбу: жилой дом, окруженный оградой или двором, где паслась домашняя птица и стояли хозяйственные постройки, кладовые, амбар, коровник. Домашние животные обычно паслись свободно, бродя среди домов или

даже заходя в них. Право «свободного животного» принадлежало господскому скоту, баранам, быкам, кабанам, которые бродили, паслись и совокуплялись, где придется, что подсказало Чосеру метафору: «[Развращенные] священники себя мнят свободными и не признают закона, как тот бык, на котором не пашут и который берет любую корову в своем селении»⁵⁵. Часть двора служила приусадебным участком, который был огорожен, обрабатывался лопатой и засаживался овощами. Во многих случаях дом, амбар и стойла для скота находились под одной крышей: амбар и стойла помещались в дальних концах дома и отделялись от жилой части коридором, что помогало зимой сохранять тепло⁵⁶.

Большинство домов, в соответствии с древними строительными традициями, были мазанками, у которых деревянный каркас, поддерживающий переплетающиеся прутья, обмазывался глиной. Более новой была конструкция со стропильной фермой из расколотого пополам ствола дерева и основной ветви, поддерживающей крышу и стены⁵⁷. Крыша неизменно оставалась соломенной. Солома была дешевой, и ее большое количество сохраняло в доме тепло, хотя и увеличивало опасность пожара, особенно при отсутствии трубы.

Размер дома отражал богатство и статус семьи. Простейший дом бедняков и батраков имел одну комнату около 12×16 футов. Дома более зажиточных крестьян состояли из одной залы, разделенной на две или три клетушки. В центре находился открытый очаг, дым от которого выходил через отверстие в крыше. В некоторых домах имелись пристройки для кухни. Окна делались редко, и они закрывались ставнями, а не стеклились. Для лучшего освещения дверь днем оставляли открытой, и в дом могли свободно заходить дети, домашняя птица и животные. Иногда для спанья использовали сеновал в одном конце дома, куда поднимались по приставной лестнице⁵⁸. В некоторых договорах об обеспечении престарелых родителей указывалось требование, чтобы сын-наследник построил для них дом. В 1281 г. Томас Брид, принимая держание своей овдовевшей матери в деревне Хейлсовен, обещал построить ей дом в 30 футов длиной и 14 шириной с тремя дверями и двумя окнами⁵⁹.

Об обстановке в крестьянском доме XIII в. сведений мало. Списки предметов домашнего обихода, которые иногда встречаются в судебных протоколах, упоминают деревянные столы, скамьи и сундуки, латунные кастрюли, чашки и блюда, но никогда не называют постели. Взрослые и дети спали на полу на соломенных тюфяках⁶⁰.

Крестьяне в областях, где доминировал принцип делимого наследства

В период, предшествовавший Черной Смерти, общество в «полевой» полосе оставалось достаточно стабильным. Заинтересованность семьи в сохранении патримонии нетронутой ограничивала число наследников и тем самым сдерживала рост населения. Экономическое неравенство в деревне существовало, но не было вопиющим — очень богатых крестьян просто не было.

В «лесной» полосе, где правилом было делимое наследство, вырисовывается иная картина⁶¹.

В Норфолке и Суффолке (Восточная Англия), вероятно, уже после нормандского завоевания, земля раздавалась арендаторам большими держаниями (*tenementa*), каждому из которых присваивалось имя держателя. К XIII в. эти держания уже не принадлежали индивидам или семьям, но сохранялись как административные и фискальные единицы для обложения рентами и повинностями, за выплату и несение которых меняющееся количество арендаторов несло коллективную ответственность. В XIII в. процесс дробления держаний продолжался с возрастающей скоростью. Количество полей в каждом маноре значительно превышало число полей в маноре «полевой» полосы (два — четыре), и держание земли было нерегулярным. Не существовало общинного контроля за обработкой земли, и если общинные выпасы и появлялись, то появлялись они по частной инициативе.

Нестабильность и изменения в этой зоне вызывались и поддерживались тремя причинами: делимым наследованием, манориальной политикой, одобряющей отчуждение земель, активным рынком земли. Результатом этого стало образование общества, в котором развилась заметная дифференциация в социаль-

ном и экономическом статусе крестьян, некоторые семьи составили себе на земле состояния, другие же полностью потеряли свои и так незначительные держания⁶².

Полагая, что в областях, где доминировало неделимое наследство, преобладали «стержневые» семьи Ф. Ле Плэ, Дж. Хоуманс считал, что делимое наследство вело к созданию составной семьи, в которой отец, сыновья и их потомки «держат землю и обрабатывают ее совместно и живут вместе в одном большом доме или в комплексе примыкающих друг к другу домов»⁶³. Сведения о действительном составе домохозяйства в «лесной» полосе остаются немногочисленными, но мы знаем, что со-наследующие братья использовали разные стратегии: раздел держания, совместная обработка земли, комбинация того и другого, когда одни братья вместе обрабатывают свои участки земли, а другие — каждый сам свой унаследованный надел. Отец еще при жизни мог разделить свою землю, как находил нужным; один из сыновей мог купить долю другого; наконец, один из сыновей мог умереть без наследников и его доля возвращалась к братьям.

Исследование Редгрейва, манора в северном Суффолке, состоящего из нескольких деревушек и изолированных хуторов, показывает, к чему приводила делимость наследства в реальной жизни. Крестьянин, который держал землю на условиях вилланских повинностей, обычно передавал патримонию всем своим сыновьям. Перепись 1289 г. насчитывает среди вилланов 50 идентифицируемых групп братьев, из которых 33 (в целом 77 индивидов) держат землю коллективно как один *tenementum*. Многие из держаний братьев были одинакового размера: это предполагает, что наследство было получено ими настолько недавно, что его раздела еще не произошло. В Редгрейве не существовало никаких запретов на продажу земли вилланов, и, видимо, семьи не испытывали особой привязанности к конкретному участку земли. Сама по себе делимость наследства подстегивала продажу, создавая небольшие, легко продаваемые парцеллы. За 30 лет, последовавших за переписью 1289 г., большинство групп братьев активно действовало на земельном рынке. 13 групп приобрели дополнительные участки земли,

27 — потеряли часть своих держаний, а распределение участков внутри групп стало неравномерным⁶⁴.

То, что вся группа братьев могла получить прибыль от сделок с землей, показывает история сыновей Адама Джопа. В переписи 1289 г. Адам выступает как активный и успешный торговец землей: он держит 39 акров, 2 усадьбы и часть третьей как виллан, и усадьбу и 9 акров как свободный. 16 из его 39 общинных акров было приобретено недавно в виде не менее 27 отдельных маленьких покупок, к которым он в последующие годы добавил еще 8 акров. У Адама было три сына, Ричард, Джон Старший и Джон Младший, и по крайней мере четыре дочери, Элис, Изабел, Кристина и Базилия. В 1295 г. он дал Джону Старшему дом и 8 акров, а через два года еще одно держание; в 1301 г. он дал 2 акра Джону Младшему. Ричард, старший сын, уже купил себе земли в 1280-е годы, возможно, с помощью отца. О замужестве трех из его четырех дочерей свидетельствуют записи о выплате в манориальный суд налогов за вступление в брак (*merchet*). Элис и Изабел даже получили в дар от отца по акру каждая. Когда старый Адам умер в 1314 г., три брата разделили патримонию и прикупали еще земли, пока не стали владельцами более 90 акров. Действуя скорее независимо, чем совместно, часто выкупая земельные наделы у со-наследников из более бедных арендаторских семей, братья Джопа продолжали расширять свои держания и в начале XIV в.⁶⁵

Тем временем семьи, которые продавали свои земли людям, вроде Джопов, стягивались к другому концу экономической шкалы. В 1289 г. Вальтер Чэпмен и его брат Ральф унаследовали от своего отца Ричарда одинаковые участки, разбросанные по нескольким держаниям (*tenementa*). Общий размер их земель неизвестен, но в 1297 г. Ральф продал свою долю Вальтеру, который за следующие несколько лет продал более 20 акров посторонним. После его смерти в 1304 г., оказалось, что он оставил своим сыновьям только 14 акров. Другой крестьянин, Вальтер Бенейт, унаследовал 9,5 акров от отца в 1289 г., и в 1290 г. выкупил долю своего брата Джона. На протяжении последующих 10 лет Вальтер продал более 16 акров и оставил двум своим сыновьям (он умер в 1301 г.) только три четверти акра на всех⁶⁶.

Таким образом, там, где было принято делимое наследство, общество было изменчивым, динамичным и нестабильным, судьбы семьи менялись в зависимости от трудолюбия, мастерства, проникательности, возможно, жесткости при сделках, и удачи одних и лени, непредусмотрительности и неудачливости других. Те же факторы, безусловно, влияли на ситуацию и в областях с открытым типом полей, но там они сдерживались и потому приводили к менее драматическим результатам. Давно установлено, что крестьянство в Англии, как и везде на континенте, не было монолитным классом, а подразделялось на различные социальные и экономические группы; исследование налогов от деревни Вигстон в Мидленде в 1327 г. показало, например, что 70% налогов выплачено 10 семьями из 120⁶⁷.

Крестьяне Пиренеев

Деревня Монтайю — изолированная община в горах у подножья Пиренеев, где крестьяне содержат овец и выращивают зерновые для пропитания. Эта деревня, островок катарской (альбигойской) ереси, стала в 1318 г. предметом расследования инквизиции, после чего остались обширные записи допросов крестьян. В 1975 г. Э. Ле Руа Ладюри опубликовал книгу под названием «Montaillou» — исследование документов инквизиции, в которых сами крестьяне, мужчины и женщины, высказывают свои представления о любви, браке, смерти и семье⁶⁸. Несмотря на специфические географические условия Монтайю и специфические обстоятельства, при которых делались эти записи, документы инквизиции, проанализированные Э. Ле Руа Ладюри, дают непревзойденный материал о повседневной жизни крестьян XIII в.

Монтайю — деревня средиземноморского типа⁶⁹; уютящиеся на склоне дома были скучены вокруг замка, который время от времени занимали кастелян и его семья и к которому некоторые дома примыкали, а другие отделялись садами и дворами. Многие дома состояли из одной комнаты, посередине которой находился открытый очаг, где готовили пищу, и в которой семья ела, спала и общалась. В других домах была отдельная спальня или спальни, или рядом с кухней, или в погребе, где постели чередовались с бочками. В

третьих имелись даже солярии на втором этаже, куда попадали по приставной лестнице. В более крупных жилых домах центральная комната с очагом была каменной, а солярий и пристройки на первом этаже мазаные. Свиньи, овцы и волы обычно размещались под одной крышей с людьми⁷⁰.

Дом и семья объединялись одним провансальским термином *ostal*, которое передано в латиноязычных записях инквизиции как *domus*: люди, связанные кровным родством, стены, очаг и обстановка. Когда одна крестьянка обсуждала, можно ли предоставлять информацию инквизиции, некий катар укорил ее: «Если ты сознаешься во всех этих вещах, ты потеряешь все свое добро и погасишь огонь в своем доме (*domus*). Твои дети с полными гнева сердцами [должны] будут уйти и просить милостыню»⁷¹. Представления одного крестьянина о пространстве измерялись домом (*domus*): «Чтобы представить себе небеса, — заметил он, — надо вообразить огромный *domus*, простирающийся от перевала Меренс до города Тулузы»⁷².

Центральное положение *domus* присутствовало даже в мировосприятии бродячих пастухов, которые образовывали своего рода кочевой пролетариат, жертвы несчастья или бедности, или просто статуса сыновей, не получающих наследства. Обычно они не женились. Летом в период стрижки, доения и изготовления сыров, они вместе жили в горных хижинах (*cabane*). Перейдя Пиренеи в сторону Испании, они зимовали в других *cabane* в сезон окота овец. И все же, живя «без очага или дома», они оставались связанными с родительским *domus* в Монтанью, с родителями, братьями и сестрами⁷³.

Семьи знали своих предков вплоть до четвертого колена. Идентификация человека по фамилии прочно укоренилась, хотя личное имя иногда передавалось по материнской, а не отцовской линии. Но *domus* и родственники за его пределами, включая двоюродных братьев и сестер, теток и дядей, живущих в близлежащих деревнях, были важнее предков. В напряженной атмосфере инквизиционного расследования, группы семей, связанные родственными отношениями и браком, противостояли друг другу, часто поддерживаемые соседями.

В 1308 г. Пьер Клерже, священник, который сначала был приверженцем учения катаров, а затем отрекся

от него, донес на Пьера Мавра и его сыновей Гийома и Арно. Все были арестованы. Гийом Мавр, освобожденный в то время, когда его отец и брат оставались в тюрьме, гневно упрекнул Клерже, на что тот ответил: «Я пригляжу, чтобы все вы сгнили в каркассонской тюрьме, все Мавры, ты, твой отец, твой брат, все, кто принадлежит к вашему *domus*». Гийом воскликнул, что за него отомстят, так что «опасайся меня и всех тех, кто меня поддерживает». С помощью своего брата, бейлифа, Пьер Клерже добился того, что матери Гийома вырезали язык «за ложное свидетельство» — она поносила Пьера. Преследуемый семьей Клерже, Гийом бежал в близлежащий Акс-ле-Терм, где к нему присоединился его брат Раймон и свояк Жан Бене. Трое поклялись на хлебе и вине убить священника и собрали средства, чтобы нанять убийцу. Объявленный вне закона, Гийом бежал в горы и стал пастухом. В последующие восемь лет заговорщики предприняли несколько попыток убить своего врага. Наконец, Гийома захватили в Испании и отправили обратно в каркассонскую тюрьму⁷⁴.

Домохозяйства в Монтайю были по преимуществу супружескими, хотя имелось и несколько расширенных семей, в которых жили овдовевшие родители, неженатые братья и незамужние сестры, слуги, которые иногда были незаконными детьми, и иногда жильцы. Домохозяйство Бернара Мавра, дяди и соседа Гийома, состояло из его жены, двух детей, его вдовой матери, наемного пастуха и работника, водящего лошадь с плугом. Бернар Клерже, бейлиф, использовал незаконнорожденную дочь в качестве служанки. Зажиточное хозяйство Бело состояло из Раймона Бело, его жены, их детей, двух неженатых братьев, сестры, овдовевшей матери и служанки — бедной родственницы из соседней деревни. Структура семьи, как и везде, различалась в зависимости от богатства и момента в цикле ее развития⁷⁵.

В Монтайю, еще больше, чем где бы то ни было, власть в семье сосредотачивалась в руках мужчины — главы дома, который обычно правил железной рукой. Документы инквизиции несколько раз упоминают об избитых женах и женах, которые боялись своих мужей. «Мужчина ничего не стоит, если он не хозяин своей жене», — заметил один крестьянин⁷⁶.

Делимое наследование было в Монтайю правилом, но глава семьи наделялся правом самому определить своего наследника. Сын, не получивший наследства, уходил из дома с «братской частью» (*fratrisia*). Дочь покидала дом с приданым, которое возвращалось к ней после смерти мужа. Из-за этого принципа семейные ресурсы нередко истощались. Циник Пьер Клерже заметил своей любовнице, что дела их семьи шли бы намного лучше, если бы два его брата, Гийом и Бернар могли жениться на своих сестрах Эсклармоне и Гийемете: «Наш дом не пришел бы в упадок, если бы не богатства, унесенные с собой этими сестрами в качестве приданого; наш *ostal* остался бы нетронутым, и при одной жене, приведенной в дом для нашего брата Бернара, мы имели бы достаточно жен, а наш *ostal* был бы богаче, чем сегодня»⁷⁷.

Иногда женщины наследовали патримонию, а вместе с ней приобретали и власть. Сибил Бай, унаследовавшая дом в Акс-ле-Терм, была активной последовательницей учения катаров и вынудила своего мужа Арно Сикра, придерживавшегося противоположных взглядов, оставить дом. Арно поселился в Тарасконе и стал нотариусом; одни из их сыновей использовали имя отца, другие — имя матери. Вдовам также удавалось добиться независимости. Гийемет, жена Бернара Марти, бежала в 1308 г. из Монтайю со своим мужем и двумя сыновьями и после смерти мужа поселилась в Испании, где она и ее сыновья купили себе *ostal* и прекрасно жили в нем. Гийемет вернулась к своей девичьей фамилии, Маври, которую приняли и ее сыновья; она вела себя как глава семьи, управляя имуществом и устраивая браки своих сыновей⁷⁸.

Все женщины в Монтайю рано или поздно выходили замуж; в деревне не было старых дев. В еще большей степени, чем в других сельских общинах, браки в Монтайю заключались внутри деревни. Пастух Пьер Маври объяснял запрещение инцеста в терминах семейной близости. Мать и сын, брат и сестра, двоюродные братья и сестры — это люди, тела которых в повседневных делах «соприкасаются» и которым поэтому запрещается вступать в брак. Но в Монтайю сексуальные отношения между троюродными братьями и сестрами, чьи тела не должны были соприкасаться, допускались. Другой крестьянин считал, что спать с

собственной матерью, родной или двоюродной сестрой не грешно, но тем не менее постыдно. Он процитировал местную поговорку: «С троюродной сестрой — возьми ее в оборот»⁷⁹.

Браки обычно устраивались сватами: родителями, братьями, тетками, дядями, друзьями. Учение катаров утверждало, что брак — это зло, поскольку в результате него появляются дети и чистые души оказываются заключены в порочную плоть, но катары Монтайю тем не менее женились и выходили замуж. Гийом Белибаст, катарский «перфект», оправдывал брак, говоря, что поскольку грех один, что с женой, что с любовницей, «то уж лучше мужчине прилепиться к одной женщине, чем перелетать от одной к другой, как пчела с цветка на цветок». Он добавлял и практическое соображение: неразборчивый в связях человек не только порождает бастардов, но и станет жертвой своих любовниц, которые обернут его и сделают нищим. «Но когда человек прилепился к одной женщине, она помогает ему содержать *ostal* в порядке»⁸⁰.

Перфекты катаров рекомендовали наиболее благоприятную для свадебной церемонии, которой они руководили, фазу луны. День проходил в обычных танцах и пиршестве, невеста надевала свадебное платье, которое после церемонии она упаковывала и хранила всю свою жизнь⁸¹.

Браками управляла экономика, но не исключалась и любовь. Бернар Клерже, бейлиф, свидетельствовал, что он «безумно влюбился в Раймону [Бело], которая теперь моя жена», причем его страсть стала предметом шуток для его брата Пьера. Бернар мог позволить себе жениться по любви⁸². Женщины в документах инквизиции, однако, не говорят о любви в браке. Они в основном ощущают себя предметами в игре, в которую играют мужчины. Ухаживание было небрежным. Женщина выходила замуж рано, в 14 лет, а мужчина женился только после того, как устроится в жизни, иногда в возрасте от 30 до 40 лет. Такая разница означала для общины большое количество вдов, а для женщин — нередкие вторые и даже третьи браки⁸³.

Сексуальная мораль в Монтайю была свободной. Кроме Пьера Клерже, в документах упоминается десяток других любовных связей, в одном случае любовницей мужчины была жена его брата, в другом — вдова

кастеляна, пять или шесть из 50 пар в деревне открыто «жили во грехе». Учение катаров, по крайней мере, извиняло их; созвучно Гийому Белибасту, но в другом смысле, Пьер Клерже заявлял, что никакого греха нет, если переспать с замужней женщиной: «Одна женщина ничем не отличается от другой. Грех один и тот же, замужем она или нет. Это все равно, что сказать, что в этом и вообще нет греха»⁸⁴. Гразид Лизье, незаконнорожденная двоюродная сестра Клерже, которая стала любовницей священника, оправдывала свое поведение невинной рационализацией: «С Пьером Клерже мне это нравится. И потому это не может быть неудобно Богу. Это не был грех». Позднее, когда ей надоела связь, Гразид отказала священнику. При отсутствии желания секс превратился в грех⁸⁵.

Вдова кастеляна, Беатрис де Планисоль, в начале своего романа с Пьером Клерже опасалась возможной беременности, но Пьер заверил ее: у него есть «некая трава», которая помешает зачатию, не дав его семени свернуться или застыть, чтобы произвести плод. Беатрис засвидетельствовала, что Пьер завернул траву в тряпку и повесил ей на шею на конце длинной нитки, так что она свисала вниз «вплоть до отверстия в моем животе». Он отказался оставить траву Беатрис, опасаясь, что она может использовать ее с другим женщиной. Благодаря талисману или чему-либо другому, Беатрис не зачала⁸⁶. Многие же другие беременели. Многочисленные внебрачные дети в Монтаю принадлежали к низшему слою общества, девочки становились служанками, мальчики — занимали аналогичное положение на мужских ролях. Как ни странно, но и те и другие умудрялись жениться и выйти замуж в крестьянские семьи⁸⁷.

Типичный *ostal* давал мало возможностей уединиться для внебрачного секса, но любовники находили выходы из ситуации. Пьер Клерже совратил Гразид «на сеновале, где мы храним солому», а затем занимался с ней любовью в ее материнском доме, вероятно, в дневное время с согласия матери. Когда он выдал ее замуж за Пьера Лизье, видимо, человека пожилого, ее муж позволил, чтобы их отношения продолжались, предупредив только Гразиду «не заводить другого мужчину». Они не занимались любовью, когда муж был дома, а только «когда он уходил»⁸⁸. Пьер

встречался с Беатрис де Планисоль в подвале ее дома, а девушка-служанка стояла на страже у дверей, и один раз в церкви. Позднее стареющая Беатрис спала с молодым священником Бартеlemi Амилаком, в своем собственном доме, но только тогда, когда дома не было ее дочерей и слуг⁸⁹.

Средневековая живая картина: Беатрис де Планисоль в постели ловит вшей у своего любовника, а в это время Пьер философствует об учении катаров и любви⁹⁰.

Требования морали к девушкам, служанкам и вдовам были низки, но от жен ожидали добродетельности. Поведение женщины определялось понятием чести, внешним, семейным понятием, а не совестью, понятием внутренним и индивидуальным. Мужья тоже обычно не изменяли женам. Как заметил один крестьянин, Пьер Оти: «И все же наиболее часто люди занимаются любовью в браке»⁹¹.

Развод был неизвестен в деревне, но женатые пары иногда расходились. Понс Риве и его мать, оба катары, выгнали из своего дома его жену Фабрисс, которая катаркой не была. Занявшись продажей вина в деревне, Фабрисс стала еще одной женщиной, которая жила независимо⁹².

Старость начиналась в 50 лет. Старики жили со своими детьми, мужчины обычно передавали свою власть главы семьи сыновьям, которые иногда тиранили их. Женщины же, часто переживавшие своих мужей, могли становиться во главе семей; их почитали и любили как их собственные потомки, так и другие жители деревни, и давали им титул «На» от *domina* «хозяйка». Такой была На Рока, предводительница катаров, и На Карминая, глава домохозяйства в Монтайю⁹³.

Смерть была облечена в ритуал. Стенания и плачи дочерей и невесток начинались еще до того, как умирающий крестьянин испускал дух, и продолжались вплоть до похорон, к которым женщины из дома приготавливали тело. Катарский обряд включал отправление перфектом *consolamentum* («причастие»), после чего умирающего побуждали предаться *endura*, очистительному посту. Умирающему мужчине или женщине, будь они катарами или католиками, важны были две вещи: быть окруженными членами своей семьи и, каков бы ни был ритуал, достичь спасения⁹⁴.

Глава 9

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ЛИНЬЯЖИ: ОПАСНОСТИ ПРИМОГЕНИТУРЫ

Система примогенитуры, поддерживаемая фамилиями, образованными от названий поместий, генеалогиями, гербами, семейными девизами и величественными символами — родовыми замками, придавала самосознанию мужчин, принадлежавших к аристократическим линиям XIII в., ощущение непобедимой устойчивости. Граф Ланкастерский, граф Лестерский, граф Шампанский, герцог Бургундский — такие титулы, казалось, дышали высокомерной вечностью, поскольку их происхождение велось через непрерывную цепь поколений и столетий. Внешность была обманчива. «Не всегда осознается, — пишет К. Б. МакФарлейн в работе об английском нобилитете, — насколько близко к вымиранию было большинство [знатных] семей; их выживание всегда находилось под угрозой, и только очень немногим удавалось выстроить непрерывный ряд по мужской линии на протяжении веков»¹. В Англии король устраивал открытые смотры высшей знати через небольшие промежутки времени, созывая своих «баронов» на собрания, которые позднее превратились в Парламент. Между 1300 и 1500 гг. число рангов наследственной титулованной знати возросло от одного до пяти, но из 136 знатных семей, удостоиваемых вызовами на собрания в конце XIII в., 36 прекратили свое существование к 1325 г., 89 — к 1400 г. и все остальные, за исключением 16, — к 1500 г.²

К. Б. МакФарлейн приводит и другой поразительный набор цифр: из 17 графских титулов, существовавших в Англии в 1400 г., только три принадлежали одной и той же семье на протяжении столетия, 10 семей носили этот титул менее половины столетия. «Смены были очень быстрыми, высокое положение

краткосрочно, число выживших — неизменно мало»³. Одним из последствий страха перед возможным вымиранием семьи — или утратой королевского благорасположения, разумеется, дорого достававшегося поместью, — было стремление родителей устраивать браки детей как можно раньше — насколько позволяли законы. Петр Ломбардец и папа Александр III сделали осуществление брачных отношений необязательным для законности брака, и специалисты по каноническому праву сочли, что девять с половиной лет — не слишком ранний возраст, чтобы давать согласие на брак, которое можно было бы считать правомочным. Многие знатные дети вступали в брак к десятому дню рождения, что, впрочем, не устраняло опасности прекращения линияжа.

Кроме продолжения мужской линии, примогенитура была направлена и на то, чтобы сохранить целостность поместья. Это тоже представляло проблему. Несмотря на принятие примогенитуры законом и обычаем, многие родители хотели выделить хоть что-нибудь каждому из своих детей, даже ценой будущности линияжа. Два древних принципа продолжали действовать и в XIII в. Первый: имущество, унаследованное от отца, должно быть передано старшему сыну, имуществом же купленным или завоеванным можно распоряжаться по собственному усмотрению. Именно на основании этого принципа Вильгельм Завоеватель оставил герцогство Нормандия своему старшему сыну Роберту, а королевство Англии — второму сыну, Вильгельму Рыжему. Второй принцип: какой-то вид земли в каких-то размерах должен быть выделен каждому из сыновей. При том, что примогенитура запрещала оставлять по завещанию землю кому-либо, кроме старшего сына, отец тем не менее мог подарить землю другим сыновьям при своей жизни⁴.

Возникла сложность. Даже щедрый и покорный долгу отец, желая обеспечить не только одного из сыновей, все же содрогался при мысли о потере части собственного дохода. «Представители средневекового нобилитета не часто впадали в ошибку короля Лира», — замечает К. Б. МакФарлейн⁵. Поэтому новый принцип имущественного права, майорат, был хитроумно использован для целей, противоположных тем, для которых он был создан: укрепить примогенитуру

для защиты целостности поместья. Определение участка земли в качестве майората делало его навсегда владением, наследуемым ближайшим наследником-мужчиной. Но отец мог передать часть своего поместья младшему сыну и его потомкам, оставляя ее за собой при жизни. Поскольку таким образом отец сохранял все свои доходы, то мог быть более щедрым, нежели в том случае, если бы ему пришлось отдать сразу и землю, и доходы с нее⁶.

Майорат имел один недостаток: раз установленный, он уже не мог быть отменен. Как бы ни заманчиво было предложение или как бы ни велика была нужда, наследник майората не мог его продать. Не мог, пока в XV в., по словам Ф. Р. Х. ДюБулэ, «великом веке юристов», не был придуман действенный способ ликвидации права майората. Он заключался в возбуждении судебного процесса по тайному сговору: истцом становилось лицо, которому владелец поместья хотел продать часть земли. Истец заявлял, что земля, о которой идет речь, в действительности принадлежит ему, и обе стороны сваливали всю неразбериху на третье лицо, которому даже не надо было являться в суд. Поскольку ответчик был согласен, истец получал землю без возражений — и затем спокойно выплачивал заранее оговоренную сумму⁷.

Было и другое законодательное нововведение, которое позволяло владельцу земли гибко распоряжаться своим поместьем. Это было понятие «пользования», с помощью которого человек мог отдать свои земли, целиком или частью, достойным доверия друзьям — в законодательстве они получили наименование «ленники», которые должны были держать землю, которой он пользовался, пока жив, и распорядиться ею после его смерти в соответствии с его завещанием. Благодаря пользованию землей, отец мог изменить свое решение в соответствии со своими отношениями с детьми, включая внебрачных, их достоинствами и их поведением. Изобретение института «пользования» способствовало обеспечению внебрачных детей знати, и он ярко проявился в позднесредневековой Англии⁸. Этот институт также заметно способствовал исчезновению знати. Любовная забота отца обо всех своих детях, законных и незаконных, проявляясь в «пользовании» и майорате, могла лишить линияж знатности. В 1320-е

годы отец сэра Джона Лачдикона приглашался в Парламент как барон. Благословенный восьмью сыновьями, сэр Джон разделил свое наследство на восемь равных частей, причем все они являлись майоратами, — и ни один из его потомков никогда больше не получил приглашения в Парламент⁹.

Кроме младших сыновей, были еще и дочери. XIII в. решил эту проблему более успешно, чем проблему сыновей. Вместо выделения в качестве приданого земель, отцы стали отдавать деньги, а также драгоценности, обстановку и другие ценности, так что к тому времени, как в 1285 г. начал действовать Вестминстерский Статут, известный под названием «О дарах» («De Donis»), его положения, касавшиеся дочерей, уже были излишни. «De Donis» запрещал полное отчуждение земли, данной младшим сыновьям и дочерям, пока в их ветви не будет насчитываться три поколения. Если ветвь пресекалась до этого, то земля возвращалась к основной линии семьи. Статут не был эффективен даже и в отношении младших сыновей, и через некоторое время правило трех поколений было оставлено¹⁰.

Более серьезную угрозу для основного наследника, чем приданое дочери, представляла вдовья часть невестки. По древнему обычаю, иногда нарушаемому, но подтвержденному в 1215 г. Великой Хартией вольностей, невесте полагалась в случае вдовства одна треть имущества ее мужа. Поскольку, как правило, первым умирал муж, а девушки рано выходили замуж, вдовство продолжалось многие годы. Незадолго до 1185 г. десятилетняя дочь Томаса Фитц Бернарда Мод была выдана замуж за Джона де Бидуна и вскоре овдовела. Мод прожила более 70 лет, вышла замуж еще раз и удерживала свою вдовью часть на протяжении всей своей жизни¹¹. Подобные вдовы на долгое время лишали семью, чей сын умер, трети семейного имущества. Некоторые вдовы выходили замуж снова и приобретали более одной вдовой части. В начале XIV в. Агнес Бересфорд за какие-то 15 лет выходила замуж трижды: за Джона Аргентайна, Джона Нарфорда и Джона Мотрейверса. Первые два мужа оставили ей в качестве вдовой части земли в Кембриджшире, Хертфордшире и Восточной Англии, которыми она продолжала управлять из дома Мотрейверса в Дорсете в

течение 33 лет их брака (1331—1364 г.) и еще 8 лет после его смерти. Когда сама Агнес, наконец, умерла в 1375 г., земли в восьми различных графствах были переданы различным наследникам ее трех мужей. Один из наследников, сын Джона Аргентайна, ждал наследства 57 лет¹².

Выделение вдовьих частей еще больше запутывало и без того сложное управление большими поместьями. Следить за отдельным манором или группой маноров: собирать подати, требовать выполнения повинностей, взимать штрафы, было легко; проблемы возникали с огромными массивами земли, разбросанными по всей Англии (или Франции). Чтобы не дать местным управляющим обманывать графа или вдову, приходилось вести скрупулезную отчетность. Появилась армия поместных бюрократов, в основном, юристов, занимавших выгодные посты, которые было привлекательно сделать неофициально наследственными. Мелкие бюрократические династии обслуживали крупные аристократические династии: несколько поколений Хагфордов и Трокмортонных следили за огромными владениями и доходами графов Уорикских¹³.

Г В конце XIII в. в Англии была введена новая форма брачных контрактов, очень выгодная для невесты: «совместное владение» предполагало теперь владение землей мужем и женой вместе, пока живы оба, и одного из супругов после смерти другого. Вдова, имевшая право «совместного имущества», могла получить большую часть или даже все поместья своего мужа вместо вдовьей трети. Происхождение этого порядка неизвестно, но, как пишет К. Б. МакФарлейн, «в большинстве брачных контрактов XIV—XV вв. жена требовала совместного владения частью земель мужа»¹⁴. Совместное владение обеспечивало также солидное общественное положение позднесредневековой знатной вдовы, овдовевшей матери, которая контролировала семейные владения и самим фактом своей жизни не подпускала сына к его наследству большую часть его жизни. Некоторые знатные вдовы выходили замуж за красивых искателей удачи, некоторые — за мужчин равного с ними богатства или большей знатности, а некоторые просто наслаждались свободой, предоставляемой богатством. }

Благодаря праву совместного владения изменился характер фьефов. Как поместье могло быстро пройти через руки трех семейств из-за принципов совместного владения и майората, показывает история земельных владений епископа Бёрнелля. Епископ собрал ряд поместий, будучи министром благодарного Эдуарда I, и оставил их, в соответствии с установившимися епископскими традициями, своему племяннику, от которого они вскоре перешли к сестре племянника Мод. Первый муж Мод, Джон Ловел, не успел насладиться этой удачей: он был убит в битве при Баннокбёрне (1314 г.). Наследовать поместья должен был его сын, родившийся после его смерти и названный в честь отца, но Мод вышла замуж снова и согласно порядку наследования без права отчуждения перевела большую часть поместий на себя и своего нового мужа, Джона Хэдлоу, на условиях совместного владения. От Хэдлоу у нее было еще два сына, и Джон Ловел Младший потерял значительную часть своего наследства¹⁵.

Таким образом цели примогенитуры не были достигнуты, и знатные линияжи лишились своей имущественной основы. Однако, наиболее распространенной причиной исчезновения знатных семей была смертность. Один исследователь подсчитал, что у оседлого населения 20% мужчин не имеют детей к моменту смерти, другие 20% имеют только дочерей. Детская смертность, болезни и война — все они усиливали опасность для средневекового линияжа. Большие семьи с несколькими сыновьями не гарантировали сохранения ветви. Брак Арнуля Ардрского с Беатрис, наследницей замка Бурбург, стал возможен благодаря типичной для того времени цепи случайностей. Анри Бурбург произвел на свет 12 детей, в том числе семерых сыновей. Двое из них стали священнослужителями; двое умерли в результате несчастных случаев: один в юности, другой рыцарем. Пятый сын потерял зрение на турнире, что не дало ему возможности жениться. Старший сын, предназначавшийся в наследники, дважды женился, но не имел ни одного сына. Седьмой и младший сын стал отцом одного сына, который умер в младенчестве. В итоге наследство перешло к Беатрис и — через ее брак с Арнулем — к Гвинесам¹⁶.

Точно так же Вильям Маршал, став графом Пемброкским в 1199 г., обеспечил свою династию 10 деть-

ми, включая пять мальчиков. Но старший умер по неизвестной нам причине, один был убит в Ирландии, один был смертельно ранен на турнире, и двое последних неожиданно умерли в 1245 г. на протяжении одной недели. Пережившая их дочь, Мод, вышла замуж за Бигода, графа Норфолкского и основала новую династию Пемброков. Хронист Матфей Парижский рассматривал эти события как исполнение проклятия, навлеченного на семью Маршалов за их тяжбу с церковью из-за спорного владения в Ирландии: «"В одном поколении его имя сокрушится" [говоря словами псалма], и его сыновья останутся без своей доли благословения Божьего "Плодитесь и размножайтесь!"»¹⁷. Проклятие поразило только мужскую линию, а также фамильное имя. Сын Мод, хотя и носил имя Бигод, наследовал титул графа Пемброкского и по крови был в такой же степени внуком Вильяма Маршала, как если бы он был сыном одного из Маршалов. Тем не менее, Матфей Парижский считал, что семью Маршалов поразило божественное возмездие¹⁸.

«Честь» — титул и поместья — могла сохраняться неограниченно долго, но только с помощью побочных ветвей или перехода к другой мужской линии через наследницу-дочь. История большого графства Лестер в XII—XIII вв. дает примеры самых разнообразных вариантов сохранения «честь» на протяжении нескольких поколений. Графство Лестер было одним из земельных дарений Вильгельма Завоевателя его главным помощникам, и на протяжении всего XII в. оставалось в семье Бьюмон. Последний граф Бьюмон, соратник Ричарда Львиное Сердце по оружию, известный как Роберт Фитц Парнел, получил «честь» Лестера в 1191 г., находясь в третьем крестовом походе. Когда Роберт в 1204 г. умер бездетным, основная часть его владений перешла к двум его сестрам, старшая из которых получила титул графини Лестерской¹⁹.

Эта дама вышла замуж за одного из младших сыновей знатной семьи из Северной Франции, Симона де Монфор. У них было 6 детей, три сына и три дочери. Старший сын уже получил титул графа, женившись на наследнице другого графства, Глостера. По смерти своей овдовевшей матери, второй сын, Симон де Монфор II, заявил права на Лестер, но встретился с одним препятствием. Он служил королю Франции,

врагу английского короля Иоанна, который поэтому «заморозил» Лестерское графство, назначив туда третье лицо под предлогом долга короне. Мир с Францией и вмешательство папы заставили возвратить Лестер Монфорам — через их английского родственника Ранульфа, графа Честерского²⁰. В этот момент Симон II возглавлял армию, посланную против еретиков-альбигойцев на юге Франции, и погиб во время осады Тулузы (1218 г.). Возобновление вражды между Англией и Францией привело к тому, что его сыновья заявили о своих правах на Лестер лишь в 1231 г. К этому времени в Англии изменилось отношение к англо-французской знати. Если столетие назад французские сеньоры и рыцари чувствовали себя дома по обе стороны Ла Манша, то теперь они должны были выбирать, кем они хотят быть, французами или англичанами. Старший сын Симона, Амори де Монфор, выбрал Францию, где у него были обширные владения, и предложил Лестерское графство своему младшему брату, еще одному Симону. Удивительно, но 28-летний Симон III сумел добиться от короля Генриха III и своего собственного двоюродного брата графа Честерского, возвращения ему графства, и в одночасье превратился из безденежного юнца в богатого графа Лестерского²¹.

Затем Симон III потряс весь английский двор и страну еще более невероятной удачей: он соблазнил сестру короля Элеанор и женился на ней. Как знать, так и духовенство были в равной мере расстроены: аристократы — зрелищем иностранного авантюриста, оторвавшего такой жирный куш прямо у них под носом, духовенство — скандалом с Элеанор, юной вдовой старшего сына Вильяма Маршала, с легкостью забывшей торжественный обет целомудрия, который она дала архиепископу Кентерберийскому. Подобающими случаю дарами Симон купил благосклонность Ричарда Корнуольского, главы баронов и брата Элеаноры, и, поехав в Рим, — тем же способом побудил Ватикан отменить обет, данный Элеанор²².

К несчастью, чтобы добыть необходимую для взятки сумму, Симон назвал короля Генриха своим поручителем, предварительно не спросив его согласия; реакция Генриха едва не бросила как Симона, так и Элеанор в лондонский Тауэр. Однако Симон еще раз

ухитрился расположить к себе короля, причем до такой степени, что он и Элеанор получили в качестве своей резиденции замок Кенилворт — огромную, нависшую над водой нормандскую башню в Уорикшире, наполовину окруженную искусственным озером²³. Кенилворт был выдающимся памятником военно-жилой архитектуры времен Завоевания, но по стандартам времен Симона не слишком уютным жилищем. В нем даже не было каминов, нововведения, которое обогрело большие залы в недавно выстроенных замках. Генрих велел покрыть новой крышей грязный верхний зал, починить отхожие места, восстановить некоторые стены и пристройки, а также отделать панелями часовню, но Кенилворт упорно оставался скорее гарнизонной крепостью, нежели загородным домом²⁴.

Вскоре Симон занялся политикой, которая обеспечила ему место в истории, но привела к потере замка, графства и жизни. Начав как помощник короля Генриха, он затем стал посредником между королем и недовольными баронами и, наконец, вождем баронов. Когда ссора разрослась до гражданской войны, Симон привел армию баронов к победе в битве при Льюисе, а затем к поражению при Ившеме, где он и его сын Генрих были убиты. Другой сын, опять Симон де Монфор, защищал замок Кенилворт при его знаменитой осаде, но под конец он, его братья и мать вынуждены были бежать за границу.

Графство Лестер было конфисковано королем, отдавшим его своему сыну Эдмунду, известному как Эдмунд Гнутая Спина, который оставил графство своему сыну Томасу. Как и Симон де Монфор, Томас опасно увлекся политикой и лишился головы, но его брат Генрих держался в стороне от неприятностей и сумел унаследовать Лестер (вместе со многими другими землями). Его сын Генрих унаследовал все, но умер, не оставив наследников мужского пола. Тогда «честь» Лестера была передана жене Джона Гонта, младшего сына Эдуарда III, Бланш²⁵.

Таким образом, на протяжении полутора столетий большое графство Лестер, которому принадлежали маноры в 20 английских графствах, находилось в руках четырех различных линияжей; дважды смена ветви происходила из-за отсутствия наследника-мужчины и один раз из-за его конфискации королем. Смена груп-

пы биологических потомков произошла только в результате конфискации, однако для мужчин и женщин XIII в., пропитанных идеологией мужского потомства, разница между первым и вторым вариантами прекращения семьи была невелика.

История с графством Лестер была скорее типична, чем исключительна. В то же время французская ветвь семьи Симона де Монфор теряла — поместье за поместьем — свои собственные обширные владения из-за выдачи замуж дочерей-наследниц²⁶.

Примогенитура, грубо ориентированная на мужчин, при ее практическом применении дала женщинам ведущую роль в определении судеб знатных линияжей. Не удивительно, что женщины со своими вдовыми частями, совместными владениями и ранними браками часто начинали судебные тяжбы, столь распространенные в эпоху высокого Средневековья. Так, Элеанор де Монфор задержала заключение мира между Францией и Англией на два года. В качестве сестры короля, она не хотела отказаться от своих прав на владения Плантагенетов во Франции. Элеанор несколько не беспокоила потеря Англией Нормандии, но она ухватилась за возможность предъявить претензии на компенсацию своих прав на вдовью часть, от которых она ранее отказалась, — владения ее первого мужа Вильяма Маршала II²⁷.

В XIII в. в юридических правах женщин произошли определенные улучшения, частично благодаря Великой Хартии, которая не только подтвердила размер вдовой части в одну треть, но и запретила «унижение» — выдачу знатных невест, находящихся под опекой короля, замуж за менее знатных претендентов. Она также дала вдовам большую свободу выходить замуж вторично по собственному желанию, что способствовало переходу крупных владений от линияжа к линияжу по мужской линии, а также препятствовало их концентрации у все меньшего количества владельцев²⁸. То же происходило из-за непредсказуемости смерти наследников. Дочь, особенно вторая и третья, могла быть выдана замуж за ничтожество, чтобы уменьшить ее приданое и сохранить владение в целостности для наследника-мужчины. Несколькими годами позже, из-за смерти братьев и сестер такая дочь могла неожиданно оказаться наследницей, даже единствен-

ной наследницей, что превращало ее ничтожного мужа в богатого барона.

До тех пор, пока короли, в Англии и в других странах, продолжали создавать новых аристократов и наделять их старыми и новыми владениями в качестве награды за службу на войне или в правительстве или просто за то, что они родились в королевской семье, высшая знать несомненно продолжала существовать. Более сомнительным было существование каждого конкретного линияжа по мужской линии, несмотря на примогенитуру, фамильное имя, генеалогию и герб.

Глава 10

ДЕТИ В ЭПОХУ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Дети имеют мягкую плоть и гибкие, податливые тела, проворство и легкость в движениях, и их легко обучать. Они живут без мысли и без забот Их легко рассердить и легко порадовать, и они легко прощают...

Дети часто имеют дурные привычки, и думают только о настоящем, пренебрегая будущим. Они любят игры и пустые занятия, не обращая внимания на то, что выгодно и полезно. Они считают важными дела, которые не имеют значения, и неважными важные дела. Они хотят того, что неправильно и вредно, и скорее воспринимают рисунки детей, нежели рисунки взрослых. Они больше плачут и рыдают от потери яблока, нежели от потери наследства. Они забывают о милостях, оказанных им. Они желают все, что видят, и требуют его, и рвутся к нему.

Они любят разговаривать с другими детьми и избегают общества стариков. Они не держат секретов, но повторяют все, что видят и слышат. Внезапно они смеются, внезапно они плачут и постоянно вопят, болтают и смеются. Они едва-едва молчат во сне. Вымытые, они снова пачкаются. Когда их матери моют их и расчесывают им волосы, они брыкаются и раскидываются и колотят руками и ногами и сопротивляются изо всей силы. Они думают только о своих животах, всегда желая есть и пить. Едва они встают с постели, как уже жаждут пищи»¹. Такими словами выразил средневековое восприятие детей францисканский монах XIII в., известный как Бартоломей Английский, в своей энциклопедии «О свойствах вещей». Он также описал свои наблюдения о взрослении и развитии детей: «Верхняя часть туловища ребенка больше и тяжелее, чем другие части. Поэтому младенец сначала ходит на руках и ногах, затем он постепенно поднима-

ет свое тело прямо, потому что верхняя часть сокращается и в результате становится легче, тогда как нижняя часть растет и делается тяжелее»².

Средневековые энциклопедии говорят о детях отдельно от взрослых, в медицинских разделах, поскольку они нуждаются в особом уходе. Средневековое право, будь то римское, каноническое или обычное, также выделяет детей в особую категорию, наделенную личными и имущественными правами, которые в период малолетства требуют опеки. Само понятие малолетства подразумевало уязвимость и потребность в специальной защите.

Теория Ф. Арьеса 1960 г. о средневековом восприятии детей как маленьких по росту взрослых частично основывалась на его наблюдении, что в средневековом искусстве дети одеты так же, как взрослые. Но это не совсем верно. На рукописных миниатюрах детская одежда проще и короче туалетов взрослых. Мальчики носят рубашку, рейтузы и кафтан, девочки — платье и тунику. Миниатюры изображают детей играющими в мяч, плавающими, стреляющими из лука, управляющими марионетками, наслаждающимися кукольными представлениями — круг развлечений, типичных для детей во все времена. В своей истории графов Гвинес, Ламберт Ардрский рассказывает о том, что молодая жена графа, вероятно ей было 14 лет, все еще любила играть в куклы³. Хронист Гиральд Камбрейский вспоминает, что его братья строили замки из песка (в то время как Гиральд, будущий монах, строил песочные монастыри и церкви)⁴.

«Правила для монахинь» XIII в. сравнивают огорчение монахини, когда ей кажется, что Господь оставил ее, с чувствами ребенка, играющего в прятки со своей матерью: «Она бежит прочь от ребенка и прячется, и оставляет его, предоставленного самому себе, и он озирается в поисках ее и зовет «Мама! Мама!» и может всплакнуть, и тогда она быстро бежит к нему с распростертыми руками и обнимает, целует его и утирает его слезы». Так и тогда, когда монахине кажется, что Господь отвернулся от нее, она должна «плакать и рыдать ему как малое дитя плачет своей матери», и он утешит ее⁵.

В рассказе о лондонской жизни, написанном в 1180 г., Вильям Фитцстивен рассказывает, что делают

во вторник на масляной неделе лондонские юноши, которые «уходят в поля играть в хорошо известную игру футбол». Каждая школа имеет свой собственный мяч, как и группы представителей разных профессий. Лондонские горожане, включая отцов мальчиков, выезжают верхом на лошадях, чтобы посмотреть игру и тем самым «возвратить себе молодость». Зимой мальчики играют на замерзшем Смитфилдовском болоте, разбегаясь и затем «расставив ноги и повернувшись боком», скользят по льду; другие садятся на большие куски льда, а их товарищи толкают их — «и если кто-нибудь из них поскользнется, все падают головой вперед». Третьи на коньках, сделанных из костей, отталкиваются шестами с железными наконечниками и «несутся вперед со скоростью птицы или стрелы из арбалета». Иногда конькобежцы бросаются друг на друга, ударяя своими шестами. Обычно один или оба падают и «та часть головы, которая соприкасается со льдом, обнажается до самого черепа». Часто случались переломы рук и ног, но мальчиков не останавливала опасность: юность — «это возраст, стремящийся к славе и жаждущий победы»⁶.

Энциклопедии и специальные трактаты — такие, как сочинение знаменитой Тротулы, преподававшей в XII в. в медицинской школе Салерно, предписывали тщательный уход за новорожденными: в них содержались инструкции, как перевязывать пуповину, купать младенца, устранять слизь из легких и горла. Дети рождались только дома под присмотром повивальной бабки: больницы уже существовали, но они не предназначались для приема родов. Повивальные бабки принимали роды даже у королей и знатных дам, поскольку мужчинам запрещалось входить в родильное помещение. Тротула рекомендовала натирать небо новорожденного медом, промывать язык горячей водой, «чтобы он мог правильнее говорить», и защищать ребенка в первые часы жизни от яркого света и громкого шума. Чувства новорожденного должны возбуждаться «различными картинками, тканями разного цвета и жемчужинами» и «песнями и мягкими голосами».

Уши новорожденного, предупреждает трактат, «следует прижать и немедленно придать им форму, и это надо делать постоянно». Его конечности следует

обвязать свивальниками, чтобы они выпрямлялись⁷. Тело младенца — «гибкое и податливое», по словам Бартоломея Английского, — считалось подверженным деформациям, в соответствии с «мягкостью природы ребенка», и легко искривляющимися из-за неправильного обращения.

Пеленались ли крестьянские дети, неизвестно. В своем исследовании дознаний коронеров, производимых среди английских крестьянских и городских семей низшего сословия, Б. Ханавальт выявила много случаев, в которых фигурировали новорожденные, но не нашла ни одного упоминания о пеленании⁸. Гиральд Камбрейский сообщал, что ирландцы не следуют этой практике: они оставляют новорожденных «на милость безжалостной природе. Они не кладут их в колыбели и не пеленают, их нежным конечностям не помогают частыми купаниями и не придают им [надлежащую] форму какими-либо полезными способами. Повивальные бабки не используют горячую воду, чтобы поднять нос или прижать лицо, или удлинить ноги. Не получающая никакой помощи природа сама, по своему собственному усмотрению формирует и размещает части тела, которое она произвела на свет». К изумлению Гиральда, в Ирландии природа «формирует и отделяет [детские тела] до полной их мощи с красивыми прямыми телами и красивыми, с хорошими чертами лица»⁹.

В английских деревнях, которые называются в отчетах коронеров, младенцев держали в колыбелях у очага. В Монтайю, по-видимому, их часто носили с собой. «Однажды в праздник я стояла на площади в Монтайю с маленькой дочкой на руках, — свидетельствует Гийемет Клерже. Другая деревенская женщина описывает свадебный пир, на котором «я стояла у очага, держа на руках недавно родившуюся дочку» сестры жениха¹⁰.

Жены крестьян и ремесленников сами выкармливали своих детей, если этому не мешали какие-то обстоятельства, например, служба матери. Когда Раймон Арсен из Монтайю пошла служанкой в семью в городе Памьере, она отдала своего незаконнорожденного младенца на воспитание в соседнюю деревню¹¹. Позднее, когда она стала наниматься на работу во время сбора урожая, она забрала ребенка с собой и отдала в

другую деревню. Состоятельные же женщины в XIII в. прибегали к услугам кормилиц настолько широко, что руководства для приходских священников советовали противодействовать этой практике, поскольку она противоречит мудрости как Писаний, так и науки¹². Скульптуры в церквах и миниатюры в рукописях изображают Деву Марию, кормящую Иисуса, но проповеди и притчи не действовали на знать, которая продолжала приводить кормилиц в дом не только для того, чтобы вскармливать младенцев, но и ухаживать за подрастающими детьми. В замке Кенилворт каждый из детей Монфоров имел собственную няню¹³.

Выбирая кормилицу, ответственные родители искали чистую, здоровую молодую женщину с хорошим характером и следили, чтобы она придерживалась правильного режима и диеты. Тротула из Салерно рекомендовала, чтобы она много отдыхала и спала, воздерживалась от «соленой, острой, кислой и вяжущей» пищи, особенно чеснока, и избегала волнений. Как только младенец мог есть твердую пищу, Тротула советовала, чтобы ему давали кусочки цыпленка, фазана или грудку куропатки «размером и формой как желуды. Он сможет держать их в руке и играть с ними и, посасывая их, будет глотать их понемногу»¹⁴.

Няня, писал Бартоломей Английский, занимает место матери и, как мать, радуется, когда радуется ребенок, и страдает, когда страдает он. Она поднимает его, когда он падает, утешает его, когда он плачет, целует его, когда он болен. Она учит его говорить, повторяя слова и «почти ломая свой язык». Она разжевывает мясо для беззубого младенца, шепчет и поет ему, поглаживает его, когда он спит, купает и умывает его¹⁵.

Неотразимо привлекательную картину отношений между детьми и взрослым рисует биограф епископа Гуго Линкольнского (1140—1200 гг.), с которым «дети оказывались друзьями удивительно быстро и приходили к нему более охотно, чем к своим родителям». Когда святой епископ крестил шестимесячного младенца, новорожденный «выразил великое удовольствие своим телом. Маленький ротик и личико расслабились в длительной улыбке. Затем он согнулся и распротер ручки, как будто собирался полететь, и двигал головой направо и налево... Потом он схватил его руку обоими

ручками изо всех своих сил и поднес ее к своему личику, а затем начал ее лизать вместо поцелуя... Присутствовавшие были поражены необычным зрелищем совершенно счастливых в обществе друг друга епископа и младенца... Что мог увидеть младенец в епископе такого, что дало ему так много радости, если не Бога в нем? Что привлекло епископа к младенцу и заставило настолько важное лицо уделить столько внимания такому маленькому существу, если не знание великого, скрытого в столь маленькой оболочке? Епископ дал мальчику яблоко и несколько других вещей, которые обычно любят дети, но младенец отказался развлекаться с какой-либо из них. Он отверг их все и казался полностью поглощенным и замороженным епископом. С негодованием отталкивая руки няни, которая держала его, он пристально смотрел на епископа и хлопал в ладоши, все время улыбаясь»¹⁶.

Отец младенца, согласно Бартоломею, был представителем того поколения, чьей целью являлось преумножение рода с помощью сыновей, которые будут «сохранять его через его потомков». Такой отец будет ограничивать себя в пище, только чтобы вырастить сыновей. Он глубоко интересуется их образованием, нанимая лучших учителей и, чтобы пресечь возможную дерзость, «не обращается [к ним] с веселым видом», хотя любит их, как самого себя. Он работает, чтобы преумножить богатство и увеличить наследство сыновей и насытить их в юности так, чтобы они могли насыщать его в старости. Чем больше отец любит сына, «тем более усердно он обучает [его]», причем усердие отнюдь не исключает наставлений с помощью розог. «Когда отец его особенно любит, то ему не кажется, что он любим, потому что он постоянно угнетен нагонями и побоями, ради того, чтобы он не стал дерзким»¹⁷.

В то же время продолжало существовать детоубийство, хотя оно и не было теперь обычным способом контролировать рождаемость, как в древнем мире. Церковные суды в Англии и других странах налагали за него наказания от традиционных публичных покаяний и строгого поста на хлебе и воде до бичевания. Более суровая кара предполагалась в тех случаях, когда родители не были женаты, то есть прелюбодействовали, в то время, как женатым родителям разрешалось

очиститься с помощью клятвы в невинности и представлении свидетелей, подтверждающих честность обвиняемых.

Отношение средневекового законодательства к детоубийству отличалось от современного в двух моментах: детоубийство рассматривалось как «нечто меньшее, чем убийство», но, с другой стороны, как нечто худшее, чем небрежность, приведшая к смерти. Тем самым внимание церкви было обращено не только на грех родителей, но и на благополучие ребенка. Родители не только должны были иметь добрые намерения, но и заботиться о ребенке в действительности. Б. Ханавальт встретила в исследованных ею записях коронеров только два возможных детоубийства среди 4000 случаев убийств. В одном случае две женщины были обвинены в том, что они утопили в реке трехдневного младенца по просьбе матери, ее сына и дочери; все были оправданы. Во втором — новорожденная девочка, у которой не была перевязана пуповина, была найдена утопленной в реке, ее родители остались неизвестны. Гипотеза о том, что иногда под видом несчастного случая скрывается детоубийство, не подтверждается соотношением полов детей, погибших случайно; классическое пренебрежение младенцами женского пола должно было бы выразиться в преобладании несчастных случаев с девочками; в действительности же 63% детей, умерших в результате несчастного случая, — мальчики¹⁸.

Конечно, нередко к фатальному исходу приводило небрежение родителей. В одном случае, приведенном в записях коронеров, отец был в поле, а мать пошла к колодцу, когда загорелась солома, устилавшая пол; в результате ребенок в колыбели сгорел. Такие трагедии могли быть вызваны цыплятами, копошившимися около огня и подобранными горящую веточку, или угольком, попавшим на крыло цыпленка. Другие домашние животные также были опасны. Даже в Лондоне забредшая однажды в семейный магазин свинья, смертельно укусила месячного ребенка.

Выбравшись из колыбели, дети подвергались другим опасностям: колодцы, пруды, канавы; кипящие кастрюли и чайники; ножи, косы, вилы — все это угрожало ребенку. Несчастные случаи происходили, когда они оставались одни, а родители уходили рабо-

тать, когда за ними присматривали старшие сестры и братья и даже когда родители были дома, но занимались делами. Когда однажды некие отец и мать выпивали в таверне, забравшийся в их дом человек убил двух их маленьких дочерей. Записи дознаний отражают негативное отношение судей к небрежению родителей или старших братьев и сестер: ребенок находился «без кого-либо, кто бы присматривал за ним» или «оставался без присмотра». Пятилетний мальчик характеризовался как «плохой опекун» для младшего ребенка¹⁹.

Исследование Б. Ханавальт выявляет и такие случаи, когда родители отдавали свои жизни ради детей. Одной августовской ночью в 1298 г. в Оксфорде от свечи загорелась солома на полу. Муж и жена выскочили из дома, но, вспомнив о своем младенце-сыне, жена «бросилась обратно в дом, чтобы найти его, но сразу, как только она вбежала, она была одолена огромным огнем и задохнулась». В другом случае был убит отец, защищавший дочь от изнасилования²⁰.

Выражение родительских чувств к детям трудно обнаружить при немногочисленности того типа источников, в которых обычно воплощаются чувства вообще: мемуары, личные письма и биографии. Но расследование инквизиции в Монтайю дает много картин родительской привязанности. Дама из Шатовердена оставила свою семью, чтобы примкнуть к катарам, но едва могла перенести прощание с ребенком в колыбели: «Когда она увидела его, она поцеловала ребенка, и дитя начало смеяться. Она пошла из комнаты, где лежал младенец, но вернулась снова. Ребенок снова начал смеяться, и так продолжалось несколько раз, так что она не могла заставить себя оторваться от ребенка. Видя это, она сказала служанке: "вынеси его из дома"». Только все подавляющее религиозное убеждение, за которое она позднее и погибла на костре, могло разлучить эту женщину с ее ребенком²¹.

Утрата ребенка вызывала не только эмоциональные проблемы, но и их тоже. Хорошим примером отцовских чувств является реакция Гийома Бене, крестьянина из Монтайю, который сказал утешавшему его другу: «Я потерял все, что имел, из-за смерти моего сына Раймона. Не осталось никого работать на меня». И, плача, Гийом утешал себя мыслью, что его сын

причастился перед смертью и, может быть, находится «в лучшем месте, нежели я теперь»²².

Религия катаров утешала горюющих родителей верой в то, что душа может возродиться в более позднем ребенке, возможно, их собственном. Пьер Остац, бейлиф из Орнолака, утешал женщину, потерявшую четырех сыновей, говоря ей, что она получит их снова, «потому что ты еще молода. Ты снова забеременеешь. Душа одного из твоих умерших детей войдет в новый зародыш». Другая женщина начала «рыдать и стенать», найдя мертвым своего маленького сына, который спал рядом с ней в постели. Пьер сказал ей: «Не плачь. Господь даст душу твоего мертвого сына другому ребенку, которого ты зачнешь, женского или мужского пола. Или же его душа найдет хороший дом где-нибудь еще»²³.

Одна супружеская пара катаров, Раймон и Сибилл Пьер из деревни Арке, чья новорожденная дочь Жакот серьезно заболела, решили причастить ее, что обычно делалось для лиц, достигших того возраста, когда происходящее понятно. После того, как причастие было дано, отец был удовлетворен: «Если Жакот умрет, она станет Божьим ангелом». Но мать испытывала иные чувства. Перфект велел не давать младенцу молока или мяса, запрещенных избранным катарам. Но Сибилл «не могла этого больше выдержать. Я не могу позволить моей дочери умереть у меня на глазах. Поэтому я дам ей грудь». Раймон был в ярости и на некоторое время «перестал любить ребенка, и он также перестал любить меня на долгое время, пока позднее не признал, что ошибался». Признание Раймона совпало с отказом всех жителей Арке от учения катаров. Ребенок прожил еще год, а затем умер²⁴.

Средневековые дети не переживали продолжительного периода формализованного взросления, который разработали современные системы образования, и к детям обычно относились как к ответственным взрослым с момента наступления половой зрелости, на что указывает ранний возраст, при котором мальчики и девочки считались правомочными давать согласие на брак, и еще более ранний возраст, в котором происходило обручение. Брачный контракт часто скреплялся передачей будущей невесты или, реже, будущего жениха в резиденцию его или ее будущих свойственников.

ков. Изабелла Ангулемская была обручена с Гуго IX де Лузиньян и привезена в замок Лузиньянов к юго-западу от Пуатье. Но когда ей исполнилось 12 лет, король Иоанн Английский вынудил ее отца забрать ее обратно в Ангулем, чтобы Иоанн мог жениться на ней и увезти ее в Англию. У Иоанна и Изабеллы была дочь по имени Джоан, которую в 10 лет обручили с молодым сыном бывшего жениха Изабеллы. Джоан пересекла Ла Манш и поселилась в Лузиньяне. Но несколькими годами позже король Иоанн умер, и Изабелла решила выйти замуж за молодого Гуго Лузиньяна сама. Дочь Джоан была обещана шотландскому королю, и после длительной тяжбы из-за приданого матери и дочери обе вышли замуж; Джоан в это время было 16 лет²⁵.

Браки детей заключались исключительно в аристократической среде, крестьяне и ремесленники не нуждались в этом. Не возлагали они и взрослых ролей на своих детей. Б. Ханавальт сделала наблюдение, что в возрасте между четырьмя и восьмью годами крестьянские дети были в основном заняты детскими играми, и обычно только после 8 лет им начинали поручать различную работу, чаще всего домашнюю: мальчики следили за овцами или гусями, пасли или поили быков и лошадей, подбирали колоски после жатвы; девочки собирали дикие фрукты, приносили воду, помогали готовить. Став юношами, мальчики присоединялись к отцам в поле²⁶.

Некоторые юноши из всех классов, знати, ремесленников, крестьян, покидали дом, чтобы получить образование, приобрести трудовые навыки или стать слугами. Сыновей и дочерей знати отправляли в другие аристократические усадьбы, часто родственников, чтобы сыновья овладевали навыками рыцарей, а девушки обучались правилам обхождения. Когда 20-летний Вильям Маршал отбывал в Нормандию, чтобы стать оруженосцем, он, как сообщает его биограф, плакал, расставаясь с матерью, братьями и сестрами, как современный юноша, уезжающий в школу-пансионат²⁷.

Городской мальчик мог жить и столоваться в доме мастера, у которого он служил подмастерьем, а его родители платили за его содержание. Большинство гильдий запрещало мальчикам становиться подмастерьями

у собственных отцов, поэтому обучение ремеслу предполагало, что мальчик рано покинет родительский дом. Мальчиков из среднего сословия, которые ходили в школу, обычно отдавали в ученики сразу после того, как они овладевали грамотой: образование было роскошью, тогда как знание дела или ремесла обеспечивало жизнь. В 1248 г. марсельский юрист отправил своего сына учеником к мяснику на два года; он выплачивал значительную сумму денег и зерна за «хлеб и вино и мясо» и другие необходимые вещи для Гийома, а также обещал хозяину возмещение, если юноша причинит ему какой-либо ущерб²⁸. Отношения между мастером и учеником, по мнению С. Трапп, были «полуродительскими», причем особое внимание уделялось воспитанию уважения к авторитету мастера. Подмастерья подлежали телесным наказаниям, причем наказания оговаривались в соглашении, «как будто это была обязанность мастера, а не его право». Ученик должен был учиться усмирять свой характер и держать себя в руках перед старшими. Если ему казалось, что с ним плохо обращаются, он мог обратиться в гильдию мастера²⁹.

Незаконным детям часто уделялось такое же внимание, как и законным, включая образование через ученичество; иногда они могли и унаследовать имущество. Гентский кожевник по имени Гизельбрехт де Скутит, живший в XIV в., имел долголетнюю связь с женщиной, которая подарила ему шестерых детей. Его жена детей не принесла, и на смертном одре Гизельбрехт оставил значительное наследство всем шестерым и отдал старшего сына в ученичество к кожевнику, так, чтобы в своей профессии он мог последовать за отцом: гильдия кожевников не дискриминировала незаконнорожденных³⁰.

Крестьяне, мужчины и женщины, иногда оставляли дом, чтобы стать слугами. Крестьянин мог в сущности продать дочь хозяину, который одновременно выплачивал ему умеренную сумму, кормил, одевал и давал ей жилье, а ее небольшое жалование собиралось в приданое. Когда девушка достигала брачного возраста, наниматель должен был найти ей жениха, или она могла вернуться домой, чтобы выйти замуж. Мальчики тоже могли пойти работать в манор или в семьи других крестьян. Однако, на основании записей короне-

ров Б. Ханавальт делает вывод, что подобный период службы «еще не был установившимся обычаем» для молодых людей³¹.

Школы XIII в. обучали латинской книжности только тех, кто намеревался стать клириком. Знатный или крестьянский мальчик мог жить при кафедральной школе, такой, как шартрская, набор предметов в которой описан Иоанном Солсберийским, секретарем Томаса Бекета. Школьная программа, разработанная в начале XII в. знаменитым Бернаром Шартрским, включала латинскую грамматику, латинских классиков и философию. Учителя посвящали утренние часы чтению и интерпретации латинских авторов, середину дня грамматике, а вечера — философским обсуждениям; день завершался молитвой. Каждый день каждый ученик должен был прочесть наизусть часть того, что он выучил накануне, «так что каждый последующий день становился учеником предыдущего». От учащихся требовалось писать сочинения, подражая авторам, которых они изучали. Чтобы чтение не проходило мимо и не «торопилось улететь, как прищипоренное», каждый ученик должен был ежедневно выучивать наизусть стихотворение или рассказ и прочитывать его. При плохом ответе учеников пороли³².

Послушников обучали в монастырских школах. Хотя дисциплина в них была очень строгой, в этих школах уже с начала монастырского движения использовались педагогические методы, которые представляли собой значительный шаг вперед по сравнению с римским и варварским обществами. По мнению французского медиевиста П. Рише, от учителя монастырской школы требовали умеренности и благоразумия в обращении с детьми, он должен был осуществлять власть, показывая хороший пример, а не повышая голос. Бенедиктинец Павел Диакон, живший в VIII в., писал, что телесные наказания приносят больше вреда, чем пользы, и советовал наказывать самих учителей, проявивших жестокость. Детей надлежало удобно одевать, хорошо кормить и содержать зимой в тепле. Они должны были иметь час отдыха каждый день и даже, в качестве награды за хорошее поведение, получать сладости за обедом³³.

Монастырские школы учитывали как физическую, так и душевную хрупкость детей. Монастырский устав,

составленный Ланфранком, архиепископом Вильгельма Завоевателя, для кафедрального монастыря в Кентербери, к каждой обязанности взрослого делал примечание, в котором указывал модификацию этой обязанности для детей. Взрослые должны были есть только после вечерни, но проголодавшиеся дети могли есть и раньше. К ним не могло применяться наказание в виде воздержания от еды и питья. С другой стороны, они находились под строгим надзором учителя день и ночь и, конечно, их били³⁴.

Св. Ансельм, преемник Ланфранка в качестве настоятеля монастыря в Беке, Нормандия, удивил своих современников, не поддерживая телесные наказания. Биограф святого рассказывает, как другой настоятель пожаловался Ансельму на то, что мальчики из его монастыря неисправимы и день ото дня становятся все хуже, несмотря на то, что «мы никогда не прекращаем бить их, ни днем ни ночью».

— Вы никогда не прекращаете бить их? — спросил Ансельм. — Кем же они станут, когда вырастут?

— Глупыми негодьями, — ответил настоятель.

Ансельм осудил его: «Из людей вы взращиваете животных. Скажите же мне, господин аббат, если вы сажаете росток дерева у себя в саду и тут же сжимаете его со всех сторон так, что у него нет места распустить ветви, что за дерево окажется у вас спустя годы, когда вы выпустите его из заточения?»

— Бесплезное дерево, конечно, потому что его ветви будут перекручены и узловаты.

— А чья это будет вина, как не ваша, за то, что дерево содержалось столь противоестественно? Без сомнения, это именно то, что вы делаете с вашими мальчиками. Причащением они посажены в сад церкви, чтобы вырасти и приносить плоды Господу. Но вы так запугиваете их и окружаете со всех сторон угрозами и ударами, что они полностью лишены свободы. И, будучи столь неблагоприятно угнетаемы, они питают и приветствуют и вынашивают в себе зло и дурные мысли, как тернии, и лелеют эти мысли так страстно, что упрямо отвергают все, что может способствовать их исправлению. Поэтому, не ощущая ни любви, ни жалости, ни доброжелательства, ни нежности с вашей стороны, они верят, что все ваши действия происходят от ненависти и злобы к ним. Результат

прискорбен: по мере того, как растут их тела, усиливается и их ненависть вместе с их склонностью ко злу — и вот они готовы к любым нечестным поступкам и пороку.

Почему, вопрошает Ансельм, этот настоятель был так настроен против мальчиков? Разве они не были плотью и кровью, как и он сам? Разве он бы хотел, чтобы с ним обращались, как с ними, чтобы он стал тем, чем станут они? Ансельм сравнивает роль учителя с ювелиром, который обрабатывает листки драгоценного металла мягким искусным давлением, а не ударами. Учитель должен применять ободрение, отеческое сочувствие и мягкость.

Настоятель утверждал, что они «делают все, чтобы насильственно привить им здоровые и мужественные привычки». Ансельм объясняет: «Хлеб и другая твердая пища» хороши для тех, кто достаточно повзрослел, чтобы есть ее, но если кормить такой пищей грудного ребенка и не давать ему молока, он «скорее умрет от голода, чем окрепнет на такой диете». Слабая душа нуждается в молоке: «мягкости, доброте, сострадании, веселом ободрении, любовной снисходительности и многом другом подобном»³⁵.

Другой церковный деятель конца XI в., видимо, связал терпимость Ансельма к детям с церковными интересами. Четирем мальчикам благородного происхождения, обучавшимся в Рамсейском аббатстве, было позволено играть за пределами монастыря в определенное время, «они будут истощены жесткостью Устава, если не включить отдых». Во время одной из прогулок, они попытались звонить в колокола на колокольне и разбили обод одного из колоколов. Рассерженные монахи настаивали, чтобы аббат наказал их. Но настоятель отказался, так как урон был нанесен случайно, а не по злему умыслу. Он мудро добавил, что поскольку мальчики благородного происхождения, они, возможно, воздадут аббатству стократ, когда «достигнут возраста зрелости»³⁶.

Вплоть до конца Средневековья немногие записанные сведения о детстве содержатся в житиях святых и церковных деятелей. Одним из них является биография св. Петра Дамиани (1007—1072 г.), написанная его учеником Иоанном из Лоди. Петр родился в Равенне у матери, «измученной беременностями». Его

семья была настолько многочисленна и так бедна, что его старший брат горько посетовал, что мать добавила к переполненному дому еще одного претендента на скудное наследство. Отчаявшаяся мать, говоря, что она совершенно несчастна и недостойна жить, полностью отвергла младенца и отказалась кормить его, держать его и даже касаться его. Ребенок, «брошенный прежде, чем он научился жить», так ослаб, что едва мог кричать; «только неслышный шепот вылетал из его едва трепещущей грудки». В этот момент вмешалась служанка из семьи Петра; она укоряла мать младенца за отсутствие материнского чувства, которое имеют и львицы, и тигрицы к своим щенкам. Как может христианка отвергнуть ребенка, созданного по образу Божьему и оформившегося в ее собственной утробе? Сняв с младенца пеленки, женщина обогрела его у огня и смазала его тело маслом, так что нежные ножки и ручки, обернутые припарками с растопленным жиром, розовели по мере того, как к ним возвращалось жизненное тепло, и красота младенчества расцвела снова». Материнские чувства пробудились, и мать Петра начала кормить младенца.

Несколькими годами позднее оба родителя умерли, и Петр был принят в семью того самого старшего брата, который возражал против его рождения. И брат, и его жена, которая выполняла роль мачехи, сурово обращались с ним, кормя его помоями, пригодными для свиней, одевая его в лохмотья, пиная и избивая его, и, наконец, они выгнали его из дома пасти свиней. Но затем другой, более добрый брат взял над ним опеку и окружил его любовью, которая, «казалось, превышает отцовскую любовь». Этот брат стал протоиереем Равенны и позаботился о карьере Петра, сначала учителя, а затем прелата и главы реформистского движения церкви XI в.³⁷

Другой рассказ о средневековом ребенке, одно из немногих личностных повествований, дошедших до нас, — автобиография Гвиберта Ножанского, написанная около 1115 г.³⁸ Его отец, рыцарь, происходил из семьи кастеляна в Клермонте, и Гвиберт был самым младшим из нескольких сыновей. Брак его родителей заключили, когда они были еще очень молоды, она — «едва ли достигла брачного возраста», а он был «сущим юношей»³⁹. Хотя мать, видимо, была сексуаль-

но фригидной, Гвиберт утверждает, что она любила отца и после его смерти его имя «так часто звучало у нее на устах, что казалось, что ее ум не обращается ни к какому иному предмету»⁴⁰.

Мать Гвиберта чуть не умерла при его родах — она рожала «почти всю Святую Пятницу» и часть Святой Субботы — и его отец и родственники дали обет на алтаре в церкви Девы Марии в Клермонте, что «если родится ребенок мужского пола, то его отдадут служить Господу и Богоматери, а если ребенок будет низшего пола, то и она будет отдана на то же служение». Немедленно родился ребенок, «и при этом своевременном рождении все возрадовались только спасению моей матери — ребенок же был таким ничтожным предметом»⁴¹.

Меньше, чем через год, отец Гвиберта умер. Его мать не вышла снова замуж, но она господствовала над детством Гвиберта. Он почитал ее совершенством женственности, и считал, что никогда не достигнет ее достоинств: она была красива, целомудренна, горда, сильна, умна и добродетельна. Она была «единственным личным владением, которое у меня было в мире», единственным человеком за всю его жизнь, с которым у него были близкие отношения⁴². Болезненный ребенок, «слабый малыш, почти недоносок», первые годы жизни Гвиберт сосредоточил на себе внимание матери. Она окружила его няньками и облекала «мое тельце прекрасными одеждами, так что мне потворствовали, как сыновьям королей и графов»⁴³. Когда он достиг шести лет и выучил «форму букв, но еще не мог складывать их в слоги», она наняла учителя, поставив условием, что он оставит всех других учеников и будет проводить свое время только с Гвибертом. Классной комнатой служил «обеденный зал в нашем доме». Между учителем и Гвибертом отношения сложились двойственные. С одной стороны, учитель «любил меня, как самого себя» и посвящал свое время ребенку с «бдительной заботой», и мальчик полагал, что отвечает ему тем же; с другой стороны, Гвиберт признает, что он был плохо подготовленным учителем, который осыпал его «градом ударов и грубых слов, заставляя меня выучить то, чему он не умел меня научить». Другие дети «бродили везде, где хотели, и им не возбранялось заниматься тем, что естественно для их воз-

раста», а Гвиберту разрешалось только взглянуть на их игры⁴⁴.

Однажды вечером, когда он пришел повидать мать «после более жестокой порки, чем я заслуживал», она спросила, был ли он выпорот в этот день. Ребенок не хотел быть сплетником и потому отрицал это. «Тогда она против моей воли сорвала мое нижнее белье и увидела почерневшие ручки и вздувшуюся кожу по всей спине с порезами от розог». Его мать «опечалилась до глубины сердца, обеспокоилась, взволновалась и заплакала от печали» и заявила, что он не должен становиться священником «и не надо больше страданий из-за образования». Но мальчик настаивал, что даже если он умрет на месте, он не бросит обучение⁴⁵.

Когда Гвиберту было 12, его мать неожиданно решила уйти из мира и стать чем-то вроде отшельницы, переехав в дом около монастыря Сен-Жермер. Одновременно, учитель Гвиберта стал монахом в том же монастыре. Гвиберта оставили с родственниками в замке Клермонт. Разлука с матерью вызвала щемящую боль у обоих. «Она знала, что я остаюсь круглым сиротой и нет никого, на кого я мог бы опереться, потому что как бы ни богат я был родственниками и родственниками, но никто не давал мне любви и заботы, в которых так нуждается ребенок в таком возрасте. Я часто страдал от отсутствия заботы о беспомощности нежного возраста, которую может дать только женщина». Он рисовал свою мать, проходящую мимо «крепости, в которой я находился», по дороге в Сен-Жермер, и испытывающую «невыносимую боль в своем разбитом сердце, [поскольку] она наверняка знала, что она жестокая и неестественная мать»⁴⁶.

Гвиберт прошел бунтарский период, во время которого он увлекся «буйными развлечениями», подражая своим молодым кузенам, будущим рыцарям, в «их юношеском буйстве». Наконец, вмешалась его мать и попросила настоятеля принять его в монастырь послушником. В монастыре Гвиберт пережил обращение и решил стать монахом. Он оставался в Сен-Жермер 20 лет и покинул его, чтобы стать настоятелем Ножа-на⁴⁷.

Воспоминания Гвиберта рисуют привлекательную картину детства сына знатных родителей XII в., предназначенного для церкви, но она не может характери-

зывать средневековое детство в целом. В недавнем исследовании детства святых XIII в. выявлены общие элементы, и некоторые из них напоминают опыт Гвиберта: все эти люди принадлежат к земельной знати или городскому патрициату; у многих было «эмоционально обедненное детство» из-за смерти родителей, отсутствия отцов, участвующих в войнах или крестовых походах; помещение детей у родственников или в монастыри; наконец, они могли страдать от невнимания в больших семьях. Воспитываемые матерями и нянями, многие нашли в церкви замену отцам⁴⁸.

Целью обучения средневекового клира и знати, как и обучения подмастерьев, было воспитание самоконтроля и уважения к авторитету. Во время своего послушничества в Сен-Жермере Гвиберт получил много пользы от советов и наставлений св. Ансельма, который несколько раз посетил монастырь и который «предложил обучить меня управлять своим внутренним я, и как получать совет законов разума для управления телом». Развивая свои собственные педагогические теории, Гвиберт рекомендовал, чтобы школьные учителя давали ученикам время расслабиться, разнообразили свои наставления. Самоконтроль был необходим в жизни, и потому ему следовало учить. Но нельзя ожидать от детей, чтобы они вели себя «как старики, которые полностью серьезны»⁴⁹.

Брак и семья в 1300 году

Экономический подъем в эпоху развитого Средневековья вызвал повышение жизненного уровня большей части населения Европы, которому принесло пользу и общее улучшение общественного порядка. В новой обстановке аристократическая семья претерпела метаморфозу: она освободилась от своей зависимости от королевской милости и превратилась в наследственную титулованную знать со всеми ее атрибутами: поместьем с семейной резиденцией и семейным именем, передаваемым по мужской линии по праву приюгенитур и запечатленным в письменных генеалогиях. Младшие сыновья были страдающей стороной, как и (правда, в меньшей степени) жены и дочери.

Обычай наследования у крестьян шли по другой модели развития, но к 1300 г. крестьянские семьи также получили фамилии, некоторые из них приобрели достаточно земли и достигли умеренного богатства. Многие крестьяне были свободными, но и многие из оставшихся вилланами, обрели реальное владение землей. Среди преимуществ повышения жизненного уровня крестьян было распространение договоров о содержании стариков.

В церковных судах эпохи развитого Средневековья доминировали взгляды Грациана и Петра Ломбардца. Согласие вступающих в брак сторон стало общепризнанной основой брака, хотя оставалось важным и согласие родителей, поскольку новое домохозяйство нуждалось в экономической поддержке старшего поколения: поместья для знатной пары, участок земли и одно-два животных для крестьянской. Отступление Четвертого Латеранского собора в вопросах родственных связей, препятствующих браку, устранило причину трений между церковью и мирянами, равно как и предлог для развода. Церковные суды теперь играли определяющую роль в законодательстве по вопросам брака. Естественным путем выросло значение приходского священника в свадебной церемонии в качестве

информатора о свадьбах, в качестве участника ритуала, в качестве судьи при возможных осложнениях. К нему перешла «существенная роль... Не представляя ни семью, ни господина, он говорил от лица крупного религиозного сообщества, которое начало ставить условия, при которых брак считался действительным»⁵⁰.

Среди крестьян, как и среди знати, примогенитура как средство обеспечения преемственности по мужской линии не достигла поставленной цели из-за высокой смертности, в результате чего поместья капризами судьбы передавались через брак дочерей или повторно выходявших замуж вдов.

Мы начали, по меньшей мере, различать в деталях жизнь детей. В развитое Средневековье окружающая среда для них была суровой: она отличалась высокой смертностью как среди родителей, так и детей, строгой дисциплиной и ранним включением в трудовую деятельность. В то же время дети ни в коей мере не были лишены родительского внимания и любви. В сочинениях же ученых разрабатывалась «концепция детства».

IV.
ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 11

ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ

«[Мои сыновья] Америго и Мартино умерли на моих руках в один день с разницей в несколько часов. Один Господь знает, какие надежды я возлагал на старшего, уже ставшего компаньоном для меня и со мной, отца других, и так успешно служившего в банке Ардиньо... и один Господь знает, что он много лет никогда не забывал ночью и утром произнести молитвы, стоя на коленях в своей комнате... И в то же самое время [моя дочь] Антония была в постели, смертельно больная, и средний мальчик с ней, и он умер там. Как разрывалось мое сердце, когда плакали младшие и их мать, сама не здоровая и не сильная, слыша слова старшего мальчика. И теперь все они трое мертвы!»¹.

Письмо Сера Лапо Маццей к его другу Франческо Датини из Прато — одно из бесчисленных пронизанных горем свидетельств общеевропейской трагедии, принесенной Черной Смертью, которая началась в Италии в 1347—1348 гг. В Прато после первой и нескольких последующих вспышек эпидемии число «очагов» (домохозяйств) сократилось с 4000 в 1310 г. до 950 в 1427 г. В местности вокруг Прато урон был несколько меньше: с 1630 домохозяйств в 1300 г. до 943 в 1420-е годы². Эпидемия 1363—1364 гг., названная «детской чумой», уничтожила немного домохозяйств, но унесла огромное количество младенцев и маленьких детей. Еще одна вспышка, уже на рубеже столетия, имела те же последствия. К 1420-м годам выжившее население Прато состояло по преимуществу из взрослых³.

На протяжении 1347 и 1348 гг. первая волна Черной Смерти расползлась по Европе, достигнув Британии в 1349 г. В некоторых районах английской сельской местности засвидетельствованная смертность достигала 65%. Документы типичной деревни в Лестер-

шире, Кибворт Харкорт, показывают сокращение размеров домохозяйств в среднем от пяти человек до менее четырех⁴. Многие семьи вымерли. В некоторых случаях пустела вся деревня.

От Сицилии до Ирландии города и деревни наблюдали повторение сцены во Флоренции, изображенной Боккаччо (Декамерон. Первый день): «выносили мертвые тела из домов и клали их у порога, где их, выставленных во множестве, мог увидеть, особенно утром, любой прохожий; затем посылали за носилками, а если таковых не оказывалось, то клали трупы на доски. Бывало, что на одних носилках несли два или три тела, и весьма нередко можно было видеть на одних носилках жену и мужа, двух, а то и трех братьев, отца и сына и так далее»⁵. Уцелевший человек из Сиены писал: «Отец покидал сына, жена мужа, один брат другого, потому что болезнь, казалось, наступала через дыхание и зрение. Были вырыты огромные каналы и глубоко заполнены громадными кучами мертвых. И я, Аньоло ди Тура, похоронил пятерых моих детей моими собственными руками, и многие другие поступали так же»⁶.

Купец из Прато, Франческо Датини, потерял отца, мать и одного из двух своих братьев при начале эпидемии в 1348 г.; во время повторного пика в 1399 г., который убил детей Сера Лапо Маццеи, Франческо пережил утрату одного друга и делового партнера за другим: партнера в банке Болоньи, двух партнеров в Прато, своего нотариуса, партнеров в Пизе и главы отделения его компании в Генуе⁷. Петрарка писал из Пармы своему другу в Авиньон: «Как мне начать? Куда обратиться? Повсюду горе, террор повсюду... Я не оплакиваю не небольшие несчастья, но тот ужасающий 1348 год, который не только украл у нас наших друзей, но и украл у мира его людей. И если этого было не достаточно, теперь этот следующий год пожиная оставшихся, и срезает своим смертоносным серпом то, что уцелело при буре. Будущее, поверишь ли ты в то, что мы, пережившие это, едва ли можем принять? Мы бы подумали, что нам снится, если бы не свидетельства наших открытых глаз. Где теперь дорогие друзья, где любимые лица, где нежные слова, веселая и тихая беседа?»⁸

Во все последующие века Черная Смерть оставалась главным историческим примером человеческих бедствий, метафорой несчастья и сложнейшей медицинской загадкой. Как могла начальная вспышка эпидемии распространиться так далеко и так быстро, и почему повторные вспышки происходили нерегулярно? («А ведь уже двадцать лет, как по всем странам она свирепствует, мешкая иногда или обходя некоторые места, но нигде до конца не угасая. Кажется, ушла, — писал отчаявшийся Петрарка, — но идет назад, обрушиваясь на до времени возвеселившихся»⁹). Современная наука, все еще ломающая голову над некоторыми аспектами эпидемии Черной Смерти, сделала два важных добавления к этой картине. Первое — это оценка демографической ситуации: установлено, что в тот момент, когда разразилась чума, рост населения, отмечаемый в XII—XIII вв., во многих местах уже прекратился и даже началось сокращение прироста. Перенаселение и неблагоприятные экономические факторы создали негативные демографические тенденции, свой грубый вклад в которые внесла чума.

Второе открытие заключается в том, что невзирая на действовавшие в регионе демографические и экономические факторы, ошеломляющий удар не заставил мир остановиться. Напротив, механизмы брака и деторождения быстро приспособились к этой катастрофе. Способность семьи как института быстро восстанавливаться не уменьшила трагедию, но она совершила поразительный подвиг, ограничив ее долгосрочные последствия.

Исследование Д. Херлихи Импрунеты, сельской округи Флоренции, и изучение нескольких деревень Мидленда рядом английских ученых пролили свет на процесс восстановления общества после первой вспышки чумы и ее многочисленных, иногда локальных, повторений. В Импрунете Д. Херлихи выявил тенденции развития до и после Черной Смерти, которые подтверждали гипотезу об уже начавшемся процессе сокращения населения¹⁰. Тоскана, частью которой являлась Импрунета, была одним из наиболее развитых по технике сельского хозяйства районов Европы. В поместьях, принадлежавших церкви — пятая часть всей области — преобладала трехпольная систе-

ма. Налоговые списки дают основания полагать, что урожай пшеницы составлял сам-шесть, очень неплохой показатель для Средневековья и нескольких последующих столетий. Тем не менее нотариальные записи обнаруживают, что перед Черной Смертью многие мелкие крестьяне Импрунеты были вынуждены продавать свою пшеницу, масло и вино вперед, иногда даже на несколько лет вперед, и что цены, определявшиеся покупателями, содержали ростовщический процент¹¹.

Анализ населения Импрунеты, занятого в сельском хозяйстве, выявляет разделение на три класса: арендаторы, обрабатывающие землю, которая принадлежит церкви или живущему во Флоренции аристократу; мелкие независимые крестьяне, которые составляют большинство — немногим более половины; издольщики (*mezzadri*), выплачивающие долю урожая по договоренности с владельцем земли — пятая часть всего местного крестьянства¹². Парадоксально, но последние часто бывали лучше обеспечены, чем независимые крестьяне; эта ситуация тесно связана с сокращением населения в Северной Италии в XIV в. Землевладельцы предоставляли издольщикам землю, зерно, орудия труда и животных; издольщики не платили ренту или проценты, и в налоговых документах стояли ниже всех¹³. Когда урожай был хорошим, они оказывались в выгодном положении, которое, как считалось, они улучшали еще больше за счет землевладельца. «Никогда еще не был составлен отчет, по которому они бы оказывались потерпевшими, — писал один флорентинец. — Если зерно родилось в изобилии, они оставляют себе две трети с гаком» (вместо положенной половины)¹⁴. Независимые крестьяне, с другой стороны, были обременены высокой рентой и большими процентами, и к 1329 г., по мнению сборщиков налогов, должны будут «пойти по миру», если только не получат облегчения в виде снижения налогов. Десять лет спустя сборщики налогов сообщали, что нет возможности распределить налоги на сумму 200 000 лир, установленную Синьорией (городским советом) Флоренции для крестьян Импрунеты: бедные семьи «продали свое добро и владения флорентийским горожанам и даже священникам, и все же они обременены разными и разнообразными ростовщическими долгами»¹⁵. Ситуация в Импрунете не была уникальной: то же проис-

ходило, как показали исследования, в соседнем флорентийском округе Пассиньяно¹⁶.

На следующий, 1340, год в Импрунете разразился голод и небольшая эпидемия; население, если и не начало сокращаться, то во всяком случае перестало расти. Вынужденные выращивать пшеницу на слишком маленьких холмистых участках, без достаточного капитала, выплачивая высокие ренты, высокие ростовщические проценты и высокие налоги, многие независимые крестьяне уже покидали свои усадьбы, когда в 1348 г. по области прокатилась Черная Смерть. Ее последствия были лишь немногим более тяжелыми, чем последствия голода и эпидемии 1340 г.; результатом этих двух факторов, а также выхода части крестьян из общины по экономическим причинам и стало сокращение числа домохозяйств в Импрунете со 123 в 1330 г. до 101 в 1356 г. Уменьшение числа дворов продолжалось после повторных вспышек Черной Смерти, разнообразных местных бедствий и не ослабевающего давления рент, процентов и налогов. В 1401 г. в Импрунете оставалось только 74 домохозяйства. На этом ситуация, кажется, стабилизировалась. Налоговый список (*catasto*) 1427 г. показывает, что в деревне имеется 72 хозяйства, насчитывающих 432 человека, и перечисляет много разрушающихся и заброшенных дворов, на которые невозможно найти арендатора. В структуре общины произошли заметные сдвиги: стало меньше независимых крестьян, а число издольщиков (*mezzadri*), работающих на богатые городские семьи, существенно увеличилось¹⁷. Краеугольным камнем ведения сельского хозяйства стала *mezzadria*, хозяйство издольщика. Одновременно произошли изменения и в количественном соотношении возделываемых культур: пшеницы засеять стали меньше, зато возросло производство вина и оливок¹⁸.

Таким образом, чума, увенчавшая экономический и демографический кризис, в конце концов оказала положительное воздействие на экономику Импрунеты и, возможно, всей Северной Италии.

Картина восстановления общества после Черной Смерти в Англии также обнаруживает, согласно новейшим исследованиям, смешанные результаты¹⁹. В Хейлсовене, мидлендском маноре, который включал город, где проводились ярмарки, 12 деревень и гос-

подское поместье, перед Черной Смертью разразился голод, как и в Импрунете. 22 крестьянина умерли в голодный 1317 год. Чума впервые проявилась в мае 1349 г., когда в документах манора — в виде записей о получении «гериота», подати, выплачиваемой после смерти арендатора, — была зарегистрирована смерть 21 мужчины. Можно предполагать, что умерло примерно такое же количество женщин и, возможно, еще больше детей. В июне цифра возросла до 25 мужчин, в июле она уменьшилась до 22, а в августе упала до 3. Итогом была смерть по крайней мере 88 арендаторов из 203, отмечавшихся ранее в судебных записях²⁰.

Если голод наиболее жестоко поражал беднейшие семьи, то чума одинаково опустошала и богатые, и бедные семьи, косила издольщиков и зажиточных крестьян. Косвенные свидетельства указывают на другую особенность — более высокую смертность среди детей, чем среди взрослых. Почти каждая семья потеряла одного или нескольких своих членов, а некоторые домохозяйства просто исчезли. Известно, что оба, и Том Хиддели, и его жена умерли; то, что его дети тоже погибли, молча подразумевается, поскольку его держание было передано его брату Джону. Смерть Филипа ате Лове, его двух сыновей и одной дочери засвидетельствована, так же как и передача держания другому арендатору. Молодой человек около 20 лет, Томас Ричард, потерял отца вместе с держанием и был отдан под опеку другого жителя деревни, Филипа Томпкинса, который женил его на своей юной дочери Джулиане. Вскоре после этого Томас умер от чумы, оставив годовалого сына, Томаса II. Затем погибли тесть Томаса и брат его жены, и держание тестя и его уцелевший маленький сын были отданы мужу сестры Джулианы, у которых, вероятно, она и нашла прибежище вместе с Томасом II²¹.

Тем не менее после катастрофического лета 1349 г. жизнь в Хейлсовене почти полностью восстановилась. Не последовало никаких социальных потрясений. В своем исследовании Хейлсовена З. Рази пишет: «Записи судебных заседаний между августом 1349 и октябрём 1350 г. показывают, что жители деревни убирали урожай и пасли скот. Они женились и рожали детей в браке и вне него. Они варили пиво в неустановленном порядке, совершали нарушения против лендлорда и

своих соседей, ссорились и проливали кровь друг друга, ссужали деньги и поручительствовали друг за друга, выбирали присяжных и других официальных лиц в деревне»²².

Исследование 3. Рази проливает особенно ценный свет на механизмы восстановления. Четыре пятых держаний, которые остались свободными из-за смерти арендаторов в 1349 г., были арендованы в следующем же году, причем все, кроме 18, сыновьями и дочерьми, женами, братьями и другими родственниками, или опекунами, назначенными для детей умершего держателя. Хотя число смертей в Хейлсовене было несравненно больше, чем в Импрунете, жизнь в нем, тем не менее, продолжалась почти на том же деловом уровне. Высвободившиеся держания не только были быстро заняты, но они и обрабатывались. Каким же образом, потеряв две пятых рабочей силы, Хейлсовену удалось не только юридически занять все держания, но и производить сельскохозяйственную продукцию? Известно, что в социальном и экономическом планировании появилось два важных новых явления: во-первых, выжившие крестьяне часто собирали свои разбросанные по разным местам арендуемые участки в более компактные группы; во-вторых, на открытых пастбищах были построены заборы, чтобы скот находился в огороженном пространстве — благодаря этому не требовался труд пастуха. 3. Рази предлагает еще одну гипотезу: если большинство выживших были взрослые молодые люди, которые были в состоянии справиться с дополнительной работой, особенно с пиковыми нагрузками во время сбора урожая, то они могли обеспечить нормальное производство, особенно при том, что им приходилось кормить меньше ртов²³. Можно постулировать средневековый вариант закона Паркинсона: число членов семьи, держащей земельный надел, не имеет значения, пока имеется необходимый минимум рабочей силы²⁴.

Исследования других районов Англии свидетельствует о несколько иных моделях восстановления. В Кибворт Харкоте первая вспышка чумы в 1348—1349 гг. убила 44 мужчины-арендатора. Тем не менее, к концу 1349 г. только одна пятая держаний была свободна. Остальные были разобраны сыновьями, братьями или племянниками, не пришлось даже наделять

дочерей. Повторные вспышки чумы в 1354, 1361 и 1376 гг. унесли новые жизни, и найти наследников стало труднее. В одной семье за другой мужская линия прекращалась, и земля переходила к зятю и приемным наследникам. Средний размер держаний вырос с 12 акров перед чумой до 24 акров после нее²⁵. Удивительно, но новые арендаторы, которые могли бы разделить большие держания между двумя сыновьями, предпочитали передавать их нетронутыми старшему сыну. Причина этого, вероятно, заключалась в том, что ранее неотчуждаемые общинные земли теперь оказались на рынке, и новые, более высокие размеры оплаты труда создавали капитал для покупки земли младшими сыновьями или для них.

Было ли типичное восстановление от катастрофы столь гладким и свободным от социальных трений, как подсказывают приведенные примеры? Парижский хронист Жан де Венетт отрицает это: «Мир изменился не к лучшему, а к худшему Потому что люди стали еще более алчными и скупыми, чем раньше, даже при том, что они владеют значительно большим. Они стали более завистливы и чаще беспокоят друг друга судебными тяжбами, скандалами, ссорами и жалобами»²⁶. Некоторые данные об английских деревнях подтверждают наблюдения французского писателя. Дж. А. Рафтис обнаружил, что в Варбойзе 31 семья исчезла после первой вспышки чумы, а несколько других семей прожили лишь еще одно поколение²⁷. Держания временно остались свободными, но вскоре в судебных документах начали появляться новые фамилии, причем в большем количестве, чем число исчезнувших. Дж. А. Рафтис отметил также увеличение числа насильственных преступлений в 1360-е годы: нападений, «неповиновений» должностным лицам, «протестов». В Холивел-кум-Нидингворт за чумой не последовало каких-либо заметных признаков беспорядков, но вкус к судебным тяжбам при защите или претензиях на имущество проявился во всех слоях населения, и иногда приводил к незначительным проявлениям насилия²⁸. Другое исследование Дж. А. Рафтиса, касающееся деревни Апвуд в Хантингдоншире, показало рост числа случаев небрежения работой на господском домене, нарушений имущественных прав лендлорда и соседей-крестьян, ссор и нападений — показатель

того, что в десятилетия, следовавшие за 1360 г., «над деревней висела атмосфера беспокойства»²⁹.

После первой вспышки Черной Смерти исчез один из давних институтов английской деревни: практика личного поручительства, предоставления гарантий жителю той же деревни. Хотя З. Рази нашел, что непосредственно после чумы в Хейлсовене она продолжалась, в других местах от нее отказались. Дж. А. Рафтис объясняет это следующим образом: «Поскольку поручительство за другое лицо было, по обычаю, свободным выбором индивида, мы должны предположить, что крестьяне больше не хотели поддерживать друг друга таким способом». Вместо поручительства умножились местные постановления, которые усердно проводились деревенскими властями в жизнь и предусматривали суровые наказания за нарушения прав и другие проступки³⁰.

Если чума сама по себе не вызвала социальных беспорядков, то ее последствия их стимулировали. Исследование Р. Х. Хилтоном восстания Уота Тайлера в 1381 г. указывает, что за непосредственным поводом восстания — повышением налогов из-за Столетней войны, лежала социальная напряженность, возникшая из-за сокращения населения. Ожидания крестьян, вызванные новыми условиями землевладения и труда, столкнулись с решимостью господ снижать заработную плату, повышать налоги и увеличивать трудовые повинности, иными словами, устранить последствия Черной Смерти. Как показывает Р. Х. Хилтон, мятежники были не отбросами крестьянского общества, а скорее «всем населением, чье положение было ниже лендлордов и городских властей»³¹. Многие предводители восставших были зажиточными крестьянами, такими как Томас Сэмпсон из Суффолка, который владел 200 акрами земли, 300 овец и 100 головами крупного скота. Центром восстания был наиболее развитый район Англии — Восточная Англия и графства, окружающие Лондон, где было распространено свободное держание, преобладала рыночная экономика и функционировал открытый рынок земли³².

Восстание было подавлено, его предводители казнены, но приведенную в движение чумой экономическую волну задержать было невозможно. В условиях нехватки рабочих рук и избытка свободных земель

безземельные крестьяне могли требовать не только лучшей оплаты, но и двух существенных изменений ее формы: вместо старой годичной выплаты — поденной, и вместо старого сочетания денег, зерна и продуктов питания — только денежной. Эти реформы дали возможность сельскохозяйственным рабочим перемещаться в поисках оптимальной работы и постепенно поднимали их над статусом серважа. Вооруженный небольшой суммой денег, безземельный крестьянин мог арендовать поле и засеять зерно. Аббатство Хейлсовен, земли которого всегда обрабатывались наемными рабочими, начало сдавать земли в аренду в начале 1350-х годов, что делали и лендлорды с частью принадлежавших домену дворов.

Перед чумой годовая рента и трудовые повинности в Хейлсовене были легкими (частично благодаря сопротивлению попыткам увеличить их): 6 шиллингов 7 пенсов и максимум 18 дней трудовых повинностей от двора в год. Но в других местах и рента, и отработка были значительно больше: до 13 шиллингов и 50 или даже 100 дней отработки³³. При том, что земля теперь была дешева, а труд в большом спросе, старые рабские повинности на семейное держание быстро уменьшались. В то же время здравомыслящие лендлорды и аббаты обнаружили, что уменьшенные рента и отработки выгоднее, чем необработанная земля, и они даже увидели преимущества в замене трудовых повинностей денежными выплатами или прямой продажей держания.

Новая ситуация на рынке труда в Англии способствовала и другому изменению в сельском хозяйстве, сходному с тем, который мы наблюдали в Импрунете: переход от трудоемкого выращивания зерновых к землеемким производствам — таким, как разведение овец и крупного рогатого скота и производство шкур, мяса, масла, сыра и бобовых на продажу. Результатом стала большая гибкость и эластичность сельской экономики, ощутимо выгодной для крестьянских семей³⁴.

Поскольку вспышки Черной Смерти возобновлялись с интервалом примерно в 10 лет, повсеместная реакция населения проявилась в записях о браках и рождении детей. Жан де Венетт писал с обычным преувеличением хрониста: «После прекращения эпидемии (1348 г. — *Авт.*) мужчины и женщины, которые спас-

лись, женились друг на друге. Среди женщин не было бесплодия, но наоборот плодовитость была сверх обычного. Беременных женщин можно было увидеть повсюду. Родилось много двойняшек и даже тройняшек»³⁵. Резко упал возраст вступающих в брак, поскольку аристократы стремились обеспечить себя наследниками, а простые люди считали, что экономические возможности улучшаются. В Прато в конце XIII в. мужчины обычно женились в возрасте около 40 лет, женщины выходили замуж примерно в 25. В 1371 г. средний возраст мужчин, вступающих в брак, упал до 24, а женщин — до 16 лет. После стабилизации количества населения в XV в. брачный возраст снова начал расти, хотя и не до того уровня, который был перед Черной Смертью³⁶.

Флорентийский купец Джиованни Морелли в своих мемуарах вспоминал, что, когда его дед умер в 1347 г., как раз перед первой вспышкой чумы, ни один из его четырех сыновей не был женат, хотя старшему было 38 или 39. Двумя годами позже женился первый, «потому что он был старшим [сыном]». Следующая вспышка чумы убила старшего сына и двух других братьев, оставив в живых только отца Морелли, Паголо, который был младшим. Чтобы сохранить семью, Паголо должен был жениться, что он и сделал в 1364 г. Каждая крупная эпидемия во Флоренции, как считает Д. Херлихи, вызывала «шквал брачных приготовлений»³⁷.

Уровень рождаемости, в свою очередь, стимулировался понижением возраста вступающих в брак; в дополнение к этому высокая детская смертность могла ослабить сексуальные ограничения и снизить использование контрацептивов. Морелли сообщает, что перед 1347 г. флорентийки рожали в среднем от 4 до 6 детей, тогда как между 1365 и 1389 гг. жена Маттео ди Никколо Корсини родила 20 детей, из которых выжило только пять³⁸. Во время эпидемии количество крещений упало на 12%, а на следующий год — еще больше, отражая разрушенные чумой браки и бегство из города, но на второй год после эпидемии оно вернулось на старый уровень или даже превысило его³⁹.

Исследование Д. Херлихи флорентийских документов добавляет к этим данным одну интересную загадку. Он обнаружил, что из раза в раз рождаемость до-

стигала пика в год, непосредственно *предшествующий* новой вспышке чумы. Это происходило перед возобновлением эпидемии в 1457, 1479, 1495—1499 и 1527 гг. Сам эпидемический цикл, заключает он, возможно, испытывал воздействие возобновляющихся циклов брака и воспроизводства⁴⁰. Прилив населения, как кажется, действовал стимулирующе на один или несколько компонентов вектора чумы, создавая роковые приливы и отливы жизни и смерти. Однако еще не установлено, насколько широко распространена была флорентийская модель.

Черная Смерть, прокатывавшаяся из одного конца Европы в другой, часто в сочетании с другими факторами, мощно воздействовала на семью, ее размеры и форму, экономические основы, социальные условия и отношения внутри и вне семьи большим количеством способов, часть из которых уже определена, другие еще предстоит открыть.

Глава 12

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ: 1350—1500 ГОДЫ

Изменяющуюся деревню, дома, их интерьер и повседневную жизнь обитавших в них семей в XV в. неожиданно освещают два источника. Во-первых, возрастает количество переписей движимого имущества, в которых иногда не только перечисляются предметы, но и указывается, в какой комнате они находятся. Во-вторых, новый европейский стиль иллюстрирования часословов (сборников молитв) и псалтирей (сборников псалмов) требовал изображения как замков аристократов, которые заказывали рукописи, так и сельской местности вокруг замков с полями, домами и амбарами, оживленной деятельностью крестьян в разные времена года. Наиболее поразительное впечатление, которое создают эти два источника, — очевидное улучшение физического комфорта.

Деревня теперь оказывается крупнее из-за увеличения числа хозяйственных построек и большего размера самого усадебного дома. Мазанки уступили место более прочным оштукатуренным конструкциям из квадратных в сечении бревен. В дверные проемы иногда вставлены рамы — косяки из обработанных бревен с поперечной балкой, каменные блоки появляются в фундаментах домов, амбаров и сараев. Большое количество домов стало разделяться на две комнаты и даже иногда на два этажа: в помещение для сна тогда поднимались по приставной лестнице. В этих улучшенных домах старый открытый очаг в центре комнаты заменен каменной печью, конструкция которой была заимствована из замка: она врезалась в стену напротив двери, и дым уходил не через отверстие в потолке, а через трубу, сложенную из кирпичей. Обычными стали шиферные и черепичные крыши; их производство и установка породили в Англии профес-

сиональные фамилии *Slater* («шиферщик») и *Tyler* («черепичник»), однако солома по-прежнему оставалась наиболее распространенным материалом для покрытия крыш. Имеющийся в изобилии, легкий, не требующий мощной опоры, этот материал был удобен в обращении, но и соломенные крыши могли стать лучше, если нанять специалиста, что породило еще одну фамилию — *Thatcher* («кровельщик соломой»). Чтобы улучшить сток воды, соломенная крыша имела высокий скат, придавая дому характерный облик. Солома продолжала использоваться и как покрытие для пола вместе с тростником и камышом, а также как подстилка для спанья людей и животных¹.

На рукописной миниатюре 1460-х годов (в «Книге любви короля Рене Анжуйского») изображен рыцарь, наклоняющий голову, чтобы пройти под притолокой двери, и перешагивающий через высокий порог добротно построенного деревенского дома. То, что стены оштукатурены, хорошо видно по нескольким заметным трещинам. Внутри женщина сидит перед печью, дымоход от которой поднимается над соломенной крышей. В стене пробиты три не застекленных окна, одно большое и два меньшего размера.

На различных миниатюрах наряду с крестьянскими домами нового типа изображаются хлевы, овчарни, конюшни, свинарни, голубятни и печи для обжига или сушильные печи, используемые в сыром климате для просушки зерна, льна, сена, солода и бобов. В крестьянском хозяйстве могут быть пара волов с ярмом и упряжью, плуг с железным лемехом и ножом, деревянная борона, телега, топор, лопата, серп, цеп и другие орудия труда. В интерьере дома теперь больше мебели: стулья наряду с табуретками и скамьями, шкаф с выдвигаемыми ящиками, кровати с матрасами, иногда дополняющими соломенные тюфяки, подушками и пологам, и даже портьеры («цветные ткани»). Пищу принимали по-прежнему на столах на козлах, которые могли быть разобраны и спрятаны². Отчет об одном несчастном случае демонстрирует неудобство этого универсального предмета обстановки: рассердившийся или не в меру оживившийся гость ударил кулаком, и столешница взлетела вверх и повредила ему голову³.

Миниатюры рукописи «Très Riches Heures» («Очень богатый часослов») герцога де Берри изображают крестьян, обогреваемых у печи в высокой комнате, открытой до потолочных балок, на заднем плане находится большая кровать, покрытая синим покрывалом, и одежда, сушащаяся на вешалке. Другой часослов, Екатерины Клевской, рисует Святое Семейство как дом молодых супругов XV в.: Мария у ткацкого станка, плотник Иосиф выравнивает деталь какого-то изделия рубанком, младенец Иисус играет в ходунках. Дом имеет каменные стены (редкие в Англии, но ставшие все более обычными во Франции, Нидерландах и Италии), деревянные оконные рамы и деревянный потолок. В каменный камин вделан крючок, чтобы подвешивать чайник. На другой миниатюре из той же рукописи Мария кормит Иисуса, тогда как Иосиф сидит на кресле с круглой спинкой, сделанном из бочки; поблизости находятся ручной рашпер, ножницы для стрижки овец, воздуходувные мехи и шкафчик.

Документальные источники подтверждают рост благосостояния населения. Скотовод из Йорка в 1451 г. перечисляет содержимое своего погреба: ткани, соль, серебряные ложки и другие предметы; в его спальне находится кровать, одеяла, простыни, сундуки, металлический сундук для денег и одежда; на кухне — оловянные блюда, подставки и другое оборудование; где-то еще в доме хранились драгоценности и серебряные предметы⁴.

В обзоре нескольких региональных исследований позднего Средневековья Р. Х. Хилтон пришел к выводу, что хотя только в редких деревенских домах держали слуг, во многих общинах имелось большое число незанятых работников. В деревнях Восточной Англии от 50 до 70% мужчин были слугами или работниками; в 80 деревнях Котсволда слуг держали только в одном доме из восьми, но на каждые 17 хозяйств, арендовавших землю, приходилось 7 безземельных работников. В других районах наблюдается та же картина. На удивление большое число работников составляли незамужние женщины; но не менее удивительно и то, что значительная часть безземельных обоего пола была достаточно обеспечена, чтобы платить налоги по максимальной ставке, то есть ту же самую одну двадцатую

движимого имущества, как и крестьяне-арендаторы, которые нанимали их. Это свидетельствует об изменении статуса наемных работников после Черной Смерти⁵.

В Лестершире женщины помогали в заготовке сена, прополке, косьбе, перевозке зерна, ведении волов по борозде при пахоте и даже раскалывании камней для починки дорог. Записи суда по делу о грабеже в Омберсли в 1420 г. отмечают, что преступление было совершено, когда «Кристина боронила». Согласно Т. Роджерсу, специалисту по средневековой заработной плате, женщинам, собиравшим урожай, в XV в. платили обычный заработок мужчины. Известно, что жницы и вязальщицы снопов в Минчинхэмптоне в Глостере в конце XIV в. получали такую же плату, что и мужчины, равно как и женщины, специализировавшиеся на покрытии крыш соломой в близлежащем Эвиннге. Однако женщинам-служанкам в маноре, платили меньше, чем мужчинам⁶.

Впервые возникшая доступность оплачиваемой работы помогала даже беднейшим крестьянским семьям приобретать дополнительную землю, часто путем присоединения к участкам домениальных земель, сдаваемых в групповую аренду. Однако именно наиболее зажиточные семьи чаще всего находили способы продвинуться вверх. «Наибольшего увеличения имущества, — писал Дж. А. Рафтис в работе об изменениях, происходивших в деревне Апвуд, — достигали уже зажиточные арендаторы»⁷. Их приобретения облегчались ростом богатства и возможностями зарабатывать деньги, а также тем, что они занимали манориальные должности. В Апвуде, как и везде, ведущие жители деревни проявляли «готовность выполнять официальные обязанности за плату», т.е. освобождение, полное или частичное, от рент и повинностей и за возможность покупать или арендовать господскую землю⁸. У чосеровского эконома (*reeve*), который «разбогател и имел сокровищ кучу», были реальные прототипы вроде Уолтера Шейла, эконома в маноре епископа Вустерского, который обрабатывал второй участок земли, домениальный⁹.

После 1400 г., когда широко распространилась коммутация рент и повинностей, деревенские должностные лица начали получать оплату в деньгах. Ис-

следование Э. Де Виндтом деревни Холивел на протяжении 1252—1457 гг. указывает на то, что главными факторами избрания тех или иных крестьян на официальные должности были возраст и экономический статус¹⁰. Семьи проходили определенные циклы, и случались периоды, когда в семье не было достаточно зрелых мужчин, чтобы занять должность. И поскольку некоторые семьи «обнаруживают удивительную способность выделять из своей среды должностных лиц» на протяжении определенного периода времени, эти мелкие крестьянские аристократы, как и крупная знать, подвергались опасности вымирания из-за отсутствия наследников-мужчин¹¹. В Каксхэме единственный свободный арендатор и самый богатый человек в деревне в начале 1300-х годов, Джон ате Грене, расширил свои владения после Черной Смерти, взяв половины виргат и двory двух исчезнувших семей. Позднее в XIV в. его потомок Джон Грене, переехал в город Хенли, но у него не оказалось наследника мужского пола. Его дочь Джоан продала Каксхэмское владение в 1415 г., прервав связь Грене с деревней и их семейную историю¹².

Некоторые крестьянские линияжи проявили большую стойкость и продержались достаточно долго, чтобы подняться над классом крестьян. В мидлендской деревне Вигстон одна семья свободного крестьянина впервые появляется в деревенских документах около 1200 г., когда «Раннульфусу писарю» дано две виргаты земли, которые он разделил между своими двумя сыновьями, Джоном и Хелиасом. Джон выкупил часть своего брата, и его потомки владели держанием на протяжении более двух столетий, добавив еще две виргаты с усадьбами, причем некоторые из вновь приобретенных земель принадлежали жертвам Черной Смерти. Некий Джон Рендал умер в 1430-х годах, и его сын Ричард переехал в Лестер, где стал бакалейщиком — мелким предпринимателем, и сдал свою землю в Вигстоне в аренду. В этот момент мужская линия пресеклась, но Ричард удовлетворился тем, что хорошо обеспечил свою дочь Элизабет, которая, очевидно, удачно вышла замуж; мы знаем, что ее сын Томас Кент продал землю в Вигстоне торговцу шерстью, который использовал ее, чтобы обеспечить постоянным доходом больницу. А Ричард перед самой его

смертью характеризуется в завещании его двоюродного брата как «Ричард Рендольф, джентльмен»¹³.

На протяжении всего XV в. зажиточные крестьянские семьи освобождались от обременительных остатков серважа, занимая официальные посты или просто уклоняясь от трудовых повинностей и выплачивая за них денежные штрафы. Чтобы описать новый статус таких преуспевающих крестьян, в английском языке появился новый термин «йомен» (*yeoman*). Йомен все еще был обязан нести некоторые повинности для господина и сверх того платить налог государству, но обычно он имел достаточно прибыли деньгами, чтобы тратить кое-что на свадебные пиры, подарки к крещению и заупокойные мессы. Часто он находил источники дохода, дополнявшие продажу зерна и скота. Он мог сдать в аренду свои орудия труда: плуг, телегу, волов, а также труд, свой собственный или своего сына. Его жена и другие члены семьи могли варить пиво. Он мог взять временных постояльцев, бродячих лудильщиков, плотников или пилигримов, поскольку настоящие гостиницы имелись только в крупных городах¹⁴.

Семьи, как среднего, так и высшего достатка, улучшали условия своей жизни. Кроме приобретения земель, они могли обновить свое жилище, приобрести дополнительных животных и другие предметы домашнего хозяйства, с выгодой женить сыновей и выдать замуж дочерей. В этом социальном слое спрос на наследниц был столь же велик, как и в более высоком, а наследование непрямыми наследниками при отсутствии прямых играло для крестьян ту же роль, что и для баронов. Много лет спустя после первой вспышки чумы в документах манориальных судов продолжали появляться записи, подобные записи о некоей Агнес, вдове Филипа Хипкиса, который умер в 1385 г., оставив усадьбу и другие владения в деревне Хейлсовен. Выплатив налог на его смерть (два вола ценой в 16 шиллингов), «права на имение заявил Джон ле Вард, ближайший наследник, а именно сын ее сестры по крови»¹⁵.

Молодые крестьяне не оставляли заключение брака на усмотрение родителей, как приходилось делать знатным юношам. Напротив, они активно ухаживали, а в некоторых местах устанавливали свои собственные

деревенские ритуалы. В Кроскомбе (Сомерсет) юноши вступали в Молодежную гильдию, а девушки — в Девичью гильдию. В определенный день девушки перегораживали деревенскую улицу и пропускали юношей только за плату. На следующий день перекрывали улицу члены Молодежной гильдии, и теперь должны были платить девушки; средства в обоих случаях шли приходской церкви. В Майский день выбирались король и королева, устраивались танцы и игрища¹⁶.

О морали священники заботились гораздо больше, чем их прихожане, и девственность ценилась первыми значительно больше, чем вторыми. Добрачная беременность была обычной прелюдией и даже предпосылкой для брака, поскольку мужчина хотел быть уверенным, что его жена произведет на свет детей, в помощи которых он нуждался, чтобы обрабатывать землю. В семейных союзах сочетались секс, любовь и материальные интересы. Джоан Сестер в 1376 г. поклялась, что она и Томас Барбо поженились в Стаурбридж Фэр в воскресенье после праздника Воздвижения Святого Креста. Томас признал, что обещал быть ей верным, но объяснил, что он собирался взять ее в любовницы, а не в жены. Суд принял соломоново решение. Тома обязали сказать Джоан: «Я принимаю тебя в жены, если отныне и впредь я тебя плотски познаю», на что Джоан немедленно ответила: «Я принимаю тебя в мужья, если отныне и впредь ты плотски познаешь меня». 25 месяцев спустя суд признал, что они женаты¹⁷.

Какова бы ни была свобода при ухаживании, при заключении брака молодые люди любого уровня не могли не принимать во внимание соображения старших. Лишь немногие юноши и девушки оказывались настолько легкомысленны, чтобы вступать в брак без земли и домашнего имущества. Старшие, в свою очередь, не упускали из вида и нематериальные соображения. В дидактической поэме XV в. «Как мудрый человек поучал своего сына» отец не рекомендует вступать в брак из-за денег, но советует сыну «мудро выяснить», «кроток, обходителен и разумен» ли характер его возможной невесты, поскольку лучше есть скромно, но в мире, чем иметь «сотню блюд», поставленных на стол со скандалом¹⁸. Точно так же, аналогичная поэма «Как хорошая жена учила свою дочь» рекомен-

дует: если за девушкой ухаживает только один мужчина, она не должна выказывать ему презрения, каков бы он ни был. Она должна советоваться с друзьями о выборе супруга, а, выйдя замуж, хранить мир в доме «справедливыми и кроткими словами», выполняя хозяйственные дела и управляя слугами весело, но соблюдая порядок и твердость¹⁹.

Обычной свадебной церемонии теперь предшествовало оглашение в церкви, как было предписано Четвертым Латеранским собором. В Англии священник читал оглашение три раза с интервалом в несколько рабочих дней. В назначенный день вступающие в брак пары собирались в церкви и объявлялось приданое и вдовья часть. К этому времени меркет должен был быть уже выплачен лендлорду (семьей невесты), но часто он не выплачивался. Как правило, жених и невеста уже вступали в сексуальные отношения, а иногда и имели ребенка, который считался законным, если он был зачат между обручением и свадьбой²⁰.

Стоя перед церковными дверями (место публичных собраний деревни), пара произносила обеты, которые мало изменились за столетия: «Я беру тебя, Агнес, в законные жены, чтобы иметь и содержать, с этого дня и навеки, на лучшее и на худшее, в бедности и в богатстве, в болезни и в здоровье, пока нас не разлучит (*depart*) смерть, если святая церковь предпишет это, и в этом я даю тебе слово». Ныне древнее слово *depart* «умирать», которое имело здесь значение «разлучать из-за смерти», заменено выражением *do part*, собственно «разлучать». Кольца благословлялись, и ими обменивались вступающие в брак со словами «Этим кольцом я соединяюсь с тобой, а своим телом я чествую тебя». Если пара хотела, свадебная процессия входила в церковь, и священник служил мессу, но сельские священники постоянно жаловались на то, что крестьяне экономили на этом ритуале. В ритуале мог участвовать представитель лендлорда, чтобы показать заинтересованность синьора²¹.

Большинство крестьянских браков никогда не попадало в дела, рассматриваемые церковным судом. Но все еще процветали приносящие беспокойство тайные браки без оглашения или публичной церемонии, неохотно благословленные Грацианом, Петром Ломбардцем и папой Александром III. Сравнение церковных

записей указывает, что в конце XIV в. в Англии заключалось больше тайных браков, основанных на словесном «обещании в настоящем», чем во Франции, где церковные суды сурово обходились с подобными случаями: налагали штрафы, обязывали жениться публично и даже отлучали от церкви. Английские суды обычно рассматривали этот вопрос как гражданское дело; причем иск в суд чаще подавала женщина²².

Таких дел было в избытке. Исследование М. М. Шином записей церковного суда в Эли за XIV в. показывает, что четыре пятых матримониальных дел касаются тайных браков²³. Другой сборник протоколов английского суда свидетельствует, что клятвами обменивались в самых разных местах: под ясенем, в постели, в саду, в кузнице, в кухне, в таверне и на королевской дороге. Обычно женщины утверждали, что брак состоялся, а мужчины отрицали это, и главным недостатком этого обычая считалось то, что им можно было прикрывать соращение²⁴. Пересказывая историю Дидоны и Энея, и Данте, и Чосер, в отличие от Вергилия, были на стороне женщины и считали ее жертвой непризнанного тайного брака²⁵. Однако многие тайные браки совершались при свидетелях, публичное заявление которых считалось своего рода заменой оглашению, и ему доверяли церковные суды (*publica vox et fama*). Если брак имел место, но противоречил предшествующему договору или в суде вскрывалось несанкционированное ведение хозяйства, паре предписывалось расстаться или, в необходимых случаях, жениться по правилам. Иногда слушания заканчивались свадебной церемонией прямо на месте²⁶.

При практическом применении учение Петра Ломбардца о «согласии в настоящем» вызвало бурные споры о словесной формулировке этого согласия. Проводилось различие между фразами «Я возьму тебя в качестве своей жены», выражающей «согласие в будущем» («не обязывающее»), и «Я буду иметь тебя в качестве своей жены», выражающей «согласие в настоящем» («твердое»). Еще одна правовая загадка заключалась в условном согласии: «Я возьму тебя, если согласен мой отец», или какое-либо другое условие. Прежде всего, когда должны были ставиться подобные условия? Джон Шарп и Джоан Броук заключили договор в Рочестере в 1442 г. «на некоем поле около разру-

шенной башни» словами, которые церковный суд признал выражением согласия в настоящем. Когда Джон и его товарищи медленно уходили, Джоан позвала: «Послушай, если мой господин и друзья готовы согласиться, я соглашаюсь на этот договор». Джон и его друзья отозвались: «Ты опоздала», имея в виду, что договор имеет силу. Но суд поддержал Джоан, поскольку она добавила свое условие достаточно быстро, чтобы его можно было учесть²⁷.

Авторитетные специалисты в области канонического права определили и перечислили в руководстве для судов различные возможные условия: если одна из сторон сделала оговорку «если отец согласится», условие считается «действительным» и должно быть учтено. Но условие «если ты избежишь потомства» отклоняется, поскольку оно «противоречит сущности брака» и тем самым делает недействительным брачный договор. Если одна из сторон предлагает «невозможное», то есть очевидно невыполнимое условие, вроде «если ты дотронешься пальцем до неба», суд должен игнорировать его²⁸.

Развод среди крестьян оставался редкостью. Родственные отношения, запрещенные церковью, могли быть предлогом для расторжения брака у знати, но этот предлог не имел смысла для крестьян, которые едва знали, кто были их дедушки и бабушки, не говоря уже о троюродных и четвероюродных братьях и сестрах, а даже если и знали, у них не было возможности — при отсутствии письменных свидетельств — доказать родственную связь. Более того, сама серьезность, с которой законы о родстве воспринимались и церковью, и людьми, исключали их циничное использование. Джон Лав положил глаз на добрый участок земли, аренда которого требовала задатка в три фунта. Агнес Бентли обещала дать ему эти три фунта, если он женится на ее дочери Элис. Джон был готов жениться, но, к несчастью, он имел когда-то любовные отношения с родственницей Элис и потому был вынужден отказаться от этого плана²⁹. В другом случае Джон Толл нашел Агнес Смит такой привлекательной парой, что дал ей 24 шиллинга, чтобы удержать ее за собой. Но этот Джон также развлекался некогда с родственницей своей предполагаемой невесты, и ему пришлось обратиться в суд, чтобы вернуть свои 24 шиллинга, ко-

торые Агнес отказалась отдать ему. Суд поддержал Агнес, и Джон остался и без жены, и без шиллингов — возможно, он оказался жертвой столкновения двух умных и не слишком шепетильных женщин³⁰.

В редких случаях аннулирования брака наиболее частой причиной, как показало одно английское исследование, было двоеженство, и значительно реже — родство или связь. Неосуществление брачных отношений после определенного периода времени иногда принималось как основание для расторжения брака после освидетельствования жены и даже мужа³¹. «Семь добропорядочных женщин» назначались для того, чтобы подтвердить девственность жены и в большинстве судов выставлялось «семь добропорядочных мужчин», чтобы засвидетельствовать импотенцию мужа. В судах Йорка и Кентербери, однако, считали, что и последнее более уместно поручать «семи добропорядочным женщинам». В документированном деле в Йорке, одна из «добропорядочных женщин» «обнажила груди и согретыми у помянутого огня руками держала и растирала пенис и яички помянутого Джона. И она обняла и часто целовала помянутого Джона и возбуждала его, насколько могла, показать его мужество и потенцию, убеждая его, что стыдно ему не доказать там и тогда, что он мужчина. И она говорит, что все время помянутый пенис едва достигал трех дюймов в длину, не поднимаясь и не опускаясь»³².

Если развод был редким явлением, то раздельная жизнь супругов нет. Неформальный разъезд, без утверждения суда, случался и среди крестьян, и среди городских ремесленников. Церковные суды давали формальное разрешение на раздельное проживание («раздельные постель и стол») — по причинам жестокого обращения, прелюбодеяния, импотенции, и даже просто несовместимости характеров. Во Фландрии XIV в. жена могла уйти из дома, а затем обсуждать раздел имущества с помощью церковного суда и светских властей³³.

Большинство же браков сохранялось надолго и даже процветало. Крестьянские завещания, которые вдруг в изобилии появляются в XV в., свидетельствуют о нежной заботе мужей о своих женах, равно как и о детях, братьях, сестрах и крестниках. Сначала в завещаниях оговариваются похороны, затем дарения цер-

кви: обычный «на помин души», состоящий из коровы или лошади, зерна для продажи, чтобы «поддерживать свечи» на алтаре, воск для свечей, деньги «за забытые десятины» и средства на *obit*, поминальные службы по завещателю ежегодно в день его смерти. Затем шли пункты, обеспечивающие вдову, которой обычно отдавался дом в пожизненное пользование, или — иногда — до достижения старшим сыном зрелости или до ее повторного замужества. Другие условия обеспечения вдовы касались вдовьей части — прав на часть имущества: возвращение приданого, отдельный дом, деньги и домашняя обстановка, включая кастрюли и сковороды, домашний скот и одежды³⁴. Отчеты коронеров, изученные Б. Ханавальт, подтверждают разнообразие вариантов наследства, реально достававшегося вдове: использование основного дома, использование вдовьего коттеджа, комната в основном доме и «место у очага», или дом и земля, отдельные от аренды дома³⁵.

Во многие завещания отцы включали специальные условия, обеспечивающие детей, опека над которыми, равно как и над имуществом, отводимом ребенку, поручалась вдовам (которые платили лендлорду плату за это право). Бартоломей Аткин, умерший в Бедфордшире в 1500 г., хотел, чтобы его старший сын Джон стал священником, но если он останется мирянином, то должен получить домашнюю усадьбу, из стоимости которой ему надлежало выплатить наследство другим детям. И «если какой-либо из детей умрет, его доля переходит к тому, кто находится в наибольшей нужде»³⁶. Зажиточные и среднего достатка крестьяне рассматривали образование для своих детей как ключ, открывавший возможности стать священником, поступить на службу к лендлорду или стать юристом. Мужья предписывали женам воспитывать детей с любовью, а в отсутствие матери младшие дети поручались заботам или старших детей, или дядей, теток или дедов и бабок³⁷.

Продолжали широко использоваться договоры о содержании в старости, и по-прежнему они исполняли двойную функцию: пенсии и передачи держания. Исследование договоров о содержании в Восточной Англии, предпринятое Э. Кларк, свидетельствует, что большое количество их (от одной трети до половины) заключалось не с членами семьи. Без сомнения, были многочисленны и договоры между родителями и деть-

ми, но они реже оформлялись специальным контрактом и потому остались не засвидетельствованы. Тем не менее, увеличение количества договоров с посторонними знаменательно и, возможно, отражает, насколько чума свирепствовала среди очень молодых. Кроме того, родители могли не иметь живых детей, чтобы передать им держание³⁸.

Когда стареющий крестьянин больше не мог выполнять свои трудовые повинности, вмешивался магистратский суд — прежде всего в интересах лендлорда, но и в интересах самого крестьянина или крестьянки. В 1382 г. в Хиндольвестоне в Норфолке присяжные постановили, что «бедная старушка» в деревне, вдова с 18 акрами земли, «слаба телом и проста умом». Лендлорд отдал землю ее «ближайшему наследнику», обязав его заботиться о ней до конца ее жизни. В другом случае, также в Норфолке, вдова не имела родственников, живущих поблизости, и лендлорд передал ее держание двум крестьянам с условием, что они пашут, боронят и собирают урожай на ее земле и обеспечивают ее «всеми необходимым»³⁹.

Чаще о пенсиях договаривались самостоятельно. Иногда они устанавливались третьим лицом. В 1407 г. Джон Витинг из Вимондама (Норфолк) на смертном одре передал свою усадьбу и землю Саймону Веллингу с условием, что Саймон будет обеспечивать вдову Джона едой и питьем и 16 бушелями солода в год, будет держать для нее 6 куриц, гуся и корову, обрабатывать и боронить для нее акр земли и снабжать ее каждую Пасху 3 шиллингами на одежду и парой обуви. Она должна также иметь «свободу входа» в дом ее покойного мужа, место у огня и постель⁴⁰.

Однако в XV в. в большинстве случаев о пенсиях договаривались, иногда торгуясь, сами пенсионеры, что отражает накопление новых богатств. Пенсионеры оговаривали выплату их долгов, их погребальных расходов, включая заупокойные мессы, и такие дополнительные расходы: содержание лошади для поездок верхом, чан для варки пива, хлебная печь, ножницы для разрезания тканей, доступ в сад, к колодезю, на кухню, место для хранения зерна, половину фруктов, выращенных в усадьбе, и снова и снова право «греться у огня». Когда крестьянин по имени Генри Пекке умер в Южном Элмхэме в 1408 г., его внук и вдова зарабо-

тали договор, по которому ей оставалась одна комната внизу и одна наверху и участок земли «со свободным входом и выходом для нее самой и ее друзей на всю жизнь», а также ежегодный запас дров и 8 шиллингов, выплачиваемых поквартально. Ее внук должен был отремонтировать ее комнаты и обеспечивать ее «такой же едой и питьем, какие ест и пьет сам». Если эта еда ее не удовлетворяет, она должна была получать дополнительно 12 пенсов в год «по причине ее неудовольствия»⁴¹.

Бедные батраки должны были идти на уступки. Одна пара стариков в Вимондеме отдала не только свой двор с одним акром земли, но и свои постельные принадлежности, ковры, платки, кухонную утварь и обстановку, кроме двух кастрюль, двух чаш и двух деревянных сундуков; согласно другому контракту в Хиндольвестоне, престарелая чета согласилась работать на своих новых арендаторов, пока они физически в состоянии это делать, в обмен на кров в их бывшем доме и еду и питье, которые обычно даются слугам⁴².

Хотя даже бедным людям удавалось иногда заключить договор о содержании, и хотя церковь, монастыри и богатые филантропы пытались помочь старым и безденежным, в основном разрешая им просить милостыню у дверей церкви, многие крестьяне ничего не могли предложить возможным попечителям и заканчивали жизнь замерзнув или от несчастного случая, как свидетельствуют отчеты коронеров⁴³. Для таких старость была, по словам проповедника XIII в. Гумберта де Романса «горше, чем зима со всеми ее холодами»⁴⁴.

В классическом рассказе «Разделенная попона» отца, который ушел от дел и остался на милость сына, сын почти выгоняет из дома, но маленький внук говорит, что и он поступит так же, когда наступит его время. Проповедник XV в. рассказал своим прихожанам аналогичную историю в одной из притч (*exempla*), которыми иллюстрировались средневековые проповеди⁴⁵:

«Жил один богач, у которого, когда он устал от мира и стал старым и слабым и бессильным, была красивая дочь, которую он выдал замуж за молодого человека. Вместе с ней он отдал этом молодому человеку все свое добро, свой дом и все свои земли, с тем, что в ответ он будет обеспечивать его до конца его дней. И в первый год молодой человек кормил его

своей собственной пищей и одевал в свою собственную одежду. А на второй год он посадил его на конец стола и позволил ему довольствоваться несколько меньшим, чем он сам, как в еде, так и в одежде. На третий год он посадил его с детьми на полу вдали от очага, и зять сказал ему, что он должен переехать из комнаты, где он спал, потому что его жена будет лежать там, когда родит ребенка. И под этим предлогом он выселил старика из его комнаты и заставил его спать в маленьком домике у дальних ворот.

И когда старик увидел, до чего его довели, он вздохнул и опечалился и начал искать наилучший выход. Затем однажды старик зашел в дом занять корзину объемом в бушель. И когда он принес корзину в свой дом, он плотно затворил дверь и начал производить громкий шум в корзине старыми металлическими счетами, как будто он считал деньги. Один из детей в доме последовал за ним, чтобы посмотреть, что он будет делать с корзиной. И когда он стоял за дверьми, он услышал шум и подумал, что старик положил в корзину свое золото и серебро, и пошел и рассказал своему отцу.

И когда зять услышал это, он пошел к нему и сказал «Отец, ты стар и было бы хорошо, чтобы ты, если у тебя есть золото и серебро, доверил их хранить какому-нибудь доброму человеку для спасения твоей души». Тогда старик ответил: «У меня есть немного денег здесь, в сундуке, часть из которых я завещаю для спасения моей души. И я хочу, чтобы ты раздал их, когда я умру». И когда он вернул им корзину, то оставил в ней [серебряный] пенни, между прутьями корзины, чтобы они его нашли.

И когда они увидели это, они вернули старика в его комнату и за стол и к его одежде, и он жил, как раньше. Затем, когда он умер, они посмотрели в сундук и не нашли ничего, кроме маленькой деревянной колотушки (такой, какие использовали, чтобы обивать комья [с плуга] во время пахоты), на которой было написано, что ею следует стукнуть любого, кто будет настолько глуп, что последует примеру писавшего:

Так пусть же знает весь мир,
Что тот, кто отдает все свои вещи
Пойдет сам просить милостыню⁴⁶.

Глава 13

СЕМЬЯ АНГЛИЙСКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА

В последнее столетие Средневековья европейская аристократия разделилась в основном на три категории: тонкий высший слой крупных региональных владетелей, полу-королей и суверенов на своей собственной территории; более широкий кастелянский слой местных правителей; масса рыцарей и других свободных держателей земли, достаточно продуктивной, чтобы обеспечить им образ жизни, принятый знатью. В Англии эти три слоя слились в два: баронов, которые были главными королевскими вассалами, и рыцарей и джентри (мелкопоместного дворянства). Разделительная линия между ними не была жесткой в том, что касалось имущества; некоторые рыцари накопили богатства, превосходящие имущество иных баронов. Реальное различие заключалось в том, что попасть в низший слой знати было относительно легко. Экономическая ситуация после Черной Смерти, возможно, ускорила процесс постепенного перехода преуспевающих крестьянских и купеческих семей в слой низшей аристократии, благодаря приобретению имущества, удачному браку, службе королю или крупному аристократу в мирное или военное время.

Одной из семей, которая поднялась из среды преуспевающего норфолкского крестьянства в начале XV в., была семья Пастонов¹. обстоятельный рассказ об их предках, написанный враждебно настроенным к ним современником, называет их непосредственным прародителем некоего Клемента Пастона, «доброе простое земледельца», который жил в норфолкской деревне Пастон и пахал свою собственную землю, возил своё собственное зерно на мельницу «на выючной лошади» и привозил обратно свою собственную муку, отправлял на телеге свои продукты на рынок в город Винтертон на продажу и который держал «100—

120 акров земли» в Пастоне «с бедной водяной мельничкой на тамошней речушке». Очевидно, Клемент был зажиточным свободным крестьянином со значительными по размерам держаниями в Пастоне, где его семья жила к тому времени уже по крайней мере два столетия. Позднее Пастонам, чтобы обосновать свои притязания на поместья, пришлось доказывать в королевском совете, что их предки с обеих сторон никогда не были вилланами, и это им удалось². Клемент женился на Беатрикс, сестре Джеффри из Сомертона, юриста, который добился этого положения сам. Клемент занял деньги, чтобы послать своего сына Вильяма (родившегося в 1378 г.) в школу, а затем с помощью Джеффри — в Лондон изучать право в «Судебных Иннах» (the Inns of Court), корпорациях барристеров. Вильям оказался способным юристом и в 1415 г. был назначен управляющим епископа Нориджа, в 1421 г. — судебным исполнителем в Суде по общинным искам (Court of Common Pleas), а в 1429 г. — судьей.

Тем временем он купил столько земли в Пастоне, что стал там крупнейшим землевладельцем, и в 1420 г. женился на Агнес Берри, которая была не только дочерью рыцаря, но и наследницей. В качестве приданого она принесла ему один манор и должна была унаследовать еще три; в свою очередь Вильям выделил ей во вдовью часть манор, недавно купленный им в Оксиде. У супругов было 9 детей, и к тому времени, когда Вильям умер в 1444 г., они владели значительными поместьями³.

Старший сын Вильяма, Джон, родившийся в 1421 г., учился в Кембридже, изучал право в Лондоне, женился на наследнице, Маргарет Мотби, и через нее приобрел еще больше имущества⁴. Вскоре его полностью заняла защита собственных владений. На волне английского поражения в Столетней войне начались политические беспорядки, и местные лендлорды использовали вооруженные отряды в личных междоусобицах, напоминающих распри итальянского городского нобилитета. В то же время в судах изобиловали тяжбы, в которых широко применялись взятки и подкуп. Вскоре Джон и Маргарет оказались осаждены с двух сторон. В Лондоне Джон боролся против иска с претензиями на земли, выделенные во вдовью часть

его матери в Оксниде. Маргарет же выдерживала осаду в их маноре в Грешеме, которую вела вооруженная банда, нанятая неким лордом Молине. Враги снесли стену и вынесли Маргарет из дома на руках, но в конце концов Пастоны вернули себе Грешем и сохранили Окснид⁵.

Вскоре их судьба испытала ослепительный взлет, который, однако, не положил конец их тревогам. Сэр Джон Фастолф, старый воин и кавалер ордена Подвязки, вернулся с войны в родной Норфолк, обогатившись наградами, добычей и мудрым вложением средств. Хотя его обширные владения во Франции были потеряны из-за поражения, поместья в Англии приносили ему более тысячи фунтов в год, что позволило ему построить для себя замок в Кейстере на месте манора, где он родился⁶.

Архитектура Кейстера отдала поверхностную дань военному прошлому владельца с ее рвами и 98-футовой башней, но в первую очередь она обеспечивала комфорт, и лишь во вторую — зрелищность. Камень, вывезенный из Франции, украшал фасад, а в интерьере господствовало дерево, привезенное из Суффолка. Герб Фастолфа был вырезан на стене Большого Зала⁷.

Отошедший от дел Фастолф оказался неприятным стариком, вздорным и сутяжным, постоянно впутывающимся в ссоры со своими управляющими и норфолкскими соседями. Очевидно, через дальнейшее родство с Маргарет Пастон старый рыцарь познакомился с Джоном Пастоном, который вскоре стал не только его юристом, но и доверенным другом и советником. Жена Фастолфа умерла в 1446 г., и он не женился снова; его единственный ребенок, незаконный сын, стал монахом и умер раньше отца; он не имел никаких дел со своим единственным другим родственником — сыном жены от первого брака. Когда в 1459 г. он умер, Джон Пастон оказался его единственным наследником⁸.

Разъяренные соперники немедленно вынудили юриста применить все свое искусство, чтобы защитить огромное наследство: замок Кейстер, 94 манора, дома в Ярмуте, Норидже и Саутворке, и целое состояние в деньгах, драгоценностях, столовом серебре и обстановке. Джон Пастон провел остаток жизни в отчаянной тяжбе, чередовавшейся с незаконными осадами, напа-

дениями нанятых убийц и даже тремя короткими заключениями в тюрьму Флит в Лондоне. Наконец, изможденный, он умер в Лондоне в 1466 г. в возрасте 45 лет⁹.

Одним из условий супружеской жизни Джона и Маргарет Пастон, обычным и для других пар их времени и класса, были длительные разлуки — именно им мы и обязаны их обширной сохранившейся переписке. Когда Джон вел юридические баталии, отстаивая в Лондоне интересы семьи, Маргарет оставалась за городом, управляя поместьями и защищая их, собирая подати, продавая продукцию маноров, заказывая поставки из Нориджа и Ярмута, ведя хозяйство, одновременно вынашивая неизвестное, но большое количество детей, семь или восемь из которых дожили до зрелого возраста¹⁰.

Хотя письма Джона и Маргарет посвящены в основном деловым вопросам, они также выражают большую взаимную привязанность, со стороны Маргарет — с оттенком глубокого уважения. Узнав о болезни мужа, она писала: «Честное слово, никогда еще у меня не было такого тяжелого времени, как с того момента, что я узнала о вашей болезни, до того, как я узнала о вашем выздоровлении, и все же мое сердце не получило большого облегчения, и не получит, пока я не узнаю, что вы действительно выздоровели. Я молюсь от всего сердца, чтобы вы снизошли послать мне письмо, как можно скорее, если писание не будет неудобством для вас... Если бы на то была моя воля, я бы находилась с вами все это время... Пусть Всемогущий Бог охранит вас и пошлет вам здоровье»^{11–12}.

Когда он не смог ответить, она забеспокоилась: «Если бы я знала, что вы не будете дома до этого времени, я бы послала к вам нескольких человек, потому что я думаю, что прошло долгое время, с тех пор как я имела от вас хорошие известия»¹³. И снова: «Я сердечно благодарю вас за ваше письмо, потому что для меня было большим утешением услышать от вас»¹⁴. И: «Не устраняйтесь от писания писем ко мне между нынешним и тем временем, когда вы приедете домой. Если бы это было возможно, я бы хотела получать от вас по письму каждый день»¹⁵. Однажды, когда он рассердился на нее, она написала ему из Нориджа: «Очень почитаемый муж, я вручаю себя вам, умоляя

вас, чтобы вы не были недовольны мной, хотя моя простота и вызвала ваше неудовольствие мною... Честное слово, я не хочу ни делать, ни говорить то, что может вызвать ваше неудовольство; а если я так сделала, я сожалею об этом и исправлюсь. По этой причине я умоляю вас простить меня и чтобы вы не носили тяжести против меня в своем сердце, потому что ваше неудовольствие мне будет слишком тяжело выносить»¹⁶. В свою очередь Джон беспокоился о здоровье Маргарет: «Джон Хоббс рассказывает мне, что вы заболели, что мне не нравится слышать. От всего сердца умоляю вас принимать то, что может дать вам облегчение, и не экономьте; и каким-нибудь образом не думайте и не трудитесь слишком много из-за этих дел, и не берите их к вашему сердцу так, чтобы вам стало хуже из-за этого»¹⁷.

Образование двух старших мальчиков Пастонов (оба были названы Джонами, что сбивает с толку) остается недокументированным. Старший в 19 лет начал служить при королевском дворе и в 21 год его посвятили в рыцари (ранее Джон Пастон Старший заплатил штраф, чтобы его самого освободили от этой дорогой и обременительной чести). Очевидно, недостаточно агрессивный, чтобы произвести впечатление при дворе, юноша завязал несколько полезных связей и вернулся жить домой¹⁸. Его брат Джон II был аналогичным образом устроен при дворе герцога Норфолкского, остался на службе герцога и подружился с полезными людьми¹⁹. Три младших сына, Уолтер, Эдмунд и Вильям, как их отец и дядья, получили университетское образование. Высшие учебные заведения обслуживали теперь высшую знать и джентри так же, как и церковь. Формы клерикального образования, включая «первую тонзуру», владели жалкое существование, но больше не обязывали учащегося вступать на церковное поприще. Выпускники университетов в XV в. могли занимать должности секретарей или других официальных лиц в больших поместьях или просто красоваться своей утонченностью при дворе или дома в своих поместьях²⁰.

Дисциплина в учебных заведениях по-прежнему оставалась крайне строгой — с сердечного одобрения родителей. Когда Клемент, брат Джона Пастона Старшего, был студентом в Кембридже, его мать Агнес на-

писала письмо, интересуясь его успехами, и предложила его наставнику 10 марок за специальное внимание к мальчику; при этом она поставила условие: «Если он не успевает и не исправляется, просите [его воспитателя], чтобы он как следует порол его, пока он не исправится. Так поступал последний и лучший из наставников, которых он имел в Кембридже»²¹. Образование, которое столь добросовестно внедряли, оставалось латинским: чтение, письмо, речь. Бойкость обращения новых аристократов с Овидием и Цицероном поразила бы их неграмотных предков.

Девочки не получали того передового образования, которое было открыто для мальчиков, но их обычно учили писать по-английски. Многочисленные письма Маргарет Пастон написаны разными почерками, что означает, что она обычно прибегала к услугам личных секретарей, но иногда, возможно в целях сохранения секретности, брала этот труд на себя. Многочисленность почерков указывает на то, что многие в ее окружении умели писать²². Дочерей Пастонов, Марджери и Энн, вероятно, обучали письму дома; мы знаем, однако, что Энн отправляли пожить некоторое время с какими-то двоюродными братьями и сестрами у сэра Вильяма и леди Калторп, которые писали Маргарет Пастон в 1470 г., что у них временные денежные затруднения и потому они вынуждены сократить количество прислуги в доме; более того, Энн «становится большой, и пора подумать о ее замужестве». Маргарет беспокоилась, что Энн, возможно, чем-то не угодила сэру Вильяму, и потому настоятельно просила Джона поговорить с ее двоюродным братом Робертом Клером в Лондоне, чтобы узнать, не возьмет ли он девочку. Иначе «я должна буду послать за ней, а со мной она будет зря тратить время»; Лондон был лучшим брачным рынком, нежели Норфолк²³.

Переписка Пастонов рисует уникальную картину ухаживания и брака в XV в.: брачные стратегии и столкновения родительских желаний и согласия детей.

Для членов семьи мужского пола согласие не было проблемой; они сами устраивали свои браки или просили друзей и родственников найти подходящую невесту, а могли и вообще не жениться. Сэр Джон в качестве старшего сына был наследником большей части семейных поместий, включая замок Кейстер, однако

для него никаких брачных приготовлений не делалось, и действительно, он так и не женился, хотя и оставил незаконнорожденного сына²⁴.

В 1468 г. 26-летний сэра Джон и его младший брат Джон II путешествовали по Фландрии в обществе приятеля-придворного Томаса лорда Скейлза, чтобы присутствовать на бракосочетании сестры короля Маргарет и герцога Бургундского. В Кале сэра Джон познакомился с родственницей лорда Скейлза, дамой по имени мистрис Энн Хот, которая приходилась родственницей и королеве. Они обменялись письмами, которые, как они думали, обязывают их к браку, хотя даже и они, как кажется, не были уверены, были ли это «слова о будущем» или «слова о настоящем».

Интерес сэра Джона к этой даме был по преимуществу практическим: он надеялся, что ее влиятельные друзья помогут ему в тяжбе за наследство Фастолфа. Вскоре после обмена клятвами лорд Скейлз написал герцогу Норфолкскому, который перекупил права на наследство у одного из душеприказчиков Фастолфа и вмешался в это дело на стороне сэра Джона. Он объяснил, что «уже полностью заключен брак между сэром Джоном Пастоном и моей очень близкой родственницей Хот». Поскольку он и сэра Джон теперь являются родственниками, «природа заставляет меня выказать мое расположение, помощь и поддержку в таких вещах, как его наследство»²⁵.

Лорд Скейлз говорил о браке, но Маргарет Пастон назвала это обручением. Она писала своему сыну: «Я не многое знаю о твоих обещаниях [жениться], но если ты обещал, я молю Бога послать тебе совместную радость и уважение, и я верю, что ты будешь иметь их, если все так, как сообщается о ней; а что касается Бога, ты связан с ней столь же крепко, как если бы вы были женаты, и потому я прошу тебя, чтобы ты был так же верен ей, как если бы она была замужем за тобой во всех степенях». Но, напоминает она, он не должен «жениться слишком поспешно, пока ты не будешь более уверен в своих средствах к жизни», иными словами, пока он не будет «более уверен» в получении наследства Фастолфа²⁶. Маргарет оказалась проницательным оценщиком товара на брачном рынке: «уверенность» сэра Джона в наследстве зрела медленно, и его брачные планы пошатнулись.

Хотя сэра Джон и мистрис Хот продолжали вращаться в одних и тех же придворных кругах, они жили раздельно и редко виделись, а их брак пребывал в забвении²⁷. Через три года после первой встречи у сэра Джона даже возникали трудности, когда он хотел поговорить с ней. В сентябре 1471 г. он оптимистично писал: «Я почти переговорил с мистрис Энн Хот, но не переговорил; тем не менее в этом наступающем сезоне я надеюсь поступить с ней тем или иным образом; она согласна поговорить со мной и надеется принести мне облегчение, как она говорит»²⁸. В следующем феврале ему удалось устроить встречу «на прекрасном отдыхе», и он сообщает Джону II, что «благодарение Господу, мы настолько продвинулись вперед, что находимся там, где и были раньше, и я обещал ей, что в следующее свободное время, которое я смогу найти, я приеду снова и повидаюсь с ней»²⁹.

Медлительность ухаживания наконец обескуражила его, и он решил разорвать эту связь. Однако теперь, несмотря на отсутствие энтузиазма, когда речь шла о браке, мистрис Хот обеспокоилась двусмысленностью своего положения. Они никогда не завершали брак, не жили вместе, и даже редко виделись друг с другом наедине, но «совесть мистрис Хот» требовала аннулирования брака в Риме³⁰. Сэр Джон запросил своего поверенного, церковного деятеля, который имел связи с курией. Аннулировать брак, сказал тот, можно — за тысячу дукатов. Другой «ходок в Рим», однако, заверил его, что достаточно ста, самое большее двухсот дукатов. «Он написал мне также, что папа делает это теперь очень часто»³¹. Четыре года спустя его мать все еще желала ему, чтобы он «успешно освободился от мистрис Хот, и тогда я буду надеяться, что ты найдешь лучшую [партию]»³², но только в 1477 г., когда сэру Джону было 35 лет, освобождение от клятвы было получено, и несовершеннолетний брак, наконец, пришел к «совершенному концу». Сколько стоило сэру Джону освобождение, неизвестно, но очевидно, что сумма была ближе к тысяче дукатов, нежели к сотне. «Если Бог не поможет мне, — писал он, — я не знаю, где занять [деньги]». Все брачное предприятие продолжалось 9 лет³³.

В 1478 г. сэру Джону представили другой брачный проект — с женщиной «очень близкой к крови коро-

левы». Маргарет Пастон надеялась, что этот брак также поможет им в постоянно возобновляющихся битвах, которые они продолжали вести за наследство Фастолфа, но сэр Джон умер в 1479 г., прежде чем приготовления были завершены³⁴.

Одновременно с перипетиями собственного неудавшегося брака сэр Джон выступал в качестве свата и посредника в заключении брака своего младшего брата. Переписка Пастонов зафиксировала не менее 8 неудачных попыток Джона II, большинство из которых имели очевидные экономические мотивы и которые неожиданно закончились сватовством по любви. Однако мать юной дворянки, Элис Болейн, не дала согласия на брак. Сэр Джон не мог «никоим образом уговорить ее согласиться, чтобы ты взял ее дочь, несмотря на все тайные способы, которые я предпринял». У Элис был другой претендент, человек по имени Кросби, но «брак между ними не заключен», и у Джона еще есть шанс, поскольку он «представителен». Сэр Джон советует: «Веди себя с матерью, насколько можешь покорно, но с девушкой — не слишком покорно, и не будь ни слишком нетерпелив, чтобы торопить дело, ни слишком огорчен, если оно провалится». В конце концов оно провалилось³⁵.

Другой даме, Кэтрин Дадли, предложение сэра Джона по поручению его брата «совсем не доставило неудовольствия», но она была осаждена претендентами на ее руку. Сэр Джон докладывал: «Она не знает, сколько джентльменов влюблено в нее; она полна любви... Она говорит, что она ни за кого не выйдет замуж в ближайшие два года, и я верю ей, потому что я думаю, что она удовлетворена той жизнью, которую ведет»³⁶. Третья молодая дама была некоторым образом оскорблена поведением Джона II — сэр Джон сказал ему, что «немного сгладил это, но я не могу сказать, каким образом»³⁷. В случае с четвертым проектом, дочерью лондонского драпировщика по имени Эбертон, сэр Джон сказал матери дамы, что его брату предлагали брак с приданым в более, чем 600 марок, но что его страсть к ее дочери такова, что он женился бы на ней и с меньшим приданым. Несмотря на мнимый пыл жениха, проект потерпел неудачу³⁸. Одновременно с ухаживанием за Элизабет Эбертон, Джон II рассматривал возможности богатой вдовы из Блэк-

фрайез. Он просил сэра Джона поговорить с душеприказчиком ее мужа, аптекарем, и спросить, «чего [она] стоит и каково было имя ее мужа»³⁹. Затем была леди Вальгрейв, которой сэр Джон пытался навязать кольцо брата, но она ответила, что намерена настаивать на своем отказе, который дала самому претенденту. Сэру Джону леди сильно понравилась, и он вступил в небольшой флирт с ней, украв мускусный (ароматический) шарик, чтобы послать Джону, а затем рассказал ей, что он сделал. «Она не рассердилась и не запретила, чтобы ты держал у себя ее мускусный шарик, с которым ты можешь делать, что захочешь». Кольцо, однако, было возвращено владельцу⁴⁰.

В этот момент Джон II заявил брату, что он отчаялся и женится на ком угодно с приличным состоянием, даже на «какой-нибудь старой скаредной помойной жене (женщине, варящей пиво. — *Примеч. авт.*)»⁴¹. У друга по имени Фитцуолтер была сестра брачного возраста, и сэра Джона попросили «умолить его, чтобы она попала в руки христианина»⁴². В начале 1477 г. было сделано предложение некоей мистрис Барли, и сэра Джона направили познакомиться с ней. Он сообщил, что это «пустое дело. Я повидал ее ради тебя. Она маленькая; может быть позже она и станет женщиной, если только сейчас она не взрослая. Она выглядит тринадцатилетней; люди же говорят, что ей все восемнадцать»⁴³.

Пока сэр Джон прощупывал мистрис Барли, Джон II завязывал знакомство с молодой леди по имени Марджери Бруз, о которой он прослышал от одного друга⁴⁴ и которая, когда они встретились, произвела настолько сильное впечатление, что заставила Джона, по меньшей мере, не придавать значения незначительности приданого. Отец, сэр Томас Бруз обещал 100 фунтов, а ее дед собирался добавить 50 марок (33 1/3 фунта) в качестве свадебного подарка.

Мать Марджери, Элизабет Бруз, превозносила личные достоинства своей дочери: «Я дам вам благородную женщину острого ума, и, как я говорю, добрую и добродетельную; потому что если бы я брала за нее деньги, я бы не отдала ее и за тысячу фунтов. Но я верю вам настолько, что буду думать, что она будет хорошо обеспечена за вами»⁴⁵. Джон согласился, потому что позднее Элизабет написала, благодаря его за «ве-

ликую радость, которую вы доставили мне и моим родственникам, когда я последний раз была в Норидже... Вы сделали [Марджери] таким ходатаем за себя, что у меня не будет покоя ни днем ни ночью из-за ее просьб и плачей поскорее довести помянутое дело до конца»⁴⁶. Она напоминала ему, что следующая пятница — «день святого Валентина, и каждая пташка выбирает себе пару; и если вы приедете в четверг вечером и устроите так, что вы сможете остаться до понедельника, я уверена, честное слово, что вы так поговорите с моим мужем, что мы приведем дело к заключению. Потому что "именно простой дуб срубается первым ударом"»⁴⁷.

Однако нужно было разрешить проблему приданого. Между Марджери и Джоном последовал обмен письмами. Обращаясь к нему как «к очень возлюбленному Валентину», Марджери писала, что ее мать трудится «с полным прилежанием», чтобы заставить отца увеличить приданое, но безуспешно, «из-за чего я полна печали. Но если вы любите меня, как, я истинно верю, вы делаете, вы не оставите меня из-за этого; потому что если бы у вас не было и половины состояния, которое у вас есть, я бы не отказалась от вас Поэтому, если вы могли бы примириться с таким [приданным] и моей бедной личностью, я бы была счастливейшей девушкой на земле»⁴⁸.

Сам Джон, очевидно, был готов примириться с небольшим приданным, но его мать и брат запротестовали. Сэр Джон даже возвратился к мысли о леди Вальгрейв. «Бикертон говорит мне, что [Марджери] сильно любит тебя, — писал он Джону. — Тем не менее, леди Вальгрейв хорошо поет под арфу»⁴⁹.

Сэр Томас Бруз поднял предложение о приданом до 200 марок, и добавил 100 марок «на ее комнату и одежду», а также стол и помещение для молодой четы в течение трех лет после свадьбы⁵⁰. Джон организовал встречу двух семей в Норидже 8 марта, настойчиво прося свою мать оказать ему «добрую помощь», потому что «дело идет довольно хорошо», и он надеется, что все получится. «Я уверен, что нет в мире более доброй женщины, чем моя будущая теща, если все выйдет, и нет более доброго тестя, чем мой будущий [тесть], хотя он пока и суров со мной»⁵¹.

Сэр Томас подсластил предложение еще больше, написав сэру Джону, что он одолжит предполагаемому жениху сто фунтов, которые он отложил для брака младшей дочери, вместе с еще 20 фунтами; все эти деньги должны быть отданы «в те спокойные дни, которые определяет брачный контракт, который я посылаю вам вместе [с письмом]». Однако, он «неохотно дает одной дочери так много, что другие ее сестры будут цениться меньше»⁵².

Вместе с тем сэр Томас проявлял большую заботу о совместном владении Марджери. Маргарет Пастон предложила доход с манора в Свейнсторпе и 10 марок годовых от манора в Спархэме. В ответ сэр Томас повторил свое предложение о двухстах марках плюс двух- или трехлетнем проживании четы в его доме бесплатно, или трехстах марках без проживания, которые должны выплачиваться по 50 марок в год. Или он даст 400 марок с ежегодными выплатами, если Маргарет отдаст Марджери и Джону весь доход от обоих маноров пожизненно⁵³.

Очевидно, Маргарет была склонна принять предложение, но сэр Джон колебался. «Я был бы рад, как и каждый, чтобы он женился на ней, учитывая ее личность, ее молодость и ее происхождение, любовь с обеих сторон, нежное расположение к ней отца и матери», а также очевидную симпатию к Джону родителей и их собственный хороший характер, «что предсказывает, что, вероятно, девушка должна быть добродетельна и хороша». Но Спархэмское поместье — майорат; что, если у них будут дочери и Марджери умрет, и Джон снова женится и будет иметь сына от второй жены? «Этот сын не будет иметь земли, хотя и будет наследником отца». Он знает о подобном случае в Кенте, где шла тяжба между джентльменом и его сестрой. По этой и «другим причинам» сэр Джон не может «утвердить, пожаловать или закрепить упомянутый дар моему брату»⁵⁴.

Дела застыли. В июне из-за болезни Элизабет Бруз встреча двух семей была отменена. По поручению Джона II, Маргарет Пастон написала Элизабет, сообщая ей, что сэр Джон отказался утвердить дарение Спархэма. «Мадам, он мой сын, но я не могу собраться с духом и стать ежедневной просительницей за него... Мадам, вы мать, как и я, поэтому я молю вас

принять не иначе, чем хорошо то, что я не имею права сделать для Джона Пастона то, что вы хотите, чтобы я сделала; потому что, мадам, я должна обеспечить и других моих детей, кроме него; некоторые из них достаточно велики, чтобы сказать мне, что я несправедливо обхожусь с ними, давая Джону Пастону так много, а им так мало»⁵⁵.

Как раз тогда, когда дела выглядели наиболее мрачно, соглашение было достигнуто. Его детали, к глубокому сожалению, не отражены в письмах, но 7 августа сэр Джон пишет Маргарет, что он «подарил [Джону II] столько, сколько смог», указывая тем самым на уступку в последнюю минуту⁵⁶. В конце августа состоялась свадьба, и брак оказался счастливым и длительным. В декабре Марджери писала Джону, находившемуся в Лондоне: «Я умоляю вас, чтобы вы носили кольцо с образом св. Маргарет, которое я послала вам на память, пока вы не приедете домой; вы оставили мне память, которая заставляет меня думать о вас денно и ночью, когда я засыпаю»⁵⁷. Четыре года спустя ее чувства не изменились и получили более свободное выражение: «Сэр, я прошу вас, если вы надолго останетесь в Лондоне, чтобы вы пожелали послать за мной, потому что я думаю, что прошло уже много времени с тех пор, как я лежала в ваших объятьях»⁵⁸.

Другие братья Пастон пережили сходные испытания и ошибки. В 1478 г., через год после своей свадьбы, Джон II искал жену для Эдмунда. Он писал своей матери из Свейнсторпа: «Я слышал, когда был в Лондоне, что там есть добрая молодая женщина на выданье, дочь некоего Сеффа, торговца шелком и бархатом, и она получит 200 фунтов при замужестве и земли с 20 марками годового дохода после смерти ее мачехи, которой около 50 лет; и прежде, чем я уехал из Лондона, я разговаривал с некоторыми друзьями девушки и получил их одобрение на то, чтобы она вышла замуж за Эдмунда»⁵⁹. Этот план не удался, но в 1479 г. Эдмунд вел переговоры с семьей Катерин, вдовы Вильяма Клиппсби, на которой он женился на следующий год, переехав жить в ее дом в Оби⁶⁰.

Любимый сын Маргарет Пастон Уолтер уехал в Оксфорд в 1472 г. «Я сокрушалась от утраты его, — писала она, — потому что мне кажется, что я получала

от него больше радости, чем от тех, которые старше»⁶¹, но молодой человек умер вскоре после окончания университета. Самый младший из сыновей Пастонов, Вильям, был еще в Итоне, когда влюбился в сестру невесты на свадьбе своего одноклассника. Девушке, Маргарет Олборо, было «восемнадцать или девятнадцать лет самое большее»; ее отец умер, и у нее была только одна сестра — та, которая только что вышла замуж. «Ее мать велела ей хорошо развлекать меня, что она добросовестно и сделала». Эдмунд настоятельно просил Джона II навестить эту семью, когда они вернутся в Лондон, и навести справки об их состоянии. Приданое — «деньги и столовое серебро, — писал он, — готовы в любой момент, когда она будет выходить замуж», но ее доход не начнет поступать, пока не умрет ее мать. «А что касается ее красоты, суди сам, когда ты увидишь ее, если случится так, что ты обеспокоишься этим; и особенно рассмотри ее руки, потому что, если все так, как мне говорили, она предрасположена к полноте». Из-за этого соображения или по каким-то другим причинам о мистрис Олборо ничего больше не слышно⁶².

Два года спустя Эдмунд рекомендовал Вильяму другую кандидатуру, «вдову в камволе, которая была женой некоего Болта, торговца камвольными тканями, и [он] стоил 1000 фунтов и оставил своей жене 100 марок деньгами, всю усадьбу и столового серебра на 100 марок и земли с ежегодным доходом в 10 фунтов... Ее называют прекрасной дворянкой... Ей ...около 30 лет, и у нее только двое детей»⁶³. Это начинание также кончилось ничем, и неизвестно, женился ли Вильям вообще.

Роль женщин Пастон в устройстве их собственных браков была пассивной, а свобода ограниченной. История Элизабет, сестры Джона Пастона Старшего, рисует игры вокруг брака в более мрачных тонах. Элизабет предложили Стивену Скропу, пасынку сэра Джона Фастолфа, который был богат, но ему было 50 лет, а ей 20, и он был обезображен оспой. Элизабет возражала, но Агнес Пастон, ее решительная мать, продолжала переговоры. Один двоюродный брат предложил «хорошего человека» из лондонского суда Inner Temple, отец которого только что умер, но предупредил,

что Джон должен «дать Скропу подходящий ответ пока вы не будете уверены в лучшем [проекте]».

Элизабет оставалась непреклонной, и Агнес заперла ее в ее комнате и в порядке принуждения била ее раз или два в неделю, а «иногда и дважды в день, и ее голова была разбита в двух или трех местах». Наконец, эти аргументы заставили Элизабет сдаться, поставив условием только, чтобы «ее дети и она могли наследовать, и чтобы у нее было разумное совместное владение»⁶⁴. Но теперь уже сэр Джон Фастолф решил отклонить предложение.

Тогда в ход пошли другие проекты. В 1453 г. Маргарет Пастон писала мужу: «Наследник Книвет готов жениться; его жена и ребенок умерли». Джон должен разузнать, «каково его состояние»⁶⁵. Были начаты переговоры с сэром Вильямом Оулдхоллом⁶⁶, затем с сельским сквайром по имени Джон Клоптон, который, очевидно, оказался недостаточно богат⁶⁷. Затем лорд Грей из Гастингса написал Джону, что он знает «об одном джентльмене с состоянием в 400 марок, который рожден крупным джентльменом и хорошей крови»⁶⁸. «Крупный джентльмен» оказался подопечным самого лорда Грея, Гарри Греем, а лорд стремился устроить этот брак, чтобы наложить руку на приданое Элизабет. Когда юный Гарри стал настаивать на том, что «сам получит свадебные деньги», его алчный дядя оставил это дело⁶⁹.

В 1457 г. Элизабет отправили в Лондон пожить у леди Поул, и на следующий год она вышла замуж за Роберта Пойнингса, второго сына лорда Пойнингса, человека, которого она выбрала сама. Она сообщила своей матери после свадьбы, что «мой господин — мой самый возлюбленный, как вы называете его, и я должна обязательно называть его теперь так, потому что я не нахожу причины делать иначе, и, клянусь Иисусом, я не найду [в будущем]... [Он] полон доброты ко мне и занят только тем, чтобы сделать меня уверенной в моем совместном владении», которое, в действительности, состояло в долговом обязательстве на 1000 фунтов, выданном ее матери и братьям. Элизабет просит Агнес показать, что она отдает должное его рвению о совместном владении, быстро заплатив 100 марок приданого, которые должны быть выплачены «в начале этого срока» вместе с «остатками денег по заве-

щанию отца», так, чтобы ее муж мог выплатить залог по своему долговому обязательству. Элизабет также настоятельно просит свою «нежную и добрую мать» оплатить леди Поул «все затраты на меня перед свадьбой»⁷⁰.

Дочери Джона и Маргарет вызвали еще больше беспокойств. Младшая, Энн, встревожила их, влюбившись в семейного слугу по имени Джон Пемпинг. Джон II писал в то время, как они подыскивали ей подходящего мужа: «Среди всего, я прошу тебя остерегаться, чтобы не возобновилась старая любовь к Пемпингу»⁷¹. В качестве кандидата был предложен Вильям Элвертон, сын судьи, который был одним из душеприказчиков по завещанию Фастолфа, и Джон II сообщал, что «он сказал, хотя и поздно, что он возьмет ее, если она получит свои деньги, а иначе нет; отсюда я думаю, что они не очень уверены»⁷². Тремя годами позже был предложен «сын Скипвида и наследник Линкольншира, человек с 5 или 6 марками в год»⁷³. Наконец Энн была выдана замуж за Элвертона летом 1477 г.

Марджери Пастон, лет на пять старше Энн, фактически сделала тот шаг, которым угрожала Энн. В 17 лет, после того, как дали осечку несколько попыток выдать ее замуж, она внезапно объявила, что связала себя клятвой с бейлифом Пастонов Ричардом Калле. Семья была в ужасе. Богатая купеческая вдова — одно дело, но слуга, даже и занимающий высокое положение, — это нечто совсем другое. Мать и бабушка бушевали, угрожали и держали Марджери взаперти. Калле удалось тайно передать ей письмо, в котором он обращался к ней «с сердцем, полным скорби, поскольку та жизнь, которую мы теперь ведем, не доставляет удовольствия ни Богу, ни миру, учитывая великие узы брака, которые связали нас, а также большую любовь, которая была и которая, я верю, и есть между нами, и которая с моей стороны никогда не была больше... Мне кажется, что прошла тысяча лет с тех пор, как я мог быть с тобой. Находиться вместе с тобой было бы для меня радостнее всех других вещей в мире... Я понимаю, леди, ты также скорбишь обо мне, как скорбила бы любая дворянка в мире... Эта жизнь, которую мы ведем, приносит боль». Он заклинал Марджери рассказать семье правду, потому что, если они узнают,

что он и Марджери обменялись клятвами и потому «связаны Божеским законом», они «не обрекут свои души из-за нас». Он заканчивает письмо предупреждением, что письмо надо сжечь, «потому что я не хотел бы, чтобы кто-нибудь увидел его»⁷⁴.

На протяжении трех лет ситуация оставались тупиковой. Затем Калле или его друзья, очевидно, попросили вмешаться епископа Нориджского. Епископ взялся за дело твердо, здравомысляще и эффективно, и рассмотрел его, невзирая на протесты Маргарет Пастон, как она сообщала в гневном письме сэру Джону. «Под угрозой проклятия» епископ приказал ей привести к нему Марджери на следующий день. «Я прямо сказала, что не приведу и не пришлю ее; и тогда он сказал, что он пошлет за ней сам и потребовал, чтобы она была свободна придти».

На следующий день он начал беседу, напомнив Марджери, «как она родилась, каких родственников и друзей она имеет и [что она] будет иметь больше, если бы они ею руководили и направляли; а если нет, каким упреком, и позором, и потерей будет это для нее». Затем он спросил, какие слова она сказала Калле. «И она пересказала, что она говорила, и, если эти слова не делали [брак] обязательным, она смело сказала, что она сделает их обязательными, прежде чем уйдет отсюда, потому, сказала она, что она думает по совести, что она связана, какими бы ни были слова. Эти непристойные слова повергли в горе и меня, и ее бабушку, — писала Маргарет, — настолько же, насколько и все остальное». Калле допросили отдельно, чтобы увидеть, согласуются ли его показания с рассказом Марджери. Затем епископ объявил, что он вынесет решение в среду или четверг после дня св. Михаила (29 сентября).

Маргарет сообщала: «Когда я услышала, что говорят о поведении [Марджери], я велела моим слугам, чтобы ее не принимали в моем доме». Угроза была выполнена. Когда Марджери привезли обратно в нориджский дом Пастонов, семейный капеллан стоял в дверях и не пустил ее. Епископу пришлось искать для нее пристанище до объявления решения.

Маргарет так завершает свое длинное послание сэру Джону: «Я умоляю вас и требую от вас, чтобы вы не принимали это с отчаянием, потому что я хорошо

знаю, что это идет прямо к вашему сердцу, и к моему тоже и [к сердцам] других; но вы вспомните, как и я, что мы потеряли в ней всего лишь пустышку, и меньше принимайте это к сердцу, потому что, если бы она была хорошей [девушкой], а не тем, что она есть, то не было бы так, как оно есть, и даже если бы [Калле] умер в этот час, она никогда бы не стала в моем сердце, как была».

В ответ на предыдущее упоминание сэра Джона о возможности добиться развода, Маргарет предупредила, чтобы «он сам не делал, и не побуждал другого делать того, что оскорбит Бога и твою совесть, потому что если вы сами сделаете или побудите сделать это, Бог отомстит, и вы подвергнете себя и других большой опасности; а я твердо знаю, что она позже полностью поплатится за свою непристойность, и я молюсь Богу, чтобы так и было»⁷⁵.

Решение епископа было в пользу молодой пары, и Марджери и Калле формально поженились на следующий год. Достаточно странно, что Калле сохранил свою должность бейлифа и продолжал управлять семейным имуществом, но Пастоны вели себя по отношению к Марджери так, как будто она для них умерла, а их деловая переписка с Калле остается холодно безличной, лишенной каких-нибудь обычных фраз, признающих родственные отношения. Когда Маргарет умерла в 1484 г., она оставила всего 20 фунтов старшему ребенку Марджери, столько же, сколько и незаконному ребенку сэра Джона. Это было единственное упоминание семьи Калле в ее завещании⁷⁶.

Все эти бесконечные брачные проекты, переговоры, неудачи, разочарования, успехи и тревоги разыгрывались на фоне продолжающейся войны, юридической и реальной, из-за огромного наследства Фастолфа. В 1469 г., в разгар истории с Ричардом Калле, герцог Норфолкский послал вооруженный отряд осадить замок Кейстер. Джон II, командовавший маленьким гарнизоном, был вынужден капитулировать к великому огорчению Маргарет Пастон, которая полагала, что сэр Джон недостаточно поддерживает брата⁷⁷. Потеря зависящих от замка маноров нанесла серьезный ущерб доходам семьи Пастонов, но когда Маргарет написала сэру Джону в Лондон, предлагая ему снизить расходы на жизнь, он ответил контрпредложе-

ниями собирать ренту вперед, продать маноры и заложить серебро⁷⁸. В конце концов негероическое и расточительное поведение сэра Джона было вознаграждено. Пережив герцога Норфолкского и используя пассивность вдовствующей герцогини, он мирно и на законных основаниях вернулся в Кейстер⁷⁹. Это был конец частной войны Пастонов.

Невзирая на все эти превратности судьбы, Пастонам, как и остальной высшей и низшей аристократии, удавалось жить с удобствами. «Большая часть доходов [позднесредневековой] знати, — писал К. Б. МакФарлейн, — использовалось для достижения более высокого уровня роскоши»⁸⁰. Сэр Джон Пастон провел последние годы своей жизни в замке Кейстер в комнатах, которые обогревались ярко горящими каминами, а каменные стены были облагорожены гобеленами. Кровати имели навесы и пологи и снабжены матрасами, пуховиками и шелковыми покрывалами. Расставленные в разных местах стулья добавлялись к скамьям и табуретам, покрытым подушками. Дорогие одежды и тонкое белье хранились в ящиках и сундуках. Джон Пастон II просил мать прислать ему некоторые документы, запертые в коробке внутри сундука в его спальне. В других письмах упоминаются сундуки для денег, книг, одежды и отчетных книг. Кухня в Кейстере была в изобилии оснащена медными кастрюлями, посудой, кухонными принадлежностями, вертелами и ножами; кладовые — бутылками, высокими пивными кружками и серебряными блюдами, солонками и чашами. В кладовой их дома в маноре Хеллесдон, Пастоны держали запас серебряных ложек, ножей, столового белья, полотенец, салфеток, подсвечников и бочонков с уксусом⁸¹.

Кроме удобства и роскоши, жилища богатых теперь предоставляли и возможности уединения. Если в крепости лорда Гвинеса XII в. (и во многих замках XIII в.) имелась отдельная комната только для лорда и леди, а для всех остальных — общие спальни, то теперь правилом стали отдельные спальни. Несмотря на отсутствие детей у сэра Джона Фастолфа, в замке насчитывалось 26 спален. Если раньше все домочадцы обедали и собирались в большом зале, то теперь семья спала, ела и отдыхала в господских покоях, в стороне от слуг, арендаторов и других людей низшего сосло-

вия. Возможность уединения создала и новую границу между господами и зависимыми людьми, новую дистанцию между богатыми и бедными. В «Петре Пахаре» Вильям Ленгленд выражает сожаление: «Теперь каждый богач ест сам по себе / в личной гостиной, чтобы избавиться от бедняков / и оставляет большой зал»⁸².

Как и другие представители новой аристократии, сэр Джон Пастон имел вкус к литературе. Техника Гутенберга еще не заменила писца-копииста, и для переписки книг он нанимал профессиональных писцов и миниатюристов. Один копиист брал один или два пенса за страницу, что делало книги дорогими, но все равно копиист жил в нужде. Настаивая на оплате просроченного счета и в то же время прося прислать какую-нибудь ненужную одежду, он писал: «Я имею большую нужду... Бог знает, кого я только не умолял сохранить вас от всех напастей, с которыми я несколько знаком»⁸³. Среди рукописей, которые он переписал для сэра Джона, была книжечка по медицине, и «Большая Книга», которая содержала несколько различных трудов: 26-страничный трактат об обязанностях рыцарства, 120-страничный трактат в четырех книгах о войне, 86-страничный труд о мудрости, 28-страничные «Правила рыцарства» и, наконец, на 90 страницах была поэма Джона Лидгейта «Падения принцев». Другие тома также содержали произведения различных авторов. Некоторые рукописи остались не переплетенными или вшитыми в бумажные обложки⁸⁴.

Новая знать наслаждалась выставлением богатства напоказ. Ливрейные слуги крупных лордов нужны были, в основном, чтобы продемонстрировать богатство, как и многочисленные служки в часовне. Среди мелкой знати удобным случаем привлечь к себе внимание были похороны. После смерти Джона Пастона в 1466 г. его тело сопровождали из Лондона в Норфолк «12 бедняков», которые несли факелы, по шести с каждой стороны похоронных носилок. В соборе св. Петра в Норидже панихиду служили монахи, священники, мальчики в стихарях и служки вместе с монахинями из Нормандского госпиталя, нанятые звонари и наблюдатели, увеличивавшие аудиторию. На поминках подавали домашнюю птицу, рыбу, яйца, хлеб и 18 баррелей пива⁸⁵.

Семья Пастонов росла и крепла при Тюдорах и Стюартах, временно ослабла во время Гражданской войны, но при Реставрации поднялась к новым социальным вершинам, приобретя титул эрлов Ярмута. В этот момент она пошла по стопам своих знатных предшественников XII в. и запечатлела свою генеалогию. Совершенно так же, как и его коллега XII в., генеалог Пастонов проследил их линияж до легендарного искателя приключений «Вульстана де Пастона», которого он, не краснея, представил в качестве одного из нормандских завоевателей. Чем больше менялось все вокруг, тем больше все оставалось по-старому⁸⁶.

Сэр Джон Фастолф возвысился до знатного положения военным искусством. Джон Пастон достиг того же искусством юридическим. Сэр Джон Пастон был согласен унаследовать знатность и использовать ее для удовлетворения своего тщеславия и потворства своим желаниям. Замок Кейстер засвидетельствовал, таким образом, революцию, произошедшую на протяжении трех поколений и в деталях отразившую крупные перемены, происходившие в Англии и — в других формах — по всей Европе. Новые знатные семьи высшего и низшего уровня жили в лучших материальных условиях, нежели старые, давали детям лучшее образование и даже начали развивать литературные и артистические вкусы (гобелены, витражи, архитектура) вместо занятий насилием. Они продолжали договариваться о браках, первостепенное значение в которых стало придаваться деньгам и статусу (но время от времени и любви), и они продолжали ревностно блюсти и агрессивно оберегать свои собственнические интересы, в основном с помощью судебных тяжб и взяток, заменив ими — хотя и не полностью — нападения и осады. Подкрепленная в Англии майоратом, прочно утвердилась примогенитура. Жены оставались в подчинении у мужей, и в некоторых отношениях их права были урезаны. С другой стороны, они получили защиту с помощью права совместного владения и продолжали нести основную ответственность за управление поместьем и домашним хозяйством.

Глава 14

КУПЕЧЕСКАЯ СЕМЬЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ XV века

Черная Смерть и сопутствовавшие ей другие бедствия замедлили, но не остановили экономическое возрождение Европы, которое в XV в. переживало новый подъем. Резкий рост торговли, особенно международной торговли предметами роскоши, способствовал образованию среди богатых торговцев настоящего класса купцов с его собственными семейными обычаями, отношениями и идеологией. Этот класс приобрел особое значение в Италии, самой передовой европейской стране, и более всего — во Флоренции, как ни в одном другом городе; причем жизнь именно Флоренции документирована лучше, чем любого другого средневекового города или региона. Огромный новый пласт информации появился недавно в результате систематического изучения *catasto*, списка налогоплательщиков 1427 г. Международная команда исследователей во главе с Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер подвергла этот огромный архив компьютерной обработке, результаты которой были изложены в ряде научных работ, и в первую очередь в книге «Тосканцы и их семьи», написанной руководителями проекта.

В дополнение к *catasto* имеется много других источников сведений о Флоренции, среди которых одним из чрезвычайно ценных являются «книги дел [торгового] дома», которые велись многими купцами — главами семей. Одна из таких книг была составлена Лапо ди Джованни Никколини де Сиригатти, процветающим торговцем шерстью. Ведшиеся с 1379 по 1421 г., его записи о своей деятельности раскрывают семейную жизнь зажиточных горожан того времени и могут уточняться и дополняться информацией *catasto* и других источников.

Сложное имя Лапо происходит от имени его отца Джованни Никколини деи Сиригатти: он же сам —

Лапо ди Джованни, то есть Лапо сын Джованни. В той форме, как он приводит свое имя в предисловии к своей книге, это настоящая генеалогия по мужской линии: «Это книга Лапо ди Джованни ди Лапо ди Никколино де Руцца д'Ариго ди Лукезе ди Бонавия ди Лукезе де Сиригатти»¹. Его отцом был Джованни, его дедом — Лапо. Его прадед Никколино, торговец шелком, основал ту ветвь семьи, которая носила его имя, отпочковавшись от старого линияжа Сиригатти, когда в начале XIV в. она переехала во Флоренцию из лежащего поблизости Пассиньяно. Далее Лапо прослеживает свою родословную от Никколини вплоть до жившего в XIII в. Лукезе де Сиригатти — самого отдаленного предка, которого он знает².

Богатые флорентийцы, чьи родственные связи имели такое большое значение, уже долгое время использовали фамилии. Среди городского населения Италии и в сельской местности, как и в Англии, фамилии медленно укоренялись. Ко времени данного *catasto* 37% флорентийских налогоплательщиков поименованы по их «очевидным семейным именам». В Прато же так названы только 19%, а в Монтепульчиано — 7%. Другие идентифицируются сборщиками налогов только добавлением личных имен отцов, а иногда личных имен деда или прадеда. Как и повсюду, дополнительным средством идентификации были наименования профессии или занятия, места жительства или происхождения и прозвища.

Личные имена, особенно первенцев, обычно повторяли имена деда или других предков — обычай, известный под названием «возобновление имени». Если первый ребенок умирал в младенчестве, то же имя давалось более позднему ребенку. Иногда, даже если первый ребенок жил, то же имя давали второму (этот обычай не ограничивался Тосканой, как показывает именованослов Пастонов)³.

Ко времени своей смерти в 1381 г. отец Лапо, Джованни, возглавлял домохозяйство, состоящее из жены, двух неженатых сыновей и одного женатого (старшего) сына с его женой и детьми⁴. Подобные трехпоколенные домохозяйства были нередки среди богатых. В 1427 г. каждая восьмая флорентийская семья состояла из трех поколений, а в сельской местности эта цифра возрастала почти до одной трети⁵. Такой состав семьи

очевидным образом определялся флорентийским обычаем, согласно которому *paterfamilias* сохранял свое положение до самой смерти, а в деревне ранний брачный возраст еще больше увеличивал число семей, состоящих из трех поколений.

В то время, когда отец Лапо умер, две из его сестер были замужем и жили в другом месте, а третья уже овдовела. По составу, как и по размеру и структуре, эта семья была типичной для высшего слоя Флоренции. После смерти Джованни имущество было разделено, и два младших сына, Лапо и Филиппо, остались со своей матерью в главном здании на Виа дель Паладжо дель Подеста, в квартале Святого Духа, а старший сын Никколайо получил соседний дом. В 1384 г. оба младших сына женились, после чего Лапо остался в главном доме, а Филиппо нашел другой, без сомнения поблизости⁶. Расселение было типичным. Хотя во Флоренции правилом было разделение наследства между мужчинами, большинство наследников договаривались, кто из них будет преемником фамильного дома⁷.

В своей книге Лапо не описывает свой дом, но он, вероятно, соответствовал обычному типу патрицианских домов, построенных в XIV в.: здания были высокие и прямоугольные, с узким фасадом, выходившим на улицу и, возможно, украшенным фресками на религиозные темы. На первом этаже располагались лоджия, или гостиная, кухня, возможно, комната для гостей и деловые кабинеты. На втором этаже, вероятно, находились «большая комната», или салон в передней части, спальня хозяина и спальни других членов семьи. На верхнем этаже или этажах размещались помещения для слуг и, возможно, летняя лоджия, или навес для отдыха в жару. В каждой жилой комнате имелся камин. Освещение давали сальные свечи, роговые фонари и медные масляные лампы. Мебель включала столы на козлах, деревянные стулья, а также лавки, постели с пологом и сундуки, т. е. была сходна с мебелью замка Кейстер. Увлекался ли Лапо живописью и скульптурой в качестве декора интерьера, он не рассказывает, но ренессансное искусство уже перемещалось из церквей и соборов в частные дома. Вероятно, позади дома был огород, а может быть и цветник⁸.

По соседству находился дом, также принадлежавший Лапо; в нем располагались цирюльня и общест-

венная баня. Два цирюльника платили аренду в 6 золотых флоринов, из которых они вычитали 3 флорина 19 солидов за его бритье, стрижку волос его и его детей и разрешение его семье купаться⁹.

Лапо также владел не одним домом в сельской местности в нескольких унаследованных или купленных поместьях. Его главное загородное имение включало большой сад и виноградник, дом синьора и другой дом — для арендатора, который обрабатывал землю. Отец Лапо заплатил за это поместье 775 золотых флоринов, но контракт был составлен на 700, «для того, чтобы, — как прямо пишет Лапо, — платить меньшие налоги»¹⁰.

Лапо ощущал родство не только со своим, но со всеми домами, принадлежавшими семье; он писал: «Хотя [некоторые] дома были оставлены многим учреждениям и многим лицам, и отданы некоторым как приданое, они в конце концов возвращались к нам, и дай Бог, чтобы так и было долгое время»¹¹. Однако ему не удалось достичь его очевидной цели — объединить городские владения в единое целое. Такие объединения родственных семей, возникшие в Генуе в XII в., стали в городах традиционными, а ко времени Лапо уже несколько устарели в Италии. Их подробная характеристика и даже собственная номенклатура, которая бы позволила различать их разнообразные типы, ждет будущих исследований. Д. Николас обнаружил такие родственные группировки в Генуе (он называет их то клановыми, то родственными); они процветали в XIV в.: распределяли имущество между наследниками, помогали устраивать браки, осуществляли кровную месть и получали штрафы за убитых родичей¹². В Генуе XV в. такие группировки назывались *alberghi*, имели основные характеристики клана и насчитывали до 600 членов¹³. Во Флоренции они назывались *consorterie* и были патрилинейными — объединяли потомков по мужской линии; они доминировали в своих кварталах, привлекая к себе некоторое количество более слабых семей, бедных родственников или клиентов; они сплачивались семейственностью и благотворительностью. Как и в Генуе, флорентийские родственные группировки оставались институтом исключительно высшего класса¹⁴.

Лапо ди Джованни Никколини был женат дважды. От первой жены он имел 7 детей, один из которых умер в младенчестве, от второй жены — 6¹⁵. Его мать была еще жива в 80 лет, и, овдовев второй раз, его сестра Монна осуществила свое традиционное право *tor-nato* (возвращения) и присоединилась к Лапо со своей дочерью Леной. Какое-то время в доме на Виа дель Паладжо жила также двоюродная сестра Лапо, Лена Агинетти, монахиня в миру, чье присутствие считалось благотворным, как своего рода амулет, приносящий удачу. Около 1418 г. под кровом Лапо жило 15 человек, не считая слуг¹⁶.

Возвращение чумы в 1417 г. лишило Лапо сына и дочери, живших дома, а также замужней дочери и зятя, чьих троих осиротевших дочерей он взял к себе. Никколайо, умершему сыну, который навлекал на себя порицание отца за то, что был «слишком большим расточителем как своих, так и чужих денег», было 31, но ко времени смерти он еще не женился¹⁷. Второй сын, Джованни, женился после смерти Никколайо и покинул дом. Бьяджо, третий сын Лапо, изучал право в Болонье и жил сам по себе. Четвертый сын принял обет и стал аббатом монастыря Сан-Сальви¹⁸. Ко времени составления *catasto* 1427 г. семья сократилась до 8 человек: Лапо, его вторая жена, их пятеро детей и внучатый племянник. Три осиротевшие внучки, содержание которых было возмещено Лапо семьей их отца, вероятно, уже вышли замуж и уехали. Среди слуг была женщина-рабыня¹⁹. Вызванный Черной Смертью недостаток слуг и, соответственно, высокая оплата их труда возродили работорговлю, но в ограниченном масштабе. Одно время рабов в значительном количестве вывозили из Восточной Европы (этноним «славяне» породил термин *slaves*), но торговля рабами-славянами закончилась после обращения этого региона в христианство, поскольку церковь запретила превращение христиан в рабов. Привозимые в XIV в. рабы, по преимуществу женщины, были в основном татарами или черкесами. *Catasto* насчитывает всего 300 рабов среди 40 000 населения Флоренции²⁰.

Из 46 кровных родственников, упомянутых Лапо в своей книге, 23 в то или иное время пользовались гостеприимством дома на Виа дель Паладжо²¹. Принцип открытого дома, которого придерживался Лапо, разде-

лялся другими флорентийскими богачами — только они имели достаточно просторные для этого дома. Немногим меньше 4% городских домов в 1427 г. вмещали более 10 человек, включая слуг, тогда как средний дом — 3,8 человек. Во дворах в флорентийской сельской местности жило в среднем 4,7 человек, иногда это было более одной семьи, «разделявшей хлеб и вино», по словам сборщиков налогов. Обычно так жили родственные семьи, особенно семьи братьев, другими словами, это была модель составной семьи²².

Расширенное домохозяйство Лапо также было строго семейным. К. Клапиш-Зубер указывает, что в противоположность 46 кровным родственникам и 50 или более свойственникам в книге Лапо упомянута лишь небольшая горсточка друзей²³. Д. Херлихи полагает, что позднесредневековая городская семья психологически страдала от утраты своих членов из-за чумы и других причин и потому стремилась подчеркнуть членство в более крупных родственных группах²⁴.

Ведение домашнего хозяйства было в руках жены Лапо, которая, возможно, пользовалась советами из замечательного труда Леона Баттиста Альберти «Книги о семье» («I Libri della Famiglia»). Альберти обращает особое внимание на упорядоченность хозяйства: «Все должно быть помещено так, чтобы оно было в полной безопасности, но доступно и готово для употребления, при этом загромождать дом следует как можно меньше... Следите, чтобы то, что использовалось, было немедленно поставлено обратно на место»²⁵. Все ключи должны находиться в руках хозяйки дома, за исключением тех, которые используются ежедневно — от буфетной и кладовой — и могут быть доверены наиболее надежному слуге. Покупки должен делать муж по списку жены, которая должна быть достаточно предусмотрительна, чтобы необходимое покупалось «по самой низкой цене и наивысшего качества. Продукты, покупаемые не в сезон, нечисты, легко портятся и дороги». Истинная экономность, согласно Альберти, означает покупку качества, будь то еда или одежда²⁶.

Сочинение Альберти, крайне популярное в XV в. и ставшее итальянской классикой, представляет собой зарисовку класса флорентийских купцов, к которому принадлежал Лапо ди Джованни, «в полноте их здравого смысла и трезвого хвастовства»²⁷. Брак для этого

класса сохранял свою непреложную целесообразность, как и всегда, но Альберти не упускает из вида и личные качества жены. Он подчеркивает «достойные манеры», отмечая, что «необузданная, расточительная, грязная, пьяная женщина может быть прекрасна лицом, но никто не назовет ее прекрасной женой», и заключает: «Поэтому в невесте мужчина должен искать красоту ума, то есть хорошее поведение и добродетель». Он полагает, что женщина не должна быть слишком толстой или слишком худой, но «веселого нрава, свежая и живая». Очень существенной представлялась ее способность к материнству. «Милость, изящество и очарование» — все это очень хорошо, но мужчина должен «выбирать женщину, которая хорошо сложена для вынашивания детей, с той конституцией, которая обещает, что дети будут сильными и крупными. Есть старая пословица: "Когда ты выбираешь жену, ты выбираешь детей"»²⁸.

Первоочередное значение в купеческих браках придавалось образованию семейных альянсов. Отец Лапо выбирал супругов для своих детей, руководствуясь одним из двух принципов: либо со стороны и выше, тем самым вступив в союз с семьей более высокого статуса, либо по соседству, тем самым укрепив местные связи. Одна из сестер Лапо получила в приданое 975 флоринов, что отражало движение вверх по социальной лестнице в форме союза с семьей, владевшей землей и обладавшей высоким престижем. Брат Лапо Никколоайо женился на молодой женщине из линьяжа Барди, самого крупного во Флоренции и запечатленного в названии Виа деи Барди, где были сгруппированы их многочисленные дома и предприятия. Лапо и его брат Филиппо женились внутри своего собственного квартала Святого Духа, получив от своих невест в качестве приданого 700 и 800 флоринов²⁹.

Вторым браком, который он заключал сам, Лапо женился на Катерине, даме из Милана, овдовевшей дочери другого торговца шерстью³⁰. Брак принес ему приданое в 1000 флоринов, что отражало престиж Лапо в тот момент его жизни, когда он достиг значительного успеха в делах и занимал официальную должность в городе. Две его дочери получили приданое в 700 и 1000 флоринов, которые отражали различия в социальном статусе самого Лапо и семей Альтовита и

Альбицци, в которые они вошли³¹. Что касается приданого, то мудрый Альберти настаивал на приданом «скорее среднего размера, но надежном и быстро получаемом, нежели большом, сомнительном или обещанном в неопределенном будущем»; он изобразил слишком распространенную сцену, в которой новая жена подкрепляет своими слезами мольбы ее семьи отложить выплату приданого из-за различных долгов, неудач и потерь. Этот совет согласуется с общим принципом Альберти не брать супругов из семей со значительно более высоким или низким социальным статусом. Сильно превосходящие своим статусом свойственники могли не только затмить человека, но и потянуть его за собой вниз в случае всегда возможного обвала в делах. Поэтому «пусть они будут равно скромные и уважаемые люди». Да и в целом, поскольку нельзя иметь все сразу, лучше хорошая жена, а также добрый родственник, чем большое приданое³².

Обычно приданое выделялось в деньгах и предметах быта, стоимость которых включалась в общую сумму приданого. Что касается неденежной части, дающий и получающий могли не приходиться к одинаковым цифрам. Грегорио Дати, торговцу шелком и соседу Лапо ди Джованни в квартале Святого Духа, два двоюродных брата невесты обещали приданое в 900 золотых флоринов. Через четыре дня после свадьбы он получил из банка Джакомино и К° сумму в 800 золотых флоринов и «подарки», которые двоюродные братья оценили в 106 флоринов, «в свете чего они вычли 6 флоринов из другого счета, оставив мне 100 золотых флоринов. Но из того, что я слышал от нее, и того, что я видел сам, они завысили цену на 30 флоринов или больше. Однако из вежливости я ничего не сказал об этом»³³.

Кроме свойственников, брак приносил дальнейшие социальные и деловые альянсы в форме *compari*, связей, возникавших при крещении детей; крестными обычно бывали соседи равного или — при возможности — более высокого положения. Некоторые из крестных родителей детей Лапо становились ими бесплатно, «per l'amore di Dio» («из любви к Богу»), другие же привлекались с помощью подарков. Все они были «добрыми людьми с состоянием и властью», как их рекомендует автор-купец Джованни Морелли³⁴. Число

крестных родителей уже давно было определено — три, из которых два должны были быть того же пола, что и младенец. Исключались близкие родственники, равно как и потенциальные партнеры по браку, поскольку крещение ребенка создавало «духовное родство» и приводило в действие запрет на инцест³⁵. Крещение также требовало одаривания младенца. Однажды, приглашенный в качестве крестного отца Франческо Датини шутливо спросил друга: «Сколько стоит сделать ребенка христианином?» На что друг ответил в том же духе: «В зависимости от того, насколько ты хочешь себя почтить!». Обычно дарили пироги, но по крайней мере однажды Датини преподнес три элла³⁶ тонкой ткани³⁷.

В среде флорентийской элиты возродившееся приданое давно уже выросло до значительной суммы. Данте в «Рае» (1315—1321 гг.) проследил путь до времен своего пра-прадедушки: «Отцов, рождаясь, не страшили дочери, / Затем что и приданое и срок³⁸ / не расходились дальше должной точки³⁹»⁴⁰. Если в семье было несколько дочерей, то самых некрасивых экономно определяли в монастырь. В 1425 г. городское управление Флоренции, изыскивая средства для быстрого увеличения годового дохода, обратилось к проблеме приданого и создало *Monte delle Doti*, сберегательное учреждение, в которое отцы могли вносить вклады для обеспечения будущего дочери. После ряда экспериментов со сроками и учетными ставками *Monte delle Doti* стало чрезвычайно популярно⁴¹. Выплаты поступали новому мужу после физического подтверждения брака. Обычно он был рад получить деньги. Соответственно нередко случалось, что за несколько дней, а то и недель до того, как невеста должна была переехать в свой новый дом, брак осуществлялся физически в доме невесты, чтобы жених наутро после свадьбы мог первым делом поспешить в *Monte delle Doti*.

Если затраты на свадьбу были чрезмерны для отца невесты, они распределялись между ним и женихом и его семьей. Флорентийское законодательство ограничило старый свадебный дар невесте (*donatio propter nuptias*) 50 лирами, но от мужа, имевшего высокий статус, ожидали потока подарков для возлюбленной: драгоценностей, мехов, одежд и мебели, чтобы «обставить

комнату», в которой они должны спать. Это контр-приданое к XV в. выросло настолько, что резко увеличился узкий круг профессиональных кредиторов приданого.

Экономические соображения помогали сохранять традиционную для Флоренции разницу в возрасте. Чума снизила брачный возраст по сравнению с предыдущим столетием, когда трое из предков Лапо отпраздновали свое сорокалетие до свадьбы⁴², но и в 1427 г. мужчина любого сословия обычно не женился первый раз до своего тридцатилетия. Молодые сельские женихи, которым жена нужна была для помощи в хозяйстве, женились в среднем в 25 лет, но флорентийский делец обычно женился около 35. Он выбирал невесту вдвое моложе себя; в среднем городская невеста всех сословий была около 18 лет, и богатые девушки выходили замуж моложе, чем бедные⁴³. Ситуация могла носить характер самоосуществляющегося пророчества. Во Флоренции, где, как и в Генуе, доминировало делимое наследование всеми мужчинами, молодые люди получали свою часть имущества — деньги, дом, движимое имущество — при самоопределении, обычно непосредственно перед заключением брака, что также требовало немалых расходов. Семьи, вынужденные давать приданое дочерям, могли стремиться отложить выделение сыновей. Лапо ди Джованни описал в своей книге, как он выделил своего сына Джованни: «Я составил договор с Джованни, моим сыном, 7 ноября 1418 г. Причиной, побудившей меня сделать это, стало то, что Джованни около 26 лет, и я хотел дать ему жену. Поскольку у меня очень большая семья, я решил отделить его и дать ему справедливую долю моего имущества, а также много более того. Это я и сделал, потому что он старший из моих выживших сыновей. Договор был составлен сером Антонио, флорентийским нотарием»⁴⁴. К этому времени Лапо уже выделил других сыновей от первого брака. Его сыновья от второго брака ко времени его смерти еще не достигли зрелости.

Немногие отцы могли позволить себе такую широту взглядов. Улицы Флоренции были полны молодых холостяков из хороших семей, с золотом в кармане, склонных к разгулу и насилию, толпа Тибальтов и Меркуцио. Тем временем более бедные девушки, по-

ставленные в невыгодное положение состязанием приданных, догоняли своих богатых сестер, работая служанками, пока не накопят денег на скромное приданое в наличных и вещах, достаточное, чтобы привлечь отпрыска медника или торговца рыбой.

В среде богатых флорентийцев брак был предприятием, требующим осмотрительности, времени и церемоний; он был прямо противоположен тайным крестьянским бракам, клятвы в которых так часто досаждали церковным судам. Когда союз двух флорентийских купеческих семей осуществлялся, не могло быть сомнений в том, что брак состоялся на самом деле. По метафоре К. Клапиш-Зубер, это событие являло собой триптих, основание которого (*pedella*) составляло предварительное совещание обеих сторон, обычно подготовленное *sensale*, брачным маклером, или другом обеих семей. После того, как достигалось соглашение по основным пунктам: о желательности альянса и о размере приданого, обе пары родителей, сопровождаемые близкими родственниками, но не вступающими в брак, снова встречались, чтобы запечатлеть договор в письменной форме и скрепить его печатями, после чего они обменивались рукопожатиями, *impalmamento*. Теперь невеста и жених встречались: молодой человек наносил визит сосватанной девушке, преподносил подарки в виде колец или драгоценностей и обычно приглашался на обед⁴⁵.

Механизм обручения очевидным образом исключал для невесты возможность выбора, и все же было бы небезопасно утверждать, что все флорентийские невесты покорно принимали решения родителей. Популярный проповедник Фра Бернардино из Сиены побуждал девушек к независимости историей об одном «очень низеньком молодом человеке», который, познакомившись с невестой, обнаружил, что она «прекрасная высокая молодая женщина». На вопрос брата «Ну как, нравится она тебе?» он ответил: «Конечно, нравится». Но девушка, осмотрев его маленькую фигурку, воскликнула: «Но вы мне не нравитесь!» После чего проповедник добавлял с удовлетворением: «И поделом ему!»⁴⁶.

Первая панель триптиха изображала торжественное публичное собрание, обычно в церкви, друзей и родственников заключающих брак семей, но только муж-

чин. Жених присутствовал на церемонии, невеста нет; вместо нее выступал ее отец или другой мужчина, который осуществлял над ней власть, и приносил официальный брачный обет ее будущему мужу. Жених в свою очередь обещал принять свою невесту через определенное договором время и на согласованных условиях. Нотарий фиксировал условия в документе (*sponsalia*), который не носил обязательного характера по закону, но который связывал обе стороны, и кровная распря была наиболее вероятным результатом его разрыва любой из сторон⁴⁷.

На второй панели триптиха женщины, члены семьи и подруги, присоединялись к мужчинам в доме невесты в «день кольца»⁴⁸. Теперь нотариий задавал формальные вопросы, предписанные церковью, чтобы убедиться в свободном согласии, затем протягивал правую руку невесты к жениху, который надевал обручальное кольцо ей на палец (в других местах священник освящал кольцо и передавал его жениху). Жених, его семья и друзья раздавали подарки, а семья невесты приглашала всех на пир, в то время, как нотариий завершал составление *instrumentum matrimonii*⁴⁹.

Невеста не сразу переезжала в свой новый дом, но ее приданое доставлялось туда с максимальной публичностью. Ответные дары мужа растягивались на длительный период, и их могли позднее вернуть, предположительно с согласия жены, родственнику или профессиональному кредитору, который дал их. Строго временными были кольца, которые, согласно флорентийскому обычаю, заимствовались у родственников мужа, чтобы приветствовать невесту в ее новой семье и которые она, в свою очередь, должна была отдать последующим новым невестам. Подарки в виде еды на свадебном пире символизировали ту же преемственность, поскольку невеста позднее участвовала в приготовлении свадебных блюд для других.

Третьей панелью триптиха была *nozze* («ночь»). Чтобы брак был *perfetto* («совершенен»), что подразумевало в первую очередь его полную публичность, невеста переезжала в дом мужа, в короне и свадебном туалете, с факелами, верхом на белой верховой лошади, в сопровождении отряда друзей ее мужа. В Риме частью церемонии *nozze* была остановка у церкви, где

пара выслушивала мессу и получала благословение; во Флоренции церковной службы могло и не быть⁵⁰.

Если брак еще не был физически подтвержден, то это происходило сейчас, между пиршествами и развлечениями, которые могли продолжаться несколько дней. Их длинная цепь варьировалась, соединяя обе части триптиха в один. Менее богатые люди чаще включали церковный элемент, который присутствовал ныне практически повсеместно и за пределами Италии, хотя бы в форме произнесения обетов у церковных дверей.

Заключительный ритуал, нечто вроде общественно-го постскриптума ко всем формальностям, широко распространенный по всей Европе, был известен во Франции и Англии под названием *charivari*, в Италии — *mattinata*. Во Франции весельчаки в масках пели серенады жениху и невесте под аккомпанемент шумных импровизированных инструментов. В Италии масок не было, но музыка была еще ужаснее, так что этот обычай (*rumore*) многократно подвергался запрещению как городских властей, так и церкви. Вступающих в повторный брак вдов и вдовцов особенно бурно чествовали *charivari*, которые часто кончались уличным скандалом. В Авиньоне взятые с участников подобных действий штрафы шли на уборку улиц. В Модене ритуал *mattinata* превратили в благопристойное занятие тем, что от зачинщиков шума откупались взятками, достаточными, чтобы отпраздновать это событие в трактире, а в это время нанимались настоящие музыканты, чтобы исполнить для супружеской пары серенады⁵¹.

Разница в возрасте мужа и жены вела к раннему вдовству и последующему повторному браку, при котором, как это ни странно, разница часто бывала еще больше: старики, будь они вдовцами или нет, отдавали очевидное предпочтение молодым женщинам. Женщины более зрелого возраста, как, возможно, сестра Лапо Монна, овдовевшая дважды, обычно бывали вынуждены возвратиться домой к своей семье, где ее мог и не ждать восторженный прием, особенно если она привозила с собой маленьких детей. В некоторых случаях вдову вынуждали уехать из дома мужа, поскольку в нем жили один или более его братьев, брак или секс с которыми был исключен для нее запретами на ин-

цест. Если же она оставалась одна, возникала опасность другого рода — угроза ее репутации. Удовольствия секса, раз испробованные, считались опасно приятными. В клириках видели сомнительных компаньонов, особенно монахов нищенствующих орденов, которые, согласно Боккаччо, были «великими утешителями вдов»⁵². Фра Бернардино, у которого имелась история на каждый случай, предостерегал вдов в своем приходе «быть осторожными», рассказывая историю о священнике, который спас женщину из борделя. Чтобы уберечь себя от искушения, она попросила его замуровать ее в «келье», оставив только небольшое отверстие, чтобы разговаривать через него. Но когда они общались через отверстие, «каждому из них приходили в голову такие мысли, которые иногда посещают человека», и она пригласила его внутрь, и «не затягивая рассказ, [скажу, что] вскоре она оказалась с ребенком. И отчего все это произошло? От недостаточной осмотрительности»⁵³.

Флорентийская вдова XV в. обычно обладала финансовой независимостью, поскольку ей возвращалось приданое. Хотя оно свободно использовалось мужем, пока он был жив, приданое никогда не переставало быть собственностью жены и, чтобы защитить ее интересы, закон признавал ее права предпочтительными перед правами кредиторов и даже ее мужа, если его расточительность или плохое ведение дел носили угрожающий характер⁵⁴.

Вступающая в повторный брак молодая вдова (или девушка, выходящая замуж за вдовца) часто сталкивалась с другой проблемой — его детьми от первого брака. Фра Бернардино утверждал, что молодая невеста немолодого мужа, переселившись в новый дом может найти там «пасынков и так мало любить их, что будет попрекать их даже едой, или, если найдет падчерицу, мир продлится недолго. А — о-о-о! — если есть свекровь — я не буду говорить ничего; вы знаете это сами. Мало мира; счастливые времена скоро кончатся»⁵⁵. Пасынки и падчерицы иногда подавали в суд иски на своих мачех и отчимов из-за прав на имущество, хотя завещания часто обеспечивали равные права для всех детей.

Но как бы то ни было с детьми, брак юной невесты и пожилого мужа придавал жене XV в. особенно

уязвимую позицию в семье: при первом браке она по своему возрасту находилась где-то посередине между отцом и детьми. Она сама обычно растила детей и, поскольку пожилой муж вряд ли мог дожить до их совершеннолетия, она и воспитывала их по преимуществу сама. Моралисты подозревали, что материнское воспитание детей во многом является причиной беспокойства флорентийской молодежи. «Матери ни на какую просьбу не отвечают "нет", — писал поэт Маффео Веджо. — Они полустительствуют детям, они становятся на их сторону, когда дети жалуются на ушибы, нанесенные их товарищами по играм, или удары своих учителей, так, как будто они сами ранены. Наконец, они разрешают им все, что они не захотели бы. Что может быть названо более ужасным, чем эти легкость и вседозволенность, которой следуют в первую очередь матери?». Отцы должны принимать участие в воспитании детей⁵⁶.

Единственной важной обязанностью, обычно исполняемой отцами, был выбор кормилицы (*balia*). Широко распространенное среди позднесредневековой аристократии Флоренции приглашение кормилиц к этому времени вошло в обычай и у среднего сословия. Кормилицы, по словам карнавальной песенки, были «молодыми замужними женщинами, опытными в нашем искусстве, мы умеем запеленать младенца в мгновение ока»⁵⁷. Некоторые жены флорентийских ремесленников выхаживали детей купцов и банкиров, отдавая выкармливать своих детей крестьянкам за более низкую плату; богатая мать, которая не выкармливала своего ребенка, платила столько, что этого хватало обеим кормилицам.

Иногда кормилицы жили в доме, где находился ребенок, но значительно чаще (четыре раза из пяти, по одному из исследований) они брали ребенка в свой собственный дом, часто находившийся на некотором расстоянии за пределами города. Увезенные в корзине на осле, которого вел слуга, такие младенцы были полностью отделены от своей семьи на протяжении 18 месяцев или более⁵⁸. Проповедники не одобряли подобную практику, правда не по религиозным, а по практическим мотивам: «Вы отдаете своего ребенка, чтобы его вскормила свинья, — говорил Фра Бернардино своим прихожанам, — где он набирается приви-

чек своей няни... И когда он возвращается домой, вы жалуетесь, "Я не знаю, на кого ты похож; это не наш сын!"»⁵⁹. Что касается козлиного, овечьего, коровьего молока, то оно считалось пригодным в лучшем случае в соске. Ребенок, «выкормленный молоком животного, не будет иметь совершенного ума», — считал Паоло да Чертальядо, автор книги советов. Все соглашались, что младенец похож на растение, которое нуждается в выращивании на подходящей почве. Микеланджело, которого отдали на вскармливание жене камнереза в 1475 г., шутливо заявлял, что он впитал «молоток и резец, которые я использую для моих статуй, с молоком няни»⁶⁰. Отцы тратили много усилий, чтобы найти физически здоровых и добродетельных кормилиц, и в договоре специально оговаривали «хорошее и здоровое молоко»⁶¹.

Возвращение ребенка домой после пребывания у кормилицы было, вероятно, поводом для радости, давало отцу возможность выразить свою привязанность к ребенку, часто давно установившимися путями. Альберти изо всех сил критикует отцовскую привычку подбрасывать ребенка в воздух. С маленькими детьми, согласно Альберти, надо обращаться с величайшей нежностью и, по сути дела, лучше всего их передавать исключительно в руки матери. «Последующий возраст полон восторгов» как для родителей, так и для начинающих ходить и «сопровождается общим смехом. Ребенок начинает оповещать о своих желаниях и частично облекать их в слова. Вся семья выслушивает, а все соседи повторяют его выражения не без радостных и веселых обсуждений... На пути ребенка обнаруживаются бесконечные надежды, удивительные свидетельства его тонкого ума и острой памяти, и так каждый говорит, что маленькие дети — утешение и радость для их отцов и стариков в семье»⁶².

По мнению Альберти, образование абсолютно необходимо «любому человеку, который должен руководить и управлять вещами» — отношение, единодушно разделяемое флорентийской элитой. Хронист XIV в. Джованни Виллани писал, что 60% флорентийских детей посещают школу⁶³ — и это в столь раннее время. Обучение начиналось даже раньше, чем дети приступали к формальному школьному образованию. 8-летний Пьеро де Медичи писал своему отцу Лорен-

цо в 1479 г.: «Мы все здоровы и учимся. Джиованни начинает писать. Лукреция шьет, поет и читает Луиза начинает говорить несколько коротких слов. Контессина наполняет дом своим шумом». В XV в. большинство детей из среднего класса и богатых семей начинали формальное образование около 7 лет в школах коммуны. Обучение проходило три стадии: первая — обучение чтению и письму; вторая — обучение счету с использованием в это время арабских цифр, введенных в Европе Леонардо Фибоначчи; третья — активная работа в качестве ученика в банке или торговом доме⁶⁴.

Если есть что-то, что прекрасно сочетается со знатностью или является достойным украшением человеческой жизни, — писал Альберти — или приносит хорошие манеры, власть и репутацию семье — это, разумеется, образование. Отец должен быть уверен, что его сыновья посвящают свое время серьезным занятиям. Он должен научить своих детей правильно читать и писать. Они должны научиться абаку, познакомиться с геометрией, поэтами, ораторами, философами. Нравственность приобретается вместе со знанием литературы». Сборники текстов того времени на «варварской» латыни вызывали нарекания Альберти, который настаивал на чистом латинском языке Цицерона, Ливия и Саллюстия⁶⁵.

Хотя флорентийские девочки иногда посещали школу, требования к их образованию были значительно ниже, чем к образованию мальчиков. Их могли зачислить в религиозное учреждение, где они оставались до замужества или навсегда, но их могли обучать письму, а могли и не обучать. Маргерита Датини, жена Франческо Датини из Прато, научилась читать и писать, только став взрослой женщиной, для того, чтобы вести личную переписку со своим часто отсутствующим мужем⁶⁶. Даже для патрицианских женщин обучение ведению домашнего хозяйства шло впереди книжного учения. Фра Бернардино советует родителям обучать дочерей «шить, кроить, прясть, убирать, готовить, мыть собственную голову и головы братьев, обстирывать дом и накрывать на стол. Пусть они не будут похожи на тех девушек, которые, придя в дом мужа, не могут сварить яйцо!»⁶⁷

Дисциплина была по преимуществу сферой отцов, которые, по разумению Альберти, должны требовать

ее с умеренной строгостью и беспредельной бдительностью: «Обязанность отца не только наполнить буфет и колыбель, как говорят. Он должен, более того, блюсти и охранять семью со всех сторон, проверять и держать в поле зрения весь дом[, включая слуг], знать все поступки каждого члена семьи в доме и вне дома, исправлять и улучшать каждую дурную привычку. Предпочтительнее, чтобы он использовал увещающие, а не негодующие слова, авторитет, а не власть»⁶⁸.

Особенно строго сдерживать следовало взрослых молодых людей. Хороший отец «знает, как управлять склонностями молодых людей. Он никогда не должен разрешать им пытаться сделать что-либо безответственное или дикое из мести или для удовлетворения своего юношеского и разгульного оптимизма»⁶⁹. Отец, суммирует Альберти, «должен всегда вести себя как отец, не предосудительно, но достойно, не фамильярно, но доброжелательно. Каждый отец и каждый старший по возрасту должен всегда помнить, что власть, основанная на силе, неизбежно оказывается менее прочной, чем авторитет, поддерживаемый любовью. Никакой страх не может длиться очень долго; любовь продолжается значительно дольше»⁷⁰.

Гуманистический реализм Альберти был голосом из будущего. Но продолжали раздаваться и голоса из прошлого. Фра Джиованни Доменичи рекомендовал такие отношения между родителями и детьми, которые бы вполне соответствовали взглядам римского *paterfamilias*: «По крайней мере дважды в день» детей надо заставлять «почтительно преклонять колени у колен отца и матери и получать их благословение а, поднявшись, склонить голову и поцеловать руку отца... Они не должны позволять себе разговаривать в присутствии отца и матери, даже если они бородатые мужчины, но только слушать и отвечать»⁷¹. И далее: «Сын — это вещь отца и матери, и потому его можно бить столько, сколько они хотят». Овдовевшая мать должна принять на себя роль отца и действовать «шлепками и розгами». Чтобы научить справедливости и терпению, следует требовать неукоснительной дисциплины, даже если сыну 25 лет⁷².

Все соглашались в том, что за девочками требуется самый неусыпный надзор. «Не спускайте глаз [со своей дочери], — предупреждал Фра Бернардино. —

Если она не сидит спокойно дома за прядением и тканьем, но подбегает к окну на каждый звук, — тогда, если вы не накажете ее, вы увидите, что она доведет вас до позора... Остерегайтесь пускать [молодых девушек] на пиры или свадьбы. Не давайте им иметь ничего общего со слугами. Не давайте им слишком много разговаривать даже с их родственниками; потому что, если вы потом обнаружите, что они беременны, вам не придется спрашивать, как произошла подобная вещь. Не вверяйте их [попечению] родственников... И никогда, никогда, никогда не давайте им спать вместе с их собственными братьями, как только они подрастут; потому что Дьявол хитер... Не слишком вверяйте вашу дочь даже ее отцу»⁷³. Несмотря на неослабевающую озабоченность грехом кровосмешения, сохранившиеся документы свидетельствуют о нескольких действительно бывших случаях. А что касается целомудрия в целом, предостережения Фра Бернардино родителям кажутся хорошо обоснованными. Популярная книга об этикете и одежде дает невесте советы, как показаться девственницей, если она таковой не является⁷⁴.

В рассматриваемый период незаконнорожденные дети впервые признаются социальной проблемой, требующей внимания правительства. В 1420-е годы Флоренция учредила первый в мире приют для подкидышей, знаменитый *Ospedale degli Innocenti*, революционная конструкция которого, принадлежащая Брунеллески, считается началом ренессансной архитектуры⁷⁵. Как и открывавшиеся впоследствии в других странах аналогичные учреждения, приют не мог справиться с этой проблемой, усугубленной к тому же большим количеством сирот без родственников, которые могли бы взять их. Исследование К. Клапиш-Зубер флорентийских документов раскрывает печальное детство маленьких бродяжек и попрошаек, старших детей, которые поддерживали братьев и сестер, девочек, проданных их родителями, младенцев, оставленных у церковных дверей. Усыновление, которое стало эффективным средством позднее и было хорошо известно Древнему Риму, мало применялось в Средние Века⁷⁶.

Несмотря на множество нежеланных детей, церковь ужесточила свое отношение к контрацепции. Библейский рассказ о грехе Онана принимался как прямое свидетельство осуждения широко распростра-

ненной техники *coitus interruptus*. Другая техника, содомия, признавалась смертным грехом. Данте намекал на него, а в следующем столетии Бенвенуто Челлини был обвинен в Париже в отношениях с девушкой «на итальянский манер»⁷⁷. Материальные, например закупка влагалища, так же как и патентованные средства, вроде травы Пьера Клерже, и другие магические и полумагические приемы использовались очень широко, а распространенность целей их применения нашла отражение в латинской пословице, которая дошла до нашего времени: «Если не целомудрие, то осторожность» (*Si non caste, tamen caute*), или «Если не можешь быть добродетельной, будь осторожна»⁷⁸. Д. Херлихи полагает, что в целом контрацепция могла давать демографические результаты, хотя брачный возраст и другие нецеленаправленные факторы без сомнения играли значительно большую роль⁷⁹. Практика приглашения кормилиц сокращала срок между беременностями для матерей, которые не вскармливали сами своих детей, и удлиняла его для тех, кто это делал. Флорентийская статистика показывает, что среди двух категорий женщин, которые обычно становились кормилицами, деревенские матери имели больше детей, чем бедные городские⁸⁰. Богатые городские матери, которые отдавали своих детей кормилицам, были более плодовиты, чем бедные, они также могли лучше защитить своих младенцев от болезней и опасностей. Их дома были «переполнены молодыми людьми и детьми»⁸¹.

Преклонный возраст приносил свои трудности даже богатым флорентийцам, но такие, как Лапо ди Джованни Никколини могли рассчитывать на больший комфорт, чем их предки. Они также пользовались преимуществами тосканского местного обычая сохранять главенствующее положение *capo di famiglia* («главы семейства»), пока дышат. Повиновение и уважение, воспитываемые в детях, очевидным образом распространялись и на преклонные года родителей, к которым проповедники требовали относиться с добротой и терпением: «Люди не быки, которые чем старше, тем выносливее, — замечает Фра Бернардино. — Если [твой отец] болен, раздражителен в речах и вспыльчив характером, усыпь его дорогу розами»⁸². Учитывая власть *capo di famiglia*, обращение к нему с просьбами было и осмотрительным, и гуманным.

Лапо ди Джованни дожил до 1430 г. и занимал несколько важных общественных должностей. Ко времени своей смерти он был управляющим (*vicario*) замка в Вико Пизано⁸³. Его сын Паоло сделал запись о его смерти и погребении с почтением, в котором можно разглядеть больше, чем просто удовлетворенность стоимостью похорон: «Всемогущий Бог призвал к себе благословенную душу Лапо, моего отца, сына Джованни Никколини. Пусть Бог в своем сострадании и милости даст его душе истинное прощение, а это случилось 24 декабря 1430 года в 10 часов... И мы велели привезти тело упомянутого Лапо из Вико Пизано во Флоренцию в запечатанном гробу 26 декабря 1430 года, и мы поместили упомянутый гроб в Сан Джакомо траде Фоссе в тот же день в час вечерни. И мы похоронили его 27 декабря вечером в флорентийской церкви Санта Кроче в гробнице Джованни, его отца, у подножия алтаря, где захоронены другие члены нашей семьи, и где находится мраморная плита с написанным именем упомянутого Джованни, и наш герб находится посередине... И затем 4 января мы отслужили погребальную службу и поминовение упомянутому Лапо, моему отцу, поскольку таковы были наша обязанность и наше желание, потому что он был мужем большого достоинства и глубоко почитаемым во всех главных учреждениях нашей страны как дома, так и за рубежом. Хотя и было нехорошее время войны и чумы и хотя мы выплатили тяжелейшие налоги и у нас было мало имущества, мы воздали ему и себе почести сверх наших интересов, как должны делать хорошие сыновья. Мы много потратили, как явствует из книги наследников упомянутого Лапо, написанной рукой Бернардо Никколини».

Погребальный обряд требовал стягов, гербов и флагов, которые несли пешие и конные и которые знаменовали многочисленные отличия Лапо, деловые и политические, и большого количества священников: «Это потребовало больших расходов, и мы четыре младших сына, Паоло, Лоренцо, Бернардо и Отто, оплатили все, а также расходы за бдение... За все это да восхвалим и возблагодарим Господа, потому что я истратил свою четвертую часть по доброй воле и я надеюсь, что так же поступили и трое других»⁸⁴.

Брак и семья после Черной Смерти

Чума, пронесшаяся над Европой в 1347—1349 гг., опустошила Европу, многие регионы которой и так уже страдали от экономического и демографического упадка. Несмотря на беспрецедентную жестокость эпидемии и несколько ее повторных вспышек, средневековая семья обнаружила способность к быстрому восстановлению и частично компенсировала свои потери, благодаря ранним бракам и увеличению деторождения. Держания погибших от чумы арендаторов мирно передавались, обычно родственникам, и, невзирая на некоторые социальные трения, крупных потрясений удалось избежать почти повсеместно.

Сокращение населения имело и некоторые позитивные последствия. Поскольку оплата труда повысилась, а цены на землю понизились, серваж уступил место свободной аренде и наемному труду. Дома в XV в. увеличились в размерах, улучшилась их планировка и обстановка, особенно в городах. Пережившие чуму крестьянские семьи увеличили свои держания, а условия аренды стали лучше. Выиграв от новой системы образования, некоторые из этих семей, как, например, Пастоны в Англии, обогатились настолько, что перешли из низшего класса в дворянство.

Брак оставался экономическим союзом, приданое выросло и стало более важным, чем когда бы то ни было. Переговоры о заключении брака между богатыми семьями как в деревне, так и в городе были осмотрительными и церемонными, сама же процедура все чаще требовала церковных ритуалов. Однако и в браках, заключенных по соображениям выгоды, была возможна любовь, что доказывают письма Пастонов, а решительно настроенные молодые люди женились даже невзирая на возражения родителей.

V.
КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Глава 15

НАСЛЕДИЕ

К последнему десятилетию XV в. завершение Реконкисты создало новую политическую силу — Испанское королевство, объединившее Кастилию и Арагон. Его правители финансировали путешествие из Генуи, делового центра Южной Европы, предприимчивого мореплавателя, который случайно открыл Новый Свет. Начало эпохи европейских географических открытий и колонизаций, с одной стороны, увенчало техническую революцию в книгопроизводстве и в военном деле, с другой — предшествовало протестантской Реформации, и потому оно стало для историков удобной вехой, отмечающей конец Средневековья.

Реформация принесла новые взгляды на вопросы брака и семьи, а новые экономические условия оказали на то и другое глубокое и длительное влияние. Если бросить взгляд на тысячелетие Средневековья, то оба института могут показаться в некоторых отношениях почти статичными по сравнению с изменениями, которые они претерпели в последующее время. Тем не менее, Средние века существенно трансформировали их, подготовив по существу формирование современной семьи. И римляне, и варвары нашли бы брак и семью в 1500 г. кардинально отличными от тех, к которым они привыкли.

Главным отличием европейской семьи эпохи Реформации от семьи времен римского владычества было сокращение ее функций. Религия являлась теперь достоянием христианской церкви, юрисдикция перешла в руки светских и церковных судов. Феодальный обычай, ремесленные гильдии, национальные правительства и вооруженные силы, школы и университеты все глубже вторгались в экономическую, социальную и образовательную функции семьи.

Тем не менее, место домохозяйства—семьи как основного кирпичика в здании общества осталось неиз-

менным, а в одном направлении оно даже возросло. Крупные родственные группы — кланы, линьяжи, группы кровных родственников — потеряли свое относительное значение. Произошла не та «прогрессивная нуклеаризация» семьи, о которой говорили раньше, а нечто более сложное. Эволюция включала такие важные тенденции для возрождения супер-семьи, как усиление роли патрилинейных связей в среде земельной знати XI—XII вв. и укрепление больших патрицианских кланов или линьяжей в итальянских городах примерно в то же время. Могущество кланов или семейных групп нарастало и убывало в зависимости от силы государства: когда правительство было слабым, супер-семья — сильной, а когда правительство становилось на длительный срок активным, клан ослабевал. Напротив, вертикальным возрастным группам Средневековье придало постоянное значение с помощью внедрения фамильных имен, в которых история отражалась в обратном порядке: индивид получал сначала личное имя, а затем уже фамилию.

На протяжении тысячелетия Средних Веков домохозяйство обнаруживает вполне очевидные изменения в размерах и структуре, но оно не развивается по своей сущности. В конце, так же как и в начале эпохи, между различными типами семьи существовали одни и те же различия: крестьянские семьи отличались от знатных, бедные от богатых (в противоположность современной поговорке, богатые имели больше детей), городские от сельских (одна из причин: между детьми легче поделить деньги, чем землю). В конце, так же как и в начале эпохи, в любой заданный момент времени семьи были «несовершенны», то есть в них или присутствовали лишние члены, или недоставало обязательных членов условной супружеской семьи, или и то и другое: пара родителей плюс дети.

В конце, так же как и в начале эпохи люди, вероятно, лишь очень редко жили в том семейном окружении, которое они бы хотели иметь. Гипотеза Р. Ринга о крестьянах из Фарфы IX в. западает в память. Если жители Фарфы мечтали о безопасности и дружеских отношениях с большим кругом родственников, они вряд ли были одиноки в своих желаниях. В XV в. флорентиец Леон Баттиста Альберти писал: «Я бы хотел, чтобы вся моя семья жила под одной крышей, обогре-

валась у одного очага и сидела за одним столом»¹. Стержневые и составные семьи, рассмотренные Ф. Ле Плэ, и обнаруженные Дж. Хоумансом у крестьян, живших в зоне открытых полей и в лесной зоне, возможно, и вправду представляли собой естественные идеалы, разбитые безжалостной действительностью. История семьи в этом, как и в других аспектах, вероятно, требует новых психологических и эмоциональных методов и подходов.

Была продемонстрирована опасность выводов, основанных на недостаточном материале. Гипотезы, выдвинутые в 1960-е—1970-е годы Ф. Арьесом, Л. Стоуном и Э. Шортером и утверждающие, что в средневековье эмоциональная жизнь семьи была бедна, не выдержали проверки последующими исследованиями. Свидетельств супружеских и родительских чувств не так много, особенно в первые столетия Средневековья, от которых вообще осталось крайне мало источников. Но выявлена достаточно богатая информация более позднего времени, чтобы показать, что семейные чувства проявляли и римляне, и франки, и англосаксы, и английские крестьяне XIII в., и итальянские купцы XV в., а также другие представители средневекового общества. Как писал Д. Херлихи: «Средневековая семья никогда не была эмоционально глуха; чем она действительно бедна — так это источниками»². В свете последних исследований, по этому вопросу больше не существует разногласий.

Разумеется, семейное окружение было суровым и нередко грубым. Экономические проблемы, от которых зависело выживание семьи, брали верх над всеми другими соображениями. Избирался такой брачный союз, который бы помог сохранить поместье, усадьбу или деловое предприятие; дети являлись элементом деловой жизни. В некоторых местах — в позднем Риме, в Фарфе IX в., в Тоскане XV в. — трех местах, о которых у нас есть достоверная информация, — отец осуществлял налагаемую на него обществом властную функцию до последнего дыхания. В других регионах его место в старости занимал его преемник, способный властвовать более жестко.

И в семье, и в ученичестве, и в школе детей воспитывали в уважении к власти. С. Трапп, говоря о лондонских подмастерьях, отмечает, что они должны бы-

ли научиться «осознавать свою собственную роль как члена класса, который управляет и нанимает на работу», что понималось в первую очередь как «необходимость сдерживать характер, особенно перед высшими и низшими»: самообладание давало человеку «личное достоинство подобающее его положению»³. То же относилось и к клирикам. Гвиберт Ножанский искал помощи св. Ансельма, чтобы обучиться тому, «как управлять внутренним я» (хотя он и отвергал средства, применявшиеся его собственным наставником для тех же целей). Аристократы и крестьяне в равной степени должны были поддерживать самодисциплину. Чрезмерные увлечения детей поэтому осуждались. «Что можно назвать более ужасным, чем это... все позволяющее образование?» — с негодованием, которое находило отклик и много позже, писал Маффео Веджо, критикуя матерей XV в.

Правила наследования, измененные и преобразованные внешними воздействиями, благоприятствовали одним членам семьи в ущерб другим, часто они обогащали старших сыновей и оставляли в нищете младших, позволяли выдать замуж одних дочерей и обрекали на монастырь других. Но на смертном одре бесчисленное количество родителей обращали свои последние мысли к детям. Ральф Снут просил, чтобы «моя жена с нежной и верной любовью взрастила ее и моих детей, потому что она ответит за это перед Богом и мною»⁴. Старшие дети привлекались к уходу за младшими; наносились визиты к дедам и бабкам, дядям и теткам.

Потребности полей и мастерских вынуждали детей крестьян и ремесленников включаться в работу, они же вызывали небрежение родителей, которое иногда приводило к трагическому исходу. Тем не менее люди чувствовали к детям ту же смесь нежности, умиления и удивления, которые они испытывают и сегодня. Много других случаев можно добавить к картинам роняющего слезы Григория Турского, радостно играющего с младенцем у купели епископа Гуго Линкольнского, или умиляющихся первым словам ребенка соседей в книге Альберти. Вот одна совершенно неотразимая картина: Козимо Медичи прерывает переговоры с иностранным посольством, потому что его внук хочет, чтобы он сделал ему свистульку. Взяв нож в руки, де-

душка Козимо сказал посетителям: «Мои господа, разве вы не знаете, что такое любовь к детям и внукам? Еще хорошо, что он не попросил меня поиграть с ним, потому что мне бы пришлось сделать и это!»⁵.

То, что относится к родительским чувствам, относится также и к супружеской любви, чувству, которое Грациан считал обязательным для законности брака. Определение Грациана не пылилось на полках церковных библиотек. Миссал XII в. из Кагора поучает священника «твердо вопрошать об отношениях между вступающими в брак и любят ли они друг друга... Если они любят [и нет препятствий к браку], пусть они поженятся»⁶. Церковные деятели часто критиковали то значение, которое придавалось при заключении брака материальным соображениям. Острый на язык парижский проповедник Жак де Витри саркастически замечал, что в некоторых случаях в церковь следует вести не выходящую замуж даму, а ее денежный сундук или ее коров⁷. Брак был привилегией, и за него приходилось платить даже свободным от господского меркета. Размеры и формы передаваемого обеими сторонами имущества при заключении брака менялись в зависимости от изменений на брачном рынке. Германского жениха, выплачивающего «утренний дар» (*Morgengabe*) невесте на утро после физического подтверждения брака, сменил через несколько столетий флорентийский жених, спешащий поутру в *Monte delle Doti* забрать приданое невесты. Приданому предстояло еще пройти длинный исторический путь, а его непреходящее значение отразилось в сюжетах многочисленных произведений, как, например, в «Мера за меру» Шекспира. Однако завершился важный сдвиг в межпоколенной передаче имущества при вступлении в брак. Если германский муж времен Цезаря платил родителям невесты, то средневековые родители с одной или другой стороны или с обеих сторон участвовали в материальном обеспечении новых супружеских хозяйств.

Но среди всех приданных и вдовьих частей, утренних даров и совместных владений, вещей невесты и подарков жениха любовь, романтика и даже страсть умудрялись процветать. Бернар Клерже из Монтаяю «безумно влюбился» в Раймонду, свою будущую невесту. Жена-фризка, которая ожидает возвращения

своего мужа-моряка в «Экзетерской книге», «стирает его запятнанные морем одежды» и «дает ему на земле то, что требует его любовь». Владелец Гвинеса, которому один историк приписал (с восторгом) 23 незаконнорожденных ребенка, тем не менее питал такую любовь к своей законной супруге, что, когда она умерла при родах, заболел, лег в постель и запер дверь «до конца своих дней». «Мое сердце изнывает от желания [увидеть своих мужа и сына]», — пишет Дуода в IX в., а шестью веками позже ей вторит Марджери Бруз Пастон: «Сэр, я умоляю вас, если вы надолго задержитесь в Лондоне, пошлите за мной, потому что я думаю, что прошло уже много времени с тех пор, как я лежала в ваших объятьях».

Среди крестьянской молодежи страсть меньше сдерживалась экономическими соображениями, хотя земля и движимое имущество были еще более важны для них, чем шелка и драгоценности для представителей высшего класса. Пары, стоящие перед дверями церквей, испытывали истинную любовь друг к другу, о чем свидетельствуют завещания, составленные после долгих лет совместной жизни. Даже тайные браки, невзирая на их недостатки, предполагают романтический пыл. Хотя церковь рассудительно хмурилась на брачные клятвы, произнесенные «под ясенем, в постели, в саду, в кузнице, в кухне, в таверне и на королевской дороге», само место, где была дана клятва, указывает на спонтанность эмоций.

Стремление молодых людей самим принимать решения о браке вызывало проблемы и сложности, которые не прекратились с завершением эпохи Средневековья. В жалобе, поданной в магистрат Авиньона в 1546 г., утверждалось, что «молодые женщины Авиньона сами отдают себя замуж без одобрения или согласия своих отцов и матерей и других родственников, — скандальнейшее и оскорбительнейшее для общественного благосостояния деяние»⁸. Важно, что здесь соединяются согласия родителей и родственников. Родительское согласие всегда частично было глазом супер-семьи, тогда как согласие вступающих в брак — возникающей супружеской семьи. Ясно сформулированный Грацианом приоритет согласия вступающих в брак даже наперекор желанию родителей, явился радикальным разрывом с прошлым. Тайный брак,

крайнее выражение господства согласия вступающих в брак над родительским согласием, стало распространенной мишенью критики протестантов, которые указывали на его удобство для соблазнительей. Ординант Цвингли, изданный в Цюрихе в 1525 г., предписывал присутствие на свадьбе двух заслуживающих доверия свидетелей, чтобы брак был признан законным⁹, а католический собор в Тренте 1563 г. отказался от взглядов Грациана настолько, что упразднил институт тайного брака. Усиливалась тенденция к публичному, а на самом деле церковному оформлению брака с участием священника, что положило конец длительной двусмысленности в вопросе о том, имел брак место или нет. Неопределенность статуса сэра Джона Пастона в отношениях с мистрис Хот, то ли помолвленного, то ли женатого, была заменена ситуацией, при которой брак являлся событием, которое произошло благодаря определенным действиям и в определенный момент времени; по словам Ф. Арьеса, «без пяти одиннадцать человек холост, в пять минут двенадцатого он женат»¹⁰. Больше никогда уже тайному браку не удастся возобладать над священником, церковью, стягами, кольцами, засвидетельствованными обетами и свадебными пиршествами.

Была ли эта перемена улучшением? Во многих отношениях — конечно, но Дж. А. Брандидж делает оговорку: «Несгибаемая жесткость Тридентского брачного законодательства породила бесконечные трагедии. Возможно, что цена за иллюзорную определенность была слишком велика». Правило, гласившее, что пара «либо жената, либо не жената», не допускала «юридически приемлемых промежуточных положений»¹¹. Таким образом, возникновение в конце XX в. неформального супружеского сожительства как прелюдии или замены брака может рассматриваться в исторической перспективе как надолго задержавшийся ответ на проблему, созданную Реформацией и Контр-Реформацией.

В XVI в. результатом ужесточения определения брака стало усиление влияния родителей. В длительной перспективе уменьшение роли доходов от земли делало свободный выбор вступающих в брак предвосхищением будущего. Обращение Хуана де Торквемада в 1457 г. оказалось красноречивым пророчеством:

«Брак означает союз между Христом и церковью, который осуществляется через свободу любви. Поэтому он не может совершаться путем вынужденного согласия»¹².

Заключение брака создавало проблемы для низшего слоя мирян и для церковных судов. Для высшего слоя проблема состояла скорее в расторжении брака, которое беспокоило епископов и пап. Свободолюбивые короли и знать новых варварских государств были запуганы и задобрены до того, что отказались от лишних жен и по крайней мере начали скрывать своих наложниц, но стойко держались за односторонний развод, и в этом их поддерживало общественное мнение по причине необходимости наследников. Героические битвы, выдержанные Хинкмаром Реймским и другими епископами и папами, помогали королевам и другим женщинам, угнетенным правом мужчин на развод, но создавали другие дилеммы для позднейших властей. Королевские пары ухватились за церковные правила о родственных узах, чтобы добиться аннулирования (в средневековом языке синонима развода) брака, несмотря на долгую совместную жизнь и наличие детей, как, например в случае с Людовиком VII и Элеонорой Аквитанской. Даже после того, как IV Латеранский собор лишил знать этого способа, отказавшись от крайностей запретов на семь степеней родства, ищущие развода (или разрыва обручения, как сэр Джон Пастон) использовали и поощряли коррупцию Ватикана, что дало в руки протестантов двойной аргумент в борьбе с католичеством: против коррупции и за упорядоченный развод. Перетолковав св. Павла, Лютер и Кальвин нашли, что прелюбодеяние жены является достаточной причиной для развода, хотя прошло еще немало времени, прежде чем даже протестанты стали придавать прелюбодеянию мужа равное значение и в список причин развода были включены измена и жестокость любого из супругов.

В условиях доминирования мужчин позиция средневековой церкви в вопросах развода может рассматриваться скорее как освобождающая, а не угнетающая женщин. Не была она и абсолютно негибкой, как изображается иногда. На протяжении всего Средневековья супружеские пары получали развод в церковных судах, от светских властей или от обоих сразу по

самым разным причинам. Нотариальные акты Авиньона засвидетельствовали много решений о раздельном проживании по взаимному соглашению, «что являлось субститутом развода»¹³. Городской совет Гента повседневно занимался делами о расторжении брака, пытаясь по возможности примирить супругов: в 1377 г. Кателине Кант было предписано соединиться с Жаном Кантом, но Жан должен был изменить свое поведение; если он «играет в азартные игры или неумеренно пьет или уносит драгоценности из дома или распоряжается имуществом в ущерб семье», ему придется обратиться в епископский суд в Турнэ и получить за свой собственный счет формальное разрешение на раздельное проживание, которое было согласовано раньше¹⁴.

Лютер нападал также на ограничения браков из-за родственных связей, остававшиеся после IV Латеранского собора, особенно на запреты на «духовное» родство, из-за которого некоторые священники делали отпущение грехов процветающим источником доходов. «Берите себе в супруги кого хотите, крестных родителей, крестников, дочь или сестру восприемника, — разрешал Лютер своим последователям, — и не обращайтесь внимания на эти искусственные, высасывающие деньги препятствия»¹⁵. Оказалось, что критиковать существующие порядки значительно легче, чем исправить их. Сам М. Лютер интерпретировал текст Левит. 18 как запрещение двенадцати видам родственников вступать в брак, но его последователь Андреас Осиандер полагал, что здесь подразумевается еще несколько запретов и что законы Моисея и другие тексты добавляют еще несколько случаев недопустимых брачных и сексуальных отношений. Осиандера также беспокоило зрелище людей в его родном Нюрнберге, злоупотребляющих новой свободой и вступающих в откровенно кровосмесительные отношения¹⁶. В конце концов в христианском мире, католическом и протестантском, установилось относительно стабильное, хотя и не всегда последовательное, определение степеней родства, препятствующих вступлению в брак, однако основополагающее обоснование запрета на кровосмешение еще не подвергалось сомнению. Антропологи, историки и психологи и ныне столь же озадачены этим вопросом, как и теологи. В целом общество

склонно следовать крестьянину из Монтайю, который умерял предрассудки здравым смыслом и находил скорее постыдным, чем греховным спать с сестрой, матерью или двоюродной сестрой, троюродной же сестре можно было «задавать жару».

Реформация развенчала и предпочтению, отдаваемое средневековой церковью целомудрию перед браком. Семейная жизнь превыше celibата, заявлял Лютер; брак создает здоровое тело и совесть, защищает имущество и честь. Он закладывает основы домохозяйства, которое создало все общественные ценности¹⁷. Многие из достоинств, приписываемых Лютером браку, могли бы быть заимствованы у Хинкмара Реймского, который еще за семь столетий до Лютера указал на то, что функция брака — внесение порядка в социальные отношения. Как и Лютер, Хинкмар ценил брак, но как и св. Павел, полагал, что целомудрие еще лучше.

Массовые представления Средневековья всегда включали секс, благодаря Боккаччо, фаблю, трубадурам и Андреасу Каппелану. Однако в литературе представлен только внебрачный секс. Современные исследования подтверждают, что он действительно существовал, но они проливают свет и на секс в браке — как замечал другой крестьянин из Монтайю: «И все же чаще всего люди занимаются любовью в браке». Церковь никогда не закрывала глаза на сексуальные потребности мужей и жен, на что указывают ее первые осторожные высказывания о взаимном «брачном долге» супругов. Секс как предмет для размышлений был даже более важен для церкви, чем для мирян, которые относились к нему более легко. Из пенитенциалиев видно, что церковь придерживалась очень узких взглядов на то, что пристойно в спальне, и возражала вдвойне против способов, которые способствовали контрацепции. «Супруги никогда не бывали одни на супружеском ложе, — пишет Дж.-Л. Фландрен, — тень проповедника витала над их шалостями»¹⁸. И действительно, церковные справочники информировали исповедника о тех приемах, которые квалифицировались как греховные, однако, сомнительно, чтобы он мог эффективно бороться с ними, поскольку его благоразумно предупреждали не вдаваться в детали, расспра-

шивая своих прихожан, чтобы не заронить дурные мысли в их головы.

Средневековые теологи в основном следовали св. Иерониму, а не св. Августину и осуждали секс для удовольствия. Однако этот грех было не так просто установить, и, вероятно, он не очень четко опознавался и самими супругами. Испанский теолог Фома Санчес был первым влиятельным церковным деятелем, который зашел столь далеко, что одобрил секс в браке без намерения произвести потомство, если производству потомства не ставятся никакие препятствия¹⁹. Однако если учитывать средневековые представления о воспроизводстве, либерализм Санчеса и не был столь необходим. Было широко распространено мнение, что в момент оргазма женщина испускает собственные семена, которые, по крайней мере по учению Галена, важны для зачатия. Поэтому в теологических кругах обсуждался вопрос, не должен ли муж продолжать акт до оргазма своей жены. Антоний Гваинери, профессор медицины в университете в Павии в своем «Трактате о чреве» («Tractatus de matricibus»), написанном в начале XV в., утверждал, что удовольствие обоих супругов способствует зачатию. Поэтому Гваинери давал подробные указания для мужа, как возбудить свою жену поцелуями и ласками, пока не заблестят ее глаза и она не начнет говорить короткими словами, до полной готовности. Гваинери советовал применять вещества, увеличивающие удовольствие для дамы, которой он рекомендовал некоторые детали оптимального лежачего положения²⁰.

Гваинери соглашался с церковью в том, что целью брака является деторождение. В действительности же контрацепция и аборт не слишком обсуждались в Средние Века; история дебатов по этим вопросам начинается в Новое время. Напротив, детоубийство перестало быть спорным. Неустанные усилия христианской церкви привели к тому, что принятые в классическом мире средства контроля за ростом населения были категорически запрещены. К сожалению, гуманная идеология церкви не решала проблему. В соответствии с исследованием Р. Х. Хельмхольца, кентерберийские документы конца XV в. содержат «много свидетельств» о продолжении традиций детоубийства и, хотя списка соответствующих случаев нет, можно по-

лагать, что они были «достаточно обычным» явлением²¹. Постепенная передача дел о детоубийстве в светский суд на протяжении последующих веков, как оказалось, совершенно не решала проблему, и Дизраэли утверждал, что детоубийства едва ли менее распространены в викторианской Англии, чем в пользующейся дурной славой Индии. Трудно не согласиться с выводом В. Л. Ленгера, что только контрацептивные средства XX в. и легализация аборт — невзирая на противодействие церкви — «устранили все серьезные причины для нежелательной беременности и детоубийства»²².

Область, в которой семейная жизнь улучшалась на глазах, особенно в позднее Средневековье, — это физическое окружение. К XV в. люди на обоих концах социальной лестницы выиграли в комфорте, пространстве и уединенности. Крестьяне превратили однокомнатные хижины в трехкомнатные дома и создали обстановку деревенского среднего класса. Земельная аристократия заменила свои холодные донжоны XII в. на уютные замки Кейстер. Наиболее бросающаяся в глаза купеческо-банковская городская аристократия, чьи величественные резиденции, совмещавшие жилой дом и контору, высились в патрицианских кварталах городов от Фландрии до Сицилии, украсили удобные помещения не только с роскошью, но и с эстетическим вкусом; обе эти концепции совмещались с третьей — семейная гордость. Генуэзский делец Франческо Сассетти, погрязший в долгах, надеялся сохранить свой палаццо: он «принес большой почет нашей семье» и «восхвалялся в Италии и повсюду, потому что он так красив и стоил столько денег»²³.

Старый укрепленный анклав, увенчанный башнями город внутри города, терял свои функции по мере упадка расширенной семьи, и его место занял, в первую очередь во Флоренции и Венеции, огромный ренессансный палаццо; три высоких и просторных этажа, иногда достигавших высоты современного семиэтажного дома, образовывали новый мир уединенности и роскоши. Его фасад, декорированный фресками, резьбой, чеканкой, гербами, карнизами и пилястрами, скрывал сводчатые лестницы, арочные дворики и личные садики. Чтобы выглянуть из окна, надо было подняться по ступенькам в нишу с высокими ок-

нами, заглянуть внутрь через окна было невозможно. Шедевры Уччелло, Фра Анжелико и других мастеров выставляли напоказ вкусы и претензии владельцев картин²⁴. Беноццо Гоццоли украсил стены капеллы дворца Медичи великолепным «Поклонением волхвов», панорамой, где некоторые лица являются портретами членов семьи Козимо де Медичи²⁵.

На протяжении Средних Веков моногамный брак возобладал над полигамией и правом мужчины на развод, и его цель постепенно смещалась от реализации интересов родителей и родственников к удовлетворению потребностей супружеской четы. Основываемая семья, несмотря на передачу ею некоторых важных функций церкви, государству и обществу, укрепляла свои позиции в качестве основной ячейки западного общества. Древний клан утратил свое значение и исчез. Постоянно меняясь по своему составу на протяжении жизненного цикла, семейное домохозяйство уже господствовало на всех уровнях социального ландшафта, когда Средневековье незаметно пересекало порог Нового времени.

Примечания

Глава 1

- 1 *Bender D.R.* A Refinement of the Concept of Household. P. 495—504.
- 2 *Mitterauer M., Sieder R.* The European Family. P. 6—7.
- 3 *Le Play Fr.* L'Organisation de la famille.
- 4 *Ariès Ph.* Centuries of Childhood. Перевод на русск. язык: *Арвес Ф.* Ребенок и семейная жизнь. Здесь и далее указания на существующие переводы на русский язык принадлежат переводчику.
- 5 Household and Family in Past Time; *Laslett P.* The Comparative History of Household; *Laslett P.* La Famille et le ménage; *Hammell E.A., Laslett P.* Comparing Household Structure.
- 6 *Mitterauer M., Sieder R.* The European Family; *Flandrin J.-L.* Families in Former Times; Family and Sexuality.
- 7 *Herlihy D.* Medieval Households.
- 8 Famille et parenté.
- 9 *Duby G.* Medieval Marriage; *idem.* The Knight, the Lady, and the Priest.
- 10 *Dillard H.* Daughters of the Reconquest; *Klapish-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual; *Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England; *Wemple Fonay S.* Women in Frankish Society; The Women of England; *Gies Fr., Gies J.* Women in the Middle Ages.
- 11 *Herlihy D., Klapish-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families.
- 12 *Nicholas D.* The Domestic Life of a Medieval City.
- 13 *Hanawalt B.A.* The Ties That Bound.
- 14 *Stone L.* The Family, Sex, and Marriage.
- 15 *Laslett P.* The Comparative History of Household.
- 16 *Wheaton R.* Family and Kinship; а также: *Hareven T.K.* The Family as Process.
- 17 *Levy M.J., Jr.* Aspects of the Analysis of Family Structure.
- 18 Обсуждение вопроса см. в кн.: *Fox R.* Kinship and Marriage. P. 54—76.
- 19 *Owen Hughes D.* From Brideprice to Dowry.
- 20 *Ariès Ph.* Centuries of Childhood. P. 128, 38—40.
- 21 *Shorter E.* The Making of the Modern Family. P. 168—204. Э.Шортер основывает свои заключения в основном на практике использования кормилиц во Франции XIX в.

- Его мнение оспаривает Дж. Сассмен: *Sussman G.D. The End of the Wet-Nursing Business.*
- 22 *DeMause L. The Evolution of Childhood.*
- 23 *Pollock L.A. Forgotten Children. P. 12.*
- 24 *Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology.*
- 25 *Shorter E. The Making of the Modern Family. P. 79—119.*
- 26 *Flandrin J.-L. Repression and Change in the Sexual Life of Young People.*
- 27 *Ariès Ph. Western Attitudes Toward Death.*

Глава 2

- 1 *Kenkel W.F. The Family in Perspective. P. 65—66.*
- 2 *Nisbet R.A. Kinship and Political Power. P. 261.*
- 3 *Fustel de Coulanges N.D. The Ancient City. P. 24.*
- 4 *Heinzelmann M. Les Changements de la dénomination latine. P. 19—20.*
- 5 *Hallett J.P. Fathers and Daughters in Roman Society. P. 78.*
- 6 *Declareuil J. Rome the Law Giver. P. 37—39.*
- 7 *Nisbet R.A. Kinship and Political Power. P. 261.*
- 8 *Kenkel W.F. The Family in Perspective. P. 69.*
- 9 *Ibid. P. 74; Nisbet R.A. Kinship and Political Power. P. 266.*
- 10 *Cowell Fr. Everyday Life. P. 61, 148—150.*
- 11 *Kenkel W.F. The Family in Perspective. P. 76.*
- 12 *Ibid. P. 69; Paoli U.E. Rome. P. 115; Declareuil J. Rome. P. 101.*
- 13 *Carcopino J. Daily Life. P. 94.*
- 14 *Herlihy D. Medieval Households. P. 15—16, где цитируется: Anné L. Les Rites des fiançailles. P. 450 ff.*
- 15 *Kenkel W.F. The Family in Perspective. P. 70.*
- 16 *Suetonius. Lives of the Twelve Caesars. P. 227; перевод на русский язык: Светоний Тарнквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. С. 178.*
- 17 *Kenkel W.F. The Family in Perspective. P. 70.*
- 18 *Balsdon J.P.V.D. Roman Women. P. 183.*
- 19 *Carcopino J. Daily Life. P. 107.*
- 20 *Balsdon J.P.V.D. Roman Women. P. 231.*
- 21 *Carcopino J. Daily Life. P. 108.*
- 22 *Ibid. P. 111.*
- 23 *Ibid. P. 108.*
- 24 *Ibid. P. 109.*
- 25 *Ibid. P. 111; перевод на русский язык: Ювенал. Сатиры. С. 59.*
- 26—27 На латинском языке эпиграмма звучит еще резче: «*Quae nubit totiens, non nubit; adultera lege est*»: *Carcopino J.*

- Daily Life. P. 113; перевод на русский язык: *Марциал Марк Валерий*. Эпиграммы. С. 152 (эпиграмма VI. 2).
- 28 *Friedlander L.* Roman Life and Manners. P. 243.
- 29 *Ibid.* P. 265.
- 30 *Noonan J.T., Jr.* Contraception. P. 12—29.
- 32 *Soranus.* Gynecology, I, 19—20.
- 32 *Declareuil J.* Rome. P. 126—127.
- 33 *Cowell Fr.* Everyday Life. P. 56; перевод на русский язык: *Цицерон*. О старости. С. 73.
- 34 *Cowell Fr.* Everyday Life. P. 56.
- 35 *Ibid.*
- 36 *Balsdon J.P.V.D.* Roman Women. P. 77, 218—219.
- 37 *Friedlander L.* Roman Life. Vol. 1. P. 241.
- 38 *Juvenal.* Satires, 6. P. 152; перевод на русский язык: *Ювенал*. Сатиры. С. 58.
- 39 *Veyne P.* Homosexuality in Ancient Rome. P. 27—35.
- 40 *Cowell Fr.* Everyday Life. P. 133.
- 41 *Tacitus.* Germania. P. 117; перевод на русский язык: *Тацит Корнелий*. Германия. С. 361.
- 42 *Todd M.* Everyday Life of the Barbarians. P. 18 (М.Тодд не указывает источник).
- 43 Вальтер Гоффарт утверждает, что многие германцы получали не участки земли, отнятой у римских и галло-римских владельцев, а им назначался доход из нормально собираемых податей в провинциях, где они селились; за это они служили в пограничных гарнизонах, защищая границы империи от следующих пришельцев (*Goffart W.* Barbarians and Romans. A.D. 418—584).
- 44 *Ibid.* P. 10—11, 116—117.
- 45 Готское *sibja* (др.-герм. **sebjō*) с тем же значением (*Примеч. перев.*).
- 46 *Musset L.* The Germanic Invasions. P. 173—174; *Herlihy D.* Medieval Households. P. 47.
- 47 The Lombard Laws. P. 101, 110, 121.
- 48 *Todd M.* Everyday Life of the Barbarians. P. 73—77.
- 49 *Drew Fischer K.* The Germanic Family of the *Leges Burgundionum*. P. 7.
- 50 *Ibid.* P. 13.
- 51 *Tacitus.* Germania. P. 116; *Тацит*. Германия. С. 361.
- 52 *Drew Fischer K.* The Germanic Family. P. 8.
- 53 *Esmein A.* Le mariage en droit canonique. P. 47.
- 54 *Tacitus.* Germania. P. 117; *Тацит*. Германия. С. 361.
- 55 The Lombard Laws. Title 213. P. 93.
- 56 *Todd M.* Everyday Life of the Barbarians. P. 74, 86, 87, 174; *Herlihy D.* Medieval Households. P. 51.
- 57 *Tacitus.* Germania. P. 118; *Тацит*. Германия. С. 362.

- 58 *Tacitus*. *Germania*. P. 118; *Тацит*. *Германия*. С. 361—362.
 59 *Todd M.* *Everyday Life*. P. 86.
 60 *Ibid.* P. 77—78.
 61 *Ibid.* P. 65—66.
 62 *Ibid.* P. 66.
 63 *Ibid.* P. 71—72.
 64 *Noonan J.T., Jr.* *Contraception*. P. 30—34.
 65 *Ibid.* P. 37—40.
 66 *Ibid.* P. 46—55.
 67 *Herlihy D.* *Medieval Households*. P. 24 (цитирует Св. Августина: *St. Augustine*. *Treatises on Marriage*. P. 21—22).
 58 *Noonan J.T., Jr.* *Contraception*. P. 121.
 69 *Herlihy D.* *Medieval Households*. P. 22 (цитирует: *Humbert M.* *Le Remariage à Rome*. P. 321); *Noonan J.T., Jr.* *Contraception*. P. 83—85.
 70 *Herlihy D.* *Medieval Households*. P. 11; *Noonan J.T., Jr.* *Contraception*. P. 126—127.
 71 *Galy Ch.* *La Famille à l'époque Mérovingienne* P. 85.
 72 *Esmein A.* *Le mariage en droit canonique*. T. 1. P. 50.
 73 *Ibid.* P. 53.
 74 *Dooley W.J.* *Marriage According to St. Ambrose*. P. 95.
 75 *Esmein A.* *Le mariage en droit canonique*. T. 1. P. 384.
 76 *Riché P.* *Education and Culture in the Barbarian West*. P. 10.

Глава 3

- 1 *Duby G.* *Rural Economy and Country Life*. P. 3.
 2 *Herlihy D.* *Medieval Households*. P. 56—61.
 3 *Herlihy D.* *The Carolingian Mansus*. P. 79—89; *Bloch M.* *Slavery and Serfdom*. P. 1—31.
 4 *Bloch M.* *Feudal Society*. Vol. 1. P. 255—274; *Duby G.* *Rural Economy*. P. 53; *Coleman E.* *Medieval Marriage Characteristics*. P. 207.
 5 *McNeill J.T., Gamer H.M.* *Medieval Handbook of Penance*; *Manselli R.* *Vie familiale et éthique sexuelle*. P. 363—382.
 6 *Gregory of Tours.* *The History of the Franks*; перевод на русский язык: *Григорий Турский.* *История франков*.
 7 *Galy Ch.* *La Famille à l'époque Mérovingienne*. P. 391—401.
 8—9 *Gregory of Tours.* *The History of the Franks*. P. 586—587; *Григорий Турский.* *История франков*. X.27. С. 308—309.
 10 *Gregory of Tours.* *The History of the Franks*. P. 294—295; *Григорий Турский.* *История франков*. V.32. С. 139—140.
 11 *Gregory of Tours.* *The History of the Franks*. P. 366—367; *Григорий Турский.* *История франков*. VI.36. С. 180—181.

- 12 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 321; Григорий Турский. История франков. V.49. С. 155.*
- 13 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 158; Григорий Турский. История франков. II.42. С. 59.*
- 14 *Wemple S.F. Women in Frankish Society. P. 52—63; Herlihy D. Medieval Households. P. 47.*
- 15 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 170; Григорий Турский. История франков. III.10. С. 66.*
- 16 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 519—520; Григорий Турский. История франков. IX.33. С. 268—269.*
- 17 *Heinzelmann M. Les changements de la dénomination latine; Werner K.F. Liens de parenté et noms de personne.*
- 18 *Galy Ch. La Famille à l'époque Mérovingienne. P. 290—291; Wemple S.F. Women in Frankish Society. P. 44—50. О правовом статусе женщин см.: Ganshof F.-L. Le Statut de la femme.*
- 19 *Galy Ch. La Famille à l'époque Mérovingienne. P. 52.*
- 20 *Bede's Ecclesiastical History of the English Nation. P. 40; перевод на русский язык: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. С. 32.*
- 21 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 167, 198, 253, 255.*
- 22 *McNamara A., Wemple S.F. Marriage and Divorce. P. 99.*
- 23 *Galy Ch. La Famille à l'époque Mérovingienne. P. 51—52.*
- 24 *Bede's Ecclesiastical History. P. 40; Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 32.*
- 25 *McNeill J.T., Gamer H.M. Medieval Handbooks. P. 210—211.*
- 26 *Stafford P. Queens, Concubines, and Dowagers. P. 73—74.*
- 27 *Ibid. P. 55.*
- 28 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 219—220; Григорий Турский. История франков. IV.26. С. 96.*
- 29 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 222. Григорий Турский. История франков. IV.28. С. 97.*
- 30 *Wemple S.F. Women in Frankish Society. P. 39.*
- 31 *Цит. по: Noonan J.T., Jr. Marriage in the Middle Ages. P. 419. См. также: Sheehan M.M. Choice of Marriage Partner. P. 9—10.*
- 32 *The Lombard Laws. P. 89 (№ 195).*
- 33 *McNeill J.T., Gamer H.M. Medieval Handbooks. P. 85.*
- 34 *Ibid. P. 211.*
- 35 *Galy Ch. La Famille à l'époque Mérovingienne. P. 40.*
- 36 *Ibid. P. 47.*
- 37 *Ibid. P. 46—49.*
- 38 *Ibid. P. 73—74.*

- 39 *Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry. P. 266—269.
- 40 *Ibid.* P. 275—276.
- 41 Lombard Laws. P. 87 (№ 188).
- 42 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 378—379; *Григорий Турский.* История франков. VI.45. С. 187—188; VII.9. С. 196; IX. 34. С. 269—270.
- 43 *Galy Ch.* La Famille à l'époque Mérovingienne. P. 83—84.
- 44 *Ibid.* P. 107.
- 45 *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 42—43.
- 46 *Esmein A.* Le Mariage en droit canonique. T. 2. P. 68.
- 47 *McNeill J.T., Gamer H.M.* Medieval Handbooks. P. 95—96.
- 48 *Ibid.* P. 208—209.
- 49 *Ibid.* P. 211.
- 50 *Ibid.* P. 210.
- 51 *Ibid.* P. 209.
- 52 *Ibid.* P. 195—196.
- 53 *Galy Ch.* La Famille à l'époque Mérovingienne. P. 63; *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 130.
- 54 *Ibid.* P. 62—63.
- 55 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 199; *Григорий Турский.* История франков. IV.4. С. 83—84.
- 56 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 93—94; *Григорий Турский.* История франков. I.44. С. 21.
- 57 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 198; *Григорий Турский.* История франков. IV.3. С. 83.
- 58 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 219; *Григорий Турский.* История франков. IV.26. С. 95.
- 59 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 222; *Григорий Турский.* История франков. IV.28. С. 97.
- 60 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 296; *Григорий Турский.* История франков. V.34. С. 141.
- 61 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 297—298; *Григорий Турский.* История франков. V.34. С. 141.
- 62 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 365—366; *Григорий Турский.* История франков. VI.34—35. С. 179—180.
- 63 *McNeill J.T., Gamer H.M.* Medieval Handbooks. P. 246—247.
- 64 *Ibid.* P. 197.
- 65 *Ibid.* P. 254—255.
- 66 *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 59.
- 67 *McNeill J.T., Gamer H.M.* Medieval Handbooks. P. 96.
- 68 *Bede's Ecclesiastical History.* P. 44; *Беда Достопочтенный.* Церковная история. С. 34.
- 69 *Gregory of Tours.* The History of the Franks. P. 95—97; *Григорий Турский.* История франков. I.47. С. 22—23.

- 70 *McNeill J.T., Gamer H.M. Medieval Handbooks. P. 96.*
- 71 *Ibid. P. 211.*
- 72 *Ibid. P. 197, 186.*
- 73 *Ibid. P. 254.*
- 74 *Ibid. P. 89—90.*
- 75 *Ibid. P. 185.*
- 76 *Fox R. Kingship and Marriage. P. 71—72.*
- 77 *McNeill J.T., Gamer H.M. Medieval Handbook. P. 103.*
- 78 *Ibid. P. 186.*
- 79 Приведенный англоязычный перевод сочинения Григория Турского, на который опираются авторы, не соответствует оригинальному тексту памятника: «*tam effrenis luxoria, ut vix vel propinquis quidem parentibus indulgeret*» (MGH SS Rerum Merovingicarum. Hannover, 1884/85. Т. 1. P. 104—105). Значительно ближе к оригиналу перевод в русскоязычном издании Григория: «предавался такой необузданной страсти, что едва замечал своих ближайших родственников» (Примеч. перев.).
- 80 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 156; Григорий Турский. История франков. II.42. С. 58.*
- 81 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 243; Григорий Турский. История франков. IV.46. С. 109.*
- 82 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 389; Григорий Турский. История франков. VII.2. С. 194.*
- 83 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 258; Григорий Турский. История франков. V.4. С. 118.*
- 84 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 466; Григорий Турский. История франков. VIII.33. С. 238.*
- 85 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 587; Григорий Турский. История франков. X.27. С. 308—309.*
- 86 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 523; Григорий Турский. История франков. IX.35. С. 270.*
- 87 В русском переводе ошибочно стоит 160 фунтов (Примеч. перев.).
- 88 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 436; Григорий Турский. История франков. VIII.3. С. 221.*
- 89 *Gregory of Tours. The History of the Franks. P. 514; Григорий Турский. История франков. IX. 28. С. 265.*
- 90 *Chapelot J., Fossier R. The Village and House. P. 41—71.*
- 91 *Ibid. P. 72—128.*

Глава 4

- 1 *Herlihy D. The Carolingian Mansus.*
- 2 *Dhuoda. Manuel pour mon fils.*
- 3 *Il Chronicon Farfense di Gregorio di Catino. P. 243—277.*

- 4 Ibid. P. 274.
- 5 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households.
- 6 Ibid. P. 11.
- 7 *Il Chronicon Farfense.* P. 271, 270.
- 8 Ibid. P. 263.
- 9 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households. P. 11.
- 10 Ibid. P. 13; *Il Chronicon Farfense.* P. 275, 267.
- 11 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households. P. 13—15.
- 12 *Il Chronicon Farfense.* P. 274, 272.
- 13 Ibid. P. 265, 273.
- 14 Ibid. P. 271.
- 15 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households. P. 14.
- 16 Ibid. P. 19; *Il Chronicon Farfense.* P. 265.
- 17 *Il Chronicon Farfense.* P. 267—268.
- 18 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households. P. 18—19;
Il Chronicon Farfense. P. 264, 267.
- 19 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households. P. 8—9.
- 20 Ibid. P. 15—19.
- 21 Ibid. P. 15—20.
- 22 Polyptych de l'abbaye de Saint Germain-des-Prés.
- 23 *Coleman E.* Infanticide. P. 48—50.
- 24 *Herlihy D.* Medieval Households. P. 62—72.
- 25 *Descriptio mancipiorum ecclesie massiliensis.* P. 633—654.
- 26 *Weinberger S.* Peasant Households in Provançe. P. 247—257.
- 27 Ibid. P. 253—255.
- 28 *Hammer C.I., Jr.* Family and Familia.
- 29 *Coleman E.* Infanticide.
- 30 *Ring R.* Early Medieval Peasant Households. P. 5—8.
- 31 *Herlihy D.* Life Expectancies for Women. P. 5—6.
- 32 Исследование «Руководства» Дуоды см.: *Wollasch J.* Eine adlige Familie. S. 150—188.
- 33 *Riché P.* Daily Life in the World of Charlemagne. P. 42—46.
- 34 *Einhard & Notker the Stammerer.* Two Lives of Charlemagne. P. 79.
- 35 Ibid. P. 127.
- 36 Ibid. P. 77.
- 37 *Riché P.* Daily Life. P. 162—163.
- 38 *Dhuoda.* Manuel. P. 85.
- 39 *Nithard's Histories.* P. 131.
- 40 *Dhuoda.* Manuel. P. 350—353.
- 41 *Nithard's Histories.* P. 135.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid. P. 131.
- 44 *Dhuoda.* Manuel. P. 84.

- 45 Ibid. P. 86.
- 46 Nithard's Histories. P. 156.
- 47 *Dhuoda*. Manuel. P. 81.
- 48 Ibid. P. 79.
- 49 Ibid. P. 20—21; *Malbos L.* La capture de Bernard de Septimanie. P. 5—13; *Lewis A.R.* The Development of Southern French and Catalan Society. P. 107.
- 50 *Dhuoda*. Manuel. P. 86—87.
- 51 Ibid. P. 116—117.
- 52 Ibid. P. 134—135.
- 53 Ibid. P. 138—141.
- 54 Ibid. P. 354—355.
- 55 *Leyser K.* Maternal Kin. P. 126.
- 56 *Bullough D.A.* Early Medieval Social Groupings. P. 3—18; *Leyser K.* The German Aristocracy. См. также три статьи в кн. *The Medieval Nobility: Génicot L.* Recent Research on the Medieval Nobility; *Schmid K.* The Structure of the Nobility; *Werner K.F.* Important Noble Families in the Kingdom of Charlemagne.
- 57 *Dhuoda*. Manuel. P. 78—79.
- 58 *Goody J.* The Development of the Family and Marriage. P. 34—47, 123—125, 134—146.
- 59 *Herlihy D.* Medieval Households. P. 11—13, 61—62.
- 60 *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 76—77.
- 61 *Divortium* — этот латинский термин переводят и как «развод», и как «аннулирование», но оба действия средневековая церковь рассматривала как синонимичные (*Примеч. авт.*).
- 62 Letters of Saint Boniface. P. 61—64.
- 63 *Bouchard C.B.* Consanguinity and Noble Marriages. P. 268—271.
- 64 *Esmein A.* Le Mariage en droit canonique. T. 1. P. 344—345.
- 65 *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 81.
- 66 Ibid. P. 78—81.
- 67 О разводе Лотаря см.: *Bishop J.* Bishops as Marital Advisors; *Devisse J.* *Hincmar*. Vol. 1. P. 367—466; *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 85—87.
- 68 *Hincmar of Reims.* De Divortio Lothari Regis et Tetbergae Reginae. Col. 637—638.
- 69 Ibid. Col. 761.
- 70 Ibid. Col. 659, 677.
- 71 Ibid. Col. 659—677.
- 72 Ibid. Col. 689, 694—695.
- 73 Ibid. Col. 695.
- 74 Ibid. Col. 686—697.
- 75 Ibid. Col. 636—640.

- 76 Ibid. Col. 641—645.
 77 Ibid. Col. 655, 740—742, 690, 705.
 78 Ibid. Col. 732—733.
 79 Ibid. Col. 569.
 80 *Bishop J.* Bishops as Marital Advisors. P. 62.
 81 *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 85—88;
Bishop J. Bishops as Marital Advisors. P. 61—62, 68—69.
 82 *Bishop J.* Bishops as Marital Advisors. P. 66, 71—72.
 83 Ibid. P. 74; *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society.
 P. 86.
 84 *Bishop J.* Bishops as Marital Advisors. P. 72, 74—75.
 85 Ibid. P. 63.
 86 *Wemple Foney S.* Women in Frankish Society. P. 94, 104.
 87 Ibid. P. 86.
 88 *Bishop J.* Bishops as Marital Advisors. P. 60—61, 73—74; *De-
 visse J. Hincmar.* P. 429—432; *Wemple Foney S.* Women in
 Frankish Society. P. 86—87.
 89 *Bishop J.* Bishops as Marital Advisors. P. 55—56, 59—60, 70;
Wemple Foney S. Women in Frankish Society. P. 93—94; *De-
 visse J. Hincmar.* P. 432—435.
 90 *Hincmar of Reims.* De Divortio. Col. 642.
 91 Ibid. Col. 655—656.
 92 Ibid. Col. 657—658.
 93 Ibid. Col. 644—645; *Devisse J. Hincmar.* P. 388.
 94 *Hincmar of Reims.* De Divortio. Col. 650, 708.
 95 Ibid. Col. 648—650.
 96 *Devisse J. Hincmar.* P. 397, 401—402.
 97 *Hincmar of Reims.* De Divortio. Col. 642.
 98 Ibid. Col. 732.
 99 *Devisse J. Hincmar.* P. 405.

Глава 5

- 1 *Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England. P. 22—24.
 2 *Lancaster L.* Kinship in Anglo-Saxon Society. P. 230—232.
 3 *Loyn H.R.* Kinship in Anglo-Saxon England. P. 197—209.
 4 *Beowulf.* P. 21. L. 407; перевод на русский язык: «Я —
 воин Хигелака / его племянник». — *Беовульф.* Ст. 408—
 409.
 5 *The Wanderer.* P. 130—131. L. 19—21, 26—29. Русский
 перевод: *Скиталец.* С. 72—73.
 6 *Lancaster L.* Kinship in Anglo-Saxon Society. P. 232—239;
Loyn H.R. Kinship in Anglo-Saxon England. P. 204—206.
 7 *Loyn H.R.* Kinship in Anglo-Saxon England. P. 206.
 8 *Beowulf.* P. 36—38. L. 1071—1159; *Беовульф.* Ст. 1068—
 1124.

- 9 Bede's Ecclesiastical History. P. 199—200, 282; перевод на русский язык: *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. С. 83—84, 192.
- 10 *Loyn H.R.* Kinship in Anglo-Saxon England. P. 201—202.
- 11 English Historical Documents. P. 359. См. также: *Meyer M.A.* Land Charters. P. 57—81.
- 12 English Historical Documents. P. 379.
- 13 *Ibid.* P. 428.
- 14 *Lancaster L.* Kinship in Anglo-Saxon Society. P. 362—366.
- 15 English Historical Documents. P. 492—495.
- 16 *Ibid.* P. 495—496.
- 17 *Sisam K.* Anglo-Saxon Royal Genealogies. P. 287—346; The Anglo-Saxon Chronicle. P. 66.
- 18 *Blair P.H.* An Introduction to Anglo-Saxon England. P. 198—204.
- 19 A Feast of Creatures. P. 192.
- 20 *Ibid.* P. 106 (Riddle 44).
- 21 Bede's Ecclesiastical History. P. 40—41; перевод на русский язык: *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. С. 32.
- 22 *Hill R.* Marriage in Seventh-Century England. P. 71.
- 23 *Stafford P.* Queens. P. 43—44.
- 24 Bede's Ecclesiastical History. P. 73; перевод на русский язык: *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. С. 54
- 25 *Lancaster L.* Kinship in Anglo-Saxon Society. P. 241.
- 26 *Ibid.* P. 246; *Stafford P.* Queens. P. 70—71.
- 27 *Stafford P.* Queens. P.70, 74.
- 28 English Historical Documents. P. 359.
- 29 *Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England. P. 56—57.
- 30 English Historical Documents. P. 431.
- 31 *Ibid.* P. 429.
- 32 *Ibid.* P. 524.
- 33 *Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England. P. 44—45.
- 34 Манкус (mancus) — англо-саксонская монета достоинством в 30 пенсов (*Примеч. перев.*).
- 35 *Robertson A.J.* Anglo-Saxon Charters. P. 148—151.
- 36 English Historical Documents. P. 359, 348.
- 37 Bede's Ecclesiastical History. P. 194—195.
- 38 Casus célèbre (лат.-франц.) — «громкое дело» (*Примеч. перев.*).
- 39 English Historical Documents. P. 430.
- 40 The Exeter Book. Pt. 2. P. 39. L. 84—92.
- 41 Bede's Ecclesiastical History. P. 228—229.

- 42 Beowulf. P. 26. L. 617—631; P. 38. L. 1161—1176; Беовульф. Ст. 614—620, 1163—1174.
- 43 The Exeter Book. Pt. 2. P. 37. L. 63—65.
- 44 *Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England. P. 59.
- 45 English Historical Documents. P. 430.
- 46 Ibid. P. 368.
- 47 Ibid. P. 360.
- 48 *Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England. P. 61—62.
- 49 Bede's Ecclesiastical History. P. 203; перевод на русский язык: *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. С. 139.
- 50 Bede's Ecclesiastical History. P. 307.
- 51 Ibid. P. 80—81; перевод на русский язык: *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. С. 58.
- 52 The Exeter Book. Pt. 2. P. 39. L. 94—99.
- 53 Beowulf. P. 66—67. L. 2421—2472; Беовульф. Ст. 2434—2470.
- 54 The Exeter Book. Pt. 2. P. 27. L. 1—14; P. 29. L. 43—47.
- 55 Bede's Ecclesiastical History. P. 288—289.
- 56 English Historical Documents. P. 358.
- 57 Ibid. P. 376—378.
- 58 Ibid. P. 426.
- 59 Feast of Creatures. P. 78 (Riddle 18).
- 60 Exeter Book. Pt. 2. P. 115—116 (Riddle 25).
- 61 Feast of Creatures. P. 114 (Riddle 52).
- 62 Ibid. P. 105 (Riddle 43).
- 63 *Chapelot J., Fossier R.* Village and House. P. 96—100, 104—124, 127—128.
- 64 Bede's Ecclesiastical History. P. 305—306.
- 65 Беовульф. Ст. 81—82.
- 66 Beowulf. P. 13. L. 922—924; P. 34. L. 996—1000; P. 35. L. 1034—1035; Беовульф. Ст. 921—922; 991—1000; 1034—1035.
- 67 *Blair P.H.* An Introduction to Anglo-Saxon England. P. 211.

Глава 6

- 1 Li Romans de Garin le Loherain; *Grisward J.H.* Individualisme et 'Esprit de famille'. P. 385—396.
- 2 Li Romans de Garin le Loherain. T. 1. P. 2.
- 3 Ibid. P. 3—7.
- 4 Ibid. P. 7—49.
- 5 Обзор историографии см.: *Freed J.B.* The Counts of Falkenstein. P. 1—13; *Schmid K.* Structures of the Nobility; *idem.* Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht; *idem.* Neue Quellen zum Verständnis des Adels; *Leyser K.* Rule and Conflict in an Early Medieval Society. P. 50—51; *Duby G.*

- Lineage, Nobility, and Knighthood. P. 59—80; *idem.* The Nobility in Medieval France. P. 94—111; *idem.* The Structure of Kinship and Nobility. P. 134—148; *idem.* French Genealogical Literature. P. 149—157; *idem.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 7—87; *Herlihy D.* Medieval Households. P. 82—98.
- 6 *Duby G.* Lineage, Nobility, and Knighthood. P. 62—67; *idem.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 39—47.
- 7 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 54.
- 8 *Ibid.* P. 50—52.
- 9 *Ibid.* P. 53—54.
- 10 *Ibid.* P. 48.
- 11 *Ibid.* P. 59—60.
- 12 *Ibid.* P. 61.
- 13 *Duby G.* Lineage, Nobility, and Knighthood. P. 64—67.
- 14 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 269—270; *idem.* Lineage, Nobility, and Knighthood. P. 69—73.
- 15 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 89—94.
- 16 *Gies J. & Fr.* Life in a Medieval Castle. New York, 1974. P. 9—12.
- 17 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 106—109; *idem.* The Structure of Kinship. P. 147—148.
- 18 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 277—281.
- 19 *Duby G.* The Nobility in Medieval France. P. 101.
- 20 *Bouchard C.* The Structure of a Twelfth-Century French Family. P. 47—49.
- 21 *Duby G.* Lineage, Nobility, and Knighthood. P. 60—62.
- 22 *Ibid.* P. 62—63.
- 23 *Werner K.F.* Liens de parenté. P. 26—27.
- 24 *Bouchard C.* The Structure. P. 44—47.
- 25 *Freed J.B.* Counts of Falkenstein. P. 8.
- 26 *Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry. P. 276—277; *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 268—269.
- 27 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 272—275.
- 28 *Duby G.* Lineage, Nobility, and Knighthood. P. 69.
- 29 *Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles. P. 264—265.
- 30 *Bouchard C.* The Structure. P. 55.
- 31 *Duby G.* French Genealogical Literature. P. 154.
- 32 *Ibid.* P. 152—156.
- 33 *Genealogiae Comitum Flandrae.* Col. 929—932.
- 34 *Poupardin R.* Généalogies angevines. P. 199—208.
- 35 *Croniques des comtes d'Anjou.* P. 375—379.
- 36 *Herlihy D.* Medieval Households. P. 83.
- 37 *Li Romans de Garin le Loherain.* P. 50—51.

Глава 7

- 1 *Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest. P. 9; *idem.* Medieval Marriage. P. 32.
- 2 *Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest. P. 10; *idem.* Medieval Marriage. P. 30, 119.
- 3 *Noonan J.T., Jr.* Marriage in the Middle Ages. P. 419—420.
- 4 *Brundage J.A.* Concubinage and Marriage. P. 1—17.
- 5 *Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest. P. 6.
- 6 Лат. «среди прочего» (*Примеч. перев.*).
- 7 *Noonan J.T., Jr.* Marriage in the Middle Ages. P. 420.
- 8 *Gottlieb B.* The Meaning of Clandestine Marriage. P. 50.
- 9 *Noonan J.T., Jr.* Marriage in the Middle Ages. P. 425; *Sheehan M.M.* Choice of Marriage Partner. P. 12.
- 10 *Noonan J.T., Jr.* Marriage in the Middle Ages. P. 424—425.
- 11 *Brundage J.A.* Concubinage and Marriage. P. 3—4.
- 12 *Esmain A.* Le Mariage en droit canonique. T. 1. P. 118; *Dillard H.* Daughters of the Reconquest. P. 37—38; *Brundage J.A.* Concubinage and Marriage. P. 6—7; *Helmholz R.H.* Marriage Litigation. P. 26; *Herlihy D.* Medieval Households. P. 80—81.
- 13 *Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest. P. 183—184; *Helmholz R.H.* Marriage Litigation. P. 26—27.
- 14 *Donahue Ch.* The Canon Law. P. 143—146; *Esmain A.* Le Mariage en droit canonique. T. 1. P. 124.
- 15 *Sheehan M.M.* The Formation and Stability of Marriage. P. 230.
- 16 *Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest. P. 189—198.
- 17 *Ibid.* P. 203—206.
- 18 *Ibid.* P. 208—209; *Sheehan M.M.* Choice of Marriage Partner. P. 15; *Esmain A.* Le Mariage en droit canonique. T. 1. P. 355.
- 19 *Freed J.B.* Counts of Falkenstein. P. 35.
- 20 *Bouchard C.* The Origins of the French Nobility. P. 508—509; *Duby G.* Structures of Kinship and Nobility. P. 146—147.
- 21 *Bouchard C.* Origins of the French Nobility. P. 513—532
- 22 *Duby G.* French Genealogical Literature. P. 153.
- 23 *Duby G.* Youth in Aristocratic Society. P. 121; *idem.* French Genealogical Literature. P. 156—157.
- 24 The Book of Beasts. P. 142.
- 25 *Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest. P. 255—256.
- 26 *Lambertus Ardrensis.* Historia comitum Ghisnensium. Cap. 127. P. 624.
- 27 *Duby G.* Youth in Aristocratic Society. P. 119—120.
- 28 *Vercauteren F.* A Kindred in Northern France. P. 94—95.
- 29 *Duby G.* Youth in Aristocratic Society. P. 114—117.
- 30 *Ibid.* P. 113.

- 31 *Gies Fr.* The Knight in History. P. 84—97.
- 32 *Vercauteren F.* A Kindred in Northern France. P. 94. Ф.Веркаутерен полагает, что это могла быть битва при Касселе (22 февраля 1071 г.), но считает более вероятным, что братья погибли в частной распре.
- 33 *Gies Fr., Gies J.* Women in the Middle Ages. P. 91—92.
- 34 *Hughes D.O.* Urban Growth and Family Structure. P. 5—10; *idem.* Kinsmen and Neighbors in Medieval Genoa. P. 100; *Heers J.* Urbanisme et structure sociale. T. 1. P. 386—387.
- 35 *Hughes D.O.* Domestic Ideals. P. 118—121.
- 36 *Ibid.* P. 121.
- 37 *Hughes D.O.* Urban Growth and Family Structure. P. 10—11, 19—20.
- 38 *Ibid.* P. 20.
- 39 *Ibid.* P. 10.
- 40 *Ibid.* P. 13—15.
- 41 *Hughes D.O.* Domestic Ideals. P. 124—125.
- 42 *Ibid.* P. 126.
- 43 *Ibid.* P. 129—130.
- 44 *Ibid.* P. 131.
- 45 *Ibid.* P. 132—133.
- 46 *Ibid.* P. 139—140.
- 47 *Ibid.* P. 141—142.
- 48 *Ibid.* P. 143.
- 49 *Dillard H.* Daughters of the Reconquest. P. 12—18.
- 50 *Ibid.* P. 26.
- 51 *Ibid.* P. 75.
- 52 *Ibid.* P. 41.
- 53 *Ibid.* P. 46—49.
- 54 *Ibid.* P. 49—50.
- 55 *Ibid.* P. 51—55.
- 56 *Ibid.* P. 61—64.
- 57 *Ibid.* P. 136—139.
- 58 *Ibid.* P. 136.
- 59 *Esmain A.* Le Mariage en droit canonique. T. 1. P. 131.
- 60 *Dillard H.* Daughters of the Reconquest. P. 127—133.
- 61 *Ibid.* P. 57—58.
- 62 *Ibid.* P. 68.
- 63 *Ibid.* P. 79.
- 64 *Ibid.* P. 137.

Глава 8

- ¹ *Homans G.C.* English Villagers. P. 12—28. См. также: *Faith R.J.* Peasant Families and Inheritance Customs. P. 77—95.

- 2 *Champion country* от франц. *champ* «равнина» (Примеч. *перев.*).
- 3 *Ault W. O.* Open-Field Husbandry; *idem.* Open-Field Farming; *Thirsk J.* The Common Fields. P. 10—32; *idem.* The Origin of the Common Fields. P. 51—56; *Titow J.Z.* Medieval England and the Open-Field System. P. 33—50. См. также: *Campbell B.M.S.* Population Change. P. 174—192.
- 4 *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law. Vol. 1. P. 419. О свободе см. также: *Maitland F.W.* Domesday Book. P. 23—61.
- 5 *Howell C.* Peasant Inheritance Customs. P. 119.
- 6 *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham. P. 113—119, 133—135.
- 7 *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 131.
- 8 *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham. P. 133.
- 9 *Ibid.* P. 71—72.
- 10 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 146—151, 158—160.
- 11 *Homans G.C.* English Villagers. P. 285—288, 312—313; *Britton E.* The Community of the Vill. P. 25—26; *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham. P. 145; *Raftis J.A.* Social Structure in Five Midland Villages. P. 91—92; *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 132; *Hilton R.H.* The English Peasantry. P. 104—105.
- 12 *Ault W.O.* Open-Field Farming; *Ault W.O.* Open-Field Husbandry.
- 13 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 12—14.
- 14 *De Windt E.* Land and People in Holywell-cum-Needingworth. P. 208—210.
- 15 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 44—49.
- 16 *Homans G.C.* English Villagers. P. 311—312, 318.
- 17 *De Windt E.* Land and People in Holywell-cum-Needingworth. P. 211.
- 18 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 46.
- 19 *Hilton R.H.* The English Peasantry. P. 105—106.
- 20 Недавнее обсуждение в юридических кругах выплат компенсации жертвам преступлений подсказывает, что отказ от вергельдов, возможно, был исторической потерей социальной защищенности.
- 21 *Homans G.C.* English Villagers. P. 324—325.
- 22 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 25—32; *De Windt E.* Land and People in Holywell-cum-Needingworth. P. 245—250; *Pimsler M.* Solidarity in the Medieval Village. P. 1—11.
- 23 *Raftis J.A.* Warboys. P. 3—6, 8, 64.

- 24 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 11—12; *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham. P. 126—128.
- 25 *Raftis J.A.* Warboys. P. 67—68.
- 26 *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham. P. 127.
- 27 *Ibid.* P. 127—128.
- 28 *Ibid.* P. 126—127.
- 29 *Raftis J.A.* Warboys. P. 64—65; *De Windt E.* Land and People in Holywell-cum-Needingworth. P. 184—185.
- 30 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 18.
- 31 *Searle E.* Seigneurial Control of Women's Marriage. P. 3—43; см. также: *Hilton R.H.* Freedom and Villeinage. P. 180—181, 189—190; *Scammel J.* Freedom and Marriage. P. 523—537.
- 32 *Ault W.O.* Open-Field Farming. P. 145, 163.
- 33 *Searle E.* Seigneurial Control. P. 21.
- 34 *Homans G.C.* English Villagers. P. 140; *Raftis J.A.* Tenure and Mobility. P. 46.
- 35 *Raftis J.A.* Tenure and Mobility P. 36—42; *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham P. 123—125; *Britton E.* The Community of the Vill. P. 20—24.
- 36 *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham. P. 124.
- 37 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 21—22.
- 38 *Homans G.C.* English Villagers. P. 133—143.
- 39 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 59—64.
- 40 *Homans G.C.* English Villagers. P. 212—215.
- 41 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 14, 64—67.
- 42 *Ibid.* P. 39—44.
- 43 *Ibid.* P. 51—54.
- 44 *Searle E.* Seigneurial Control. P. 28—29.
- 45 *Britton E.* The Community of the Vill. P. 34—37.
- 46 *Raftis J.A.* Tenure and Mobility. P. 38.
- 47 *Ault W. O.* Open-Field Farming. P. 158.
- 48 *Clark E.* Some Aspects of Social Security. P. 307—320; *Homans G.C.* English Villagers. P. 144—148; *Raftis J.A.* Tenure and Mobility. P. 42—46; *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 52.
- 49 *Raftis J.A.* Tenure and Mobility. P. 44—45.
- 50 *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 111.
- 51 *Stuckert H.M.* Corrodies in English Monasteries; *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 111—113.
- 52 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 235.
- 53 *Owst G.R.* Literature and Pulpit. P. 164—165.
- 54 *Chapelot J., Fossier R.* Village and House. P. 185; *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 93—95; *Harvey P.D.A.* A Medieval

- Oxfordshire Village, Cuxham. P. 122 (см. здесь карту средневекового Каксхэма).
- 55 *Chaucer J.* The Parson's Tale // The Complete Works of Geoffrey Chaucer. L. 897—899; перевод на русский язык: Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Перевод И.Кашкина, О.Румера, Т.Поповой. Гл. ред. О.Мельников. М., «Грантъ», 1996. С. 721.
- 56 *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 94—95; *Homans G.C.* English Villagers. P. 208—209; *Chapelot J., Fossier R.* Village and House. P. 243—244.
- 57 *Chapelot J., Fossier R.* Village and House. P. 296—302; *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 95.
- 58 *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 95—100.
- 59 Court Rolls of the Manor Hales. P. 167.
- 60 *Hilton R.H.* A Medieval Society. P. 100—101.
- 61 Об обычаях наследования и держания земли в регионах с делимым наследством см.: *Smith R.M.* Families and Their Land. P. 135—195; *Dodwell B.* Holdings and Inheritance. P. 53—66; *Baker A.R.H.* Open Fields and Partible Inheritance. P. 1—23; *Baker A.R.H.* Some Fields and Farms. P. 152—174; *Campbell B.M.S.* Population Change; *DuBoulay F.R.H.* The Lordship of Canterbury.
- 62 *Campbell B.M.S.* Population Change.
- 63 *Homans G.C.* English Villagers. P. 113—120.
- 64 *Smith R.M.* Families and Their Land. P. 145—149, 175—177.
- 65 *Ibid.* P. 165—170, 174—175.
- 66 *Ibid.* P. 171—172.
- 67 *Hoskins W.G.* The Medieval Peasant. P. 73.
- 68 *Le Roy Ladurie E.* Montaillou; перевод на русский язык: Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. Текст инквизиционных записей опубликован в переводе на французский язык с латинского: *Le Régistre d'Inquisition de Jacques Fournier.* Комментарий см.: *Boyle L.E.* Montaillou Revisited.
- 69 *Chapelot J., Fossier R.* Village and House. P. 133—134, 182—184.
- 70 *Le Roy Ladurie E.* Montaillou, the Promised Land of Error. P. 3—4, 37—41.
- 71 *Ibid.* P. 25.
- 72 *Ibid.* P. 283.
- 73 *Ibid.* P. 103—114.
- 74 *Ibid.* P. 48—52.
- 75 *Ibid.* P. 41—48.
- 76 *Ibid.* P. 192—194.
- 77 *Ibid.* P. 36.
- 78 *Ibid.* P. 195—196.

- 79 Ibid. P. 185. В переводе Б.Брей эта фраза, вероятно, несколько утратила свою остроту. Инквизиционная запись здесь отходит от латинского языка и приводит пословицу в оригинале на провансальском языке: «A cosina secunda, tot le li aфонia!», что Ж.Дювернуа в переводе записей на современный французский язык передает как: «A cousine second, enfonce-le-lui tout!»
- 80 Ibid. P. 179—180.
- 81 Ibid. P. 181—182.
- 82 Ibid. P. 187—188.
- 83 Ibid. P. 189—190.
- 84 Ibid. P. 157, 169—172.
- 85 Ibid. P. 159.
- 86 Ibid. P. 172—173.
- 87 Ibid. P. 174—176.
- 88 Ibid. P. 158.
- 89 Ibid. P. 39, 164, 167.
- 90 Ibid. P. 165.
- 91 Ibid. P. 176—178.
- 92 Ibid. P. 34.
- 93 Ibid. P. 196, 216—217.
- 94 Ibid. P. 223—230.

Глава 9

- 1 *McFarlane K.B.* The Nobility. P. 78.
- 2 Ibid. P. 123, 173.
- 3 Ibid. P. 143.
- 4 Ibid. P. 71—72.
- 5 Ibid. P. 63.
- 6 Ibid. P. 62—63.
- 7 *DuBoulay F.R.H.* The Age of Ambition.
- 8 *McFarlane K.B.* The Nobility. P. 68—70.
- 9 Ibid. P. 277.
- 10 Ibid. P. 71—72.
- 11 *Loengard J.S.* 'Of the Gift of Her Husband'. P. 238.
- 12 *McFarlane K.B.* The Nobility. P. 64—67, 137—138.
- 13 Ibid. P. 139—140.
- 14 Ibid. P. 65.
- 15 Ibid. P. 67.
- 16 *Duby G.* The Nobility in Medieval France. P. 109.
- 17 *Matthew of Paris.* English History. P. 119—122.
- 18 *Gies J., Gies Fr.* Life in Medieval Castle. P. 36—38.
- 19 *Fox L.* The Honor and Earldom of Leicester. P. 385—391.

- 20 *Prothero G.W.* The Life of Simon de Montfort. P. 34—37;
Fox L. The Honor and Earldom of Leicester. P. 392—395.
- 21 *Fox L.* The Honor and Earldom of Leicester. P. 395—396.
- 22 *Prothero G.W.* The Life of Simon de Montfort. P. 42—46.
- 23 *Ibid.* P. 47—52.
- 24 *Green Everett M.A.* Lives of the Princesses of England. Vol. 2.
P. 82.
- 25 *Fox L.* The Honor and Earldom of Leicester. P. 396—399.
- 26 *Powicke F.M.* Guy de Montfort. P. 7—9.
- 27 *Gies J., Gies Fr.* Women in the Middle Ages. P. 135.
- 28 *Loengard J.S.* 'Of the Gift of Her Husband'. P. 216—235.

Глава 10

- 1 *Bartholomaeus Anglicus.* De proprietatibus rerum. P. 51—52
[издание содержит ранний английский перевод Джона
Тревица (1326—1402 гг.); здесь он дан на современном
английском языке].
- 2 *Goodich M.* Bartholomaeus Anglicus on Child Rearing. P. 78.
Обсуждение средневекового отношения к детям см.: *Her-
lihy D.* Medieval Children. P. 109—142; *Holmes U.T.* Medi-
eval Children. P. 164—172; *Gransden A.* Childhood and
Youth. P. 3—19; *Kroll J.* The Concept of Childhood.
P. 384—393; *Lyman R.B., Jr.* Barbarism and Religion.
P. 75—99; *McLaughlin M.* Survivors and Surrogates. P. 100—
181 (интересно, что работы обоих последних авторов ни
в коей мере не подтверждают теорию ДеМоса о жесто-
ком обращении с детьми). Исчерпывающее исследование
средневековой иконографии детства см.: *Forsyth I.H.*
Children in Early Medieval Art. P. 31—70.
- 3 *Lambertus Ardrensis.* Historia. Cap. 127. S. 629.
- 4 *Giraldus Cambrensis.* Autobiography. P. 21.
- 5 *The Ancrene Riwe.* P. 102—103.
- 6 *Fitzstephen's* Description of London. P. 507—509.
- 7 *Trotula of Salerno.* The Diseases of Women. P. 25—26.
- 8 *Hanawalt B.A.* Childrearing among the Lower Classes. P. 14—
15.
- 9 *Giraldus Cambrensis.* The First Version of the Topography of
Ireland. P. 84.
- 10 *Le Roy Ladurie E.* Montaillou. P. 213—214.
- 11 *Ibid.* P. 207—208.
- 12 *Pantin W.A.* The English Church. P. 197.
- 13 *Labarge M.W.* A Baronial Household. P. 45—47.
- 14 *Trotula of Salerno.* The Diseases of Women. P. 26.
- 15 *Bartholomaeus Anglicus.* De proprietatibus rerum. P. 53—54.
- 16 *Magna Vita Sancti Hugonis.* P. 128—130.

- 17 *Bartholomaeus Anglicus*. De proprietatibus rerum. P. 58—59.
- 18 *Helmholz R.* Infanticide. P. 379—390; *Hanawalt B.A.* Child-rearing. P. 9—14.
- 19 *Ibid.* P. 14—17.
- 20 *Ibid.* P. 20—21.
- 21 *Le Roy Ladurie E.* Montaillou. P. 210.
- 22 *Ibid.* P. 210—211.
- 23 *Ibid.* P. 206, 210.
- 24 *Ibid.* P. 211—212.
- 25 *Norgate K.* The Minority of Henry III. P. 132—143, 175—177; *Walker S.S.* Widow and Ward. P. 161—162.
- 26 *Hanawalt B.A.* Childrearing. P. 18, 19; *Hanawalt B.A.* The Ties That Bound. P. 156—162.
- 27 *L'Histoire de Guillaume Maréchal*. T. 1. P. 28.
- 28 *A Source Book for Medieval Economic History*. P. 144—145.
- 29 *Thrupp S.* The Merchant Class. P. 164—166, 192—193; 213—219.
- 30 *Nicholas D.* Domestic Life of a Medieval City. P. 167.
- 31 *Hanawalt B.A.* The Ties That Bound. P. 166—167.
- 32 *The Metalogicon of John of Salisbury*. P. 65—71.
- 33 *Riché P.* Education and Culture. P. 451—454.
- 34 *The Monastic Constitutions of Lanfranc*. P. 115—117.
- 35 *The Life of St. Anselm*. P. 36—39.
- 36 *Chronicon Abbatiae Ramesiensis*. P. 112—114.
- 37 *McLaughlin M.* Survivors and Surrogates. P. 103—105; *Vita B. Petri Damiani*. Col. 113—117.
- 38 *Self and Society in Medieval France*.
- 39 *Ibid.* P. 63—64.
- 40 *Ibid.* P. 72.
- 41 *Ibid.* P. 40—42.
- 42 *Ibid.* P. 132.
- 43 *Ibid.* P. 68.
- 44 *Ibid.* P. 45—48.
- 45 *Ibid.* P. 49—50.
- 46 *Ibid.* P. 72—74.
- 47 *Ibid.* P. 76—78.
- 48 *Goodich M.* Childhood and Adolescence. P. 285—309.
- 49 *Self and Society*. P. 89, 47—48.
- 50 *Sheehan M.M.* Choice of Marriage Partner. P. 32.

Глава 11

- 1 *Guasti C.* Ser Mazzei. Letter 18.
- 2 *Klapisch Chr.* Déclin démographique. P. 258.
- 3 *Ibid.* P. 258—259.

- 4 *Howell C. Peasant Inheritance Customs.* P. 125.
- 5 *Boccaccio G. Decameron.* P. 6; перевод на русский язык: *Боккаччо Дж. Декамерон.* С. 24.
- 6 *Agnolo di Tura. Cronica Senese.* P. 555.
- 7 *Origo I. The Merchant of Prato.* P. 371—372.
- 8 *Letters from Petrarch.* P. 73—74.
- 9 *Watkins R.N. Petrarch and the Black Death.* P. 19—20. Перевод на русский язык: *Петрарка Ф.* [Письмо] Гвидо Сетте, архиепископу Генуэзскому, о том, как меняются времена / Перевод М.Томашевской // *Петрарка Ф.* Лирика. Автобиографическая проза. С. 323.
- 10 *Herlihy D. Santa Maria Impruneta.* P. 242—276.
- 11 *Ibid.* P. 249—266.
- 12 *Ibid.* P. 258—264.
- 13 *Ibid.* P. 263—264.
- 14 *The Family in Renaissance Florence.* P. 189; *Niccolini da Camugliano G. A Medieval Florentine.* P. 18.
- 15 *Herlihy D. Santa Maria Impruneta.* P. 266.
- 16 *Ibid.* P. 268.
- 17 *Ibid.* P. 272.
- 18 *Ibid.* P. 273—274.
- 19 *Razi Z. Life, Marriage, and Death.* P. 99—113.
- 20 *Ibid.* P. 101—104.
- 21 *Ibid.* P. 104—105.
- 22 *Ibid.* P. 110.
- 23 *Ibid.* P. 112—113.
- 24 *Bridbury A.R. The Black Death.* P. 590—591. А.Р.Бридбери цитирует классическое определение В.А.Льюиса: «явление экономики, в котором трудовые ресурсы имеются в таком изобилии, что его незначительная продуктивность не играет почти никакой или совсем никакой роли, а может и быть негативной; экономика, которая ничего не потеряет в производительности, если будет устранен избыток людских ресурсов, а может быть и выиграет от этого отчасти или много» (*Lewis W.A. Economic Development.*).
- 25 *Howell C. Peasant Inheritance Customs.* P. 124—126.
- 26 *The Chronicle of Jean de Venette.* P. 51.
- 27 *Raftis J.A. Warboys.* P. 219.
- 28 *De Windt E. Land and People in Holywell-cum-Needingworth.* P. 263—275.
- 29 *Raftis J.A. Changes in an English Village.* P. 165.
- 30 *Raftis J.A. Warboys.* P. 216—217.
- 31 *Hilton R.H. Bond Men Made Free.* P. 184.
- 32 *Ibid.* P. 180.
- 33 *Dyer Chr. Families and Land.* P. 276—284.

- 34 *Miskimin H.A.* The Economy of Early Renaissance Europe. P. 32—43, 57—61, 70—72.
- 35 The Chronicle of Jean de Venette. P. 50—51.
- 36 *Klapisch Chr.* Déclin démographique. P. 259—260.
- 37 *Herlihy D.* Deaths, Marriages, Births, and the Tuscan Economy. P. 150.
- 38 *Ibid.* P. 152—153.
- 39 *Ibid.* P. 154.
- 40 *Ibid.* P. 157.

Глава 12

- 1 *Hoskins W.G.* Midland Peasant. P. 284—294; *McKinnon S.* The Peasant House. P. 301—309.
- 2 *McKinnon S.* The Peasant House. P. 305—307.
- 3 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 48.
- 4 *Ibid.* P. 49; *Hoskins W.G.* Midland Peasant. P. 295—297.
- 5 *Hilton R.H.* The English Peasantry. P. 31—34.
- 6 *Ibid.* P. 101—102.
- 7 *Raftis J.A.* Changes in the English Village. P. 173.
- 8 *Ibid.* P. 176.
- 9 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 121.
- 10 *De Windt E.* Land and People in Holywell-cum-Needingworth. P. 216—217.
- 11 *Raftis J.A.* Warboys. P. 230.
- 12 *Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village: Cuxham. P. 136—137, 118.
- 13 *Hoskins W.G.* Midland Peasant. P. 41—42.
- 14 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 132—134.
- 15 *Razi Z.* The Erosion of the Family Land Bond. P. 301.
- 16 Church-Wardens' Accounts. P. 1. Цит. по: *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 193.
- 17 *Sheehan M.* The Formation and Stability of Marriage. P. 254—255.
- 18 The Babees Book. P. 48.
- 19 *Ibid.* P. 36.
- 20 *Searle E.* Seigneurial Control. P. 26.
- 21 *Stevenson K.* Nuptial Blessings. P. 76—80.
- 22 *Donahue Ch., Jr.* The Canon Law on the Formation of Marriage. P. 146—150.
- 23 *Sheehan M.* The Formation and Stability of Marriage. P. 250.
- 24 *Helmholz R.H.* Marriage Litigation. P. 29.
- 25 *Kelly H.A.* Clandestine Marriage. P. 435—437.
- 26 *Sheehan M.* The Formation and Stability of Marriage. P. 249.
- 27 *Helmholz R.H.* Marriage Litigation. P. 49—50.

- 28 Ibid. P. 50—51.
 29 *Hilton R.H.* The English Peasantry. P. 59.
 30 *Searle E.* Seigneurial Control. P. 31—32.
 31 *Sheehan M.* The Formation and Stability of Marriage. P. 261—263.
 32 *Helmholz R.H.* Marriage Litigation. P. 88—89.
 33 *Nicholas D.* The Domestic Life of a Medieval City. P. 36.
 34 Bedfordshire Wills. Vol. 45.
 35 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 221—222.
 36 Bedfordshire Wills. P. 11—12.
 37 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 76—78.
 38 *Clark E.* Some Aspects of Social Security. P. 308—309, 316.
 39 Ibid. P. 310.
 40 Ibid. P. 311.
 41 Ibid. P. 311—312, 318.
 42 Ibid. P. 312.
 43 *Hanawalt B.* The Ties That Bound. P. 236—237
 44 *Murray A.* Religion Among the Poor. P. 295.
 45 Рассказ передан современным английским языком (*Примеч. авт.*).
 46 Middle English Sermons. P. 89—90.

Глава 13

- 1 *Bennett H.S.* The Pastons; The Paston Letters / J.Gairdner; The Paston Letters / N.Davis.
 2 The Paston Letters / N.Davis. P. XLI—XLIII; см. также: The Paston Letters / J.Gairdner. № 643 (Vol. IV. P. 247—249).
 3 *Bennett H.S.* The Pastons. P. 2—3.
 4 Ibid. P. 3—4.
 5 The Paston Letters / J.Gairdner. № 702 (Vol. II. P. 127—130).
 6 *Gies Fr., Gies J.* The Knight in History. P. 206—207.
 7 *Barnes H.D., Simpson W.D.* The Building Accounts of Caister Castle. P. 178—188.
 8 *Gies Fr., Gies J.* The Knight in History. P. 188—190.
 9 *Bennett H.S.* The Pastons. P. 11—17; The Paston Letters / J.Gairdner. № 488 (Vol. IV. P. 1—4), 568 (Vol. IV. P. 107—108), 569 (Vol. IV. P. 109—110), 572 (Vol. IV. P. 116—117).
 10 *Haskell A.S.* The Paston Women on Marriage. P. 463—465.
 11—12 The Paston Letters / J.Gairdner. № 47 (Vol. II. P. 55—56). Письма Пастонов цитируются здесь в «переводе», который в основном состоит в модернизации правописания (*Примеч. авт.*).
 13 Ibid. № 497 (Vol. IV. P. 15).
 14 Ibid. № 489 (Vol. IV. P. 4—5).

- 15 Ibid. № 224 (Vol. II. P. 282).
- 16 Ibid. № 183 (Vol. II. P. 228—229).
- 17 Ibid. № 595 (Vol. IV. P. 164).
- 18 *Bennett H.S.* The Pastons. P. 12—13, 83—84; The Paston Letters / N.Davis. P. xlvi.
- 19 *Bennett H.S.* The Pastons. P. 13; The Paston Letters / N.Davis. P. xlvi—xlvii.
- 20 *Bennett H.S.* The Pastons. P. 102—108.
- 21 The Paston Letters / J.Gairdner. № 362 (Vol. III. P. 123).
- 22 The Paston Letters / N.Davis. P. XXXVII—XXXVIII.
- 23 The Paston Letters / J.Gairdner. № 766 (Vol. V. P. 93).
- 24 Ibid. № 978 (Vol. VI. P. 52).
- 25 Ibid. № 706, 707 (Vol. V. P. 18—19).
- 26 Ibid. № 704 (Vol. V. P. 14—16).
- 27 Ibid. № 742 (Vol. V. P. 69).
- 28 Ibid. № 781 (Vol. V. P. 111).
- 29 Ibid. № 798 (Vol. V. P. 135).
- 30 Ibid. № 831 (Vol. V. P. 181).
- 31 Ibid. № 842 (Vol. V. P. 198).
- 32 Ibid. № 863 (Vol. V. P. 220—221).
- 33 Ibid. № 900, 916 (Vol. V. P. 293—294).
- 34 Ibid. № 933 (Vol. V. P. 323—324).
- 35 Ibid. № 662 (Vol. IV. P. 270—271).
- 36 Ibid. № 742 (Vol. V. P. 68—70).
- 37 Ibid. № 781 (Vol. V. P. 109).
- 38 Ibid. № 850, 858 (Vol. V. P. 206—208).
- 39 Ibid. № 850 (Vol. V. P. 207).
- 40 Ibid. № 860 (Vol. V. P. 216—218).
- 41 Ibid. № 885 (Vol. V. P. 251—252).
- 42 Ibid. № 890 (Vol. V. P. 259).
- 43 Ibid. № 903 (Vol. V. P. 273—274).
- 44 Ibid. № 887 (Vol. V. P. 255—256).
- 45 Ibid. № 895 (Vol. V. P. 265).
- 46 Ibid. № 896 (Vol. V. P. 266).
- 47 Ibid.
- 48 Ibid. № 897, 898 (Vol. V. P. 267—268).
- 49 Ibid. № 903 (Vol. V. P. 274).
- 50 Ibid. № 899 (Vol. V. P. 269).
- 51 Ibid. № 901 (Vol. V. P. 271—272).
- 52 Ibid. № 902 (Vol. V. P. 272—273).
- 53 Ibid. № 905 (Vol. V. P. 275—276).
- 54 Ibid. № 911 (Vol. V. P. 285—286).
- 55 Ibid. № 915 (Vol. V. P. 290—292).
- 56 Ibid. № 916 (Vol. V. P. 294).

- 57 Ibid. № 923 (Vol. V. P. 307—308).
- 58 Ibid. № 982 (Vol. VI. P. 58).
- 59 Ibid. № 926 (Vol. V. P. 312).
- 60 The Paston Letters / N.Davis. P. 11.
- 61 The Paston Letters / J.Gairdner. № 825 (Vol. V. P. 173).
- 62 Ibid. № 942 (Vol. VI. P. 7—8).
- 63 Ibid. № 974 (Vol. VI. P. 43—44).
- 64 Ibid. № 94 (Vol. II. P. 109—111).
- 65 Ibid. № 224 (Vol. II. P. 281—282).
- 66 Ibid. № 237 (Vol. II. P. 301).
- 67 Ibid. № 242, 243 (Vol. II. P. 314—316).
- 68 Ibid. № 250, 252 (Vol. II. P. 325—328).
- 69 Ibid. № 260 (Vol. III. P. 1—3).
- 70 Ibid. № 374 (Vol. III. P. 233—234).
- 71 Ibid. № 843 (Vol. V. P. 200); Х.С.Беннетт полагает, что Энн была старшей из двух дочерей; Т.Дейвис приходит к выводу, что Энн родилась около 1455 г., Марджери — до 1450 г. (The Paston Letters / N.Davis. P. LXII).
- 72 The Paston Letters / J.Gairdner. № 842 (Vol. V. P. 199).
- 73 Ibid. № 884 (Vol. V. P. 250).
- 74 Ibid. № 713 (Vol. V. P. 25—28).
- 75 Ibid. № 721 (Vol. V. P. 37—40).
- 76 Ibid. № 978 (Vol. VI. P. 52).
- 77 Ibid. № 733 (Vol. V. P. 57—58).
- 78 Ibid. Vol. I. P. 292—294; № 856, 857, 862, 863, 875, 916, 917 (Vol. V. P. 211—214, 220—222, 293—296).
- 79 Bennett H.S. The Pastons. P. 25—26.
- 80 McFarlane K.B. Nobility of Later Medieval England. P. 97.
- 81 Bennett H.S. The Pastons. P. 90—100.
- 82 Langland W. The Vision and Creed of Piers Plowman. P. 179 (Passus 10. Lines 5795—5808).
- 83 The Paston Letters / J.Gairdner. № 695 (Vol. V. P. 1—4).
- 84 Bennett H.S. The Pastons. P. 111—113.
- 85 The Paston Letters / J.Gairdner. № 637 (Vol. IV. P. 226—231).
- 86 *Worship Fr.* Account of a MS Genealogy of the Paston Family. P. 1—55.

Глава 14

- ¹ Il Libro degli affari proprii di casa di Lapo di Giovanni Niccolini. P. 55.
- ² Ibid. P. 55—56.
- ³ Herlihy D., *Klapisch-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families. P. 349.

- 4 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 71.
- 5 *Herlihy D.* Mapping Households. P. 1—19.
- 6 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 70—72.
- 7 *Goldthwaite R.A.* The Florentine Palace. P. 1002.
- 8 *Origo I.* The Merchant of Prato. P. 245—263.
- 9 *Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine. P. 5—6.
- 10 *Ibid.* P. 10.
- 11 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 79.
- 12 *Nicholas D.* The Domestic Life of a Medieval City. P. 175—206.
- 13 *Heers J.* Urbanisme et structure sociale. P. 384—389.
- 14 *Herlihy D.* Medieval Households. P. 88—92.
- 15 *Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine. P. 2.
- 16 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 72.
- 17 *Ibid.* P. 72—73.
- 18 *Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine. P. 4—5.
- 19 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 72—73.
- 20 *Herlihy D.* Mapping Households. P. 80; *idem.* The Tuscan Town. P. 87. См. также: *Origo I.* The Domestic Enemy. P. 321—366.
- 21 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 75.
- 22 *Herlihy D., Klapisch-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families. P. 283.
- 23 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 88.
- 24 *Herlihy D.* Mapping Households. P. 19.
- 25 *Alberti Leon Battista.* I Libri della famiglia. P. 222.
- 26 *Ibid.* P. 224.
- 27 *Boglar R.R.* Introduction // *Ibid.* P. 1—2.
- 28 *Ibid.* P. 115—116.
- 29 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 81—83.
- 30 *Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine. P. 2.
- 31 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 83—84.
- 32 *Alberti Leon Battista.* I Libri della famiglia. P. 117.
- 33 *Dati Gregorio.* Diary. P. 114.
- 34 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 90.
- 35 *Lynch J.H.* Hugh I of Cluny's Sponsorship of Henry IV. P. 806—807.
- 36 1 эл = 113 см (*Примеч. перев.*).
- 37 *Ross J.B.* The Middle Class Child. P. 189.
- 38 Брачный возраст (*Примеч. перев.*).
- 39 Были умеренными (*Примеч. перев.*).
- 40 *Dante Alighieri.* The Divine Comedy. Vol. 1. P. 59. Перевод на русский язык: *Данте Алигьери.* Новая жизнь. Божественная комедия / Перевод А.Эфроса, М.Лозинского. М., 1967. С. 440.

- 41 *Kirshner J., Molho A.* The Dowry Fund and the Marriage Market. P. 403—438.
- 42 *Herlihy D., Klapisch-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families. P. 86.
- 43 *Herlihy D.* The Tuscan Town. P. 91—92.
- 44 *Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine. P. 4.
- 45 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 183.
- 46 *Origo I.* The World of San Bernardino. New York, 1962. P. 55.
- 47 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 185.
- 48 *Ibid.* P. 194.
- 49 *Ibid.* P. 185; *Sheehan M.* Choice of Marriage Partner. P. 31—32.
- 50 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 186—187.
- 51 *Ibid.* P. 262—266; *Girard R.* Marriage in Avignon. P. 492.
- 52 *Boccaccio G.* Corbaccio. P. 71—72. Цит. по: *Klapisch-Zuber Chr.* La «Mère cruelle». P. 1107.
- 53 *Origo I.* The World of San Bernardino. P. 71.
- 54 *Kirshner J.* Wives' Claims. P. 257.
- 55 *Origo I.* The World of San Bernardino. P. 59.
- 56 *Herlihy D.* Some Social and Psychological Roots of Violence. P. 129—154.
- 57 *Ross J.B.* The Middle Class Child. P. 194.
- 58 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 137—138.
- 59 *Origo I.* The World of San Bernardino. P. 60.
- 60 *Ross J.B.* The Middle Class Child. P. 187.
- 61 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 144.
- 62 *Alberti Leon Battista.* I Libri della famiglia. P. 50.
- 63 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 108.
- 64 *Ross J.B.* The Middle Class Child. P. 204, 212; *Gies J., Gies Fr.* Leonard of Pisa. P. 98.
- 65 *Alberti Leon Battista.* I Libri della famiglia. P. 82.
- 66 *Origo I.* The Merchant of Prato. P. 227—228.
- 67 *Origo I.* The World of San Bernardino. P. 65.
- 68 *Alberti Leon Battista.* I Libri della famiglia. P. 36—37.
- 69 *Ibid.* P. 37.
- 70 *Ibid.* P. 88.
- 71 *Origo I.* The World of San Bernardino. P. 62.
- 72 *Ibid.* P. 63.
- 73 *Ibid.* P. 65—66.
- 74 *Ibid.* P. 269.
- 75 *Goldthwaite R.A.* The Florentine Palace. P. 1010.
- 76 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 112.
- 77 *Herlihy D.* The Tuscan Town. P. 97.

- 78 *Biller P.P.A.* Birth Control. P. 17.
 79 *Herlihy D., Klapisch-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families. P. 253; *Herlihy D.* The Tuscan Town. P. 97.
 80 *Herlihy D.* Mapping Households. P. 14—15; *Herlihy D., Klapisch-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families. P. 250—251.
 81 *Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual. P. 17; *Herlihy D., Klapisch-Zuber Chr.* Tuscans and Their Families. P. 245.
 82 *Origo I.* The World of San Bernardino. P. 63.
 83 *Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine. P. 8.
 84 *Ibid.* P. 8—9.

Глава 15

- 1 *Alberti Leon Battista.* I Libri della famiglia. P. 80.
 2 *Herlihy D.* Medieval Households. P. 158.
 3 *Thrupp S.L.* Merchant Class. P. 164—165.
 4 *Hanawalt B.A.* The Ties That Bound. P. 248.
 5 *Gutkind C.S.* Cosimo de' Medici. P. 216—217.
 6 *Sheehan M.M.* Choice of Marriage Partner. P. 29.
 7 *Lecoy de la Marche A.* La Chaire française. P. 431.
 8 *Rossiaud J.* Prostitution, Sex, and Society. P. 93.
 9 *Ozment S.* When Fathers Ruled. P. 36.
 10 *Ariès Ph.* The Indissoluble Marriage. P. 155.
 11 *Brundage J.A.* Concubinage and Marriage. P. 11.
 12 *Noonan J.T., Jr.* Marriage in the Middle Ages. P. 434.
 13 *Ourliac P.* Le Droit privé avignonnais. Цит. по: *Girard R.* Marriage in Avignon. P. 493.
 14 *Nicholas D.* Domestic Life in a Medieval City. P. 36—37.
 15 *Ozment S.* When Fathers Ruled. P. 46.
 16 *Ibid.* P. 48.
 17 *Ibid.* P. 8.
 18 *Flandrin J.-L.* Sex in Married Life. P. 126.
 19 *Ibid.* P. 115.
 20 *Lemay H.R.* Antonius Guainerius and Medieval Gynecology. P. 331—333.
 21 *Helmholz R.H.* Infanticide. P. 395.
 22 *Langer W.L.* Infanticide. P. 362.
 23 *Heers J.* Le Clan familial. P. 112.
 24 *Goldthwaite R.* The Florentine Palace. P. 977—1012.
 25 *Schevill F.* The Medici. P. 108; *Gutkind C.S.* Cosimo de' Medici. P. 235—236.

Библиография

- Agnolo di Tura*. Cronica Senese di Agnolo di Tura del Grasso // *Rerum Italicarum Scriptores* / Muratori L.A. Bologna, 1934. T. 15. Pt. 6.
- Alberti Leon Battista*. I Libri della famiglia // R.N.Watkins. The Family in Renaissance Florence. Translation of Leon Battista Alberti. *I Libri della Famiglia*. Columbia, s.c., 1969.
- The Ancrene Riwe (The Corpus MS: Ancrene Wisse)* / Ed. and transl. M.B.Salu. London, 1955.
- The Anglo-Saxon Chronicle* / Transl. by G.N.Garmonsway. London, 1953.
- Anglo-Saxon Riddles of the Exeter Book* / Transl. P.F.Baum. Durham, N.C., 1963.
- Anné L.* Les Rites des fiançailles et la donation pour cause de mariage dans le Bas-Empire. Louvain, 1941.
- Ariès Ph.* Centuries of Childhood: A Social History of Family Life / Transl. R.Baldick. New York, 1962.
- Ariès Ph.* The Indissoluble Marriage // *Western Sexuality: Practice and Precept in Past and Present Times* / Ph.Ariès, A.Béjin. London, 1985. P. 140—157.
- Ariès Ph.* Western Attitudes Toward Death, from the Middle Ages to the Present / Transl. P.M.Ranum. Baltimore, 1974.
- Augustine*. Treatises on Marriage and Other Subjects / Transl. Ch.T.Wilcox et al. New York, 1955.
- Ault W.O.* Open-Field Farming in Medieval England: A Study of Village By-Laws. New York, 1972.
- Ault W.O.* Open-Field Husbandry and the Village Community: A Study of Agrarian By-Laws in Medieval England. Philadelphia, 1965.
- The Babees Book* / F.Furnivall. New York, 1969 (1st ed. London, 1868).
- Baker A.R.H.* Open Fields and Partible Inheritance on a Kent Manor // *Economic History Review*. 1964—1965. 2nd Ser. Vol. 17. P. 1—22.
- Baker A.R.H.* Some Fields and Farms in Medieval Kent // *Archeologia Cantiana*. 1965. Vol. 80. P. 152—174.
- Balsdon J.P.V.D.* Life and Leisure in Ancient Rome. London, 1969.
- Balsdon J.P.V.D.* Roman Women: Their History and Habits. New York, 1963.
- Barnes H.D., Simpson W.D.* The Building Accounts of Caister Castle, A.D. 1432—1435 // *Norfolk Archaeology*. 1952. Vol. 30. P. 178—188.
- Bartholomaeus Anglicus*. De proprietatibus rerum // *Medieval Lore from Bartholomew Anglicus* / R.Steele. London, 1924.

- Becker M.* Individualism in the Early Italian Renaissance: Burden and Blessing // Studies in the Renaissance. 1972. Vol. 19. P. 273—297.
- Bede's Ecclesiastical History of the English Nation* / Transl. J.Stevens, revised by J.A.Giles. London, 1963.
- Bedfordshire Wills 1480—1519 / Transl. P.Bell // Bedfordshire Historical Record Society. 1966. Vol. 45.
- Bemont Ch.* Simon de Montfort, Earl of Leicester, 1208—1265 / Transl. E.F.Jacob. Oxford, 1930.
- Bender D.R.* A Refinement of the Concept of the Household: Families, Co-Residence, and Domestic Function // American Anthropologist. 1967. Vol. 69. P. 493—504.
- Bennett H.S.* The Pastons and Their England: Studies in an Age of Transition. Cambridge, 1970 (repr., 1st ed. 1922)
- Beowulf / Transl. by W.Alfred // Medieval Epics. New York, 1963.
- Berkner L.K.* Recent Research on the History of the Family in Western Europe // Journal of Marriage and the Family. 1973. Vol. 35. P. 395—405.
- Berkner L.K.* Rural Family Organization in Europe: A Problem in Comparative History // Peasant Studies Newsletter. 1972. Vol. 1. № 4. P. 145—156.
- Berkner L.K.* The Stem Family and the Developmental Cycle of the Peasant Household: An Eighteenth-Century Austrian Example // American Historical Review. 1972. Vol. 77. P. 398—418.
- Berkner L.K.* The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. 1975. Vol. 5. P. 721—738.
- Biller P.P.A.* Birth Control in the West in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // Past and Present. 1982. Vol. 94. P. 3—26.
- Bishop J.* Bishops as Marital Advisors in the Ninth Century // Women of the Medieval World / J.Kirshner, S.F.Wemple. London, 1985. P. 53—84.
- Blair P.H.* An Introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1966.
- Bloch M.* Feudal Society / Transl. L.A.Manyon. Chicago, 1964. Vol. 1—2.
- Bloch M.* Slavery and Serfdom in the Middle Ages / Transl. W.R.Beer. Berkeley, 1975.
- Boccaccio Giovanni.* Corbaccio / P.G.Ricci. Turin, 1977.
- Boccaccio Giovanni.* Decameron / Transl. J.Payne. New York, 1931.
- The Book of Beasts / Transl. T.H.White. New York, 1960.
- Bondurand E.* L'Education Carolingienne: le Manuel de Dhuoda. Paris, 1887.
- Bouchard C.B.* Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Centuries // Speculum. 1981. Vol. 56. P. 268—287.
- Bouchard C.B.* The Origins of the French Nobility: A Reassessment // American Historical Review. 1981. Vol. 86. P. 501—532.
- Bouchard C.B.* The Structure of a Twelfth-Century French Family: The Lords of Seignelay // Viator. 1979. Vol. 10. P. 39—56.
- Boussard J.* The Civilization of Charlemagne. New York, 1968.

- Boyle L.E.* *Montaillou Revisited: Mentalité and Methodology // Pathways to Medieval Peasants / J.A.Raftis.* Toronto, 1981. P. 119—140.
- Boyle L.E.* *The Oculus sacerdotis and Some Other Works of William of Pagula // Transactions of the Royal Historical Society.* 1955. 5th Ser. Vol. 5. P. 81—110.
- Bridbury A.R.* *The Black Death // Economic History Review.* 1973. 2nd Ser. Vol. 26. P. 577—591.
- Britton E.* *The Community of the Vill: A Study in the History of the Family and Village Life in Fourteenth-Century England.* Toronto, 1977.
- Britton E.* *The Peasant Family in Fourteenth-Century England // Peasant Studies.* 1976. Vol. 5. P. 2—7.
- Brooke Chr.* *Marriage and Society in the Central Middle Ages // Marriage and Society / R.B.Outhwaite.* Baltimore, 1983. P. 17—34.
- Brundage J.A.* *Concubinage and Marriage in Medieval Canon Law // Journal of Medieval History.* 1975. Vol. 1. P. 1—17.
- Bullough D.A.* *Early Medieval Social Groupings: The Terminology of Kinship // Past and Present.* 1969. Vol. 45. P. 3—18.
- The Burgundian Code / Ed. and transl. K.Drew Fisher.* Philadelphia, 1972.
- Cammarosano P.* *Les structures familiales dans les villes de l'Italie communale (XIIe—XIVe siècles) // Famille et parenté dans l'Occident médiéval / G.Duby, J.Le Goff.* Roma, 1977. P. 181—194.
- Campbell B.M.S.* *Population Change and the Genesis of Common Fields on a Norfolk Manor // Economic History Review.* 1980. 2nd Ser. Vol. 33. P. 174—192.
- Carcopino J.* *Daily Life in Ancient Rome / Transl. E.O.Lorimer.* New York, 1971 (repr., 1st ed. 1940).
- Carolingian Chronicles: Royal Frankish Annals and Nithard's Histories / Transl. B.W.Scholz, B.Rogers.* Ann Arbor, 1970.
- Cartulaire de l'Abbaye de Saint-Victor de Marseilles / B.Guérard.* Paris, 1857. Vol. 1—2.
- Chapelot J., Fossier R.* *The Village and House in the Middle Ages / Transl. H.Cleere.* Berkeley, 1985.
- The Character of Kinship / J.Goody.* London, 1973.
- Chaucer J.* *The Complete Works of Geoffrey Chaucer / F.N.Robinson.* Boston, 1933.
- The Chronicle of Jean de Venette / Transl. J.Birdsall, R.A.Newhall.* New York, 1953.
- Chronicon Abbatiae Ramesiensis / W.D.Macray.* London, 1886.
- Il Chronicon Farfense di Gregorio di Catino / U.Balzani // Fonti per la storia d'Italia.* Roma, 1903. T. 33—34.
- Chroniques des comtes d'Anjou / P.Marchegay, A.Salmon.* Paris, 1856—1871.
- Church-Wardens' Accounts of Croscombe, Pilton, Latton, Tintinhull, Morebath, and St. Michael's Bath / E.Hobhouse // Somerset Record Society.* 1890. Vol. 4.

- Clark E.* Some Aspects of Social Security in Medieval England // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. P. 307—320.
- Coleman E.* L'Infanticide dans le Haut Moyen Age // *Annals: Economies, Sociétés, Civilisations*. 1974. T. 29. P. 315—335 (repr.: *Infanticide in the Early Middle Ages // Women in Medieval Society / S.M.Stuard*. Philadelphia, 1976).
- Coleman E.* Medieval Marriage Characteristics: a Neglected Factor in the History of Medieval Serfdom // *Journal of Interdisciplinary History*. 1971. Vol. 2. P. 205—217.
- Court Roll of Chalgrave Manor / M.K.Dale // *Bedfordshire Historical Record Society*. 1950. Vol. 28.
- Court Rolls of the Manor of Hales / J.Amphlett, S.G.Hamilton, R.A.Wilson. Oxford, 1910—1933.
- Cowell Fr.R.* *Everyday Life in Ancient Rome*. London, 1961.
- Dante Alighieri.* *The Divine Comedy / L.Biancolli*. New York, 1966.
- Dati Gregorio.* *Diary // Two Memoirs of Renaissance Florence: The Diaries of Buonaccorso Pitti and Gregorio Dati / Transl. J.Martines*. New York, 1967.
- De Windt A.* A Peasant Land Market and Its Participants, King's Rip-ton (1280—1400) // *Midland History*. 1978. Vol. 4. P. 142—159.
- De Windt E.* Land and People in Holywell-cum-Needingworth: Structures of Tenure and Patterns of Social Organization in an East Midlands Village, 1253—1457. Toronto, 1972
- Declareuil J.* *Rome the Law Giver*. New York, 1926.
- DeMause L.* The Evolution of Childhood // *The History of Childhood / L.DeMause*. London, 1976. P. 1—74 (*History of Childhood Quarterly*. 1974. Vol. 1. P. 503—606).
- Descriptio mancipiorum ecclesie massiliensis // Cartulaire de l'Abbaye de Saint-Victor de Marseilles / B.Guéraud*. Paris, 1857. Vol. 2.
- Devisse J.* *Hincmar, Archevêque de Reims, 845—882*. Geneva, 1975. Vol. 1—2.
- Dhuoda.* *Manuel pour mon fils / Ed. et trad. par P.Riché*. Paris, 1975.
- Dillard H.* *Daughters of the Reconquest: Women in Castilian Town Society, 1100—1300*. Cambridge, 1985.
- Dodwell B.* Holdings and Inheritance in Medieval East Anglia // *Economic History Review*. 1967. 2nd Ser. Vol. 20. P. 53—66.
- Donahue Ch., Jr.* The Canon Law on the Formation of Marriage and Social Practice in the Later Middle Ages // *Journal of Family History*. 1983. Vol. 8. P. 144—158.
- Dooley W.J.* *Marriage According to St. Ambrose*. Washington, D.C., 1948.
- Drew Fisher K.* The Germanic Family of the *Leges Burgundionum // Medievalia et Humanistica*. 1963. Vol. 15. P. 5—14.
- DuBoulay F.R.H.* *An Age of Ambition: English Society in the Late Middle Ages*. New York, 1970.
- DuBoulay F.R.H.* *The Lordship of Canterbury*. London, 1966.
- Duby G.* *The Early Growth of the European Economy: Warriors and Peasants from the Seventh to the Twelfth Century / Transl. H.B.Clarke*. Ithaca, New York, 1973.

- Duby G.* French Genealogical Literature, the Eleventh and Twelfth Centuries // *Duby G.* The Chivalrous Society / Transl. C.Postan. Berkeley, 1977. P. 149—157.
- Duby G.* Histoire des mentalités // L'Histoire et ses méthodes / C.Samaran. Paris, 1961. P. 937—966.
- Duby G.* The Knight, the Lady, and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France / Transl. B.Bray. New York, 1983.
- Duby G.* Lineage, Nobility, and Knighthood, the Mâconnaise in the Twelfth Century — a Revision // *Duby G.* The Chivalrous Society / Transl. C.Postan. Berkeley, 1977. P. 59—80.
- Duby G.* Medieval Marriage: Two Models from Twelfth-Century France / Transl. E.Forster. Baltimore, 1978.
- Duby G.* The Nobility in Medieval France // *Duby G.* The Chivalrous Society / Transl. C.Postan. Berkeley, 1977. P. 94—111.
- Duby G.* Rural Economy and Country Life in the Medieval West / Transl. C.Postan. Columbia, S.C., 1968.
- Duby G.* La Société aux XIe et XIIe siècles dans la région Mâconnaise. Paris, 1955.
- Duby G.* The Structure of Kinship and Nobility: Northern France in the Eleventh and Twelfth Centuries // *Duby G.* The Chivalrous Society / Transl. C.Postan. Berkeley, 1977. P. 134—148.
- Duby G.* Youth in Aristocratic Society // *Duby G.* The Chivalrous Society / Transl. C.Postan. Berkeley, 1977. P. 112—122.
- Dyer Chr.* Families and Land in the West Midlands // Land, Kinship, and Life Cycle / R.M.Smith. Cambridge, 1986. P. 305—311.
- Early Medieval Society / S.Thrupp. New York, 1967.
- Easton S.C., Wieruszowski H.* The Era of Charlemagne. Princeton, 1961.
- Einhard and Notker the Stammerer.* Two Lives of Charlemagne / Transl. L.Thorpe. Harmondsworth, 1969.
- English Historical Documents / Ed. and transl. D.Whitelock. N.Y., 1968. Vol. 1. 500—1042.
- The English Medieval Landscape / L.Cantor. Philadelphia, 1982.
- Erickson C., Casey K.* Women in the Middle Ages, a Working Bibliography // Medieval Studies. 1975. Vol. 37. P. 340—359.
- Esmein A.* Le mariage en droit canonique / R.Généstal. Paris, 1929—1935. T. 1—2.
- The Exeter Book / Ed. and transl. I.Gollancz, W.S.Mackie. Oxford, 1895, 1934 (repr. 1975). Pt. 1—2.
- Faith R.J.* Peasant Families and Inheritance Customs in Medieval England // Agricultural History Review. 1966. Vol. 4. P. 77—95.
- Famille et parenté dans l'Occident médiéval / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977.
- Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe / J.Goody. Cambridge, 1976.
- Family and Society: Selections from the Annales / R.Forster, O.Ranum. Baltimore, 1976.
- Family and Sexuality in French History / R.Wheaton, T.K.Hareven. Philadelphia, 1980.

- The Family in History / Ch.E.Rosenberg. Philadelphia, 1975.
- The Family in Renaissance Florence (Leon Battista Alberti's *I libri della famiglia*) / Transl. R.N.Watkins. Columbia, S.C., 1969.
- A Feast of Creatures: Anglo-Saxon Riddle-Songs / Ed. and transl. by C.Williamson. Philadelphia, 1982.
- Fell Chr.* Women in Anglo-Saxon England and the Impact of 1066. Bloomington, Ind., 1984.
- Fitzstephen's Description of London // *Stow J.* Survey of London / H.B.Wheatley. London, 1956.
- Flandrin J.-L.* Families in Former Times: Kinship, Household, and Sexuality / Transl. R.Southern. Cambridge, 1979.
- Flandrin J.-L.* Mariage tardif et vie sexuelle: discussions et hypothèses de recherche // *Annales d'Histoire Economique et Sociale.* 1972. T. 27. P. 1351—1378.
- Flandrin J.-L.* Repression and Change in the Sexual Life of Young People in Medieval and Early Modern Times // Family and Sexuality in French History / R.Wheaton, T.K.Hareven. Philadelphia, 1980. P. 27—48.
- Flandrin J.-L.* Sex in Married Life in the Early Middle Ages: The Church's Teaching and Behavioural Reality // Western Sexuality: Practice and Precept in Past and Present Times / Ph.Ariès, A.Béjin. London, 1985. P. 114—129.
- Forsyth I.H.* Children in Early Medieval Art: Ninth Through Twelfth Centuries // *Journal of Psychohistory.* 1976. Vol. 4. P. 31—70.
- Fox L.* The Honor and Earldom of Leicester: Origin and Descent, 1066—1399 // *English Historical Review.* 1939. Vol. 215 (54). P. 385—391.
- Fox R.* Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective. Cambridge, 1983.
- Freed J.B.* The Counts of Falkenstein: Noble Self-Consciousness in Twelfth-Century Germany. Philadelphia, 1984.
- Freeman J.D.* On the Concept of the Kindred / *Journal of the Royal Anthropological Institute.* 1961. Vol. 91. P. 192—219.
- Friedlander L.* Roman Life and Manners under the Early Empire / Transl. L.A.Magnus. New York, 1965 (repr., 1st ed. 1907). Vol. 1—4.
- Fustel de Coulanges N.D.* The Ancient City / Transl. W.Small. New York, 1956.
- Galy Ch.* La Famille à l'époque Mérovingienne, étude faite principalement d'après les récits de Grégoire de Tours. Paris, 1901.
- Ganshof F.-L.* Le Statut de la femme dans la monarchie franque // *Recueils de la Société Jean Bodin.* 1962. T. 12. P. 5—58.
- Garin le Loherain / A.Paulin. Paris, 1862.
- Genealogiae Comitum Flandriae // *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina* / J.P.Migne. Paris, 1857—1866. T. 209. Col. 929—990.
- Génicot L.* Recent Research on the Medieval Nobility // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century / T.Reuter. Amsterdam, 1978. P. 17—35.
- Gies Fr.* The Knight in History. New York, 1984.

- Gies Fr. and Gies J.* Women in the Middle Ages. New York, 1978.
- Gies J. and Gies Fr.* Leonard of Pisa and the New Mathematics of the Middle Ages. New York, 1969.
- Gies J. and Gies Fr.* Life in a Medieval Castle. New York, 1974.
- Giraldi Cambrensis Opera* / J.S.Brewer. London, 1961. Vol. 1.
- Giraldus Cambrensis.* Autobiography / Transl. H.E.Butler. London, 1937.
- Giraldus Cambrensis.* The First Version of the Topography of Ireland / Transl. J.J.O'Meara. Dundalk, 1951.
- Girard R.* Marriage in Avignon in the Second Half of the Fifteenth Century // *Speculum*. 1953. Vol. 28. P. 485—498.
- Goffart W.* Barbarians and Romans, A.D. 481—584: The Techniques of Accommodation. Princeton, 1980.
- Goldthwaite R.A.* The Florentine Palace as Domestic Architecture // *American Historical Review*. 1972. Vol. 77. P. 977—1012.
- Goodich M.* Bartholomaeus Anglicus on Child Rearing // *History of Childhood Quarterly*. 1975. Vol. 3. P. 75—84.
- Goodich M.* Childhood and Adolescence Among the Thirteenth-Century Saints // *History of Childhood Quarterly*. 1973. Vol. 1. P. 285—309.
- Goody J.* The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983.
- Gottfried R.S.* The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe. New York, 1983.
- Gottlieb B.* The Meaning of Clandestine Marriage // Family and Sexuality in French History / R.Wheaton, T.K.Hareven. Philadelphia, 1980. P. 49—83.
- Gransden A.* Childhood and Youth in Medieval England // *Nottingham Medieval Studies*. 1972. Vol. 16. P. 3—19.
- Grant M.* The World of Rome. New York, 1960.
- Green Everett M.A.* Lives of the Princesses of England. London, 1849. Vol. 2.
- Gregory of Tours.* The History of the Franks / Transl. L.Thorpe. Harmondsworth. 1974.
- Grisward J.H.* Individualisme et 'Esprit de famille' dans 'Garin le Loherain' // *Famille et parenté dans l'Occident médiéval* / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977. P. 385—396.
- Guasti C.* *Ser Mazzei: Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV con altre lettere e documenti.* Firenze, 1880.
- Gutkind C.S.* Cosimo de' Medici, Pater Patriae, 1389—1464. Oxford, 1938.
- Hallett J.P.* Fathers and Daughters in Roman Society. Princeton, 1984.
- Halphen L.* Le Comté d'Anjou au XIe siècle. Paris, 1906.
- Halphen L.* Etude sur les chroniques des comtes d'Anjou. Paris, 1906.
- Halphen L.* Recueil d'annales angevines et vendômoises. Paris, 1903.
- Hammell E.A., Laslett P.* Comparing Household Structure over Time and between Cultures // *Comparative Studies in Society and History*. 1974. Vol. 16. P. 73—109.

- Hammer C.I., Jr.* Family and *Familia* in Early Medieval Bavaria // Family Forms in Historic Europe / R.Wall with J.Robin and P.Laslett. Cambridge, 1983. P. 217—248.
- Hanawalt B.A.* Childrearing among the Lower Classes of Late Medieval England // Journal of Interdisciplinary History. 1977. Vol. 8. P. 1—22.
- Hanawalt B.A.* The Ties That Bound: Peasant Families in Medieval England. Oxford, 1986.
- Hanham A.* The Celts and Their World. Cambridge, 1985.
- Hareven T.K.* The Family as Process: The Historical Study of the Family Cycle // Journal of Social History. 1974. Vol. 7. P. 322—329.
- Hareven T.K.* The History of the Family as an Interdisciplinary Field // Journal of Interdisciplinary History. 1971. Vol. 2. P. 399—414.
- Harvey P.D.A.* A Medieval Oxfordshire Village, Cuxham, 1240 to 1400. Oxford, 1965.
- Haskell A.S.* The Paston Women on Marriage in Fifteenth-Century England // Viator. 1973. Vol. 4. P. 459—471.
- Heers J.* Le Clan familial au Moyen Age. Paris, 1974.
- Heers J.* Urbanisme et structure sociale à Gênes au Moyen Age // Studi in onore di Amintore Fanfani. Milan, 1962. T. 1. P. 369—412.
- Heinzelmann M.* Les Changements de la dénomination latine à la fin de l'antiquité // Famille et parenté dans l'Occident médiéval / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977. P. 19—24.
- Helmholz R.H.* Infanticide in the Province of Canterbury during the Fifteenth Century // History of Childhood Quarterly. 1975. Vol. 2. P. 379—390.
- Helmholz R.H.* Marriage Litigation in Medieval England. Cambridge, 1974.
- Herlihy D.* The Carolingian Mansus // Economic History Review. 1960. Vol. 13. P. 79—89.
- Herlihy D.* Deaths, Marriages, Births, and the Tuscan Economyca. 1300—1550 // *Herlihy D.* Cities and Society in Medieval Italy. London, 1980. P. 135—163.
- Herlihy D.* Family and Property in Renaissance Florence // *Herlihy D.* Cities and Society in Medieval Italy. London, 1980. P. 3—24.
- Herlihy D.* Land, Family, and Women in Continental Europe, 701—1200 // Women in Medieval Society / S.Mosher Stuard. Philadelphia, 1976. P. 13—45.
- Herlihy D.* Life Expectancies for Women in Medieval Society // The Role of Woman in the Middle Ages / R.Thee Morewedge. Albany, New York, 1975. P. 1—22.
- Herlihy D.* The Making of the Medieval Family: Symmetry, Structure, and Sentiment // Journal of Family History. 1983. Vol. 8. P. 116—130.
- Herlihy D.* Mapping Households in Medieval Italy // Catholic Historical Review. 1972. Vol. 58. P. 1—19.

- Herlihy D. Medieval Children // Essays on Medieval Civilization: The Walter Prescott Webb Memorial Lectures / B.K.Lackner, K.R.Philip. London, 1978. P. 109—142.*
- Herlihy D. Medieval Households. Cambridge, Mass., 1985.*
- Herlihy D. Santa Maria Impruneta: a Rural Community in the Late Middle Ages // Herlihy D. Cities and Society in Medieval Italy. London, 1980. P. 242—276.*
- Herlihy D. Some Social and Psychological Roots of Violence in the Tuscan Cities // Herlihy D. Cities and Society in Medieval Italy. London, 1980. P. 129—154.*
- Herlihy D. The Tuscan Town in the Quattrocento: A Demographic Profile // Herlihy D. Cities and Society in Medieval Italy. London, 1980. P. 68—81.*
- Herlihy D. Vieillir à Florence au Quattrocento // Annales: Economies, Sociétés, Civilisations. 1969. T. 24. P. 1338—1354.*
- Herlihy D. Women in Medieval Society // The Smith History Lecture. Houston, Texas, 1971.*
- Herlihy D., Klapisch-Zuber Chr. Tuscans and Their Families: A Study of the Florentine Catasto of 1427. New Haven, 1985.*
- Hill R. Marriage in Seventh-Century England // Saints, Scholars, and Heroes / M.H.King, W.M.Stevens. Minneapolis, 1979. P. 67—75.*
- Hilton R.H. Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. New York, 1973.*
- Hilton R.H. The English Peasantry in the Later Middle Ages. Oxford, 1975.*
- Hilton R.H. Freedom and Villeinage in England // Peasants, Knights, and Heretics: Studies in Medieval English Social History / R.H.Hilton. Cambridge, 1981.*
- Hilton R.H. A Medieval Society: The West Midlands at the End of the Thirteenth Century. New York, 1966.*
- Hincmarus Remensis. De Divortio Lotharii Regis et Tetbergae Reginae // Patrologiae cursus completus. Ser. latina / J.P.Migne. Paris. 1857—1866. Vol. 125. Col. 619—772.*
- L'Histoire de Guillaume Maréchal / P.Meyer. Paris, 1901. T. 1—3.*
- The History of Childhood / L.DeMause. London, 1976.*
- Holmes G.A. The Estates of the Higher Nobility in Fourteenth-Century England. Cambridge, 1957.*
- Holmes U.T. Medieval Children: L'enfant et la vie familiale sous l'ancien régime by Philippe Ariès // Journal of Social History. 1968. Vol. 2. P. 164—172.*
- Homans G.C. English Villagers of the Thirteenth Century. New York, 1975 (repr., 1st ed. 1941).*
- Hopkins K. Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Cambridge, 1978.*
- Hoskins W.G. The Medieval Peasant: The Economic and Social History of a Leicestershire Village. London, 1957.*
- Household and Family in Past Time / P.Laslett, R.Wall. Cambridge, 1972.*

- Howell C.* Peasant Inheritance Customs in the Midlands, 1280—1700 // Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe / J.Goody. Cambridge, 1976. P. 112—155.
- Hughes D.O.* Domestic Ideals and Social Behavior: Evidence from Medieval Genoa // The Family in History / Ch.E.Rosenberg. Philadelphia, 1975. P. 115—143.
- Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe // Journal of Family History. 1978. Vol. 3. P. 262—296.
- Hughes D.O.* Kinsmen and Neighbors in Medieval Genoa // The Medieval City / H.Miskimin, D.Herlihy, A.L.Udovitch. New Haven, 1977. P. 95—111.
- Hughes D.O.* Toward Historical Ethnography: Notarial Records and Family History in the Middle Ages // Historical Methods Newsletter. 1974. Vol. 7. P. 61—71.
- Hughes D.O.* Urban Growth and Family Structure in Medieval Genoa // Past and Present. 1975. Vol. 66. P. 3—28.
- Jones Ph.* Florentine Families and Florentine Diaries in the Fourteenth Century // Papers of the British School at Rome. 1956. Vol. 24. P. 183—205.
- Karsten T.E.* Les Anciens Germains. Paris, 1931.
- Kelly H.A.* Clandestine Marriage and Chaucer's 'Troilus' // Viator. 1973. Vol. 4. P. 435—457.
- Kenkel W.F.* The Ancient Roman Family // The Family in Perspective: A Fourfold Analysis. New York, 1960.
- Kent Fr.W.* A la recherche du clan perdu: Jacques Heers and the 'Family Clans' in the Middle Ages // Journal of Family History. 1977. Vol. 2. P. 77—86.
- Kirshner J.* Wives' Claims Against Insolvent Husbands // Women of the Medieval World: Essays in Honor of John H.Mundy / J.Kirshner, S.F.Wemple. London, 1985. P. 256—303.
- Kirshner J., Molho A.* The Dowry Fund and the Marriage Market in Early Quattrocento Florence // Journal of Modern History. 1978. Vol. 50. P. 405—438.
- Klapisch Chr.* Déclin démographique et structure du ménage: l'exemple de Prato, fin XIVe — fin XVe // Famille et parenté dans l'Occident médiéval / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977. P. 255—268.
- Klapisch Chr.* L'Enfance en Toscane au début du XVe siècle // Annales de démographie historique. 1973. P. 99—127.
- Klapisch-Zuber Chr.* La «Mère cruellé»: maternité, veuvage, et dot dans la Florence des XIVe—XVe siècles // Annales: Economies, Sociétés, Civilisations. 1983. T. 38. P. 1097—1107.
- Klapisch-Zuber Chr.* Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy. Chicago, 1985.
- Krause J.* The Medieval Household: Large or Small? // Economic History Review. 1957. Vol. 9. P. 420—432.
- Kroll J.* The Concept of Childhood in the Middle Ages // Journal of the History of Behavioural Sciences. 1977. Vol. 13. P. 384—393.
- Labarge M.W.* A Baronial Household of the Thirteenth Century. New York, 1966.
- Labarge M.W.* Simon de Montfort. London, 1962.

- Lambertus Ardrensis*. Historia comitum Ghisnensium // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores / G.Waitz. Hannover, 1879. T. 24.
- Lancaster L.* Kinship in Anglo-Saxon Society // British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9. P. 230—250, 359—377.
- Land, Kinship, and Life Cycle / R.M.Smith. Cambridge, 1986.
- Langer W.L.* Infanticide: A Historical Survey // History of Childhood Quarterly. 1974. Vol. 1. P. 353—365.
- Langland W.* The Vision and Creed of Piers Plowman / Th.Wright. London, 1887.
- Laslett P.* The Comparative History of Household and Family // Journal of Social History. 1970. Vol. 4. P. 75—87.
- Laslett P.* La Famille et le ménage: approches historiques // Annales: Economies, Sociétés, Civilisations. 1972. T. 27. P. 847—872.
- Laslett P.* Family Life and Illicit Love in Earlier Generations: Essays in Historical Sociology. Cambridge, 1977.
- Laslett P.* The World We Have Lost: England before the Industrial Age. New York, 1971 (1st ed. 1965).
- Latouche R.* Caesar to Charlemagne: The Beginnings of France / Transl. J.Nicholson. London, 1965.
- Latouche R.* Les Grandes invasions de la crise de l'Occident au Ve siècle. Paris, 1946.
- Lautmann Fr.* Differences or Changes in Family Organization // Family and Society: Selections from the Annales / R.Foster, O.Ranum. Baltimore, 1976. P. 251—261.
- Le Play Fr.* L'Organisation de la famille selon le vrai modèle signalé par l'histoire de toutes les races et tous les temps. Paris, 1871.
- Le Roy Ladurie E.* Montaillou, the Promised Land of Error / Transl. V.Bray. New York, 1978 (первое издание: *Le Roy Ladurie E.* Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. Paris, 1975).
- Lecoy de la Marche A.* La Chaire française au moyen âge. Paris, 1886.
- Lefkowitz M.R., Maureen B.F.* Women's Life in Greece and Rome: A Source Book in Translation. Baltimore, 1982.
- Lemay H.R.* Antonius Guainerius and Medieval Gynecology // Women of the Medieval World: Essays in Honor of John H.Mundy / J.Kirshner, S.F.Wemple. London, 1985. P. 317—336.
- Letters from Petrarch / Transl. M.Bishop. Bloomington. Ind., 1966.
- The Letters of Saint Boniface / E.Emerton. New York, 1940.
- Levy M.J., Jr.* Aspects of the Analysis of Family Structure // Aspects of the Analysis of Family Structure / A.J.Coale et al. Princeton, 1965. P. 1—63.
- Lewis A.R.* The Development of Southern French and Catalan Society, 718—1050. Austin, 1965.
- Lewis W.A.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // The Manchester School. 1954. Vol. 22.
- Leyser K.T.* The German Aristocracy from the Ninth to the Early Twelfth Century // Past and Present. 1968. Vol. 41. P. 25—53.
- Leyser K.T.* Maternal Kin in Early Medieval Germany, a Reply // Past and Present. 1970. Vol. 49. P. 126—134.

- Leyser K.T.* Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony. London, 1979.
- Il Libro degli affari proprii di casa di Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti / Chr. Bec. Paris, 1969.
- The Life of St. Anselm, Archbishop of Canterbury (Eadmeri monachi cantuarensis Vita Sancti Anselmi archiepiscopi cantuarensis) / Ed. and transl. R.W.Southern. London, 1962.
- Loengard J.S.* 'Of the Gift of Her Husband': English Dower and Its Consequences in the Year 1200 // Women of the Medieval World: Essays in Honor of John H.Mundy / J.Kirshner, S.F.Wemple. London, 1985. P. 215—255.
- The Lombard Laws / Transl. and ed. K. Drew Fischer. Philadelphia, 1973.
- Lopez M.D.* A Guide to the Interdisciplinary Literature of the History of Childhood // History of Childhood Quarterly. 1974. Vol. 1. P. 463—494.
- Loyn H.R.* Kinship in Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England. 1974. Vol. 3. P. 197—209.
- Lyman R.B., Jr.* Barbarism and Religion: Late Roman and Early Medieval Childhood // History of Childhood / L.DeMause. London, 1976. P. 75—99.
- Lynch J.H.* Hugh I of Cluny's Sponsorship of Henry IV: Its Context and Consequences // Speculum, 1985. Vol. 60. P. 800—826.
- Magna Vita Sancti Hugonis (The Life of St. Hugh of Lincoln) / Ed. and transl. D.L.Dowie, H.Farmer. London, 1961—1962. Vol. 1—2.
- Maitland F.W.* Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. New York, 1966 (repr., 1st ed. 1897).
- Malbos L.* La capture de Bernard de Septimanie // Le Moyen Age. 1970.
- Manselli R.* Vie familiale et éthique sexuelle dans les pénitentiels // Famille et parenté dans l'Occident médiéval / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977. P. 363—382.
- Martindale J.* The French Aristocracy in the Early Middle Ages: A Reappraisal // Past and Present. 1977. Vol. 75. P. 5—45.
- Matthew of Paris.* English History from the Year 1235 to 1273 (Chronica Majora) / Transl. J.A.Giles. London, 1854.
- McFarlane K.B.* The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1973.
- McKinnon S.* The Peasant House: Evidence of Manuscript Illumination // Pathways to Medieval Peasants / J.A.Raftis. Toronto, 1981.
- McLaughlin M.M.* Survivors and Surrogates: Children and Parents from the Ninth to the Thirteenth Centuries // History of Childhood / L.DeMause. London, 1976. P. 101—181.
- McNamara J.A., Wemple S.F.* Marriage and Divorce in the Frankish Kingdom // Women in Medieval Society / S.Mosher Stuard. Philadelphia, 1976. P. 95—124.
- McNamara J.A., Wemple S.F.* The Power of Women Through the Family in Medieval Europe, 500—1100 // Clio's Consciousness Raised: New Perspectives in the History of Women / M.Hartman, L.W.Banner. New York, 1974. P. 103—118.

- McNeill J.T., Gamer H.M.* Medieval Handbook of Penance. New York, 1965.
- The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century / T.Reuter. Amsterdam, 1978.
- Medieval Women / D.Baker. Oxford, 1978.
- The Metalogicon of John of Salisbury, a Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium / Transl. D.D.McGarry. Berkeley, 1955.
- Meyer M.A.* Land Charters and the Legal Position of Anglo-Saxon Women // The Women of England from Anglo-Saxon Times to the Present / B.Kenner. Hamden, Conn., 1979. P. 57—81.
- Middle English Sermons / W.O.Ross. London, 1940.
- Milden J.W.* The Family in Past Time: A Guide to the Literature. New York, 1977.
- Miskimin H.A.* The Economy of Early Renaissance Europe, 1300—1460. Englewood Cliffs, N.J., 1969.
- Mitterauer M., Sieder R.* The European Family: Patriarchy to Partnership from the Middle Ages to the Present / Transl. K.Oosterveen, M.Hörzinger. Chicago, 1982.
- Mogey J.M.* Residence, Family, Kinship: Some Recent Research // Journal of Family History. 1976. Vol. 1. P. 95—109.
- The Monastic Constitutions of Lanfranc / Ed. and transl. D.Knowles. New York, 1951.
- Murray A.V.* Religion Among the Poor in Thirteenth-Century France: the Testimony of Humbert de Romans // Traditio. 1974. Vol. 30. P. 285—324.
- Musset L.* The Germanic Invasions: The Making of Europe A.D. 400—600 / Transl. E. and C. James. London, 1975.
- Niccolini da Camugliano G.* A Medieval Florentine, His Family and His Possessions // American Historical Review. 1925. Vol. 31. P. 1—19.
- Nicholas D.* The Domestic Life of a Medieval City: Women, Children, and the Family in Fourteenth-Century Ghent. Lincoln, Nebr., 1985.
- Nisbet R.A.* Kinship and Political Power in First-Century Rome // Sociology and History / W.J.Cahnman, A.Bostoff. New York, 1964. P. 257—271.
- Nithard's Histories // Carolingian Chronicles / Transl. B.W.Scholz with B.Rogers. Ann Arbor, 1970.
- Noonan J.T., Jr.* Contraception: A History of Its Treatment by the Catholic Theologians and Canonists. Cambridge, Mass., 1965.
- Noonan J.T., Jr.* Marriage in the Middle Ages: Power to Choose // Viator. 1973. Vol. 4. P. 419—434.
- Norgate K.* The Minority of Henry III. London, 1912.
- Opler M.K.* History of the Family as a Social and Cultural Institution // The Family in Contemporary Society / I.Galdston. New York, 1958. P. 23—38.
- Origo I.* The Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Speculum. 1955. Vol. 30. P. 321—366.

- Origo I.* The Merchant of Prato: Francesco di Marco Datini, 1335—1410. Boston, 1986 (repr., 1st ed. 1957).
- Origo I.* The World of San Bernardino. New York, 1962.
- Ourliac P.* Le Droit privé avignonnais aux XIVe et XVe siècles. Paris, 1936.
- Owst G.R.* Literature and Pulpit in Medieval England. Oxford, 1961.
- Ozment S.* When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe. Cambridge, Mass., 1983.
- Pantin W.A.* The English Church in the Fourteenth Century. Cambridge, 1955.
- Paoli U.E.* Rome: Its People, Life, and Customs / Transl. R.D. Macnaghtan. New York, 1963 (1-oe изд. — 1940).
- The Paston Letters / N.Davis. Oxford, 1971. Vol. 1—2.
- The Paston Letters, A.D. 1422—1509 / J.Gairdner. New York, 1965. Vol. 1—6 (1st ed. London, 1900; rev. ed. 1904).
- Pathways to Medieval Peasants / J.A.Raftis. Toronto, 1981.
- Pimsler M.* Solidarity in the Medieval Village? The Evidence of Personal Pledging at Elton, Huntingdonshire // Journal of British Studies. 1977. Vol. 17. P. 1—11.
- Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge, 1968. 2nd ed. Vol. 1—2.
- Pollock L.A.* Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1500 to 1900. Cambridge, 1983.
- Polyptych de l'Abbaye de Saint Germain-des-Prés / A.Longnon. Paris, 1886—1895.
- Pomeroy S.* Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Classical Antiquity. New York, 1975.
- Poupardin R.* Généalogies angevines du XIe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'école française de Rome. 1900. T. 20. P. 199—208.
- Powicke F.M.* Guy de Montfort (1265—1271) // Transactions of the Royal Historical Society. 1935. Ser. 4. Vol. 18. P. 1—23.
- Prothero G.W.* The Life of Simon de Montfort, Earl of Leicester. London, 1877.
- Raftis J.A.* Changes in an English Village after the Black Death // Mediaeval Studies. 1967. Vol. 29. P. 158—177.
- Raftis J.A.* Social Structure in Five East Midland Villages: A Study of the Possibilities in the Use of Court Roll Data // Economic History Review. 1965. 2nd Ser. Vol. 18. P. 83—100.
- Raftis J.A.* Tenure and Mobility: Studies in the Social History of the Mediaeval English Village. Toronto, 1964.
- Raftis J.A.* Warboys: Two Hundred Years in the Life of an English Mediaeval Village. Toronto, 1974.
- Razi Z.* The Erosion of the Family Land Bond in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries: a Methodological Note // Land, Kinship, and Life Cycle / R.M.Smith. Cambridge, 1986. P. 295—304.
- Razi Z.* Life, Death, and Marriage in a Medieval Parish: Economy, Society, and Demography in Halesowen, 1270—1400. Cambridge, 1980.

- Le Régistre d'Inquisition de Jacques Fournier, évêque de Pamiers (1318—1324) / Ed. et trad. J.Duvernoy. Toulouse, 1965—1978. T. 1—3.
- Riché P.* Daily Life in the World of Charlemagne / Transl. J.A.McNamara. Philadelphia, 1978.
- Riché P.* Education and Culture in the Barbarian West, Sixth Through Eighth Centuries / Transl. J.J.Contreni. Columbia, S.C., 1976.
- Ring R.R.* Early Medieval Peasant Households in Central Italy // Journal of Family History. 1979. Vol. 4. P. 2—21.
- Robertson A.J.* Anglo-Saxon Charters. Cambridge, 1956.
- Li Romans de Garin le Loherain. Paris, 1832—1838. T. 1—2 (repr.: Geneva, 1969).
- Roncière Ch.M. de la.* Une famille florentine au XIVe siècle: les Veluti // Famille et parenté dans l'Occident médiéval / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977. P. 227—248.
- Rosenthal J.T.* Marriage and the Blood Feud in 'Heroic' Europe // British Journal of Sociology. 1966. Vol. 17. P. 133—144.
- Ross J.B.* The Middle Class Child in Urban Italy, Fourteenth to Early Sixteenth Century // The History of Childhood / L.DeMause. London, 1976. P. 183—228.
- Rossiaud J.* Prostitution, Sex, and Society in French Towns in the Fifteenth Century // Western Sexuality: Practice and Precept in Past and Present Times / Ph.Ariès, A.Béjin. London, 1985. P. 76—94.
- Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957. Vol. 1—2.
- Russell J.C.* Late Ancient and Medieval Population Control. Philadelphia, 1985.
- Sawyer P.H.* Anglo-Saxon Charters. London, 1968.
- Scammel J.* Freedom and Marriage in Medieval England // Economic History Review. 1974. 2nd Ser. Vol. 27. P. 523—537.
- Schevill F.* The Medici. New York, 1949.
- Schmid K.* Neue Quellen zum Verständnis des Adels im 10. Jahrhundert // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1960. Bd. 108. S. 185—232.
- Schmid K.* The Structure of the Nobility in the Earlier Middle Ages // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century / T.Reuter. Amsterdam, 1978. P. 37—59.
- Schmid K.* Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel. Vorfragen zum Thema // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1957. Bd. 105. S. 1—62.
- Searle E.* Seigneurial Control of Women's Marriage: The Antecedents and Function of *Merchet* in England // Past and Present. 1979. Vol. 82. P. 3—43.
- Self and Society in Medieval France: The Memoirs of Abbot Guibert of Nogent / J.F.Benton. New York, 1970.

- Sheehan M.M.* Choice of Marriage Partner in the Middle Ages: Development and Mode of Application of a Theory of Marriage // Studies in Medieval and Renaissance History. 1978. Vol. 11. P. 4—15.
- Sheehan M.M.* The Formation and Stability of Marriage in Fourteenth-Century England: Evidence of an Ely Register // Medieval Studies. 1971. Vol. 32. P. 228—263.
- Sheehan M.M., Scardellato K.* Family and Marriage in Medieval Europe: A Working Bibliography. Vancouver, 1976.
- Shore M.F.* The Child and Historiography // Journal of Interdisciplinary History. 1976. Vol. 6. P. 495—505.
- Shorter E.* The Making of the Modern Family. New York, 1975.
- Sisam K.* Anglo-Saxon Royal Genealogies // Proceedings of the British Academy. 1953. Vol. 39. P. 287—346.
- Smith R.M.* Families and Their Land in an Area of Partible Inheritance: Redgrave, Suffolk, 1260—1320 // Land, Kinship, and Life Cycle / R.M.Smith. Cambridge, 1986. P. 135—195.
- Smith R.M.* Kin and Neighbours in a Thirteenth-Century Suffolk Community // Journal of Family History. 1979. Vol. 4. P. 219—256.
- Somerville C.J.* Toward a History of Childhood and Youth // Journal of Interdisciplinary History. 1972. Vol. 3. P. 439—447.
- Soranus.* Gynecology, I, 19—20 / Transl. O.Temkin // Women's Life in Greece and Rome. Baltimore, 1982.
- A Source Book for Medieval Economic History / R.C.Cave, H.H.Coulson. New York, 1936.
- Stafford P.* Sons and Mothers: Family Politics in the Early Middle Ages // Medieval Women / D.Baker. Oxford, 1978. P. 79—100.
- Stafford P.* Queens, Concubines, and Dowagers: The King's Wife in the Early Middle Ages. Athens, Ga., 1983.
- Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // American Historical Review. 1985. Vol. 90. P. 813—836.
- Stevenson K.* Nuptial Blessings: A Study of Christian Marriage Rites. New York. 1983.
- Stone L.* The Family, Sex, and Marriage in England, 1500—1800. New York, 1979.
- Stuckert H.M.* Corrodies in the English Monasteries: A Study in English Social History of the Middle Ages. Philadelphia, 1923.
- Suetonius.* The Lives of the Twelve Caesars / J.Gavorse. New York, 1931.
- Sussman G.D.* The End of the Wet-Nursing Business in France, 1874—1914 // Family and Sexuality in French History / R.Wheaton, T.K.Hareven. Philadelphia, 1980.
- Tacitus.* Germania // Tacitus. The Agricola and the Germania / Transl. H.Mattingly, revised by S.A.Handford. Harmondsworth, 1948.
- Tavard G.H.* Women in Christian Tradition. Notre Dam, Ind., 1973.
- Thirsk J.* The Common Fields // Past and Present. 1964. Vol. 29. P. 11—14.

- Thirsk J.* The Family // Past and Present. 1964. Vol. 27. P. 116—122.
- Thirsk J.* The Origin of the Common Fields // Peasants, Knights, and Heretics. Cambridge, 1976. P. 51—56.
- Thompson E.A.* The Visigoths in the Time of Ulfila. Oxford, 1966.
- Thompson E.P.* Happy Families: Review of Lawrence Stone, *The Family, Sex, and Marriage in England, 1500—1800* // New Society. 1977. P. 499—501.
- Thrupp S.* The Merchant Class of Medieval London, 1300—1500. Ann Arbor, 1948.
- Titow J.Z.* Medieval England and the Open-Field System // Peasants, Knights, and Heretics. Cambridge, 1976. P. 33—50.
- Todd M.* Everyday Life of the Barbarians: Goths, Franks, and Vandals. London, 1972.
- Trexler R.C.* The Foundlings of Florence, 1395—1455 // History of Childhood Quarterly. 1973. Vol. 1. P. 259—284.
- Trexler R.C.* Infanticide in Florence: New Sources and First Results // History of Childhood Quarterly. 1973. Vol. 1. P. 98—116.
- Trotula of Salerno.* The Diseases of Women (Passionibus mulierum curandorum) / Transl. E.Mason-Holt. Los Angeles, 1940.
- Trumbach R.* Europe and Its Families: A Review Essay of Lawrence Stone, *The Family, Sex, and Marriage in England, 1500—1800* // Journal of Social History. 1976. Vol. 13. P. 136—143.
- Vercauteren F.* A Kindred in Northern France in the Eleventh and Twelfth Centuries // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century / T.Reuter. Amsterdam, 1978. P. 87—103.
- Veyne P.* Homosexuality in Ancient Rome // Western Sexuality: Practice and Precept in Past and Present Times / Ph.Ariès, A.Béjin. London, 1985. P. 26—35.
- Vita B.* Petri Damiani per Joannem monachem eius discipulum // Patrologiae cursus completus. Ser. Lat. T. 144.
- Walker S.S.* Widow and Ward: The Feudal Law of Child Custody in Medieval England // Women in Medieval Society / S.Mosher Stuard. Philadelphia, 1976. P. 159—172.
- The Wanderer* / Transl. E.Morgan // Medieval Age / A. Flores. New York, 1963.
- Watkins R.N.* Petrarch and the Black Death: from Fear to Monuments // Studies in the Renaissance. 1972—1973. Vol. 19—20. P. 196—220.
- Weinberger S.* Peasant Households in Provence, c. 800—1000 // Speculum. 1973. Vol. 48. P. 247—257.
- Wemple Fonay S.* Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia, 1981.
- Werner K.F.* Important Noble Families in the Kingdom of Charlemagne — a Prosopographical Study of the Relationship Between King and Nobility in the Early Middle Ages // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century / T.Reuter. Amsterdam, 1978. P. 137—185.

- Werner K.F.* Liens de parenté et noms de personne: un problème historique et méthodologique // *Famille et parenté dans l'Occident médiéval* / G.Duby, J.Le Goff. Roma, 1977. P. 24—34.
- Western Sexuality: Practice and Precept in Past and Present Times / Ph.Ariès, A.Béjin. London, 1985.
- Wheaton R.* Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household // *Journal of Interdisciplinary History*. 1975. Vol. 5. P. 601—628.
- Whitelock D.* The Beginnings of English Society. London, 1952.
- Wollasch J.* Eine adlige Familie des frühen Mittelalters, Ihr Selbstverständnis und ihre Wirklichkeit // *Archiv für Kulturgeschichte*. 1957. Bd. 39. S. 150—188.
- Women in Medieval Society / S.Mosher Stuard. Philadelphia, 1976.
- The Women of England from Anglo-Saxon Times to the Present / B.Kenner. Hamden, Conn., 1979.
- Women of the Medieval World: Essays in Honor of John H.Mundy / J.Kirshner, S.F.Wemple. London, 1985.
- Worship Fr.* Account of a MS Genealogy of the Paston Family // *Norfolk Archaeology*. 1855. Vol. 4. P. 1—55.
- Ziegler Ph.* The Black Death. London, 1969.
- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь в прошлые века. Екатеринбург, 1999.
- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / В.В.Эрлихман. СПб., 2001.
- Беовульф / Пер. В.Тихомирова // *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*. М., 1975.
- Боккаччо Дж.* Декамерон / Пер. Н.Любимова. М., 1989.
- Григорий Турский.* История франков. X.27 / Изд. подгот. В.Д.Савукова. М., 1987.
- Данте Алигьери.* Новая жизнь. Божественная комедия / Пер. А.Эфроса, М.Лозинского. М., 1967.
- Ле Руа Ладюри Э.* Монгайю, окситанская деревня (1294—1324). М., 2001.
- Марциал Марк Валерий.* Эпиграммы / Пер. Ф.Петровского. М., 2000.
- Петрарка Ф.* Лирика. Автобиографическая проза / Сост. Н.Томашевский. М., 1989.
- Светоний Транквилий Гай.* Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л.Гаспарова. М., 2001.
- Скиталец // *Древнеанглийская поэзия* / Изд. подгот. О.А.Смирницкая и В.Г.Тихомиров. М., 1982.
- Тацит Корнелий.* Германия // *Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах*. Изд. подгот. А.С.Бобович, Я.М.Боровский, М.Е.Сергиенко. Л., 1969.
- Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях / Изд. подгот. В.О.Горенштейн, М.Е.Грабарь-Пассек, С.Л.Утченко. М., 1975.
- Ювенал.* Сатиры / Пер. Ф.А.Петровского. СПб., «Алетейя», 1994.

Указатель личных имен

- Август, римский имп. (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) 25, 27, 29, 32—34, 37
Августин бл., еп. Иппонийский (354—430) 47—51, 75, 151, 317
Августин, миссионер у англо-саксов, еп. Кентерберийский (ум. ок. 604) 64, 117
Авраам, библ. 70
Агемберт, знатный франк 104
Агинетти Лена, двоюродная сестра Лапо де Сиригатти 287
Агриппина, племянница имп. Клавдия 31
Адам, библ. 92, 115, 116, 142, 149
Адвентий (IX в.), еп. Метцкий 105
Аделе, жена Арнульфа, графа Фландрского 143
Адилеупа, дочь крестьянина из Фарфы 84, 89
Адо, сын крестьянина из Фарфы 83, 89
Адриан, римский имп. (117—138 гг. н.э.) 30
Адриан II, папа римский (867—872) 106
Айделинда, крестьянка из Фарфы 85
Алейн Вильям, англ. крестьянин 184
Александр III, папа римский (1159—1181) 153, 170, 203, 254
Альберти Леон Баттиста (1404—1472), итальянский ученый-гуманист 288, 290, 298—300, 308, 310
Альбицци, флорентийский род 290
Альтовита, флорентийский род 289
Альфред Великий, уэссекский, затем англ. король (871—899) 112, 114—116, 118, 125, 127
Амаларих, король вестготов (507—531) 62
Амвросий св. (340—397) 51
Амилак Бартелеми, священник в Монтайю 201
Амори де Монфор, сын Симона де Монфор II 209
Анри Бурбург, отец Беатрис 207
Ансельм св. (1033—1109), архиеп. Кентерберийский 225, 226, 310
Антоний, крестьянин из Фарфы 84
Антонио, флорентийский нотариус 292
Аргентайн Джон (XIV в.), англ. землевладелец 205, 206
Арегунда (сер. VI в.), жена Хлотаря I 73
Арнуль Ардрский 158, 207
Арнульф, граф Фландрский 143
Арсен Раймон, крестьянин из Монтайю 216
Арьес Ф. (Arius Ph.) 11, 19, 21, 22, 214, 309, 313
Ассер (ум. в 909), англ. хронист 118, 127
Аткин Бартоломей (ум. в 1500), англ. крестьянин 258
Аткин Джон, сын Бартоломея Аткина 258
Аудерада, крестьянка из Фарфы 85
Аутари, крестьянин из Фарфы 83, 89

- Бай Сибил, крестьяника из Монтайю 198
 Балдуин I Железная Рука (IX в.), граф Фландрский 143
 Балдуин II (ум. в 918), граф Фландрский 143
 Балдуин, граф Гвинский 158
 Балтхильд (перв. пол. VII в.), жена Хлодвига II 65
 Барбо Томас, англ. крестьянин 253
 Барли, англичанка 271
 Барли, флорентийский линьяж 289
 Бартоломей Английский (XIII в.), францисканский монах, ученый 213, 216—218
 Беатрис, наследница замка Бурбург, жена Арнуля Ардрского 207
 Беге Ламберт (XII в.), основатель движения бегинок 159
 Бего, брат Гарена Лотарингского 144
 Беда Достопочтенный (ок. 673—735 гг.), англ. ученый 111, 114, 118, 121, 123, 124
 Белибаст Гийом, катарский «перфект» в Монтайю 199, 200
 Бело Раймонда см. Клерже Раймонда 199, 311
 Бело Раймон, крестьянин из Монтайю 197
 Бен-Амми, библи., сын Лота 116
 Бене Гийом, крестьянин из Монтайю 220
 Бене Жан, крестьянин из Монтайю 197
 Бенедикт св. Нурсийский (480—550), реформатор монашества 133
 Бенедикт III, папа римский (855—858) 106
 Бенеит Вальтер, англ. крестьянин 194
 Бенеит Джон, англ. крестьянин 194
 Бенит Элис (нач. XIV в.), англ. арендаторша 177, 184
 Бенит Эмма, англ. арендаторша 184
 Бениты, семья англ. арендаторов 176
 Бентли Агнес, англ. крестьянка 256, 257
 Бентли Элис, дочь Агнес Бентли 256
 Беовульф, герой одноименной англо-саксонской эпической поэмы 112, 121, 124
 Бересфорд Агнес (ум. в 1372), жена Джона Аргентайна, затем Джона Нарфорда и Джона Мотрейверса 205, 206
 Берри Агнес см. Пастон Агнес
 Бернар (Бернар Плантевелю ?), сын Бернара Септиманского и Дуоды 91, 93
 Бернар Плантевелю (сын Бернара Септиманского и Дуоды ?) 93
 Бернар Септиманский (ум. в 844), франкский аристократ 89, 90, 91, 93, 94, 100
 Бернардино (XV в.), проповедник из Сиены 293, 296, 297, 299—302
 Бёрнелль (XIII в.), англ. еп. 207
 Берри, герцог 249
 Берта Фрисландская (вт. пол. XII в.), жена Филиппа I Французского 148—150
 Бертегунда; сестра еп. Бертрамна 62
 Бертрада (вт. пол. XII в.), жена графа Анжуйского и любовница Филиппа I Французского 148—150
 Бертрамн, еп. Бордо 62

- Бибула, персонаж эпиграммы Ювенала 34
 Бигод (XIII в.), граф Норфолкский 208
 Бидун Джон де, англ. аристократ 205
 Бланш (ум. в 1362), жена Джона Гонта, графиня Лестерская 210
 Боккаччо Джованни (1313—1375), итал. писатель-гуманист 236, 296, 316
 Болейн Элис, англ. дворянка 270
 Болето Джардиния (XIII в.), генуэзская аристократка 166
 Бонифаций св. (ок. 672—754) 97, 98, 107, 118, 150
 Босо (сер. IX в.), итал. граф 106, 107, 110
Брандидж Дж.А. (Brundage J.A.) 313
 Браутон Джон, англ. арендатор 185
 Браутон Томас, англ. крестьянин 186
 Бретендон Джон, англ. крестьянин 188
 Брид Томас, англ. арендатор 191
Бриттон Э. (Britton E.) 179, 180, 185
 Брихтрик, знатный англо-сакс 120
 Броук Джоан 255, 256
 Бруз Марджери см. Пастон Марджери
 Бруз Томас, отец Марджери Пастон 271—273
 Бруз Элизабет, мать Марджери Пастон 271—273
 Брунгильда (ум. в 613), франкская королева 79
 Брунеллески Филиппо. (1377—1446), итал. архитектор 301
 Бурдун Гильберт, позднее Гильберт ле Вите, англ. крестьянин 182
Бушар К.Б. (Bouchard C.B.) 140, 142
 Бьюмон, англо-нормандская аристократическая семья 208

Вайнбергер С. (Weinberger S.) 87
 Вальгрейв, англ. дворянка 271, 272
 Вальдрада (IX в.), наложница Лотаря II 100, 101, 104—106
 Вард Джон ле, англ. крестьянин 252
 Ваттрело Ламберт де, франц. аристократ, мемуарист 158, 159
 Веджо Маттео (XV в.), итал. поэт-гуманист 297, 310
 Веллинг Саймон, англ. крестьянин из Вимондама (Норфолк) 259
 Вергилий Марон Публий (70—19 до н.э.), римский поэт 255
Вернер К.Ф. (Werner K.F.) 139
 Виллани Джованни (ум. в 1348), флорентийский хронист и государственный деятель 298
 Вилфрид, еп. (нач. VII в.) 121
 Вильгельм I Завоеватель (1028—1087), король Англии (с 1066) 203, 208
 Вильгельм II Рыжий (ок. 1060—1100), король Англии (с 1087) 203
 Вильям ате Хейкрофт, англ. арендатор 177
 Винфлэд, англо-саксонская женщина 120
 Витгер, монах аббатства Сен-Бертен в Сент-Омере 143
 Витинг Джон (ум. в 1407), крестьянин из Вимондама (Норфолк) 259
 Витинг Джон, англ. землевладелец 259

- Водан, бог древнегерманского пантеона 115, 143
 Вулфвару, женщина из Сомерсета 119
 Вульфрик, знатный англо-сакс 120
 Вэлхтеов, легендарная королева данов, жена Хродгара 121
- Гален (129—199), греческий врач 317
 Галсвинта (конец VI в.), сестра Брунгильды, жена Хильперика 65, 73
 Гарен Лотарингский, герой одноименной франц. песни о деяниях 144
 Гару, сын Лебо (X в.), управляющий замком 138
 Гару (нач. 900-х гг.), управляющим замком 138
 Гаусельм, брат Бернара Септиманского 91, 94
 Гваинери Антоний (XV в.), профессор медицины в университете в Павии 317
 Гвиберт Ножанский (1053 — ок. 1124), франц. хронист и церковный деятель 227—230, 310
 Гвиборг (IX в.), мачеха Бернара Септиманского 94
 Гвинебо (X в.), управляющим замком 138
 Гвинесы, графы 157, 158, 207, 214, 312
 Генри Сара, англ. крестьянка 186
 Генрих II (1133—1189) Плантагенет, англ. король (с 1154) 154, 159
 Генрих III (1207—1272), англ. король (с 1216) 209, 210
 Генрих IV (1050—1106), герм. король (с 1056), имп. (с 1084) 149
 Генрих, сын Симона де Монфор III 210
 Генрих (вт. пол. XIII в.), сын Эдмунда Гнутая Спины, граф Лестерский 210
 Герберга, сестра Бернара Септиманского 91, 94
 Герман св. (ум. в 576 г.), еп. Парижский 65
 Гийом I Благочестивый (886—918), герцог Аквитанский 93
 Гийом из Геллона (Гийом Оранжевый, св. Гийом Пустынник) (ум. в 812), граф Тулузы 89, 94, 95
 Гийом Оранжевый см. Гийом из Геллона
 Гийом, сын англ. аристократа, позднее франц. маршал 158, 159
 Гийом (ум. в 849), сын Дуоды и Бернара Септиманского 89—95
 Гийом (сер. XIII в.), сын марсельского юриста 223
 Гильберт Агнес, англ. крестьянка 187
 Гильберт Вильям, англ. крестьянин 187, 188
 Гиппократ из Коса (ок. 460 — ок. 370 до н.э.), греч. врач 35, 51
 Гиральд Камбрейский (1147—1223), англ. церковный деятель и писатель 214, 216
 Годвине, знатный англо-сакс 120
 Гоццоли Беноццо (1420—1497), итал. живописец 319
 Грациан Франциск (кон. XI в. — до 1150) 148, 151—154, 169, 231, 254, 311—313
 Грей Гарри, племянник лорда Грея 276
 Грей, лорд 276
 Грене Джоан, дочь Джона Грене 251
 Грене Джон, англ. арендатор 251

- Грене, семья английских арендаторов в Каксхэме 251, см. также
 Джон ате Грене, Роберт ате Грене
 Григорий I Великий, папа римский (590—604) 64, 65, 75, 76, 78,
 117
 Григорий Флоренций Георгий, еп. Турский (538—594) 59—63,
 65, 67, 69, 72, 73, 75, 76, 79, 111, 310
 Гуго, еп. Линкольнский (1140—1200) 217, 310
Гуди Дж. (Goody J.) 96, 97
 Гундульв, двоюродный дед Григория Турского 63
 Гунтер (IX в.), архиеп. Кельнский 101, 107
 Гунтрамн (525—593), франкский король 62, 79
 Гутенберг И. (ок. 1399—1468), нем. первопечатник 281
 Гутта, крестьянка из Фарфы 84, 89
- Дагоберт I, франкский король (623—638) 65
 Дадли Кэтрин (XV в.), англичанка 270
 Даниил, библ. 51
 Данте Алигьери (1265—1321), итал. поэт 255, 291
 Дати Грегорио, флорентийский торговец шелком 290
 Датини Маргерита (XIV в.), жена Франческо Датини 299
 Датини Франческо (XIV в.), купец из Прато 236, 291
Де Виндт Э. (De Windt A.) 182, 251
ДеМос Л. (DeMause L.) 19, 20
 Джефффри из Сомертона (XIV в.), англ. юрист 263
 Джоан (ум. в 1237), дочь Иоанна Английского и Изабеллы Ан-
 гулемской 222
 Джон ате Грене (нач. XIV в.), англ. арендатор 176, 251
 Джон ате Хеде (Hethe), позднее Джон ате Hethemill 182
 Джон Гонт (1340—1399), герцог Ланкастерский 210
 Джон, англ. крестьянин 257
 Джон, владелец манора в Векфилде, Англия 187
 Джон, сын Раннульфа 251
 Джоп Адам, англ. крестьянин 194
 Джоп Базилия, англ. крестьянка 194
 Джоп Джон Младший, англ. крестьянин 194
 Джоп Джон Старший, англ. крестьянин 194
 Джоп Изабел, англ. крестьянка 194
 Джоп Кристина, англ. крестьянка 194
 Джоп Ричард, англ. крестьянин 194
 Джоп Элис, англ. крестьянка 194
 Джулиана, дочь Филипа Томпкинса 240
 Дидона, героиня поэмы Вергилия Энеида 255
 Дизраэли Б. (1804—1881), англ. государственный деятель 318
Диллард Х. (Dillard H.) 167, 168
 Дионисий св. 61
 Доменичи Джioванни 300
 Дульциций, ребенок 74
 Дуода (сер. IX в.), жена Бернара Септиманского, автор Руковод-
 ства 81, 89—95, 100, 312
Дюби Ж. (Duby G.) 12, 57, 135—137, 141, 142
Дюбулэ Ф.Р.Х. (DuBoulay F.R.H.) 204

Екатерина Клевская 249
Енос, библия 116

Жак де Витри (1180—1254), французский хронист 311
Жан де Венетт (XIV в.), французский хронист 242, 244
Жерве, герцог Метцский 133, 134
Жоффре Мартел, французский аристократ 144
Жоффре Шато-Ландон, отец Фулька Рехина, графа Анжуйский 144
Журден I (вт. пол. XI в.), нормандский принц Капуи 149, 151

Иаред, библия 116
Иво, епископ Шартрский 148—150
Иероним св. (ок. 331—420 гг.) 49, 96, 108, 149, 171, 317
Изабелла Ангулемская (ум. в 1246), жена Иоанна Английского 222
Иисус Христос 25, 48, 50—52, 76, 93, 98, 109, 110, 115, 116, 217, 249, 276, 314
Ингеборг Датская, жена Филиппа II Августа 154
Ингильтруда, жена Босо 106, 107
Инграм Ричард 187
Ингунда (сер. VI в.), жена Хлотаря I 73
Ине, король Уэссекса (688—726) 122
Иннокентий III, папа римский (1179—1180) 155
Иньюриоз, юноша из senatorской семьи Клермон-Феррана 76
Иоанн (1166—1216), английский король (с 1199) 209, 222
Иоанн, епископ Беверлийский 121
Иоанн из Лоди, автор жития Петра Дамиани 226
Иоанн Креститель, библия 64
Иоанн Солсберийский (ок. 1115—1180), английский ученый 224
Иов, библия 74
Иосиф, библия 94, 153, 249
Ирод, царь Иудейский (37—44 до н.э.) 64, 74
Исаак, комментатор Павла (IV в.), 66

Каинан, библия 116
Калле Ричард, бейлиф Пастонов, муж Марджери Пастон 277—279
Калторп Вильям, английский лорд 267
Кальвин Ж. (1509—1564), деятель Реформации 314
Камилла, генуэзское семейство 163
Кант Жан и Кателина (XIV в.), супруги из Гента 315
Каппелан Андреас 316
Карл Великий (742—814), франкский король (с 768), имп. (с 800) 81, 89, 90, 100, 102, 143
Карл II Лысый (ум. в 877), франкский король (с 840), имп. (с 875) 91—93, 102, 103, 105
Карл Мартел (ок. 688—741), правитель Франкского государства 133, 134
Каролинги, династия франкских королей 81, 96, 100, 143
Кателин Агнес, английский арендатор 184

- Катон Марк Порций из Утики (95—46 гг. до н.э.), римский государственный деятель 33
 Кент Томас, сын Элизабет Рендал 251
 Клавдий, римский имп. (41—54 гг. н.э.) 31
Клапш-Зубер К. (Klapisch-Zuber Chr.) 12, 283, 288, 293, 301
Кларк Э. (Clark E.) 258
 Клер Роберт, двоюродный брат Маргарет Пастон 267
 Клерже Бернар, бейлиф в Монтайю 197—199, 311
 Клерже Гийемет, крестьянка из Монтайю 198, 216
 Клерже Гийом, крестьянин из Монтайю 198
 Клерже Пьер, священник из Монтайю 196—200, 302
 Клерже (Бело) Раймонда, жена Бернара Клерже 199, 311
 Клерже Эскармона, крестьянка из Монтайю 198
 Клоптон Джон, англ. сквайр 276
 Книвет, англичанин 276
 Кнут Великий (ум. в 1035), англ. (с 1016), датский (с 1019), норвежский (с 1028) король 114, 119, 122, 126
 Колумбан св. (ок. 600), автор Пенитенциалия 75, 77, 78
 Константин I Великий (ок. 285—337), римский имп. (306—337) 36—38, 51
 Корсини Маттео ди Никколо, флорентиец 245
Коулмен Э. (Coleman E.) 86
 Крейн Вальтер, англ. арендатор 185
 Крейн Роберт, англ. арендатор 185
 Крейн Саймон, англ. арендатор 185
 Кросби, англичанин 270
 Кунегунда (IX в.), мать Бернара Септиманского (?) 94
 Кутберт св. (ум. в 687), 123—125, 127

 Лав Джон, англ. землевладелец 256, 257
 Ламберт Ардрский (ок. 1200), хронист 157, 214
 Ламех, библ. 116
 Ланфранк (ум. в 1089), архиеп. Кентерберийский 225
Ласлетт П. (Laslett P.) 12, 15, 83
 Лачдикон Джон, англ. барон 205
Ле Плэ Ф. (Le Play Fr.) 11, 15, 185, 193, 309
Ле Руа Ладюри Э. (Le Roy Ladurie E.) 195
 Лебо (X в.), сын Гару, управляющий замком 138
 Лев IX, папа римский (1049—1054) 148
 Лев I Великий, папа римский (440—461) 51, 52
Лев М. Дж., Младший (Levy M.J., Jr.) 15
 Лекавелла Мавилия (XIII в.), генуэзская аристократка 166
Ленгер В. Л. (Langer W.L.) 318
 Ленгленд Вильям (ок. 1330 — ок. 1400), англ. поэт 281
 Леовигильд (ум. в 586 г.), король визиготов 64
 Лето, граф Маконнэ (кон. IX в.) 137
 Лето, граф Маконнэ (X в.), сын Обри Нарбоннского 137
 Ливий Тит (59 до н.э. — 17 н.э.), римский историк 299
 Лидгейт Джон (ок. 1370 — ок. 1450), англ. поэт 281
 Лизье Гразид, крестьянка из Монтайю 200
 Лизье Пьер, крестьянин из Монтайю 200

- Лир, король, герой одноименной пьесы В.Шекспира 203
 Ловел Джон (XIII—XIV в.), англ. землевладелец 207
 Ловел Джон Младший (XIV в.), англ. землевладелец 207
 Лот, библ. 116
 Лотарь I (795—855), зап.-франкск. король, имп. (с 823) 91
 Лотарь II (825—869), король Лотарингии 100—102, 104—107, 110, 121
 Лузиньян Гуго IX 222
 Лузиньян Гуго Младший 222
 Лукреций Кар (98—53 гг. до н.э.), римский поэт и философ 36
 Людовик I Благочестивый (ум. в 840), франкский король и имп. (с 814) 89—91, 94, 100, 104
 Людовик II Немецкий (ум. в 876), вост.-франкск. король (840—876) 102, 105
 Людовик VII Младший (1137—1180), франц. король 154, 314
 Лютер М. (1483—1546), деятель Реформации 314—316
- Мавр Арно, крестьянин из Монтайю 197
 Мавр Бернар, крестьянин из Монтайю 197
 Мавр Гийом, крестьянин из Монтайю 197
 Мавр Пьер, крестьянин из Монтайю 197
 Мавр Раймон, крестьянин из Монтайю 197
 Маври Гийемет, жена Бернара Марти, крестьянина из Монтайю 198
 Маври Пьер, пастух из Монтайю 198
МакКленнан Дж. Ф. (McClennan J.F.) 10
 Маклиав, бретонец, еп. Ванна 72
 Макробий Амвросий Феодосий (род. ок. 400), римский писатель 32
МакФарлейн (McFarlane K.B.) 202, 203, 206, 280
 Малелеил, библ. 116
 Маргарет (1446—1503), сестра англ. короля Эдуарда IV, герцогиня Бургундская 268
 Марий Гай (156—86 до н.э.), римский полководец и политический деятель 35
 Мария, Богоматерь 103, 153, 217, 228, 249
 Мария, крестьянка из Фарфы 83
 Маруций, ребенок 74
 Марциал Марк Валерий (ок. 40—103 гг. н.э.), римский поэт 35
 Маршал Вильям I (ум. в 1219), граф Пемброкский 207, 209, 222
 Маршал Вильям II 211
 Маршалы, англ. аристократическая семья 208
 Матильда, жена Балдуина II, графа Фландрского 143
 Матильда, вдова Роберта Уорика 187
 Матфей, евангелист 50
 Матфей Парижский (ок. 1200 — после 1259), англ. хронист 208
 Мафусаил, библ. 116
 Маццеи Америго, сын Лапо Маццеи 235
 Маццеи Антония, дочь Лапо Маццеи 235
 Маццеи Лапо (XIV в.), итальянский купец 235, 236
 Маццеи Мартино, сын Лапо Маццеи 235

- Медичи Джиованни (1475—1521), сын Лоренцо Медичи 299
 Медичи Козимо (1389—1464) 310, 311, 319
 Медичи Контессина, дочь Лоренцо Медичи 299
 Медичи Лоренцо (1449—1492) 298, 299
 Медичи Луиза, дочь Лоренцо Медичи 299
 Медичи Лукреция, дочь Лоренцо Медичи 299
 Медичи Пьеро (1472—1503), сын Лоренцо Медичи 298
 Меркуцио, персонаж трагедии В.Шекспира Ромео и Джульетта 292
 Мерovej, легендарный основатель династии Меровингов 64
 Меровинги, династия франкских королей 100, 118, 120, 143
 Моав, библ., сын Лота 116
 Мод (XIII—XIV в.), племянница еп. Бёрнелля, жена Джона Ловела и Джона Хэдлоу 207
 Мод, дочь Вильяма Маршала I, жена Бигода, графа Норфолкского 208
 Мод, дочь Томаса Фитц Бернарда, жена Джона де Бидуна 205
 Моисей, библ., пророк 50, 315
 Молине, англ. лорд 264
 Монфор Симон де I (XII в.) 208, 211
 Монфор Симон де II (ок. 1150—1218) 208, 209
 Монфор Симон де III, граф Лестерский (ок. 1208—1265) 209, 210
 Монфор Симон де IV (вт. пол. XIII в.) 210
 Монфоры, англо-нормандская аристократическая семья 209, 217
Морган Л.Г. (Morgan L.G.) 11
 Морелли Джиованни (вт. пол. XIV в.), флорентийский купец 245, 290
 Морелли Паголо (XIV в.), флорентийский купец 245
 Мотби Маргарет см. Пастон Маргарет
 Мотрейверс Джон (XIV в.), англ. землевладелец 205
Мэйн Г. (Main G.) 11
Мэйтленд Фр.У. (Maitland F.W.) 175
 На Карминая, крестьянка из Монтайю 201
 На Рока, предводительница катаров в Монтайю 201
 Нарфорд Джон (XIV в.), англ. землевладелец 205
 Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37—68 н.э.), римский имп. (с 54) 74
 Николай I, папа римский (858—867) 105—107
Николас Д. (Nicholas D.) 12, 286
 Нил Кристина, англ. арендатор 184
 Нитхард (ок. 800—845), франкский хронист 91
 Ной, библ. 115, 116
 Нортхильда, франкская знатная дама 104
 Ноткер Заика (ок. 840—912), франкский хронист 90
 Оберт Висекомес (Висконти), генуэзский аристократ 162
 Оберт де Манесьяно, генуэзский аристократ 162
 Обертеньи, маркиз, генуэзец 160
 Обри Нарбоннский (X в.), граф Маконнэ 137

- Обри, граф Маконнэ (X в.), сын Лето 138
 Овидий Назон Публий (43 до н.э. — ок 18 н.э.) 37, 267
 Одилия св. 75
 Олборо Маргарет 275
 Оливье, персонаж франц. эпической поэмы Песнь о Роланде 139
 Омоне Элис, английская крестьянка 182
 Осви (ум. в 670), король Нортумбрии (с 651) 117
 Осиандер А. (1498—1552), деятель Реформации 315
 Остац Пьер, бейлиф из Орнолака 221
 Острид, нортумбрийская принцесса 114
 Оти Пьер, крестьянин из Монтайю 201
 Оулдман Агнес, англ. крестьянка 182
 Оулдманы, семья англ. арендаторов (XIII—XIV в.) 177
 Оулдхолл Вильям, англ. джентльмен 276
- Павел, апостол 48, 49, 66, 71, 72, 75, 76, 109, 110, 314, 316
 Павел Диакон (ок. 720 — ок. 799), лангобардский историк 224
 Палумб, крестьянин из Фарфы 84
 Пастон (Берри) Агнес, жена Вильяма Пастона 263, 266, 275, 276
 Пастон Беатрикс, жена Клемента Пастона 263
 Пастон Вильям (1378—1444), сын Клемента Пастона 263
 Пастон Вильям, сын Джона Пастона Старшего 266, 275
 Пастон Вульстан де, легендарный предок Пастонов 282
 Пастон Джон I Младший (ум. в 1479), сын Джона Пастона Старшего 266—274, 278—282, 313, 314
 Пастон Джон II Младший, сын Джона Пастона Старшего 266, 268—275, 277, 279, 280
 Пастон Джон Старший (1421—1466), сын Вильяма Пастона 263—266, 275—277, 279, 281, 282
 Пастон Катерин, вдова Вильяма Клиппсби, жена Эдмунда Пастона 274
 Пастон Клемент (сер. XIV в.), англ. крестьянин, основатель семьи Пастонов 262, 263
 Пастон Клемент, сын Вильяма Пастона 266
 Пастон Марджери, дочь Джона Пастона Старшего 267, 277—279
 Пастон (Бруз) Марджери, жена Джона II Пастона Младшего 271—274, 312
 Пастон (Мотби) Маргарет (ум. в 1484), жена Джона Пастона Старшего 263—270, 272—274, 276—279
 Пастон Уолтер, сын Джона Пастона Старшего 266, 274
 Пастон Эдмунд, сын Джона Пастона Старшего 266, 274, 275
 Пастон Элизабет, дочь Вильяма Пастона 275, 276
 Пастон Энн, дочь Джона Пастона Старшего 267, 277
 Пастоны, семья норфолкских крестьян, затем джентльменов 262, 263, 280, 282, 284, 304
 Патрик св. (390—460) 63, 66
 Пекке Генри (ум. в 1408), англ. крестьянин в Южном Элмхэме 259
 Пемпинг Джон, слуга в доме Пастонов 277
 Петр Дамиани (1007—1072) 226, 227

- Петр Ломбардец (ок. 1095—1160), философ и теолог 148, 152, 154, 203, 231, 254, 255
- Петр, апостол 119
- Петр, крестьянин из Фарфы 83
- Петрарка Франческо (1304—1374), итал. поэт 236, 237
- Пипин Короткий (714 или 715—768), франкский король (с 751) 97, 133
- Пипин II (ум. в 865), герцог Аквитанский 91, 93
- Планисоль Беатрис де, вдова кастеляна Монтайю 200, 201
- Плиний Младший (ок. 61 — ок. 113 гг. н.э.), римский писатель 48
- Пойнингс Роберт, муж Элизабет Пастон 276
- Поллок Л. (Pollock L.A.)* 20
- Псевдо-Исидор (нач. IX в.), автор Декреталий 98, 99
- Пьер Жакот, дочь Раймона и Сибил Пьер 221
- Пьер Раймон и Сибилл из деревни Арке 221
- Рабан Мавр (780— 856), аббат Фульды, теолог 99
- Рази З. (Razi Z.)* 240, 241, 243
- Раймонд (сер. IX в.), граф Тулузский 107, 108
- Раку (кон. IX в.), граф Маконнэ 137
- Раннульф (нач. XIII в.), писарь, англ. арендатор 251
- Ранульф, граф Честерский 209
- Раттула, крестьянка из Фарфы 84
- Рем, легендарный основатель Рима 28
- Рендал Джон (ум. в 1430-е гг.), англ. арендатор 251
- Рендал Ричард, позднее Рендольф, сын Джона Рендала 251, 252
- Рендал Элизабет, дочь Джона Рендала 251
- Риве Понс, крестьянин из Монтайю 201
- Риве Фабрисс, крестьянка из Монтайю 201
- Ригунта, франкская принцесса 68, 79
- Ринг Р.Р. (Ring R.R.)* 83, 85, 86, 308
- Ричард Корнуольский, брат Генриха III 209
- Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), англ. король (с 1189) 208
- Ричард Оулдман, позднее Ричард le Muleward, Ричард Le Mouper 182
- Ричард Томас, англ. крестьянин 240
- Ричард Томас, сын Ричарда Томаса и Джулианы 240
- Рише П. (Richy P.)* 224
- Робер де Куртиль (X в.), французский аристократ 136
- Роберт II (1087—1106), герцог Нормандский 203
- Роберт ате Грене (XIII в.), англ. арендатор 176, 177
- Роберт Волдраг, позднее Роберт Оулдман, англ. крестьянин 182
- Роберт Корбес 187
- Роберт Оулдман (нач. XIV в.), англ. арендатор 177
- Роберт Сервиенс (XIII в.), англ. арендатор 176
- Роберт Фитц Парнел (ум. в 1204), граф Бьюмон 208
- Роделди, крестьянка из Фарфы 84
- Роджерс Т. (Rodgers T.)* 250
- Роза, крестьянка из Фарфы 83
- Роланд, граф, герой франц. эпической поэмы Песнь о Роланде 139

- Романс Гумберт де (XIII в.), проповедник 260
 Ромул, легендарный основатель Рима 28
 Ротари (ок. 606—652), король лангобардов 68
Рэфтус Дж.А. (Raftis J.A.) 181, 182, 242, 243, 250
 Сабиниан, крестьянин из Фарфы 83
 Сакс, крестьянин из Фарфы 84
 Саксула, крестьянка из Фарфы 89
 Саллюстий Гай С. Крисп (86—35 до н.э.), римский историк 299
 Сало де Сейнелэ, позднее Сало де Буильи 140
 Самсон, библ. 149
 Самуил, библ. 51
 Сара ле Вите, англ. крестьянка 182
 Сара, библ. 70
 Сассетти Франческо (XV в.), генуэзский купец 318
 Светоний Гай С. Транквилл (ок. 70 — ок. 140), римский писатель 31
 Сенека Луций Анней Младший (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.), римск. философ, писатель 33, 38
Сёрл Э. (Searle E.) 183
 Сестер Джоан, англ. крестьянка 253
 Сет, библ. 116
 Сефф, англ. торговец шелком и бархатом 274
 Сибото IV; граф Фалькенштейн 155
 Сикр Арно, крестьянин из Монтайю 198
 Симпула, дочь крестьянина из Фарфы 83
 Синдольф, крестьянин из Фарфы 84
 Синдула, крестьянка из Фарфы 84
 Сиригатти Бернардо Никколини, сын Лапо де Сиригатти 303
 Сиригатти Бьяджо, сын Лапо де Сиригатти 287
 Сиригатти Джованни Никколини деи (ум. в 1381), отец Лапо де Сиригатти 283—285, 303
 Сиригатти Джованни, сын Лапо де Сиригатти 287, 292
 Сиригатти Катерина, вторая жена Лапо де Сиригатти 289
 Сиригатти Лапо ди Джованни Никколини де, флорентийский купец (ум. в 1430) 283—290, 292, 295, 302, 303
 Сиригатти Лапо, дед Лапо де Сиригатти 284
 Сиригатти Лоренцо, сын Лапо де Сиригатти 303
 Сиригатти Лукезе де (XIII в.), основатель семьи Сиригатти 284
 Сиригатти Монна, сестра Лапо де Сиригатти 287, 295
 Сиригатти Никколайо (ум. в 1417), сын Лапо де Сиригатти 287
 Сиригатти Никколайо, сын Джованни деи Сиригатти 285, 289
 Сиригатти Никколино, прадед Лапо де Сиригатти, торговец шелком 284
 Сиригатти Отто, сын Лапо де Сиригатти 303
 Сиригатти Паоло, сын Лапо де Сиригатти 303
 Сиригатти Филиппо, сын Джованни деи Сиригатти 285, 289
 Скейлз Томас, англ. лорд 268
 Скеф, легендарный прародитель датской королевской династии 115
 Скроп Стивен, пасынок Джона Фастолфа 275, 276
 Скутит Гизельбрехт де (XIV в.), кожевник из Гента 223

- Смит Агнес, англ. крестьянка 256, 257
 Снут Ральф 310
 Соломон, библ. 149
 Стерн Питер и Кэрол 20
 Стефан де Сейнелэ, позднее Стефан де Пьер-Пертуи 140
 Стефан, граф Овернский (сер. IX в.) 107, 108, 150
 Стивен Кузнец, англ. крестьянин 188
Стоун Л. (Stone L.) 12, 14, 20, 309
 Стреджапорко Друа (нач. XIII в.), генуэзская аристократка 165
 Стюарты, королевская династия в Шотландии и Англии 282
 Сулла Луций Корнелий (138—78 до н.э.), римский полководец и государственный деятель 33, 35
 Сэмпсон Томас, англ. крестьянин 243
- Тайлер Уот (ум. в 1381), вождь восстания в Англии 1381 г. 243
 Тацит Публий (?) Корнелий (ок. 56 — ок. 120 гг. н.э.), римский писатель 25, 39, 41—67
 Теодор, автор пенитенциалия (кон. VII в.) 65, 66, 70, 71, 75, 77, 78
 Теодорик, брат Бернара Септиманского 94
 Теуда, жена крестьянина из Фарфы 84
 Теудимунд, крестьянин из Фарфы 84
 Теутберга, жена Лотаря II 100—107
 Тибальт, персонаж трагедии В.Шекспира Ромео и Джульетта 292
 Тибулл Альбий (ок. 54 — ок. 19 г. до н.э.), римский поэт 36
 Товия, библ. 169
 Толл Джон, англ. крестьянин 256, 257
 Томас Бекет (1118—1170), архиеп. Кентрерберийский 224
 Томас, сын Эдмунда Гнутая Спина 210
 Томпкинс Филип, англ. крестьянин 240
 Торквемада Томас (ок. 1420—1498), глава исп. инквизиции 313
 Тотер Джон ле, англ. крестьянин 182
Trapp C. 223, 309
 Тротула (XII в.), преподавательница в медицинской школе Салерно 215, 217
 Тура Аньоло ди, житель Сиены 236
 Турия, римская матрона 35
 Тьерри, граф Отенский (сер. IX в.) 92
 Тюдоры, королевская династия в Англии 282
- Уитон Роберт 15
 Уитред (VII в.), король Кента 122
 Ульфила (ок. 311—383), готский еп. 47
 Урбан II, папа римский (1088—1099) 149
 Урбик, еп. Клермон-Феррана 72
 Уччелло Паоло (1397—1475), флорентийский художник 319
- Фабер Агнес, англ. крестьянка 187
 Фаррон, знатный франк 79
 Фастолф Джон (ум. в 1459), англ. лорд, владделец замка Кейстер 264, 268—270, 275—277, 279, 280, 282

- Фибоначчи Леонардо (Леонардо Пизанский) (1180—1240), итал. математик 299
 Филип ате Лове, англ. крестьянин 240
 Филипп I (ум. в 1108), франц. король (с 1060) 148, 149, 150
 Филипп II Август (1165—1223), франц. король (с 1180) 154, 155
 Филон Александрийский (ок. 25 до н.э. — до 50 н.э.), иудейско-эллинист. философ 48
 Финн, легендарный фризский вождь 114
 Финниан, автор Пенитенциалия 70, 75—77
 Фитцстинвен Вильям (кон. XII в.) 214
 Фитцуолтер, англичанин 271
 Фландрен Ж.-Л. (*Flandrin J.-L.*) 21, 316
 Фокс Робин 78
 Фома Санчес, исп. теолог 317
 Фра Анжелико (Джованни да Фьезоле) (1387—1455) 319
 Фредегар, франкский хронист 65
 Фредегонда (545—597), франкская королева 60, 73, 74, 79
 Фредо, крестьянин из Фарфы 84, 89
 Фрейд З. (*Freud S.*) 21
 Фузул, сын крестьянина из Фарфы 83
 Фульк I Рыжий (ум. в 941/942) 144
 Фульк II Добрый, граф (941/942—960) 144
 Фульк III Нерра (987—1040), граф Анжуйский 144
 Фульк IV Рехин (1068—1109), граф Анжуйский 144
 Фульк V (1109—1129), граф Анжуйский (с 1110) 150
- Хаммер К.И., Младший (Hammer C.I., Jr.)* 88
Ханавальт Б. (Hanawalt B.A.) 13, 216, 219, 220, 222, 223, 257, 258
 Хариберт 65, 73
 Хейкрофты, семья английских держателей 176
 Хелиас, сын Раннульфа 251
Хельмхольц Р.Х. (Helmholz R.H.) 317
 Хенгест, легендарный датский правитель 114
 Хериберт, брат Бернара Септиманского 91
 Хериман, франц. аристократ 143
Херлихи Д. (Herlihy D.) 12, 41, 86, 97, 144, 237, 245, 246, 283, 288, 302, 309
 Хигелак, легендарный король геатов, персонаж англо-саксонский поэмы Беовульф 112
 Хиддели Джон, англ. крестьянин 240
 Хиддели Том, англ. крестьянин 240
Хилтон Р.Х. (Hilton R.H.) 177, 243, 249
 Хильда, аббатиса в Уитби 123
 Хильдеберт I Старший (511—558), франкский король 62
 Хильдеберт II Младший (ум. в 595/596), франкский король (с 575) 64, 65, 67
 Хильдебург, легендарная датская принцесса 114, 124
 Хильдемер, англо-сакс 123
 Хильперик I (539—584), франкский король (с 561) 65, 73, 74, 79
 Хинкмар (ок. 806—882 гг.), архиеп. Реймский 102—104, 106—110, 121, 129, 148, 314, 316

- Хипкис Агнес, англ. крестьянка 252
 Хипкис Филип, англ. крестьянин 252
 Хлодвиг I, франкский король (481—511) 60, 61, 63
 Хлодвиг II, франкский король (638—657) 65
 Хлотарь I, франкский король (558—561) 64, 65, 73, 143
 Хлотарь II (584—629), франкский король 64
 Хлотхере (ум. в 685), король Кента (с 673) 123, законы и Эдрика
 Хлотхильда, сестра Хильдеберта I 62
 Хнаф, персонаж англо-саксонский поэмы Беовульф 114
 Хоббс Джон (перв. пол. XV в.), англичанин 266
 Хот Энн, мистрис 268, 269, 313
Хоуманс Дж. (Homan G.C.) 185, 193, 309
 Хредель, легендарный сын Хигелака 124
 Хродгар, легендарный король данов, персонаж англо-саксонский поэмы Беовульф 112, 127
 Хуберт Агнес, англ. крестьянка 184
 Хуберт, аббат, брат Теутберги 101, 103, 105
Хьюз Д. (Hughes J.) 68, 161, 164
 Хэдлоу Джон (XIII—XIV в.), англ. землевладелец 207
- Цвингли У. (1484—1531), деятель Реформации 313
 Цезарь Гай Юлий (ок. 100—44 гг. до н.э.) 25, 27, 33, 39, 41, 311
 Целестин III, папа римский (1191—1198) 155
 Цицерон Марк Туллий (106—43 до н.э.) 29, 36, 267, 299
- Челлини Бенвенуто (1500—1571), итал. скульптор 302
 Чертальядо Паоло да 298
 Чосер Джеффри (1340?—1400), англ. поэт 255
 Чэпмен Вальтер, англ. крестьянин 194
 Чэпмен Ральф, англ. крестьянин 194
- Шарп Джон 255, 256
 Шейл Уолтер, эконом 250
 Шекспир Уильям (1564—1616), англ. драматург и поэт 311
Шиэн М.М. (Sheehan M.M.) 154, 255
Шортер Э. (Shorter E.) 12, 19, 21, 309
Штёрмер В. (Steurmer W.) 140
- Эбертон (XV в.), лондонский драпировщик 270
 Эбертон Элизабет 270
 Эгвина, наложница Эдварда 118
 Эггтеов, отец Беовульфа 112
 Эггфрид, король Нортумбрии (670—685) 120, 121
 Эдбальд (ум. в 640), король Кента 118
 Эдвард Старший (ум. в 924), англ. король (с 899) 116—118
 Эдвиг (ум. в 959), англ. король (с 955) 118
 Эдвин, король Нортумбрии (616/617—633) 123
 Эдгар (ок. 944—975), англ. король (с 959) 118
 Эдмунд Гнутая Спина (1245—1296), эрл Ланкастерский, сын Генриха III 210
 Эдмунд (921—946), англ. король (с 939) 116

- Эдред (ум. в 955), англ. король (с 946) 116
Эдрик, король Кента (с 673) 123 (законы) и Хлотхере
Эдуард I (1239—1307), англ. король (с 1272) 207
Эйнхард (ок. 770—840), франкский хронист 90
Элвертон Вильям, муж Энн Пастон 277
Элеанор, сестра Генриха III, жена Симона де Монфор III 209, 210, 211
Элеанора Аквитанская (1122?—1204), наследница Аквитании, франц. (1137—1152) и англ. (1152—1189) королева 154, 314
Эльвира из Вилла Арменто 1270
Эльгиву, жена Эдвиги 118
Эльфвин, нортумбрийский принц 114
Эльфлэд, дочь Этхельма 117
Эльценциан и Палеста, родители ребенка Маруция 74
Эмма, дочь Роберта ле Клерка 187, 188
Энгельс Ф. (Engels Fr.) 21
Эней, герой поэмы Вергилия Энеида 255
Энфлэд (VII в.), нортумбрийская принцесса 117
Эрменгарда, мать Фулька Рехина, графа Анжуйского 144
Эсмейн А. (Esmein A.) 51, 99, 170
Этельбалд (ум. в 757), король Мерсии (с 716) 118
Этельбалд (сер. IX в.), король Кента 118
Этельбалд (ум. в 860), король Уэссекса, брат Альфреда 116
Этельберт (ок. 552—616), король Кента (с ок. 560) 112, 114, 118, 120, 125
Этельберт (ум. в 865), король Уэссекса и Кента, брат Альфреда 116
Этельвольд, сын Этельреда I 117
Этельвульф, король Уэссекса (839—858) 115, 117
Этельгиву, англо-саксонская женщина 120
Этельдрид, жена Эггфрида Нортумбрийского 120
Этельред I (ум. в 871), король Уэссекса и Кента (с 866) 116, 117
Этельред (ум. в 716), король Мерсии (674/675—704) 114
Этельстан (895—939), англ. король (с 926) 116
Этхельм, сын Этельреда I 117
- Ювенал Децим Юний (ок. 55—127 н.э.), римский поэт 34, 37
Юдифь, жена Людовика I Благочестивого 91, 100
Юдифь, жена Этельбалда Кентского 118
Юлиана, дочь Джона Сиббесона, английского крестьянина 186
Юлия, сестра Гая Юлия Цезаря 27
Юстиниан I (482—565), визант. имп. (с 527) 50, 150, 152

Оглавление

I. ИСТОКИ

<i>Глава 1.</i> Историки открывают семью	9
<i>Глава 2.</i> Корни: римские, германские, христианские	24

II. РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Глава 3.</i> Европейская семья: 500—700 годы	57
<i>Глава 4.</i> Эпоха Каролингов	81
<i>Глава 5.</i> Англо-Саксонская Англия	111
Брак и семья в 1000 году	129

III. ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Глава 6.</i> Семейная революция XI века	133
<i>Глава 7.</i> XII век: новые модели семьи	146
<i>Глава 8.</i> Крестьяне накануне Черной Смерти: 1200—1347 годы	173
<i>Глава 9.</i> Аристократические линьяжи: опасности примогенитур	202
<i>Глава 10.</i> Дети в эпоху высокого Средневековья	213
Брак и семья в 1300 году	231

IV. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Глава 11.</i> Последствия Черной Смерти	235
<i>Глава 12.</i> Позднесредневековая крестьянская семья: 1350—1500 годы	247
<i>Глава 13.</i> Семья английского джентльмена	262
<i>Глава 14.</i> Купеческая семья во Флоренции XV века	283
Брак и семья после Черной Смерти	304

V. КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Глава 15.</i> Наследие	307
Примечания	320
Библиография	349
Указатель личных имен	367

Фрэнсис и Джозеф Гис
БРАК И СЕМЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Художественное оформление А.Сорокин
Технический редактор В.Юрченко

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 04.12.2002.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 1500 экз.
Заказ № 7257

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6